

Предисловие

УДК 94(47+57)» 19»-057.36 ББК 68.41(2) М66

Матиясевич, Леонтий Михайлович.

В вихрях XX века / Л. М. Матиясевич. — М. : Русские Витязи, 2015. — 400 с. : ил. - ISBN 978-5-903389-95-7

Эта книга прежде всего о жизни и судьбах офицеров и командиров Русской Императорской армии и Красной Армии в мирное время, в годы войн, революции и эпохи диктатуры пролетариата. В значительной степени она основана на непосредственных рассказах активных участников этих событий, в том числе и членов семьи автора.

ISBN 978-5-903389-95-7
9785903389957

Адресованная прежде всего молодым людям, книга, содержащая многие неизвестные и малоизвестные документы и факты, будет интересна читателю любого возраста.

Все документы, представленные в книге, — из архива

автора.

Матиясевич Л.М., 2015 Фонд «Русские Витязи», 2015

Юрий Разумовский¹

КРУГИ ПАМЯТИ

Все, что было, бесследно не канет,
А вернется из прожитых дней:
Как живая вода, наша память -
Даже смерть отступает пред ней.

Чтобы вызвать ее из глубин,
Никакого не надо уменя -
Ты приходишь на берег один
И в прошедшее мечешь каменья.

И расходятся плавно круги -
Вот все шире они и все шире,
И в цветном, нестарющем мире
Оживают друзья и враги.

Они будут с тобою, пока
не угаснет дыханье и зренье
И покуда раздумий каменья
Поднимает и мечет рука.

---

¹ Юрий Разумовский — товарищ автора по учебе в институте и Военно-Воздушной Академии, сосед по фронту (2-й и 3-й Украинский Фронт) — после войны сменил погоны офицера на острое перо поэта, борца за Правду

Si vis pacem, para bellum («хочешь мира — готовься к войне»)
Корнелий Непот, римский историк
(94-24 годы до н. э.)

«У России два верных союзника - ее Армия и Флот. Все остальные при первой возможности сами ополчатся против нас»

Александр III

«Для молодого человека нет ничего более почетного, чем военный строй»

Полковник Э.А.Гайли, начальник Елисаветградского кавалерийского училища

Офицерам России
посвящается

От автора

В память о наших отцах
и матерях, старших братьях
и сестрах

Эта книга о людях, профессия которых требует от них чрезвычайно многого, вплоть до жизни, а престиж ее в обществе не всегда адекватен этим высоким требованиям.

Основой книги явились записки моего отца — Михаила Степановича Матиясевиича, офицера во втором поколении, активного участника трех войн.

Перечитав записки, заканчивающиеся событиями Февральской революции, я почувствовал, сколь сложна и многообразна профессия офицера — защитника Отечества, сколь мало мы знаем действительную историю не только страны, в которой родились и живем, но даже и историю, судьбу своих родных, близких людей. Появилось желание понять, в какой семье вырос отец, как сложилась его непростая судьба.

Я своего отца не знал. Когда родился, он еще был на фронте Первой мировой войны, потом на фронтах Гражданской войны, а в конце ее оставил мою маму и в дальнейшем имел другую семью. Знаю о нем из рассказов родных, фрагментов его личного архива, немногочисленных литературных публикаций и документов Российского Государственного военного архива. А в последнее время, неожиданно для меня, о нем появился ряд статей в Интернете. В основном приведенная в них информация мне известна; кое-что узнал новое, а в некоторых случаях обнаружил ошибки. Очевидно, эти статьи — проявление возросшего интереса к нашему сильно фальсифицированному прошлому, стремление найти правду, без которой у нас нет будущего.

Текст книги связан со многими великими событиями истории нашей страны. Но книга — не история страны. Она посвящена людям — участникам этих событий, их судьбе, мнениям, оценкам событий. Эти мнения, оценки могут не совпадать с официальными взглядами или мнениями отдельных людей, но они — почва для раздумий о прошлом страны, для поиска Истины.

Обдумывая название книги, я отказался от модных сегодня названий типа «Окопная правда», хотя это и близко к ее содержанию, или названия в Интернете: «Трижды командарм и четырежды победитель», что тоже верно, а остановился на словах песни, текст и музыка которой глубоко и эмоционально отражают особую, неповторимую сущность профессии офицера — Защитника Отечества, в последний момент решил этой песней закончить свое повествование, а книге дать более общее название, отражающее многоплановый характер ее содержания.

Большинство иллюстраций в книге и комментариев к ним, а также ее электронная версия, выполнены моим коллегой по военной службе, посвятившим всю свою жизнь службе в Вооруженных Силах, сыном офицера Красной армии, участника Гражданской и Великой Отечественной войн - Обухом Игорем Александровичем. Он прошел все ступени военного образования в Советской армии: Суворовское военное училище, Одесское пехотное училище и Артиллерийская инженерная академия им. Ф.Э.Дзержинского, служил в войсках и военных учреждениях. Завершил службу в звании

полковника.

По существу, Обух является соавтором этой книги и ярким примером бескорыстной дружбы мужской, но я ему могу принести только глубокую благодарность, как сказал мне однажды Юрий Разумовский, - ото всей души.

1. Семья

1.1. Мои прадед Леонтий, дед Степан, дяди и тети

О семье отца, к сожалению, знаю мало. По молодости как-то этим не интересовался, а сегодня уже и спросить не у кого.

А ведь семья в значительной степени формирует личность, да и вообще, как говорится: яблоко не далеко от яблони падает.

От старшего брата знаю: дед отца, мой прадед Леонтий, был крепостным крестьянином, отличился на войне и ему были пожалованы какие-то привилегии, известно, что он стал унтер-офицером; а его сын Степан - мой дед - уже был кадровым офицером и дослужился до чина майора.

У отца было два брата и две сестры. Об одном из братьев, кажется, Николае, лишь слышал: в годы Гражданской войны он погиб от рук бандитов, защищая какую-то государственную или общественную собственность.

Одну из сестер отца также не знал, но был знаком с ее дочерьми — Еленой Петровной и Валентиной Петровной Вихоревыми. Неоднократно встречался с ними и переписывался. Валентина училась в техникуме, но заболела энцефалитом, стала инвалидом. Елена окончила Московский университет, преподавала историю в школе, потом была инспектором школ в Кабардино-Балкарии, заслуженной учительницей республики, награждена орденом Ленина.

О второй сестре Анне и брате Александре расскажу отдельно.

1.2. Мой отец Михаил Степанович

Мой отец, Михаил Степанович Матиясевич родился 4 июня 1878 года в древнем городе

Смоленске, городе воинской славы, стоящем в верховьях Днепра, на пути «из варяг в греки».

Отец Михаила Степановича умер рано, и семья оказалась в затруднительном материальном положении. Шестилетнего Мишу отдали в Гатчинский сиротский институт².

Среди воспитанников сиротского института была очень популярна баллада, написанная в семидесятые годы XIX века. Мальчишки распевали ее на улицах города во время прогулок, часто шокируя прохожих. Вот небольшой фрагмент этого произведения:

---

² Гатчинский Николаевский сиротский институт основан в 1803 году по инициативе императрицы Марии Фёдоровны как воспитательный дом. В 1837 году превращен в сиротский институт для воспитания сыновей военных обер-офицеров и гражданских чиновников, до 9-го класса включительно

«Против неправды и порока,
Сражались вместе, и в бою
Мы всем покажем, как глубоко
Мы любим Родину свою...».

После окончания курса обучения в сиротском институте Михаил Степанович автоматически был переведен в Ярославскую военную школу (с 1895 г. — кадетский корпус).

Корпус находился в ведении Военного Министерства, непосредственное руководство корпусом возлагалось на его директора, который назначался из генералов или полковников, имевших соответствующее образование, боевой опыт и опыт воспитательной работы.

На обучение принимались в основном дети офицеров, военных чиновников и духовенства в возрасте от 10 до 12 лет. Почти все они обучались за казенный счет.

Кадетам были созданы все условия для обучения и проживания.

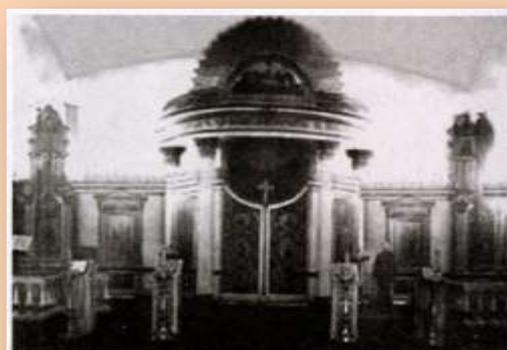
Столовая

Спальня

Учебная комната

Церковь Петра и Павла

Ярославский кадетский корпус, конец XIX века

За семь лет пребывания в Кадетском корпусе воспитанники изучали следующие дисциплины: закон божий, русский язык и словесность, французский, немецкий или английский языки, начальные сведения по естествознанию и природоведению, математику, физику, химию, космографию, географию, историю, законоведение, чистописание, рисование и черчение. Особое внимание уделялось эстетическому воспитанию кадетов.

Кроме того, обязательными предметами являлись: строевое обучение, гимнастика, фехтование, плавание, музыка, пение, танцы. Физическому развитию также придавалось огромное значение: были построены специально оборудованные спортивные городки, зимой практиковались походы на лыжах и каждодневные тренировки на коньках.

По воспоминаниям воспитанников, корпус отличался гуманным отношением

к кадетам.

Окончив с отличием кадетский корпус, Михаил поступил в Одесское пехотное училище.

Одесское пехотное училище. Конец XIX века

В училище принимались военнслужащие и вольноопределяющиеся. Курс обучения продолжался два года. Учебный процесс был поставлен на очень высоком уровне. Кроме специальных и общеобразовательных предметов, юнкера обучались езде на велосипеде, верховой езде, музыке, танцам. Обучение в училище было бесплатным. Выпускникам присваивался чин подпрапорщика.

Одесские юнкера носили особый нагрудный знак.

Нагрудный знак Одесского пехотного училища

По окончании училища, 1 октября 1897 года Михаил в чине подпоручика был зачислен в 3-й Нарвский пехотный полк. Впереди были годы офицерской жизни, которой и посвящены в значительной степени последующие главы книги.

В 1901 году отец женился на Екатерине Алексеевне Вакар. У них было четыре сына. Имена им давали в честь братьев жены: Владимир, Алексей, Платон. Для младшего сына имен братьев не хватило, и меня почему-то назвали в честь прадеда по отцовской линии — Леонтий.

1.3. Брат отца, Александр Степанович

Александр Степанович окончил Московский кадетский корпус и Александровское военное училище, выпуск — 9 февраля 1900 года. В Военно- историческом архиве находится несколько документов, позволивших узнать основные вехи служебной армейской деятельности Александра Степановича. Так, из послужного списка, составленного в январе 1905 года и подписанного командиром 190-го пехотного Венгеровского полка, известно, что по окончании обучения в Александровском военном училище он был произведен в подпоручики с обязательством прослужить на действительной службе три года (полтора за каждый год обучения). В полку был назначен на должность батальонного адъютанта. В 1904 году стал поручиком, начальником учебной команды.

В послужном списке Александра Степановича отмечено, что «за ним и его родителями недвижимое имущество, родовое или благоприобретенное, не имеется».

Кроме того, в архиве хранится краткая записка о службе штабс-капитана А.С.Матиясевича, подписанная командиром 10-го стрелкового Кавказского полка полковником Родионовым. К этому полку Александр Степанович одно время был прикомандирован. В записке перечислены основные вехи его военной службы, вот она:

«О службе штабс-капитана 15-го Гренадерского Тифлисского полка Александра Степановича Матиясевича, представляемого к переводу в 10-й Кавказский стрелковый полк.
« » октября 1914 года.
Родился в 1879 году декабря 12.
Вероисповедания православного.
Сын дворянина.
В 1-м Московском кадетском корпусе и Александровском военном училище окончил курс по 2-му разряду, окончил курс Восточных языков.
Холост
Получает жалованья 948 рублей, добавочно 300 рублей и столовых 360 рублей; всего 1608 рублей (в год).
В службу вступил в Александровское военное училище
юнкером рядового звания 1898 октября 1.
Подпоручиком с переводом в 190-й резервный
Венгеровский полк 1900 август 9.
Поручиком 1904 октябрь 1.
Штабс-капитаном 1908 октябрь 1.
Переведен в 15-й Гренадерский Тифлиссский полк 1909 июня 6.
Прикомандирован к 10-му стрелковому полку 1914 август 15.
Штрафам не подвергался, под судом и следствием не состоял и не состоит.
В походах и делах против неприятеля не находился.
За военные отличия орденов не имеет.
Командир 10-го стрелкового Кавказского полка
Полковник Родионов Полковой адъютант поручик
г. Карс, октябрь 1914 года»

Александра Степановича я никогда не видел, но много слышал о нем от мамы.

Можете себе представить состояние молодой женщины с маленьким ребенком на руках, муж которой находится на фронте, потом ранен, да так, что врачи сомневаются, выживет ли этот молодой человек. Так вот, в это трудное время Александр, служивший в другом городе, чтобы поддержать жену брата (мою маму), регулярно присылал ей письма с прекрасными акварельными рисунками. Несмотря на многие переезды, невзгоды, войну, некоторые письма с его рисунками сохранились. Они и сегодня могли бы занять достойное место на любой художественной выставке. (См. цветную вкладку.)

Есть и еще одна реликвия, связанная с Александром. Он не только прекрасно рисовал, но и неплохо знал персидский язык. Сохранилась статья в журнале «Исторический вестник» о его поездке в Персию «В Испаган и обратно» («Исторический вестник», 1908 г.). В то время еще не использовался термин Иран. Сегодня, когда Иран осваивает атомную энергию, а вероятно, и атомное оружие, когда он находится в центре внимания мировой общественности и политиков, интересно, каким его увидел сто лет тому назад русский офицер. (Приложение 1.)

Интересно и то, что даже в Персии Александр рисует этюды видов Исфагана, о чем упоминает в своих путевых записках.

В начале XX века он становится одним из учредителей общества изящных искусств в Тифлисе. В 1912 году в Историческом вестнике выходит его статья «Кавказский музей», в которой он рассказывает об истории создания этого музея.

Александр Степанович, безусловно, был разносторонне одаренным, интересным человеком. К сожалению, его следы затерялись где-то на юге России в годы Гражданской войны.

1.4. Сестра отца, Анна Степановна

Единственным человеком из семьи отца, которого я знал, была его старшая сестра, Анна Степановна Матиясевич — моя тетя Аня.

Она родилась в 1873 году в городе Смоленске. О кончила гимназию и двухгодичные педагогические курсы — была учительницей.

В конце XIX века Анна начала выполнять отдельные поручения Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Потом вела пропаганду среди Иваново-Вознесенских ткачей. В 1902-1907 годах - пропагандист и секретарь Краснопресненской районной организации РСДРП в Москве. Партийная кличка — Раиса Николаева. Секретарь райкома в то время отвечал за конспирацию и материальные средства организации. Участвовала в Декабрьском вооруженном восстании 1905 года. Говорила мне: было страшно, когда стали стрелять из пушек по баррикадам.

Ссылные поселенцы в Чите.

Стоит М.В.Фрунзе, рядом его жена; сидит вторая справа Анна Степановна Матиясевич

В 1906 году была арестована, из-под стражи бежала. В 1907 году была вновь арестована и в 1909 году осуждена в ссылку за принадлежность к РСДРП. В Иркутской губернии была в ссылке с Михаилом

За побег она получила три года каторги, после отбытия которой вышла на поселение в Забайкальскую область.

Отбывала Анна Степановна каторгу в Акатуйской каторжной тюрьме, находящейся в 625 км от Читы при Акатуйском серебряно-свинцовом месторождении Нерчинского горнозаводского округа.

Главным видом работ в Акатуйской каторжной тюрьме была добыча и выплавка серебра

Как правило, женщины ходили не в арестантской одежде, а в своем платье; кандалы надевали только накануне приезда окружного начальства.

Доставка воды в тюрьму каторжанками

Посмотрел фотографии, вспомнились рассказы тети Ани, и вдруг из каких-то глубин, очевидно, еще школьных лет, возникло четверостишие:

Шилка и Нерчинск теперь не страшны мне,
Горная стража меня не поймала,
В дебрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка миновала...

Работа на руднике

После отбытия каторги в Акатуе Анну Степановну отправили на поселение в Забайкальскую область. Освобождена она была Февральской революцией в марте 1917 года. В партию большевиков не вступила. Была членом Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльных поселенцев, членский билет № 249.

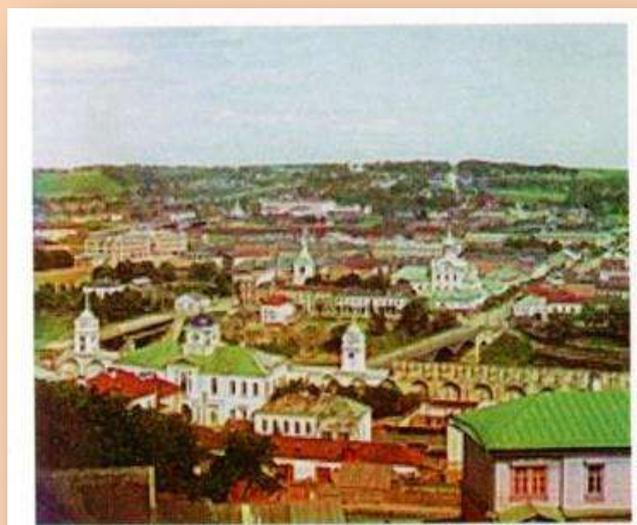
Политическая каторга и ссылка. Библиографический справочник членов общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1934, 879 с. МК и ЦСБ, шифр - 19(4)/П-50. Стр. 389-390.:

МАТИЯСЕВИЧ АННА СТЕПАНОВНА - русская, дочь офицера, учительница; родилась в 1873 г. в Смоленске, окончила гимназию и 2-летние педагогические курсы. С 1886 г. в Смоленске работает как сочувствующая РСДРП, выполняет разные технические поручения организации.

В 1899-1901 гг. под руководством с-д вела пропаганду и агитацию среди рабочих на фабрике Баранова во Владимирской губернии; в 1902-1907 гг. работала в Московской организации РСДРП как пропагандист и технический секретарь Краснопресненской районной организации; арестована в 1906 г., но из-под ареста бежала. Снова арестована в октябре 1907 г.; в 1909 г. два раза — 30 и 18 апреля — в Москве за принадлежность к РСДРП осуждена Московской судебной палатой по 1 и 2 ч. 102 статьи УУ в ссылку на поселение. С 1910 г. отбывала наказание в Усть-Удинской волости Иркутской губернии и оттуда бежала в Европейскую Россию. Арестована в 1911 г. в окрестностях Кисловодска и Владикавказским окружным судом в Пятигорске осуждена на 3 года каторги по 313 статье устава о ссыльных за побег из ссылки. В 1912 г. — во Владикавказской, Пятигорской и Петербургской тюрьмах; в 1913 г. сидела в Иркутской тюрьме; приговор Иркутского окружного суда к 1 месяцу арестного дома за проживание по чужому паспорту после побега из ссылки. Отбывала каторгу до 1914 г. в Акатуевской каторжной тюрьме. В 1914 г. водворена на поселение в Успенскую волость Забайкальской области. До 1917 г. жила в д. Шилка и в г. Чите.

Смоленск, вид на Днепр, 1912 год

Город. Смоленск, 1912 год

Смоленская крепость, 1912 год

Беспартийная. Член общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, членский билет Общества № 249. Персональный пенсионер РСФСР.

Первые страницы членского билета Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев

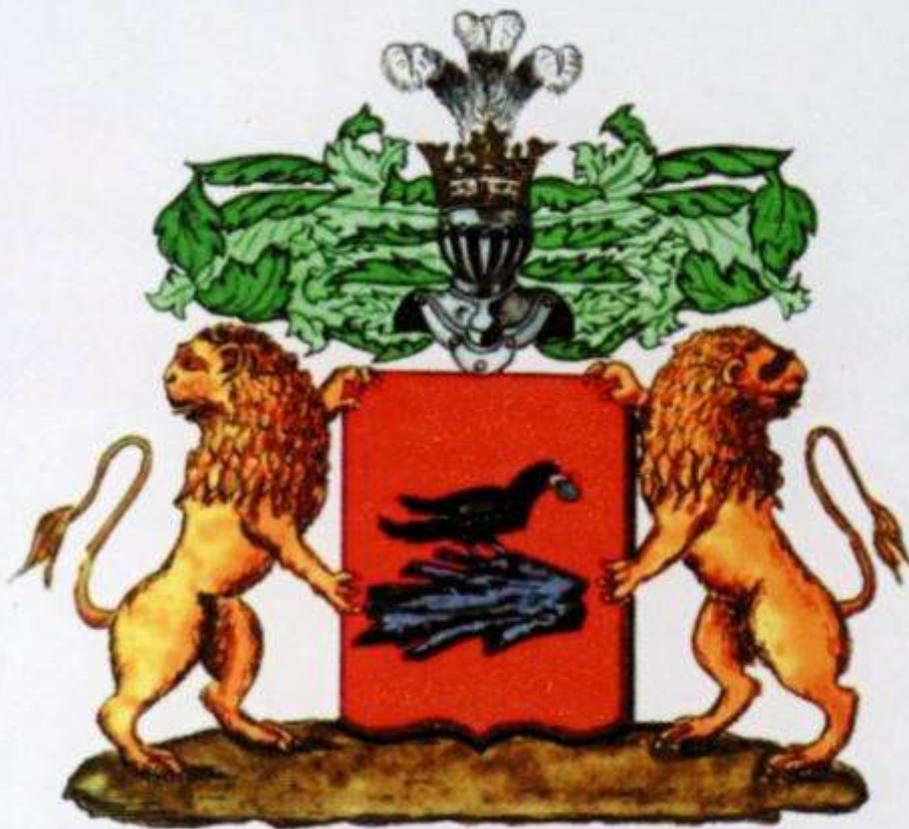

Обратная сторона открытки

Рисунки Александра Степановича Матияевича

Гербъ рода
Вакаровъ. 9

Гербъ называется гербом **СЛЕПОВАНА**, так как Ворон слепой. Ворон обращен головою на Запад. Согласно одной легенде — происхождение рода идет от Римского центуриона Корвина Вакар, по латыни corvus — ворон, а vacante — крик. По преданию в древности крик ворона был родовым кличем.

В щите, имеющем красное поле изображен сидящий на серебряном пне черный ворон, держащий во рту перстень. Щит увенчен дворянским шлемом и короною со страусовыми перьями. Намет на щите красный, подложен золотом. Щит держат два льва.

Герб изображен в Родословной Росинского Дворянства, но происхождение его неизвестно.

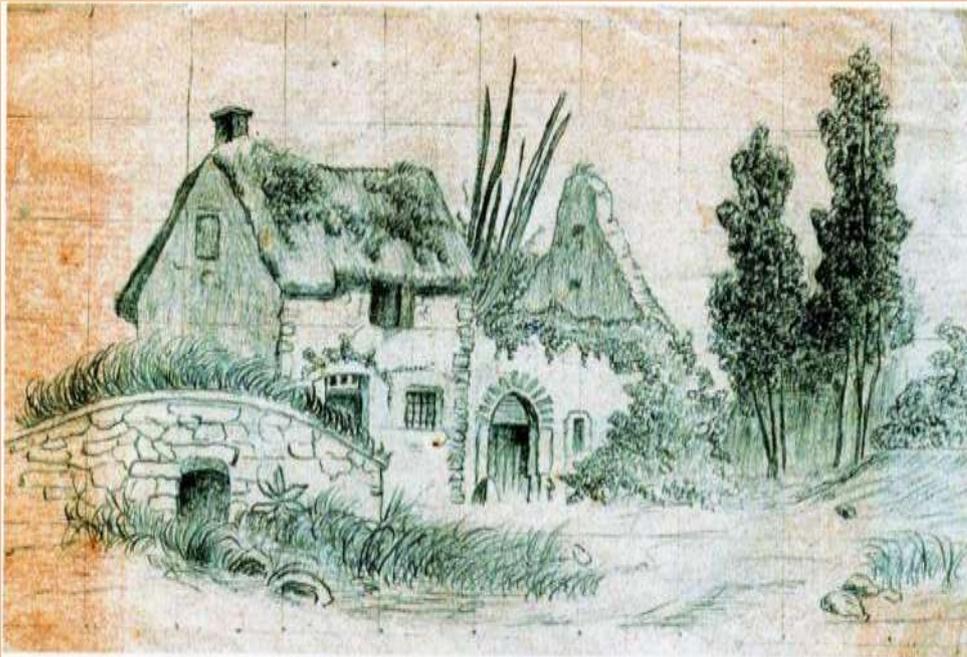
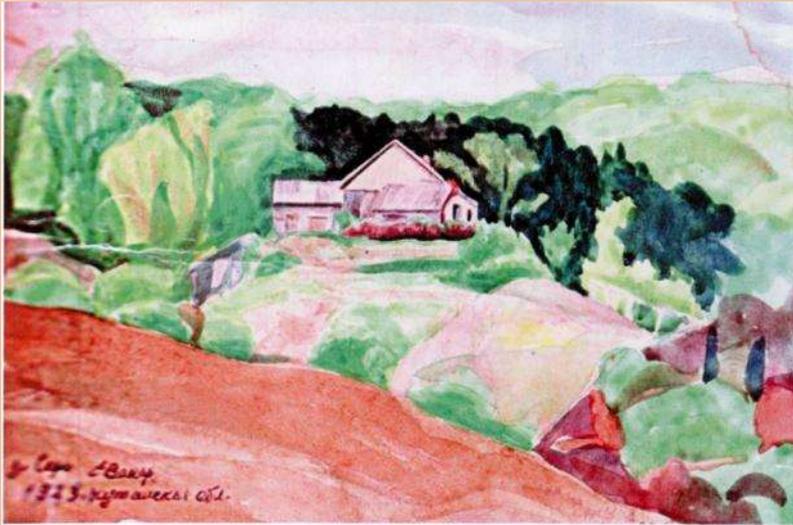

Рисунок Алексея Павловича Вакара

Рисунок Анны Петровны Вакар

Кавказ, горный аул

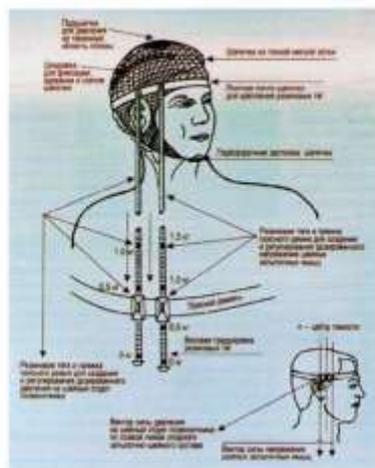
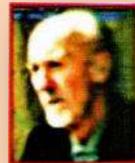
Памятник Владимиру
на берегу Днепра, Киев

Рисунки
Елизаветы Платоновны Вакар

«ШАПОЧКА»

для космического туриста

ИСПЫТАНО В КОСМОСЕ

- В полете космического корабля «Союз Т-3» борт-инженером Макаровым Олегом Григорьевичем (27.11.-10.12.1980 г.).
- В полете двух международных экипажей посещения Орбитальной станции «Салют-6», космонавтом-исследователем Монголии Жугдердмидийном Гурдагча на космическом корабле «Союз-39» (22.03.-30.03.1981 г.).
- Космонавтом-исследователем Румынии Димитру Прунариу на космическом корабле «Союз-40» (16.05.-22.05.1981 г.).
- В полете космического корабля «Союз-7» и орбитальной станции «Салют-7» космонавтом-исследователем Савицкой Светланой Евгеньевной (19.08.-27.08.1982 г.).

Фрагмент статьи Алексея Дмитриевича

Космический туризм становится реальностью сегодняшнего дня, Но все ли мечтающие попасть на орбиту Земли способны вынести перегрузки? Предохраниться от развития космической формы болезни движения поможет уникальная разработка Алексея Матвеева, старшего научного сотрудника ИМБП РАН.

Жила в г. Москве (Машков пер., дом 4); в двухкомнатной квартире вместе с другим членом общества.

Работая в обществе политкаторжан, Анна Степановна успешно занималась историографическим анализом политической ссылки в Сибирь. Так, в одном из положительных отзывов на проводимые ею исследования отмечается ее вклад в развитие историографического анализа, составление и издание библиографических словарей деятелей революционного движения, бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев. Одной из ее работ в этой области является «Библиография иркутских тюрем и ссылок // Иркутская ссылка. Сборник Иркутского землячества. — М., 1933».

С тетей Аней я познакомился в двадцатые годы, когда она однажды летом приезжала отдыхать в Геленджик, где мы в то время жили. С тех пор переписывался, а с 1937 года, когда я поступил в Московский ВУЗ, бывал у нее почти каждое воскресенье. Она была оптимистом; интересовалась жизнью страны, волновалась, когда началась война с Финляндией. Никогда не жаловалась на здоровье. Иногда напевала революционные и народные песни.

Пришедшая в институт на мое имя открытка с сообщением о ее смерти явилась для меня полной неожиданностью. В свидетельстве ЗАГС сказано: причина смерти — рак легкого. Умерла она 11 февраля 1940 года.

Я ее хоронил. У старого крематория проводить ее пришло несколько незнакомых мне пожилых людей — ее сподвижников по революционной работе.

Урна с ее прахом покоится у стены Донского монастыря: секция 104, ниша 2000.

Некоторые вещи тети Ани я послал в Нальчик ее племянницам Леле и Вале Вихоревым. Себе оставил членский билет общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев; фотографию ссыльнопоселенцев и почтовую открытку во Владикавказскую тюрьму из Ганновера.

Лучшие годы жизни тетя Аня отдала борьбе за светлое будущее, за счастье своего народа. Но жизнь идет своими неизведанными путями. Прошло 100 лет, а счастье все еще за горами.

Она могла направить свою энергию на достижение личного благополучия, но была неравнодушным человеком, не мирилась с окружающей ее несправедливостью и оставила свой добрый след в умах многих людей, которые с необычайной энергией с первых дней Февральской революции начали работу по перестройке всей Жизни в России. Но к этой проблеме мы еще вернемся позже.

2. Вакары

2.1. Родители моей мамы

Алексей Павлович Вакар

Родители моей мамы — Екатерины Алексеевны Вакар, умерли задолго до моего рождения, и я их знаю только по фотографиям, хранившимся у мамы.

Анна Петровна Вакар

Они, а очевидно, и все Вакары, так же как и мой дядя Саша (Матиясевич), хорошо рисовали. (См. цветную вкладку.)

2.2. Моя мама, Екатерина Алексеевна Матиясевич

Екатерина Алексеевна (1881-1951), так же как и отец, родилась в городе Смоленске. Она была красивая, очень добрая, вспыльчивая, но не умевшая сердиться. Была для своего времени высокообразованным человеком: окончила гимназию и знаменитые Высшие женские курсы им. П.Лесгафта.

Пётр Францевич Лесгафт - российский педагог, анатом и врач; основоположник научной системы физического образования и врачебно-педагогического контроля в физической культуре, один из создателей теоретической анатомии.

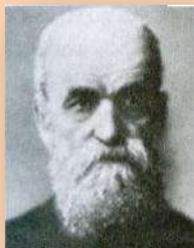
Основой его системы являлось гармоническое развитие личности, которое должно опираться на

единство физических и духовных сил человека и проходить при ведущей роли сознания.

В 1882 году по его инициативе при женской гимназии М.И.Стоюниной были открыты двухгодичные Курсы воспитательниц и руководительниц физического образования. На курсах преподавали Бехтерев, Эрисман, Шокальский, Менделеев, Морозов, Павлов, Орбели, Тарле, Байков и другие выдающиеся ученые и педагоги.

Началось развитие русской научной системы физического воспитания. В гимназии впервые в России в число обязательных ежедневных занятий были включены физические упражнения.

П.Ф.Лесгафт создал свою программу семейного воспитания, в которой главное место занимала гигиена матери и ребенка, а также система физических упражнений и игр.

После 1917 года его научное наследие творчески использовалось советской школой и педагогикой. В 1918 году на базе Биологической лаборатории был создан Естественнонаучный институт им.П.Ф.Лесгафта, а в 1919-м на базе Лесгафтовских курсов - Государственный институт физического образования им.П.Ф.Лесгафта (ныне Российская академия физической культуры).

Екатерина Алексеевна хорошо знала и любила арифметику, решала в уме очень сложные арифметические задачи. Очевидно, ее арифметические способности проявились во внуке — Юре, сыне ее первенца Владимира (об этом будет сказано позже).

Екатерина Алексеевна со своими старшими сыновьями — Владимиром и Алексеем

1910 год. Зажили раны мужа, полученные в Русско-японской войне, он курсовой командир Виленского военного училища, четыре года мирной жизни, а впереди уже новая — Первая мировая война.

Мама была глубоко верующим человеком, всю жизнь молилась за мужа и своих сыновей. Этому способствовали условия жизни и личная трагедия. Любимый муж годами находился на фронте, был много раз ранен, а потом, когда фронтовая жизнь подходила к концу, оставил ее. До конца своих дней она верила, что муж вернется, и молилась об этом.

2.3. История рода Вакаров

В отличие от родословной отца — Матиясевичей, родословная Вакаров мне известна с древних времен. Вот как это случилось. В пятидесятые годы прошлого века я работал в Управлении опытного строительства авиационной техники Военно-воздушных сил. Однажды, будучи дежурным по управлению, отмечая пропуски офицерам, уходившим с какого-то совещания у начальника управления, я обратил внимание на пропуск полковника медицинской службы — Вакар. Фамилия редкая, а один из братьев мамы — Алексей Алексеевич Вакар был врачом. И я спросил нашего

посетителя, не знает ли он Алексея Алексеевича. Оказалось не только знает, но и является его дальним родственником. Таким образом, впоследствии у меня оказалась написанная нашим посетителем — сотрудником Института авиационной медицины история рода Вакаров. Вот она:

«Я, Вакар Модест Иванович, сын Ивана Модестовича, внук Модеста Яковлевича Вакар, представитель древнего рода, происхождение которого теряется в глубокой древности. В нашей семье хранилась история рода Вакар. Это была рукописная тетрадь, переплетенная в красный сафьян с золотым тиснением. К сожалению, она не сохранилась. Я имел возможность не только держать ее в руках, но и несколько раз читал. В связи с тем, что возраст у меня преклонный и, как выясняется, ни у кого из родственников достоверных сведений о происхождении рода нет, я решил сделать это заявление.

Согласно легенде, которая записана в этой истории, родоначальником рода был римский центурион³ Корвин Вакар. Кончив службу, - по каким причинам, я не помню, по-моему, что-то не поладив с начальством, - он ушел далеко на север и поселился в горах, основав там род. Потомки его жили в лесах Карпатских гор, занимаясь охотой, скотоводством. Перекликались они с помощью крика ворона, это был родовой клич.

Дальнейшая история мне не запомнилась, но помню следующее. Один из потомков в период австрийского владычества этой территорией бежал в Польшу, там не ужился и перебежал из Польши на Русь к Ивану Грозному. Поступил к нему на службу в войска. Отличился в сражении под Казанью и взятии Казани, был отмечен Иваном Грозным и пожалован поместьем и другими характерными для того времени отличиями. Это то, что записано и запомнилось мне в летописи.

Имя Вакара, бежавшего в Польшу, - Николай. В родословной, которая приложена была к истории рода, прямо и записано: протопляс рода Николай Вакар. В настоящее время известно очень большое, разветвленное семейство Вакар. Все они, судя по родословному дереву, которое было приложено к упомянутой мной истории рода, а также хранится в архивах Ленинграда, происходят от одного и того же Николая.

Вот коротко, что я запомнил из этой истории. Написана она была красивым *почерком*, но не настолько старинным, чтобы нельзя было разобрать современному человеку. И *слог*, то же самое, был вполне понятен, во всяком случае, для меня, может быть, *этому* помогло то, что я в свое время знал немножко церковно-славянский и свободно *читал* на этом языке. Написана была в стиле старинных русских рукописей с красивыми *заглавными* буквами и многокрасочными заставками, Были ли в истории какие-либо *ссылки* на другие документы и когда она была написана, я не помню. Был я тогда *недостаточно* взрослым, чтобы обращать на такие, в общем-то, важные моменты внимание. *Пропала* история в 30-х годах этого столетия и все, что я запомнил, я изложил.

Что мне хочется добавить к сказанному. Во время Великой Отечественной войны помощник начальника штаба полка, в котором я служил, во время поездки на фронт вынужден был заночевать высоко в горах в Карпатах, в маленькой деревушке. Настолько маленькой, что комендантом в ней был сержант и с ним еще два инвалида. Сержант предложил ночлег в доме священника. Священник принял его очень любезно и представился - Вакар. Он страшно удивился и сказал: «А у нас старший врач полка - Вакар». Это священника не удивило. Он расспросил его, откуда и что. Узнав, что мой отец родился в Сибири, сказал: «Это весьма возможно, в старину бежали от нас многие - на Русь, спасаясь от иноверцев и преследований католических священников, которые пытались насадить католицизм. Кстати, священник этой деревни был православным. Он сказал интересную вещь, что деревня называется Вакаровка и живут в ней Вакары, почти 100%. Сейчас стали появляться люди других фамилий, но до войны были одни только Вакары, причем состоящие в большей или меньшей степени родства между собой.

Вот это интересный момент. В гербе Вакаров имеется в центре ворон, сидящий на суку и держащий в клюве кольцо. Я уже упоминал, что, судя по легенде, которая была в истории, родовым кличем был крик ворона. Это первое. Второе: родоначальником был легендарный Корвин Вакар. Корнус - по латыни ворон. Корвин, видимо, тоже ворон. Что касается слова Вакар, то оно явно латинского происхождения. В настоящее время в латиноязычных странах можно встретить: «вакарере», «вакаро», «вакареско» и сходные произношения, причем все они имеют касательство к

³ Центурион — командир сотни бойцов в римских войсках, формировавшейся обычно из жителей одной деревни.

людям, занимающимся скотоводством, в частности, разведением и пастьбой крупного рогатого скота. В переводе на русский язык это слово означает «коровник» - коровий пастух, В легенде написано, что занимались охотой, а также разведением скота, который пасли в горах Карпат. (См. цветную вкладку.)

Еще хочу сказать, что особо было подчеркнуто в летописи, что Вакары отличались храбростью, преданностью Родине, верностью своему слову. То, что я могу сказать о тех Вакарах, которых я встречал, - эта черта, видимо, передается по наследству. Во всяком случае, все они всегда производят крайне приятное впечатление на окружающих и вызывают уважение своим поведением, постоянством характера и верностью слову.

Вот те сведения, которые у меня имеются».

Чтить память предков, быть достойным их — один из важных принципов воспитания у большинства народов мира. История рода Вакаров интересна и сама по себе, как пример одного из путей (наряду с монгольским, татарским, скандинавским и другими) формирования, того сообщества людей, которых сегодня мы называем русскими.

2.4. Вакары, которых я знал

Вакары, которых я знал, были именно такими, как написал о них Модест Иванович. Это прежде всего мои самые близкие родственники: мама, мои старшие братья, брат мамы — мой дядя Алёша и его внуки и правнуки.

Дядя Алёша до революции окончил Военно-медицинскую академию. Служил в Российской армии. В годы Великой Отечественной войны был начальником госпиталя — полковником медицинской службы. После войны заведовал терапевтическим отделением правительственной больницы Украины. Награжден орденом Ленина.

Его внучка Маша — Мария Юрьевна Оболенская, ученый в области молекулярной биологии, доктор биологических наук. Объехала в связи со своей работой множество стран мира.

Внук дяди Алёши Толя — Анатолий Юрьевич Оболенский, кандидат физико-математических наук. Известный в Киеве математик. Автор монографии «Критерии устойчивости движения нелинейных систем». Киев: «Феникс», 2010.

Екатерина Алексеевна со своим братом — Алексеем Алексеевичем и его внуками: Машей и Толей. Киев, 1950 г.

Приведу еще один пример известных мне Вакаров. Мой дальний брат — Алексей Дмитриевич Матвеев и его мама - Елизавета Платоновна Вакар, которых я знал многие годы, были обаятельными, высокоинтеллигентными и очень родственными людьми.

Елизавета Платоновна Вакар

Алексей Дмитриевич Матвеев

Елизавета Платоновна хорошо рисовала акварельными и масляными красками. Оставила много зарисовок уголков нашей страны. (См. цветную вкладку.)

Когда Елизавете Петровне уже было за девяносто лет, она написала воспоминания, которые, по моему мнению, интересны не только ее детям, внукам и правнукам, но имеют ценность как свидетельство очевидца многих событий истории нашей страны. В них составной частью вошли и воспоминания ее сына Алексея Дмитриевича Матвеева.

Алексей Дмитриевич — участник заключительного этапа Второй мировой войны — войны с Японией. После войны он окончил Хабаровский медицинский институт по специальности нейрохирург-отоларинголог. Специальность редкая, требующая больших знаний, тонкого мастерства и мужества.

Чтобы лучше представить внутренний мир Алёши, приведу два коротких отрывка из его воспоминаний:

«Я бесконечно благодарен своему папе, подарившему мне счастье полюбить и уметь играть на пианино. Начиная с юношеского возраста, еще в школе и в период учебы в военизированном железнодорожном училище в 1941-1943 годах и в период военной службы и работы на радиозаводе в 1943-1945 годах, а потом в период студенчества, учебы в мединституте 1945-1950-м и во все последующие годы моей жизни мне очень помогало, скрашивало и обогащало духовно мою жизнь, доставляло удовольствие и хорошее настроение мое страстное увлечение джазом как музыканта - пианиста и аккомпаниатора».

Алёша с джаз-оркестром объехал всю Сибирь и Дальний Восток и так увлекся, что возникла проблема: музыка или медицина. Победила последняя, а музыка сослужила добрую службу, руки нейрохирурга должны быть столь же виртуозны и точны, как и руки пианиста-музыканта.

Другой отрывок воспоминаний:

«С поступлением в медицинский институт у меня началась новая жизнь. Я с интересом и увлечением занимался в институте, мне нравилась специальность врача. У меня появились новые хорошие студенческие друзья из моей группы, Коля Шахматов и Юра Темпер. На 3-й курс в нашу группу поступила необыкновенная девушка с необыкновенным именем - Дагмара, в которую я влюбился с первого взгляда, а через три года она стала моей любимой, единственной на всю жизнь женой».

Алексей ряд лет работал в Бирме в больнице, построенной Советским Союзом. Его авторитет был столь велик, что к нему ехали больные из всех стран Малой Азии и Китая.

Однажды, тяжело заболел посол Италии в Бирме. Алексей Дмитриевич успешно сделал ему сложную операцию. Посол и после завершения службы в Бирме, вернувшись в Италию, не прекращал проявлять свою глубокую благодарность Алексею Дмитриевичу. Правда, наш посол сделал Алёше внушение: как он мог взяться за такую операцию, а если бы она была неудачной!?

В Бирме шла гражданская война; иногда, когда требовался выезд к больному, Алексея сопровождали две бронемашин: одна впереди, другая сзади.

После Бирмы Алексей Дмитриевич работал в Институте медико-биологических исследований, в Центре управления полетами. Руководил группой оперативного контроля (ГОК) состояния здоровья космонавтов, находящихся в космосе.

Им написана уникальная статья: «Одни сутки работы ГОК», где по минутам и секундам описаны все действия группы в течение 24 часов. Им выполнен ряд научных исследований, направленных на снижение эффекта укачивания людей, попадающих в космос. (См. цветную вкладку.)

Рассказанная Модестом Ивановичем история рода Вакаров — один из возможных вариантов, ведь из Вакаровки бежало много людей. Алексей Дмитриевич составил подробнейшее генеалогическое древо рода Вакаров от протопьяса до наших дней, где показана не только Екатерина Алексеевна Вакар, наша мама, но и вся семья Матиясевичей.

2.4. Цытовичи

В разветвленном генеалогическом древе Вакаров есть ветвь Цытовичей. Я знал одну семью Цытовичей, а в ней в течение многих лет — Тамару Эрастовну Цытович.

Отец Тамары, Эраст Платонович Цытович, родился в 1874 году в семье Платона Степановича Цытовича и Олимпии Яковлевны Вакар.

Эраст Петрович с женой Агнесой Павловной

Платон Степанович был высокообразованным артиллеристом, впоследствии — генерал-лейтенантом. Возможно, Эраст Платонович тоже стал бы военным, но случилось несчастье: в детстве он сломал ногу, и она со временем стала короче другой, пришлось носить ортопедическую обувь.

Я видел дядю Эраста (как я его называл) один раз в двадцатые годы, когда летом он приезжал с дочерьми в Геленджик. Тогда же я первый раз увидел Тамару. Она была старше меня на 10 лет. Красивая юная девушка.

Следующий раз мы встретились с ней лишь в 1937 году, когда я начал учиться в московском институте. Я знал и ее сестер — Людмилу и Нину, но так случилось, с Тamarой мы до войны, во время и после нее постоянно встречались.

Прочитав воспоминания сына Тамары, Валерия Михайловича Храпенко, о его матери и его деде Эрасте Платоновиче, я понял: интеллектуальный уровень Тамары, ее неукротимая энергия, умение организовать дело унаследованы от отца. В подтверждение этого приведу несколько штрихов из жизни Эраста Платоновича и Тамары, почерпнутые мною из воспоминаний Валерия.

Эраст Платонович окончил физико-математический факультет Петербургского университета. Преподавал в гимназиях; работал в Политехническом институте, а с 1907 года был директором Царскосельского реального училища. Одновременно с 1910 и до 1917 года преподавал физику дочерям, а арифметику — сыну Николаю II Алексею. Когда началась Первая мировая война, организовал в училище лазарет; всемерно поддерживал скаутское движение, был одно время начальником Царскосельской дружины скаутов.

После 1917 года Эраст Платонович преподавал физику и математику в вузах и техникумах. Одновременно вел исследования в области радиоактивности. Изучал радиоактивность вод и воздуха ряда районов Северного Кавказа и Туркмении; одно время руководил Ашхабадской геофизической обсерваторией. Результаты этих работ были опубликованы, докладывались в 1932 году на совете Радиевого института и на 1-й Всесоюзной конференции по радиоактивности...

У Эраста Платоновича и Агнесы Павловны были три дочери. Старшая Людмила и двойняшки

Нина, Тамара и Людмила — учащиеся Царскосельской гимназии

Тамара и Нина. Я знал всех троих, но так случилось, что с Тамарой в предвоенные годы, во время войны и после нее постоянно общался.

Тамара, очевидно, унаследовала от своего отца высокий интеллект, твердую жизненную позицию и необычайную активность.

Еще учась в школе, в 1922 году, Тамара одновременно училась в музыкальном техникуме. Когда она была на последнем курсе техникума, ей дали справку о сданных зачетах и характеристику о ее хороших музыкальных способностях, большой общественной и культурно-просветительской работе. Это позволило Тамаре поступить в Петроградскую консерваторию.

Тамару влекла не только музыка, но и физика. В 1925 году она поступила в Кубанский государственный педагогический институт на физико-математическое отделение. В 1926 году успешно закончила первый курс, получила разрешение на перевод в Ленинградский университет и была зачислена на второй курс университета.

Но в это время вышло постановление, запрещающее обучение одновременно в двух высших учебных заведениях. Пришлось выбирать, и она остановилась на музыке.

Еще будучи студенткой Консерватории, Тамара начала работать в Ленинградском радиоцентре музыкальным редактором. Готовила музыкальные радиопередачи городского и областного радиовещания, помогала местным радиоузлам.

В 1931 году Тамара и Михаил Борисович Храпченко образовали семью — на всю жизнь, хотя, как было принято в те годы, не оформили документально свой брачный союз.

Михаил Борисович был литературоведом, прекрасным рассказчиком, остроумным, талантливым человеком, преподавал в Коммунистическом университете литературу, в 26 лет стал профессором.

В 1932 году Тамара перевелась в Москву, продолжила уже знакомую работу в системе радиовещания, закончила учебу в аспирантуре, стала кандидатом искусствоведческих наук.

Тамара. 1930-е гг.

Серьезные изменения в жизни Тамары и Михаила Борисовича произошли в 1938 году. Несмотря на то, что Михаил Борисович пытался избежать этого, его назначили заместителем председателя Всесоюзного комитета по делам искусств, а через несколько месяцев — председателем.

На Тамару кроме большой научной и общественной работы, забот о сыне и семье легла еще одна непростая «обязанность» — быть женой наркома в правительстве, возглавляемом Сталиным.

Приведу лишь один эпизод, иллюстрирующий эту «обязанность», описанный в воспоминаниях

ее сына Валерия Михайловича.

«Свое шестидесятилетие (21 декабря 1939 года) Сталин отмечал в сравнительно «узком кругу» (прием был человек на триста). Наркомы были приглашены с женами. Среди них был шедший по списку последним и не называвшийся наркомом, а председателем Комитета по делам искусств Храпченко с женой. Они сидели в самом конце зала, рядом с такими же «малозначительными» наркомками.

Как обычно, прием продолжался до утра. И вот, когда уже начало светать (а это было утро 22 декабря), Сталин и Микоян, который был тамадой, встают и идут через весь зал. Микоян суетится и восклицает: «Товарищ Сталин! Товарищ Сталин! Шестьдесят лет бывает раз в жизни! Надо продолжать!»

«А вот мы сейчас у народа спросим, - говорит Сталин и, дойдя до последнего столика, обращается к жене председателя ВКИ (вот кто, оказывается, народ). - Как вы считаете, пора кончать или надо продолжать?»

«Товарищ Сталин, пора кончать», - отвечает Тамара Эрастовна. Она, конечно, не вкладывала в эти слова никакого политического смысла, но все за ее столиком окаменели. А она поясняет: «Товарищ Сталин, вам надо отдыхать, а нам пора на работу». (Какая дерзость!) И тут Сталин неожиданно (как будто не заметил дерзости) говорит Микояну: «Ты, бездельник, всегда готов пировать! Послушай, что говорит рабочий человек!» Тамара Эрастовна чудом попала в точку. Сам вождь собирался заканчивать празднество. Через несколько минут зал был пуст.

Тяжелые испытания выпали на долю семьи Храпченко в 1948 году в связи с осуждением оперы В.И.Мурадели «Великая дружба». В свое время эти события широко освещались в прессе, хотя подлинная причина осуждения оперы никогда не раскрывалась: Сталину не понравилось, что она посвящена Орджоникидзе, а не ему.

А для семьи Храпченко эти события имели следующие последствия. После резкого высказывания Сталина в присутствии членов Политбюро в адрес Храпченко, Берия, не любивший Храпченко, взялся за свою работу. Михаила Борисовича начали ночью вызывать на допросы. К счастью, Сталин решил это дело направить по партийной линии, и Берии пришлось допросы прекратить. Занялся этим секретарь ЦК ВКП(б) А.А.Жданов. Михаила Борисовича сняли с поста председателя ВИК и объявили по партийной линии строгий выговор с занесением в личное дело. Несмотря на такой счастливый исход, семья Тамары еще долго хранила чемоданчик Михаила Борисовича и вздрагивала, когда ночью во двор въезжала незнакомая машина.

В постановлении ЦК ВКП(б) об опере «Великая дружба» композиторы Д.Шостакович, С.Прокофьев, А.Хачатурян и другие обвинялись в формализме, антипартийности, других грехах.

В развернувшихся дискуссиях о советской музыке непросто было Тамаре отстаивать ее от конъюнктурных критиков.

Со временем кампания по критике советской музыки пошла на убыль. Михаил Борисович вернулся к научной работе в области литературоведения, стал академиком-секретарем Отделения литературы и языка Академии наук СССР, Героем Социалистического Труда. Тамара большую научную и педагогическую работу. Руководила кафедрой истории зарубежной музыки Московской консерватории, стала ее профессором, растила и воспитывала своих учеников.

Тамара была деловым человеком в лучшем смысле этого слова. Вела большую научную, педагогическую и общественную работу. И в то же время воспитывала сына, умела организовать домашний быт, успевала регулярно играть в теннис. Каждый день у нее был строго расписан. При этом она была очень родственным, внимательным, отзывчивым человеком, всегда готовым отставить все дела и прийти на помощь, если это было необходимо.

Сын Тамары и Михаила Борисовича — Валерий — выполнил большую работу по организации издания переписки деятелей искусств с М.Б.Храпченко. Это уникальная книга, содержащая свыше 400 писем и телеграмм 130 адресатов — выдающихся деятелей музыкального, словесного, изобразительного и других видов искусств Советского Союза, для изучения духовной жизни страны в сложный период нашей истории перед войной, в годы войны и после нее. В настоящее время при активном участии Валерия Московская государственная консерватория готовит к изданию книгу писем и воспоминаний о Тамаре Эрастовне Цытович.

У Валерия и его жены Юлии три дочери, работающие в разных областях, и шестеро внуков: четыре мальчика и две девочки. Жизнь продолжается!

3. Мир, война и революция

В этой главе приведен полностью, без всяких изменений, текст воспоминаний моего отца о жизни рядовых армейских офицеров Российской Императорской Армии в мирное время и в годы войны.

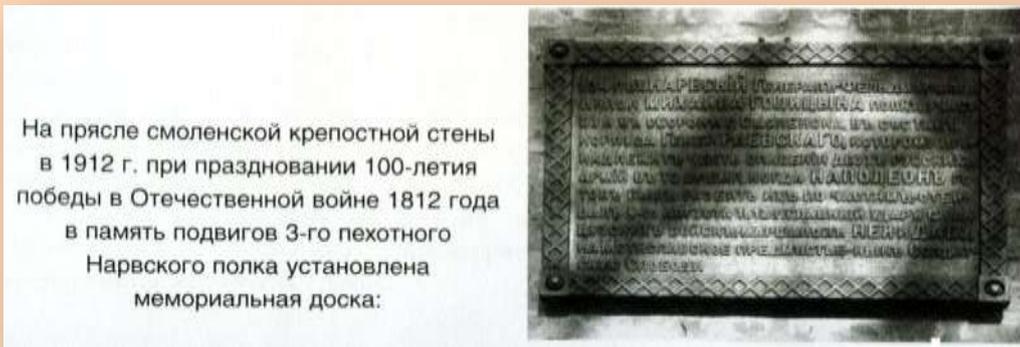
Единственным отличием от оригинала рукописи отца являются внесенные в нее фотографии, иллюстрирующие описываемые события, и дополнительная информация об упоминаемых личностях, воинских частях и отдельных фактах.

К сожалению, у рукописи нет даты. Очевидно, это 1924-1925 годы, когда отец по состоянию здоровья ушел с действительной военной службы в запас.

3.1. Матиясевич М.С. Из жизни строевого армейского офицера (1897-1918 гг.)

Нагрудный полковой знак и жетон в честь 200-летнего юбилея полка

Помещая отрывки своих воспоминаний, автор ни в какой мере не ставит себе задачей дать хоть сколько-нибудь полную картину быта и нравов старой офицерской армейской среды. Цель его ограничена: привести из своей службы в прошлом наиболее интересные или поучительные факты, внутренне между собой совершенно не связанные.

Из юнкерского училища я вышел в 3-й пехотный Нарвский полк 1-й пехотной дивизии, стоявшей в городе Смоленске.

Полк назван Нарвским за отличие при взятии Нарвы. Таким образом, это был один из старейших полков старой русской армии.

I

На первых днях по прибытии в полк предстояла довольно тягостная процедура визитов. Своим прямым начальникам - ротному командиру, батальонному и командиру полка нужно было представиться в служебной обстановке, то есть на службе, в казармах. \ затем полагалось представиться всем офицерам полка и их семьям, в том числе и семьям своих прямых начальников на их квартирах. Обычай по его смыслу симпатичный, но *практическое* осуществление этих визитов

было мучительно... Примерно семьдесят визитов на квартиры, разбросанные по всему городу!

Истинными носителями традиций, то есть укоренившихся, а значит иногда уже и устаревших служебных и бытовых привычек в полку, были его ротные и батальонные командиры.

Младшие офицеры, или, как их тогда называли, «полуротные командиры», хотя *и составляли* по численности значительную прослойку в офицерском обществе, до половины его состава влиянием не пользовались. Из соображений дисциплины и чинопочитания они должны были тянуться за старшими.

Таким образом, физиономия старших офицеров, в особенности командиров рот, верно, отображала физиономию всего полка.

Все они вместе со своим полком участвовали в Русско-Турецкой войне 1877- 1878 годов. Это были простые, религиозные, не блиставшие ни знаниями, ни образованием, совершенно патриархального склада люди, уставшие от монотонности неинтересной службы и мечтавшие только о том дне, когда выслуженная пенсия позволит снять с себя служебное ярмо.

От нас требовалось очень немного: поддерживать «честь мундира», что иногда понималось довольно своеобразно, быть преданными долгу и готовыми умереть «за веру, царя и Отечество».

При соблюдении этих основ на все остальное смотрели сквозь пальцы.

Стояла осень. Полки из лагерей вернулись на зимние квартиры, и солдаты были распушены на так называемые вольные работы. Командиры рот через фельдфебелей заранее озабочивались приисканием работ для солдат своей роты. Обыкновенно это были сельскохозяйственные или какие-либо земляные работы. Отправка на фабрики и заводы не разрешалась. Часть зарплаты отдавалась солдатам на руки, а другая шла на усиление хозяйственных ротных и полковых сумм. Для солдат этот месячный перерыв в их однообразной казарменной жизни был настоящим отдыхом.

И наконец началась зимняя учеба. Занятия велись утром и вечером. На вечерние занятия никто никогда не ходил, и вести их предоставлялось унтер-офицерам. Выйдет бывало по такому печальному поводу приказ высокого начальства, офицеры появятся на вечерних занятиях раза два-три, и опять все пойдет по-старому до следующего приказа. Однако это только зимой. Летом занятия велись интенсивно.

Раз в неделю проводились тактические занятия с офицерами на планах и картах. Эти занятия велись формально, для выполнения программы, и не отличались ни интересом, ни поучительностью.

Изо дня в день, из года в год ничем не нарушалась монотонность этого казарменного обучения и жизни, ничего не вызывая к себе, кроме тупого равнодушия.

Ко времени моего поступления в полк, как правило, от всех начальствующих лиц требовалось отеческое попечение и забота о своих подчиненных.

Еще на школьной скамье нам твердили о необходимости чуткого отношения к солдату, ссылаясь на примеры лучших полководцев и генералов нашего прошлого - Суворова, Кутузова, Багратиона, героев Севастопольской битвы, Скобелева и указывали на их боевые успехи, как результат, между прочим, их хорошего обращения с солдатами.

В учебнике тактики Драгомирова был большой раздел - воспитание солдата, в котором говорилось о том же.

Михаил Иванович Драгомиров (1830–1905 гг.) — генерал от инфантерии, военный теоретик и педагог

Темы сочинений по русскому языку изобиловали характеристиками соответствующих типов в нашей литературе.

Случаи рукоприкладства среди офицеров осуждалась товарищами. Мне лично известны два случая жестокого обращения с солдатами. В обоих случаях страдали денщики, причем капитан Квицинский за бесчеловечное обращение с денщиком, которого он избивал и не кормил, был предан суду, удален со службы и подвергнут шестимесячному заключению в крепости.

Но среди фельдфебелей и унтер-офицеров эти привычки под шумок еще держались. Помню, как-то на занятиях ружейными приемами, обходя фронт и исправляя после каждой команды держание винтовок, я заметил на глазах одного солдата слезы.

Ты что?

Я ничего, ваше благородие.

Почему у тебя слезы?

Так что ничего, ваше благородие, я ничего...

Скоро после этого случая, обходя фронт на таких же занятиях, я опять заметил слезы на глазах другого солдата и опять услышал:

«...Так что ничего, ваше благородие, ...свет режет... глаза болят...»

Только спустя несколько лет, когда я уже сблизился с солдатами и из роты ушел виновник этих слез ст. унтер-офицер Мальчевский, мне рассказали, что следуя за мной вдоль фронта, он каждому солдату, которому я делал замечание за неправильное держание ружья, зажимал нос между согнутыми указательным и средним пальцами и круто поворачивал его в сторону. Это не вызывало шума, а покотившиеся от такого приема слезы потерпевший должен был объяснять сам, причем ссылки на свет и на слабые глаза были подсказаны самим Мальчевским.

Между прочим, в дальнейшем Мальчевский попал на Дальний Восток, героически вел себя при обороне Порт-Артура и вернулся из плена тяжело раненым.

В конце XIX столетия офицерам были разрешены дуэли, находившиеся до того под *запретом*. Говорят, Александр III, подписывая об этом указ, сказал: «Не умеют вести себя, пусть дерутся на дуэлях».

Смысл этой фразы в том, что в полках везде были неисправимые грубияны, вызывающе державшие себя с товарищами и остававшиеся обычно безнаказанными. Вот для их обуздания, по смыслу слов Александра III «Кодекс о дуэлях» не только разрешал дуэли, но в определенных случаях их предписывал, причем уклонившиеся подлежали удалению из полка судом чести.

Такая редакция «Кодекса о дуэлях» давала почву для его пространного толкования и вскоре вспыхнула настоящая эпидемия дуэлей⁴ очень многие из них со смертельным исходом, так как дуэли обставлялись по «Кодексу» очень серьезно.

На месте дуэли проводились две черты на расстоянии, в зависимости от условия, пяти или

⁴ Согласно статистике, в период с 1894 по 1910 год в русской армии состоялось 322 дуэли, юм числе 256 — по постановлению суда общества офицеров.

десяти шагов одна от другой, так называемые барьеры, которые могли обозначаться и какими-нибудь предметами. От этих барьеров в каждую сторону отсчитывалось еще по десять шагов. Таким образом, противники разводились на 26~30 шагов. Применялись на дуэли только наганы, и выстрел в воздух не разрешался.

По условленному знаку стороны сходились к барьерам, и с этого момента каждый из противников имел право стрелять.

Поторопившегося выстрелом и не убившего своего противника последний подпускал к барьеру и стрелял в него, значит, с пяти или десяти шагов, то есть почти в упор.

Затягивавший свой выстрел рисковал быть убитым раньше, чем сделает его сам, потому что для нагана 35~30 шагов - верный выстрел.

Однажды выругал офицер по-дружески своего приятеля, когда оба весьма навеселе выходили из офицерского собрания⁵, - суд чести их полка, до сведения которого это дошло, обязал обоих к дуэли, на которой один из друзей был убит наповал.

Этот, как и многие подобные случаи нелепой смерти, настолько взволновали даже тогдашнее общество, что вскоре дуэли постепенно вышли из нравов полковой среды, хотя и не были отменены.

Года два спустя, летом, в офицерском собрании соседнего полка я играл в карты. К играющим привязался всегда пьяный поручик Вадбольский. Особенно грубо он приставал ко мне. Я принужден был извиниться перед своими партнерами, встать из-за стола и затем подать рапорт председателю суда общества офицеров с требованием удовлетворения от поручика Вадбольского.

На другой день Вадбольский был у меня в парадной форме с визитом и принес извинение. Это он сделал согласно постановлению суда общества офицеров.

Годом или двумя раньше нам непременно предписали бы драться на дуэли, и я бы в добавление к проявленной в отношении меня грубости, мог бы получить еще и пулю в лоб.

Но Александр III в некоторой степени был прав и на кое-кого этот институт дуэлей оказал отрезвляющее действие.

В полку я застал очень распространенным явлением пьянство. Пили все. Пили по разным поводам и без всяких поводов. Полковые праздники, проводы уходивших из полка товарищей, всякие общие собрания по разным случаям сопровождались героическими попойками до утра.

Каждый год полк терял нескольких совсем спившихся офицеров, удаляемых из полка или в дисциплинарном порядке, или по частному предложению командира полка, когда оставлять их в полку уже не представлялось больше возможным после неслыханных дебошей и скандалов в городе.

Настоящим же бичом в офицерской среде была глубоко укоренившаяся азартная карточная игра. Ей была подвержена значительная часть офицерского состава полка. Играли после каждой денежной полочки, и играли до тех пор, пока деньги не переходили в карман двух-трех счастливых.

Последствия карточной игры и связанных с нею проигрышей бывали разнообразны и губительны как для незадачливых игроков, так и для интересов службы.

Капитан Тынкевич азартной игрой составил себе целое состояние, оценивавшееся свыше двухсот тысяч рублей. Фельдфебелю своей роты он ежемесячно платил из своих средств тридцать рублей, а сам в роту почти никогда не ходил.

Карточный азарт нередко приводил к проигрышу казенных или солдатских денег, самоубийствам, скандальным историям.

Капитан Волошинов по несколько месяцев не выплачивал солдатам жалованья, и они уже знали, что «ротный проигрался».

Военное духовенство тоже высоко держало знамя и в попойках, и в картежной игре. И все-таки наш полковой «батя» славился. Всякая попойка неизменно заканчивалась тем, что батю в совершенно бесчувственном состоянии грузили в полковой экипаж и отвозили на квартиру.

Это ничуть не мешало, однако, в пост идти к нему на исповедь, класть перед ним на аналой заранее для сего приготовленный серебряный рубль, восковую свечу, и отвечать на неизменный в этом случае его вопрос: «нет ли о-со-бых грехов?».

Батя обыкновенными грехами явно не интересовался: кто, мол, не грешен?!

Исповедь и причастие для офицеров были обязательны и регистрировались в особой книге.

---

³ Клуб

Иногда монотонность нашей службы нарушалась вызовом полка на охрану проезда царских поездов.

Поездка царя по железной дороге всегда сопровождалась высылкой войск для охраны всего пути его следования. Охрана выставлялась по обеим сторонам железнодорожного пути. Ехал царь из Петербурга в Ливадию, и войска выставлялись от Петербурга до Ливадии!

По прибытии на место охраны войска, согласно особой инструкции, становились в первое положение. Выставляли посты в зрительной связи между собою и часовых к трубам, водокачкам, мостам, переездам, и одновременно расследовалось все подозрительное.

С объявлением второго положения прекращалось всякое движение по железнодорожным путям и через них, даже работников службы пути, чинов полиции и жандармерии. Оставались открытыми для движения только переезды.

С третьим положением прекращалось движение и через переезды, а все часовые вдоль пути с приближением царских поездов должны были тотчас повернуться в сторону их движения и смотреть только перед собой, отнюдь не смея поворачиваться к поездам, которых обычно проходило два: свитские впереди, и за ними на небольшом расстоянии - поезд царя. Этим приемом все внимание фиксировалось только на охране проезда царя.

Наконец пролетали царские поезда. Для этой *минуты* войска привозились часто из *отдаленных* губерний и отвозились затем обратно, стояли на охране 7-8-10 дней, в *третьем положении*, длившемся иногда два-три часа; у бойких переездов скапливалась масса *людей*, подвод, экипажей. Опаздывали к поездам... *Все* негодовали...

Стоила эта охрана огромных денег.

Среди промелькнувших типов того времени особое место занимает поручик Арендт. Быть может, о нем не следовало бы и вспоминать и потому, что мало ли дебоширили люди в старину, да иногда дебоширят и в наше время, и потому, что нужно ли, так сказать, увековечивать имена дебоширов, и потому еще, что все-таки поступки Арендта вызывали общее изумление и иногда порицание, значит, не были будто бы характерными для нравов своего времени и среды... Но, однако, Арендт все-таки в течение полутора лет безнаказанно смущал весь гарнизон и город неслыханными поступками, из которых здесь приведена, может быть, только ничтожная часть уже потому, что многие из них вовсе неприемлемы для печати. При этом подвизался он не где-нибудь в захолустном гарнизоне, а все-таки в одном из центральных губернских городов. Хотя это был тип исчезающий, однако он промелькнул не так уж давно - в 1903 году.

Словом, появление Арендта теперь было бы немислимо, значит, оно в чем-то характерно для его времени.

В конце лета 1903 года на улицах и в местах общественных гуляний Смоленска появилась новая, сразу обратившая на себя всеобщее внимание фигура. Это был могучего сложения, высокий, статный красавец-офицер. Это и был поручик Арендт. Сын лейб-медика двора его величества, когда-то кадет пажееского корпуса, из которого был исключен, он хлопотал о переводе его в один из полков нашего гарнизона и по тогдашним правилам для ознакомления с ним предварительно должен был пробыть в прикомандировании к полку не менее двух месяцев. Но Арендт и этого стажа не выдержал...

В разгар гулянья в городском летнем, саду, проходя по веранде ресторана, Арендт вдруг берет со столика, занятого студентами, бутылку пива и ни слова не говоря ударяет ею по голове ближайшего к нему студента.

На него бросилась публика, официанты, но Арендт, обнажа шашку, объявил, что как капусту изрубит всякого, кто вздумает подойти к нему. Как ни в чем не бывало направился к стойке буфета, выпил водки и вышел из сада.

Свой неслыханный, возмутивший всех поступок он объяснил тем, что будто бы слышал, как студенты неуважительно говорили об особе государя императора. Однако выяснилось, что они говорили на совершенно иные темы.

Начальник гарнизона генерал от кавалерии Ребиндер, чтобы ликвидировать эту историю, арестовал Арендта на две недели с содержанием на городской гауптвахте.

Через два дня начальник караула доносил коменданту города о самовольной отлучке Арендта с гауптвахты. Нужно заметить, что офицеры, арестованные в дисциплинарном порядке, содержались в отдельной комнате без приставления часового.

Комендант, сообщив о случае начальнику гарнизона, через своих адъютантов скоро выяснил, что Арендт кутит в ресторане на самой людной улице города, но когда пришли за ним, вылез на крышу ресторана и объявил, что объясняться с кем бы то ни было будет только на крыше.

Народу на улице собралась тьма, пока наконец Арендт, наскучив всей этой истерией, не возвратился добровольно на гауптвахту.

Ребиндер прибавил ему за это еще две недели ареста.

В конце получившегося таким образом месяца ареста, дня за два до его истечения, в офицерском гарнизонном собрании для открытия зимнего сезона был назначен большой бал. В разгар бала в танцевальном зале, в то время когда генерал Ребиндер стоял и разговаривал с дочерью бригадного генерала Толпыго, за которой он ухаживал, или, вернее, которая за ним ухаживала, вдруг появляется Арендт. Он быстро подходит к Толпыго, приглашает ее на вальс, и, прежде чем Ребиндер успел что-нибудь сообразить, пара уже неслась по залу в вихре вальса. Арендт к тому же был великий танцор.

Ребиндер, весь багровый, обратился к подошедшему начальнику штаба корпуса генералу Биргеру. Тот подозвал к себе Арендта и сказал: «Поручик, я категорически требую, чтобы вы немедленно оставили собрание». Арендт, ничего не отвечая, обвел глазами зал, разыскал дочерей генерала Биргера, сделал тур вальса с одной из них, потом с другой и только после этого вернулся на гауптвахту.

Ребиндер дал ему еще месяц ареста с переводом в особую камеру и приставлением часового. Одновременно над Арендтом было назначено следствие, якобы он грубо растолкал караульных солдат при уходе с гауптвахты. Солдаты оказались на стороне Арендта и единогласно показали, что он никого не толкал.

На другой день, выйдя в сопровождении выводного на двор гауптвахты для прогулки, Арендт тотчас полез на высокий забор. Часовой закричал ему: «Ваше благородие... я ж должен стрелять». «Нет, врешь, - говорит Арендт, продолжая лезть на забор, - ты не знаешь устава, ты должен три раза предупредить меня и только потом стрелять». И уже с другой стороны забора, когда часовой растерянно лепетал: «Ваше благородие... Ваше...» - Арендт, смеясь, сказал: «Ничего не бойся... назад через забор не полезу, а иди встречать с главного входа». - И действительно вернулся на гауптвахту через вход с улицы.

На гауптвахте мыши прогрызли ему пальто. Арендт тотчас предъявил через городского судью иск на 70 рублей коменданту города, ссылаясь на те статьи устава гарнизонной службы, которые на коменданта города возлагают ответственность за исправное содержание военных мест заключения в гарнизоне.

Поставив коменданта города особым рапортом в известность об учинении ему иска на 70 рублей, Арендт, в предупреждение подобных, как он указывал в рапорте, печальных случаев в будущем, просил о прикомандировании к нему кота.

Писари комендантского управления, уже хорошо знавшие Арендта по обширной о нем переписке, шутки ради послали ему со сторожем гауптвахты кота.

Голодный кот скрылся, конечно, с гауптвахты на другой же день.

Арендт тотчас посылает коменданту города срочное донесение о самовольной отлучке кота с гауптвахты, в котором просит принять меры к розыску его и водворению на место.

И т.д. и т.п. Дня не проходило без очередной истории, не всегда невинного свойства. Так, например, попросив к себе по чрезвычайно важному делу коменданта города, когда тот пришел, Арендт, вынимая бритву, говорит: «Вы меня довели до того, что я зарежусь... или... *знаете...* - добавил он, делая к коменданту два шага с таинственным видом... - еще *кого-нибудь* зарежу». Злополучный комендант поторопился выйти из камеры.

Выйдя, в конце концов, с гауптвахты, Арендт познакомился в ресторане с молодым помещиком. Тот рассказал, что едет на днях к невесте в имение ее родителей и предложил Арендту ехать вместе.

Компаньон и собутыльник Арендт был замечательный. Однако пьяным его никто *никогда* не видел.

Погостили они в имении, счастливый жених должен был уехать, а Арендт остался еще на несколько дней. Затем вдруг исчезает вместе с невестой своего приятеля и, вернувшись через два дня, объявляет изумленным родителям, что он и их дочь - муж и жена! Обвенчал их священник

ближайшей сельской церкви.

Арендт ушел в запас, поселился под кровом тестя и тещи, и повел дела так, что скоро из дома разбежались все, оставив его одного на хозяйстве. Впрочем, жена безумно его любила. Что последовало дальше, не поддается никакому описанию. Можно было бы написать отдельную книгу.

Кончил Арендт самоубийством, после того как все свои дела и свое положение завел в окончательный тупик.

Арендт, человек с огромной и дурно направленной энергией, конечно, был исключением, представителем далекого прошлого. Но вот уже после Русско-японской войны трое совсем молодых, только что окончивших военное училище офицеров, люди с законченным средним и специальным военным образованием, поселившись в казенных квартирах за городом во вновь отстроенных полковых казармах, занимались от нечего делать игрой в «кукушку»: в комнате гасился свет и в абсолютном мраке один из приятелей стрелял из нагана в другого в ответ на его вызов «ку-ку», после которого нужно было быстро переменить место.

Приятели этой же тройки в темной комнате по очереди брали заряженный одним патроном наган и, несколько раз крутанув его барабан, спускали курок себе в висок. Испытывали судьбу?..

Пусть это была несомненная - быстро прекращенная старшими товарищами - мальчишеская бравада, подражание давно забытому прошлому, случайно обошедшаяся без жертв, но о какой все-таки пустоте личной жизни она рассказывает...

Офицерам воспрещались неравные в сословном отношении браки, кроме того, для вступления в брак требовалось внесение 5000 рублей залога, так называемого реверса, клявшегося минимальным материальным обеспечением будущей семьи. Реверс возвращался по достижении офицером 28 лет.

Такие стеснения приводили к незаконным связям и, например, в нашем полку их было несколько. Положение этих семей было поистине трагическое. Какая нужна была сила чувства и истинно героическая твердость характера, чтобы в течение целой жизни выносить тяжесть ложного, двойственного положения. Этим незаконным женам возбранялся вход в офицерское собрание. Дети их лишались возможности поступления на казенный счет в учебные заведения. Овдовевшие незаконные жены не имели права на пенсию.

Один приятель моих товарищей по полку, вернувшийся из отпуска из западной Сибири, рассказал мне, что Тобольский губернатор - это было в девятисотых годах, - движимый любопытством, раскопал в Березове могилу Меньшикова, ожидая найти его хорошо сохранившимся благодаря глубоко промерзшему грунту.

Оказалось, Меньшиков действительно лежал как живой, но губернатор был немедленно уволен в отставку. Его любопытство нашли бестактным, потому что в памяти туземного населения Меньшиков сохранился как человек святой жизни, а тут вдруг губернатор еще и «мощи» его открыл. В понятиях высшей русской администрации сосланный и двести лет спустя после смерти остается сосланным.

Между прочим же, будучи в отпуску, я натолкнулся на характерный и интересный факт другого рода. Ежегодно полагавшийся 28-дневный отпуск я как-то использовал на поездку в Петербург с целью осмотра его достопримечательностей. Вхожу в Петропавловский собор. На переднем плане - гробница Александра III, и как последнего по времени умершего императора она была вся в венках. Вот выделяется венок от президента французской Республики. Гробницы остальных императоров, начиная с Петра Великого, стояли только с большими подсвечниками в головах и ногах, с горящими на них неугасимыми лампадами.

Но я сразу обратил внимание на яркое освещение впереди слева в углу. Тяжелые подсвечники были сплошь заставлены горящими свечами, и целые горы их лежали, готовые заменить догорающие.

Я решил, что, вероятно, празднуется память какого-нибудь святого, иконы, или, вообще, что я забыл какой-нибудь в тот день праздник. Но на мой вопрос об этом сопровождавший меня сторож - старик-инвалид, весь обвешанный медалями, - таинственным шепотом заговорил: «Никак нет, никак нет, ваше благородие, праздника нет сегодня. Это у гробницы императора Павла Петровича народ приезжает со всех концов на поклонение молиться, ставит свечи, а праздника никакого нет-с».

Так темные, невежественные, религиозно и мистически настроенные известные прослойки в нашем народе всегда реагировали на драматические эпизоды нашей отечественной истории.

И того позднее, в 1919 году, эта черта сказала еще разительнее в факте паломничества - находились такие старушки - в селе Покровское прежней Тобольской губернии

к дому «убиенного старца» Григория Распутина!

В полковой жизни большое значение имела личность командира полка. Командир полка давал тон этой жизни. Она или отличалась оживлением, когда устраивались танцевальные вечера, пикники, общие обеды и ужины, охоты, то музыкальные, то карточные вечера... или она замирала вовсе. Но командир полка, кроме того, всегда мог под тем или иным предлогом задержать вам отпуск, назначить или не назначить в имеющуюся чем-либо интересную или выгодную командировку, дать или не дать согласие на перевод в другой полк, ротного командира представить или не представить к должности батальонного командира и т.д. и т.п. Немудрено, что смена командира полка всегда вызывала оживленное ожидание.

Эта должность в армейских полках замещалась кандидатами от армии, гвардии и генштаба в определенной очередности, причем наибольшее количество вакансий предоставлялось генштабистам, несколько меньше - гвардии, а самое малое - кандидатам от армии, несмотря на подавляющее численное их превосходство. Благодаря этому получение должности командира полка для армейского офицера являлось почти недостижимым.

Такое положение всегда было причиной недовольства в армии, в особенности в отношении гвардейских преимуществ, в глазах армии ничем не заслуженных, грубо деливших армию на белую и черную кость.

Плохо уживался полк и с представителями генштабистов. Полк для них не был своей родной семьей, а служил лишь стажем, необходимой ступенькой их обеспеченной карьеры.

Но надо сказать прямо: армейские кандидаты в общем, если откинуть исключения, все же были самые худшие. Тяжело и случайно сделанная карьера оставляла на этих людях свои следы...

В полках имелись офицерские собрания с обширными библиотеками, выписывались почти все издававшиеся газеты и журналы, имелись шахматы, бильярд, была неплохая кухня, ставились спектакли, устраивались вечера, охоты. В гарнизоне было общее собрание, существовали меры для всевозможного удешевления жизни офицеров и т.д. и т.п., и все-таки *из* полков бежали.

Уходили в военные училища, в кадетские корпуса, интендантство, пограничную стражу, полицию, жандармерию, конвойные войска, уходили в запас с переходом на гражданскую или частную службу. А кому не удавалось, замыкались в своих семьях или пьянствовали и проводили время за картами.

Причин этому, конечно, немало, но главнейшая - в настроениях тогдашнего общества и его отношении к военному делу. Это отношение могло быть сформулировано так: армия - главный тормоз прогресса, военная специальность - позорное ремесло. Это было в значительной степени также и результатом привлечения войск для подавления освободительного движения.

И одновременно с этим дело воспитания солдата и подготовки армии к войне было заключено в столь узкие рамки, что не вызывало к себе никакого интереса; военной наукой мало кто занимался, за нею никто не следил, и в этом отношении наша армия стояла на очень низком культурном уровне.

Конечно, такие общие условия службы ничего не могли возбуждать к военному делу, кроме отвращения или равнодушия, в лучшем случае, и, наряду с плохим материальным обеспечением офицеров, являлись причиной массового бегства их из армии.

II

Осенью 1903 года один из моих товарищей, с которым я был в переписке со школьной скамьи и служивший на Дальнем Востоке, писал мне, что у них все говорят о неизбежной войне с Японией. Что многочисленные японские предприятия, парикмахерские, прачечные - эти открытые в городах Дальнего Востока гнезда японского шпионажа - энергично свертываются.

Тревожные слухи начали распространяться и в широких кругах населения. Наконец обеспокоилось и петербургское правительство.

Однако запрошенный им наместник Его Величества на Дальнем Востоке адмирал *Алексеев* о возможности войны с Японией, как известно, ответил, что наш флот на *Дальнем* Востоке равносителен японскому и что, следовательно, война для Японии с нами невозможна.

Адмирал *Алексеев* не учел при этом того обстоятельства, что наш флот на Дальнем Востоке стоял в двух разобщенных огромным расстоянием гаванях Порт-Артура и Владивостока и что

Япония находилась как раз посреди не этого расстояния. Таким образом, наш флот нужно было вдвое уменьшить против оценки его Алексеевым или держать в одном месте.

Но Русско-японская война началась известным внезапным нападением японцев именно на наш флот, и выведенные при этом нападении из состава Порт-артурской эскадры корабли наше положение на море ослабили еще больше, что дало возможность Японии перебросить на материк огромную армию и беспрепятственно питать ее всем необходимым в течение всей войны.

Евгений Иванович Алексеев (1843–1917 гг.) — генерал-адъютант, наместник императора Николая II на Дальнем Востоке

Таким же «расчетом» оказался и расчет сухопутных сил Японии. В соответствующем отделе Управления генерального штаба считали, что Япония в случае войны не может выставить на материк больше 120 000 человек. Как известно, японцы на театре войны имели полумиллионную армию, и что даже и эта цифра еще не окончательно исчерпывала их возможности.

Сибирская железная дорога не была закончена. Я проехал по Кругобайкальской железной дороге в качестве раненого, подлежавшего эвакуации в Европейскую Россию, с первым поездом - это был санитарный поезд - лишь в первых числах января 1905 года.

В связи с неготовностью Кругобайкальской дороги, железнодорожные пути прокладывались по льду Байкала, конец 1904 г.
Рисунок из летописи «Русско-японская война 1904–1905 годов»

Укрепление Порт-Артура также не было закончено, отпускавшиеся кредиты не были использованы, а в отношении Порт-артурского крепостного района нашли место такие же *расчеты*», как оценка и морских, и сухопутных сил Японии. Весь этот район с севера прикрывала знаменитая Кинчжоуская позиция. Очень сильная с фронта, она имела фланги, упирающиеся в море, по имевшемуся официальному описанию Порт-артурского крепостного района - совершенно здесь недоступные для морских судов по своему мелководью. Русским командованием позиция оценивалась как неприступная.

И вдруг эта позиция очутилась под сильнейшим фланговым и тыльным огнем с судов японского флота, так как «мелководье» оказалось мифическим! Противодействовать этому огню было нечем и

уже поздно, а сильнейшую Кинчжоускую позицию мы спешно и непредвиденно очистили, значительно ухудшив этим положение Порт-Артура и сократив время его сопротивления.

И наряду с такой военной нашей неподготовленностью на Дальнем Востоке наше правительство вело там активную захватническую политику, а в отношении Японии даже вызывающую. Вместе с США и Англией мы в значительной степени лишили Японию плодов ее побед в войне с Китаем, потребовав очищения занятого ею в этой войне *Порт-Артура*, а вскоре после этого сами без войны фактически завладели им, взяв в аренду на 99 лет от Китая, и начали постройку КВЖД⁶.

В консервативной и реакционной печати велись нападки на проникновение Японии в Корею. Наконец, известные лесные концессии⁷ в районе пограничной с Кореей реки Ялу переполнили чашу японского терпения.

Совершенно ясно, что задачи и цели начавшейся войны были вовсе чужды и непонятны решительно во всех слоях населения страны, и по своей непопулярности Русско-японская война заняла исключительное место на протяжении всей военной истории старой России.

Не так давно перед тем в англо-бурскую войну несколько офицеров из нашего гарнизона поехали добровольцами в Африку сражаться за буров, причем для них это было связано с большими материальными трудностями. Но не было ни одного офицера, который добровольно поехал бы сражаться с японцами за собственное Отечество (!), так непопулярна была Русско-японская война.

На формирование новых частей для Маньчжурской армии и для пополнения ее потерь из полков Европейской России непрерывно брали по 5-10 человек от роты, а офицеров - по 5-10 от полка. Командиры полков, во избежание упреков, что высылают худших офицеров или почему-либо лично неприятных для них, предоставляли дело случаю, и когда полк получал наряд на высылку пополнений, жребий решал, кому ехать.

Весной 1904 года в Моршанске шло формирование частей 6-го Сибирского корпуса. На его пополнение в качестве младшего офицера по жребию попал и я.

Два месяца шло сколачивание полков, их обучение, и после смотра, произведенного тогдашним командующим войсками Московского военного округа великим князем Сергеем Александровичем, полки погрузились на железную дорогу для следования на Дальний Восток.

Великий князь Сергей Александрович

Великий князь Сергей Александрович, родной брат Александра III, бывал и раньше у нас в полку на разных торжествах.

Это был очень высокого роста, тонкий, как жердь, надменный и очень ограниченный человек. Надменный до того, что свысока относился даже к членам императорской фамилии младшей линии. В Москве его ненавидели. О нем, разорванном бомбой Каляева в 1905 году, говорили, что когда

⁶ Китайско-Восточная железная дорога, проходившая по территории Маньчжурии и соединявшая Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Построена в 1897-1903 гг. Принадлежала России и обслуживалась ее подданными.

⁷ Лесные концессии на пограничной между Китаем и Кореей реке Ялу, впадающей в Корейский залив Желтого моря. Получены 9 сентября 1896 года у корейского правительства владивостокским купцом Юлием Бринером сроком на 20 лет. Защита таких крупных частных коммерческих интересов в Корее давала России право вмешиваться в корейские дела, тем самым устанавливая противовес японскому влиянию.

собирали его остатки, так и не нашли мозгов.

Ехали на Дальний Восток целый месяц и в дороге ничего не делали.

Кругобайкальская железная дорога не была готова. Плыли через озеро Байкал. Рельсы железнодорожного пути смыкали с рельсами, положенными на палубе ледокола «Байкал» и поезд целиком вкатывался на палубу ледокола двумя частями по обоим бортам.

Всех товарищей поражал крайне мрачным своим настроением и дурными предчувствиями капитан Сланской. Он не переставал говорить, что с ним что-то должно случиться.

Очередная остановка на долгом пути на Дальний Восток

Миновали Харбин. В Мукдене выгружались. Под Мукденом стояли биваком, отдыхали три дня, и к югу отсюда пошли походным порядком.

Мукден

Башня на крепостной стене

Городская башня Мукдена

Маньчжурия

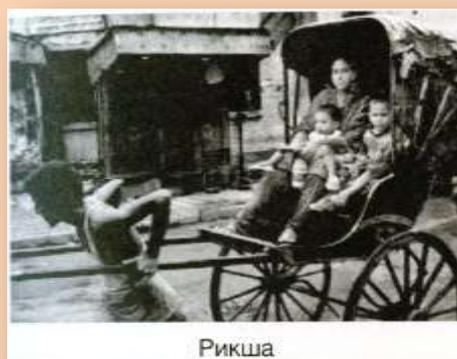
Деревенская фанза

Типичная городская улица

Богатый кореец

Рикша

Все нас поражало в Маньчжурии... Люди, их одежда, города, храмы, дворцы, поля, деревни - все резко отличалось от всего того, к чему мы привыкли у себя в России.

Мой ротный командир капитан Бучковский, между прочим, сотрудник нескольких московских газет, музыкант, высококультурный и очень добрый человек, бросился в Мукдене скупать всевозможные китайские безделушки, и я *напрасно* уговаривал его отложить эти траты до благополучного возвращения с войны.

Тягостное впечатление производили рикши. Езда на людях (!), так распространенная во всех странах Дальнего Востока.

Началось большое сражение на реке Шахэ. Наш батальон был в резерве у окраины живописной китайской деревушки.

В воздухе стоял гул от артиллерийской канонады, и доносилась частая ружейная трескотня. Оттуда мимо нас шел густой поток раненых. Кого несли, кто шел сам. Или вдруг, остановившись и нагнувшись над своим раненым, санитары сбрасывали его у дороги и с пустыми окровавленными носилками возвращались назад.

Но вот около самого батальона в землю ударила граната, и сидевший на барабане в стороне от батальона капитан Сланский, страшно окровавленный, покатился убитым наповал. Это был первый убитый в полку.

И почти тотчас в самую гущу батальона влетели одна за другой несколько гранат. Каждая из них сметала 8-10 человек.

Убирали убитых, выносили раненых и смыкали ряды. Однако батальон пришлось перевести в

другое место.

Позже болтали, что о нашем расположении в деревне сигнализировали китайцы.

Весь следующий день шли. К вечеру полк стал биваком. Был прочитан известный приказ главнокомандующего Куропаткана о переходе русской армии в наступление, и к утру было приказано изготавиться.

В походные палатки раздавали солому для спанья, ночь была холодная, многие надевали чистое белье в виду боя и торопились лечь спать.

Я уже совсем засыпал, как услышал: меня будит денщик, и докладывает, что какой- то солдат нашей роты непременно просит меня выйти, а зайти в палатку не может, так как ему надо видеть меня наедине. Я помещался с командиром роты.

Как мне не хотелось вылезать на холод - было **30** сентября, - но делать было нечего. У палатки меня встретил почти мне не знакомый солдат, маленький, с густой небольшой *окладистой* бородой, попросил отойти в сторону и заговорил: «Ваше благородие, возьмите эту молитву, перепишите и перед боем прочитайте три раза, носите ее при себе и вы сами увидите, что никакое оружие вас не возьмет, и вернетесь вы, хотя бы и раненый, *лсивой* к семье. Молитву перепишите и верните мне».

Я был тронут. Взял молитву, но сказал, что переписать ее сейчас решительно не *в состоянии* - холодно, неудобно и вставать рано надо. Мне была оставлена молитва *с просьбой* вернуть ее на другой день. Но обстоятельства сложились иначе и мы с ним больше не видались.

Вот эта «молитва» с соблюдением ее орфографии:

«Быль Князь пилипус Ехоне 18-го быль у него прислуга, которому за одну вину хотел голову отсечь. Когда палачь не могь ему голову отсечь? Это увидел тогда онь и спросиль этого прислугу изь чего это происходит, что эта шашка никакой раны тибий не можеть сделать. Тогда этоть слуга показал эту книжку и с буквами **Х.З.П.Д.Х.А.Ф.Х.Х.У.Х.Д.И.Я.Х.**

Тогда Князь увидель это тогда приказать онь чтобы все написали эту книгу и каждый при себе носиль.

Если у какого нибудь человека изь носу кровь тичеть, или какея-нибудь раны сделаны и кровь нельзя содержать тогда возьми эту книжку и положи на стать раны, тогда эта кровь скоро перестанет и раны скоро заживут, а кто это не в ърить тоть можеть испытать это на одной шашки и колоть на кошку или собаку. Тогда увидишь что нельзя будеть заколоть или засечь, а кто эту книгу при сибь носить тоть будеть охронень противь всякихь несчастей и оть всякого зверя и нечистыхь духов. И се неприятель ему ничего не могуть зделать они эти пять Святынь + **Х.Х.З.З.З.** + Иисусь Христос пять святынь рань, тогда ты будешь охронень перед и всяких неправедных суть +++++ **Х.Х.У.У.З.** - **Т.Н.А.И.**

Кто эту книжку при сибь носить тому неприятель ничего не зделаеть хорошо происходит и съ Божей помощью и огонь его не сожжет и громь его не убьеть и когда женщина родить дитя тогда эту книгу дай вьруки ей тогда она безь Боли родить своего дитя и дите это будеть счастливо на всю свою

жизнь.

Эта книга дороже всего. Уисус схраниль меня оть грома и всякого несчастья во имя твое ++ Уисус изгоняюще тебь приказываешь и вся я дела делать во ими Отца + и Сына + и Святого духа + Аминь Аминь и Аминь.»

Этот «талисман» как дар чистого сердца сохранялся у меня до сих дней.

И пробовало меня взять разное оружие и не взяло!

Мне говорили, что эта «молитва» имеет хождение в кругах раскольников.

Было еще темно, когда на биваке началось движение. Лично я спешил позавтракать, большинство товарищей в виду боя не ели из того соображения, что раны, в особенности в живот, легче переносятся при пустом желудке.

Но кто и когда будет ранен?..

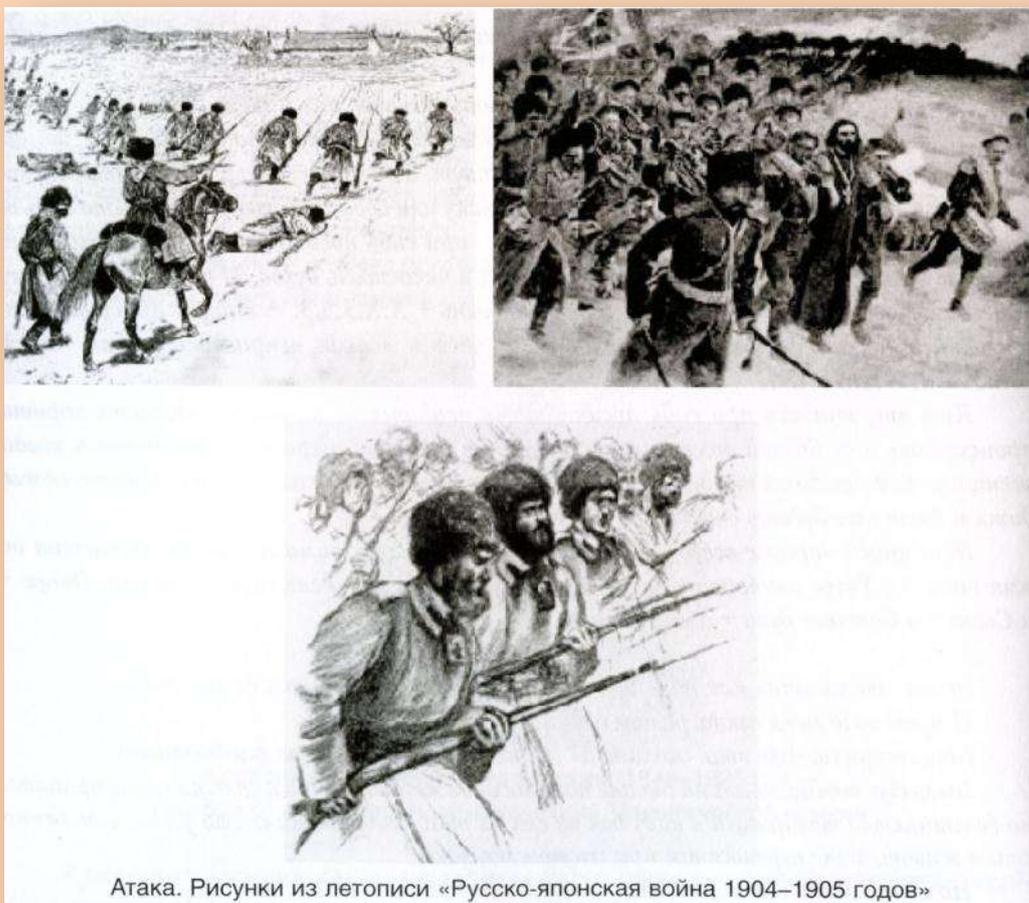
Чуть забрезжил свет, батальоны двинулись к своим исходным для наступления пунктам. По прибытии на место наш батальон развернулся, и роты ждали особого приказа начать движение.

Мы должны были штурмовать укрепленную деревню Чон-лин-пу. У меня было превосходное настроение и никаких предчувствий, как я ни силился заглянуть в свое ближайшее будущее.

Но вот к командиру батальона подскочил казак с пакетом. Ротные командиры были вызваны к командиру батальона, а еще через минуту я получил приказание от Бучковского вести свою полуроту.

Я вышел на тридцать шагов перед серединой полуроты и скомандовал «цепь вперед». Я видел, как головы длинной шеренги солдат поднялись кверху, как зашевелились их губы, шепча молитву, как закрестились они часто-часто и пошли.

До японцев было 1400 шагов. Только после того как мы прошли несколько сот шагов, свистнула первая пуля, другая, и поднялся довольно редкий ружейный огонь. Видя, что потери незначительны, я продолжал безостановочно вести полуроту. Ощущение было неприятное. Казалось, что пуля почему-то непременно в живот ударит.

Атака. Рисунки из летописи «Русско-японская война 1904–1905 годов»

Меня только удивляло, что на штурм укреплений деревни мы идем не только без артиллерийской подготовки, но и без единого артиллерийского выстрела, в то время как китайские деревни - это естественные крепости. Почти каждая деревня обнесена мощной глинобитной стеной, слежавшейся и закаменевшей за сотни лет ее существования.

Но вот и редкий огонь стал замирать и прекратился вовсе. Я ничего не понимал. Тучковский шагав в ста за мной вел вторую полуроту. Вскоре я заметил, как вторая полурота перешла на движение влоборота налево и ускоренным шагом явно стремится выйти на линию моей полуроты.

Японцы были уже совсем близко. Вторая полурота с Бучковским впереди бегом выходила на мою линию. Я решил немедленно броситься в атаку и уже наложил руку на эфес шашки, чтобы обнажить ее, как вдруг раздался одиночный оружейный выстрел, и снаряд совсем невысоко пролетел прямо над моей головой.

Как молния пронзила мою голову мысль, что это или пристрелочный, или сигнальный выстрел и что сейчас последует залп.

И не успел я крикнуть «ложись» и опуститься на землю, как со стороны деревни раздался оглушительный залп из всех орудий.

Я помню только как бы удар по голове и как я инстинктивно задрал голову кверху, чтобы, падая, не удариться лицом об землю.

Когда я пришел в себя, было еще два залпа шрапнелью на картечь. Опорожненные стаканы шрапнели, кувыркаясь в воздухе, пролетали, производя характерный рокочущий шум.

Около моей головы на земле была огромная кровавая лужа. Справа и слева лежали изуродованные трупы. Рядом лежала оторванная от плеча рука старшего взводного унтер-офицера Гремякина.

Кто-то крикнул, и по тону голоса было видно, уже не в первый раз: «Ваше благородие, ваше благородие, что делать?» Только я приподнялся на локоть и хотел приказать сомкнуться ко мне, как со стороны японцев раздался взрыв ракетного огня, и я почувствовал боль в правой половине груди.

Малейшее шевеление кого-нибудь в цепи вызывало со стороны японцев бешеный ружейный огонь.

Я начал сознавать всю трудность положения. И в то же время чувствовал, как промокает мундир во всей правой половине груди.

В цепи почти никто уже не шевелился. Время шло...

Вдруг с нашей стороны раздалось выстрелы. Чаше, чаще. Японцы начали отвечать. Было очевидно, что наш батальонный резерв повторяет атаку.

Пули свистели с обеих сторон. Недолеты с нашей стороны ложились совсем близко меня, и стоял пронзительный визг от рикошетов.

Я видел, как по мере приближения наших должен сгуститься огонь, каким безвыходным станет положение с их приближением, и совершенно одинаково можно будет получить пулю и от своих. В то же время беспокоила мысль, что я остаюсь так долго без перевязки, а кровь проступает уже через мундир.

И я решил ползти к своим...

Но чуть только я приподнялся и медленно начал поворачиваться, как рой пуль с японской стороны снова засвистел кругом, и тотчас же вторая пуля ударила опять в грудь.

Кровь так пошла, что мне казалось: без немедленной перевязки я все равно погибну - и решил не останавливаясь ползти.

Скоро началось неубранное гаоляновое поле, которое японцы с целью расчистки обстрела не скошили, а сильно примяли.

Гаолян - хлебное растение. Его толстый, пальца в три, коленчатый, как камыш, стебель заканчивается кистью зерен в виде проса. Гаолян так высок, что всадник скрывается в нем с головой.

Стал я цепляться портупеей шашки, шнуром револьвера за толстые гаоляновые стебли. Жалко было, а делать нечего - отцепил и бросил оружие.

Как только тронусь, свист пуль останавливал меня. И снова полз.

Поднял я руку к ране на голове, и тотчас пуля ударила в кисть правой руки.

Я лихорадочно продолжал ползти и чем дальше, тем огонь с нашей стороны делался все более угрожающим. Нас, очевидно, из-за гаоляна не замечали. Солдат вправо от меня тоже полз и неистово кричал: «Братцы, не стреляй! Свои, раненые!». Но огонь только усиливался.

Я вспомнил о широкой канаве, которую мы переходили при наступлении, и думал, только бы добраться до нее.

Японцы по-прежнему отвечали огнем на каждое мое движение, и вдруг пуля ударила меня в самый локоть левой руки. Я потерял возможность ползти, не мог опираться ни на правую, ни на левую руку⁸.

Тем временем огонь наших приближался, и нужно было на что-нибудь решаться.

Пули шли очень низко над землей, и вот я, поджав под себя ноги, поднялся на них и побежал. Наши прекратили огонь, и я был в спасительной канаве. Два солдата приползли на помощь. Вид у меня, наверное, был страшный, такой испуг отразился на их лицах.

По канаве вышли из полосы огня, и тут я сразу ослабел. На шинели понесли меня к полковому перевязочному пункту, но оказалось, он попал под артиллерийский огонь, и никто не мог сказать, куда его перевели.

На счастье, встретили летучий перевязочный пост, и мне наложили кровеостанавливающие повязки.

Вереницы раненых шли куда-то в тыл, и, увлекаемые общим потоком, за ним потянулись и мы. Мои носильщики поминутно опускали меня на землю - нести было неудобно и тяжело. День близился к концу, когда мы узнали, что приближаемся к дивизионному перевязочному пункту.

⁸ Поручик 220-го Елифанского пехотного полка М.С.Матиясевич в этом бою 1 сентября 1904 года получил пять ран: в голову шрапнелью, 2 раза в грудь навывлет и в обе руки.

Здесь стояли огромные полотняные шатры. Между ними сновали толпы перевязанных людей, мелькали носилки. Под ногами на четверть лежало мокрое красное белье.

Около врачей стояли длинные очереди, из которых неслись стоны и крики: «Доктор, скорей, пожалуйста...»

Было уже почти темно, когда очередь дошла и до меня. Я ждал своего приговора. Но каково было мое удивление, когда доктор сказал: «Ничего, батенька, счастлив ваш бог, еще и нас переживете».

Оказалось, что пули, попавшие мне в правую половину груди, не задели легких, рана в голову, очень большая по поверхности, разбила только надкостницу, а раны в руки не угрожали калечеством. Настроение у меня резко поднялось, стало просто радостное.

На носилках занесли меня в огромный шатер, где клали всех на солому вповалку и где буквально уже яблоку негде было упасть. Раненым здесь предлагали закуски, чай, вино.

В шатре я оказался рядом с поручиком нашего же полка Белецким. У него была перебита нога у самого колена.

Мы делились впечатлениями дня, как вдруг потекли слухи, будто бы японская кавалерия прорвалась в наш тыл и уже недалеко от перевязочного пункта.

Не ожидая ничего хорошего от этих слухов и думая с досадой пропасть тут так глупо в тылу после того, как удалось унести ноги из почти безвыходной передраги, я позвал коменданта перевязочного пункта, какого-то ротмистра с громкой фамилией, и стал вместе с поручиком просить отправить нас на станцию Суэтунь (станция между Мукденом и Ляояном), на которую шла эвакуация раненых. Оба мы имели отметки - подлежит эвакуации.

Однако комендант рассказал нам, что сегодня днем командир корпуса со своим штабом был обстрелян в одной китайской деревне, что его конвой - сотня казаков - обнаружил огромную землянку со стоящими в ней заседланными лошадьми, а в деревне - массу подозрительных чужих китайцев, которых они тут же изрубили, что в деревнях беспокойно и на ст. Суэтунь раненых отправляют с конвоем. Но так как конвой курсировал от перевязочного пункта до станции и обратно целый день, то нужно дать лошадям отдых, а то они завтра и вовсе не пойдут.

Мы продолжали настаивать на своем, и комендант предложил дать нам повозку с конюхом, но без конвоя. Мы согласились.

До станции было 12 верст. Нас погрузили на дно ротной повозки. Малейшие толчки вызывали боль. Ночь была темная. Мы часто останавливались, искали дорогу и только с рассветом стали подъезжать к станции Суэтунь.

Огромное поле кругом станции, куда только хватал глаз, было покрыто ранеными. Здесь они

Барак с ранеными

ждали очереди на погрузку в вагоны для дальнейшей эвакуации. В сражении на реке Шахэ было сорок четыре тысячи раненых.

Только под вечер дождалась очередь. Грузили нас в товарные вагоны из-под угля. Не ели целый день. И наконец в Мукдене кончились эти мытарства. Здесь раненых сортировали и подлежащих эвакуации перегружали в специально оборудованные поезда.

Девять дней ехали до Харбина, так была загружена железная дорога.

Навстречу беспрерывно шли поезда со снарядами, пополнением. Проходили целые эшелоны новых офицеров на пополнение убыли в полках. - В тылу был образован специальный резерв офицеров, пополнявшийся из частей Европейской России.

В Харбине для раненых был создан так называемый госпитальный городок. Огромные сараи каких-то складов с асфальтированными полами приспособлялись к приему раненых.

Все девять дней дороги до Харбина нам не делали перевязок и только мерили температуру. Лихорадящих тотчас же несли в операционный вагон. Зато в Харбине за нас принялись с ожесточением. К концу перевязки я был уже близок к обмороку. Тут произошло происшествие, надолго изуродовавшее общее состояние моего здоровья...

Во время перекладывания меня с операционного стола на носилки санитары, два здоровенных сибиряка ополченца, уронили меня на пол. Все повязки уже сильно затянувшихся ран густо окрасились, и со мной произошел нервный припадок. Руки, совершенно посиневшие, подтянуло к самому лицу, и началось подергивание отдельных групп мышц.

И уже после того, как давно зажили все мои раны, я долго лечился от последствий этого падения.

Я наблюдал многих раненых. Наиболее мучительные и опасные раны были в живот. Между прочим, у одного раненого пуля прошла навывлет из виска в висок, причем он не *только* остался живой, но, по крайней мере в то время, как мне говорили, у него не наблюдалось никаких признаков психического расстройства.

Объяснялось это очень малым калибром японской винтовки и благоприятным *расстоянием*, на котором произошло ранение.

На близком расстоянии пуля проходит тело с очень большой скоростью, увлекает за *собой* жидкие частицы и производит этим большое разрушение. Такое же разрушение *происходит* при ранениях на большом расстоянии вследствие того, что здесь, напротив, пуля *летит* слишком медленно, плохо преодолевает сопротивление среды и резко при этом меняет направление.

К нам в течение нескольких дней все еще продолжали поступать потоки раненых в сражении на реке Шахэ. Это были вестники разнообразных новостей со всех концов обширного Маньчжурского фронта. Каково же было мое удивление, когда на одних носилках я увидел Бучковского! Я не верил своим глазам и начал упрашивать нашего палатного ординатора положить нас где угодно, но только рядом. Это исполнили.

Но бедный Бучковский почти не реагировал на нашу встречу. Его с особенной осторожностью переложили на кровать, и все-таки при малейшей неловкости он кричал и сейчас же совершенно по-детски начал мне жаловаться, что вот столько дней ему плохо, а никто ни разу не дал ему никакого лекарства, что он сегодня же попросит заварить малины и ему нужно непременно вспотеть.

Между тем все прибывшие с его эшелоном сестры милосердия и врачи окружили его кровать и докладывали нашему главному врачу, что вот капитан, несмотря ни на какие их настояния, в течение всех семи дней пути не позволил себя раздеть.

Тут их перебил Бучковский: «Да, они меня хватают так, что я от боли не знаю куда деваться»

По распоряжению главного врача, чтобы не беспокоить раненого, на нем разрезали всю одежду и кусками сняли с него. На всем теле не оказалось даже царапины. Начали колоть его булавкой, и тут все объяснилось: от поясницы вниз полная потеря чувствительности, паралич ног, всех отправлениях, сказался перелом позвоночника в пределах поясницы.

Вот почему он не давал ворочать себя: в месте перелома это вызывало жестокую боль.

Уже в те дни от неподвижного лежания в одном положении у него появились огромные пролежни с головы до пят.

Мне рассказали, что солдаты нашей роты видели, как Бучковский после одного из артиллерийских залпов сидел на земле и как-то странно водил вокруг себя руками. Вот я и спросил

Бучковского, не помнит ли он этот момент? Он мне рассказал, что ему показалось, будто снаряд разорвался под ним, он летит в воронку и все никак не достанет ее дна руками.

По-видимому, над ним или взорвался, или очень низко пролетел артиллерийский снаряд и газами или воздухом придавил ему позвоночник. Вынесли его ночью.

Скоро Бучковского эвакуировали в Москву. Могучее сердце растянуло его страдания на шесть месяцев, и он, заживо разлагаясь от пролежней, умер в кругу своей семьи только в апреле месяце.

В госпитале время от времени появлялся для выплаты раненым жалованья наш полковой казначей. Он же доставлял корреспонденцию и разную служебную переписку. И вот в один из его приездов, смотрю, за ним с чемоданом в руках идет мой Григорий, денщик. Это был замечательный человек. Бросился он ко мне и от волнения не мог говорить.

Оказалось, Григорий давно разыскивал меня и случайно, узнав о поездке казначея, упросил взять его с собой.

В чемодане были все мои вещи. Но моему удивлению не было конца, когда среди них я увидел свою фуражку, туля которой при ранении головы была рассечена почти пополам; мундир, весь изрешеченный пулями, изрезанный при снятии во время перевязки и окровавленный; бинокль с застрявшей японской шрапнельной пулей в футляре. Все эти вещи собрали и передали ему солдаты, которые вынесли меня на перевязочный пункт.

Эти вещи и теперь хранятся у меня. Я узнал, что в нашей роте, насчитывавшей перед боем 250 человек, осталось 17 человек, остальные убиты или ранены. В трех батальонах, шедших в атаку, - четвертый оставался в резерве - убиты все офицеры и огромный процент солдат.

Тогда же выяснилась причина молчания нашей артиллерии. Она вышла на японскую войну с одной шрапнелью, без гранаты. Какие-то мудрецы решили, что шрапнель, поставленная на удар, заменит и гранату. Универсальный, так сказать, снаряд. Практика им скоро напомнила, что шрапнель располагает ничтожным фугасным действием и заменить гранату отнюдь не может.

В результате наша артиллерия оказалась бессильной против китайских деревень и вообще укрытий.

К этому можно добавить, что японцы имели пулеметы, а у нас их в полку совсем не было.

Непопулярность войны, наша неподготовленность к ней, отсталость вооружения и тактики, вакханалии тыла, невежество высших руководителей армий и как результат всего этого - беспрерывные поражения приводили к потрясению «основ».

В этом смысле характерно, что часто вспоминая гибель на броненосце «Петропавловск», пошедшем ко дну от японской мины, популярного в армии адмирала Макарова, всего его штаба, гибель бывшего на «Петропавловске» известного художника Верещагина с досадой вспоминали, что вот удалось же выплыть тоже бывшему на «Петропавловске» великому князю Кириллу Владимировичу, и при этом добавляли: «Ну, известно ведь, что г...но плавает».

Подобные разговоры в офицерской среде еще недавно были бы совершенно *немыслимы* и для такого рассказчика кончились бы печально.

Назначенному главнокомандующим Куропаткину, ехавшему из Петербурга к армии с огромной свитой в роскошном специальном поезде, почти в каждом городе или на крупной станции по пути благочестивые россияне подносили в дорогих окладах образа. Их, наконец, набралось столько, что пришлось выделить для этой цели отдельный вагон. По этому поводу в публике ядовито спрашивали: «Интересно, каким образом думает Куропаткин победить японцев?»

Как известно, Куропаткин не выиграл ни одного сражения.

Василий Васильевич Верещагин
(1842–1904 гг.) — художник-баталист

Степан Осипович Макаров
(1849–1904 гг.) — вице-адмирал

Невольно вспоминался ехавший к армии в одноколке с одним денщиком Суворов, в жизни не проигравший ни одного сражения.

В боевой обстановке, в походах командуящий первым Сибирским корпусом генерал Штакельберг возил за собой в особом вагоне дойную корову! Генералу нужно было пить парное молоко.

Проигравший сражение под Сандепу, несмотря на огромное превосходство наших сил, командуящий армией генерал Гриппенберг самовольно бросил армию и уехал в Петербург!

Главкомандующий Куропаткин, вместо того чтобы арестовать и предать полковому суду такого генерала, узнав о его отъезде, ищет с ним встречи! Он делает это потому, что у Гриппенберга больше связи при дворе. Он личный друг вдовствующей императрицы, и Куропаткин боится, как бы Гриппенберг не испортил ему во мнении двора, вдовствующей императрицы и вообще Петербурга.

Опять вспомнился Суворов. В его итальянском походе при армии находился великий князь Константин Павлович, который однажды самовольно ввязался в авангардное дело и проиграл его.

Суворов вызвал его к себе и остался с ним наедине в своей палатке. Что там было, осталось неизвестным, но великий князь Константин вышел оттуда весь в слезах, и до конца похода его имени больше никто не слышал в армии.

Как поступил Суворов с сыном императора, да еще Павла, да в тогдашние времена, когда сам Суворов почитал царя за земного бога. Вот что значит истинный полководец!

Но в японской войне не было даже просто хороших генералов. Только солдат наш по-прежнему умел бестрепетно идти на смерть и безропотно умирать.

Военный публицист того времени генерал Мартынов писал: «Посреди развалин нашей старой системы, при падении несокрушимых до того авторитетов, при полном банкротстве идей, еще недавно беспорных, одно лишь стоит непоколебимо - это мужество русского солдата».

Наконец и я был назначен к эвакуации в Европейскую Россию. Ехали уже по Кругобайкальской железной дороге.

В дороге не было ничего примечательного, кроме явно враждебного отношения населения к войне, к армии, и особенно к офицерам как ее представителям. Даже раненые офицеры встречали резко недоброжелательное к себе отношение.

Это было начало 1905 года.

III

После продолжительного лечения я вернулся в свой основной полк. Здесь ничто не изменилось. Ни война со всеми обнаружившимися в ее ходе нашими недостатками, ни назревавшая революция, ничто не изменило монотонности полковой жизни. Те же нудные утренние занятия с неизменными ружейными приемами, те же вечерние занятия, на которые по-прежнему никто не ходил, те же бессодержательные занятия с офицерами.

Но все-таки все как-то притихли. Уже не было прежних безудержно пьяных компаний в полку, притихла картечная игра. Какой-то скрытый процесс происходил. Словно чувствовалось, что дальше оставаться все по-прежнему не может.

Революция 1905-1906 годов в нашем гарнизоне прошла незаметно. В городе не было ни фабрик, ни заводов. Все ограничилось убийством жандармского подполковника и земского начальника. Последний был убит на концерте в дворянском собрании, причем стрелявший гимназист последнего класса объявил, что убитого не знает, а просто хотел свалить какого-нибудь крупного буржуя. У убитого наружный вид действительно отвечал такому «подходу к делу».

Проездом домой заехал ко мне погостить возвращавшийся из японского плена большой мой приятель по военному училищу штабс-капитан Стрелецкий. Это был правоверный толстовец еще со школьной скамьи. Какую нужно было иметь силу воли, чтобы не есть мясо в училище, где мясо на завтрак давали очень часто, а на второе блюдо за обедом каждый день. Не курил, не пил. Это был чистый, возвышенно настроенный, какой-то не от мира сего человек.

Стрелецкий еще в мирное время перевелся на службу в Порт-Артур с целью большими подъемными деньгами и повышенными окладами сколотить себе там сумму для покупки небольшого участка земли. Выйти в отставку, то есть уволиться в запас и, как тогда говорили, «сесть на землю».

Русско-японская война неожиданно задержала осуществление этих намерений. Вместе с товарищем, толстовцем же, как непротивленцы, они обсуждали вопрос, принимать ли им участие в войне, и решили, поскольку они состоят еще на военной службе и не приступили к выполнению своих жизненных планов и задач, в войне участвовать.

Для Стрелецкого этого внутреннего решения было достаточно, чтобы на войне вести себя героически. Он и был героем. Четыре раза раненый за время обороны Порт-Артура, он четыре раза возвращался в строй.

Японцы, он рассказывал, среди пленных вели большую революционную пропаганду. К пленным порт-артурцам относились с уважением, а к пленным с маньчжурского театра - пренебрежительно.

Зная Стрелецкого, меня особенно интересовало его мнение о Стесселе. Это мнение рядового строевого офицера интересно и характерно.

Как известно, Стесселю ставили в вину, что, имея в крепости запасы продовольствия, снарядов и патронов, достаточный гарнизон, он сдал ее, ссылаясь на то, что после *потери* нами всех фортов и приближения японцев непосредственно к крепостной оgrade вся внутренность крепости простреливалась, то есть простреливались склады с *припасами*, госпитали с ранеными и т.д., а потому участь крепости была решена, и вопрос, *таким* образом, сводился к сбережению человеческих жизней от напрасных потерь.

Барон Анатолий Михайлович Стессель
(1848–1915 гг.) — генерал-адъютант (1904 г.),
комендант Порт-Артура во время Русско-
японской войны

Правда, Порт-Артур оттягивал от маньчжурского театра осаждающую его армию, но в декабре 1904 года это уже не имело решающего для нас значения на маньчжурском театре.

Казенная, официальная Россия Стесселя осудила; здесь всегда рассуждали так: «Ложись костыми и не разговаривай».

Но вот мнение, что и интересно, рядовых строевых офицеров было за Стесселя, и на суде они свидетельствовали в его пользу.

Также и Стрелецкий со своим товарищем, тоже дважды раненым в Порт-Артуре, говорили, что Стесселя ежедневно видели на передовых позициях, и его в лицо знали поголовно все солдаты гарнизона, так что в трусости никак нельзя было обвинять его. Что же касается сдачи, то крепость могла продержаться очень недолго, взятие ее штурмом было бы большим торжеством японцев и неизбежные значительные потери в эти последние дни жизни Порт-Артура ничем не были бы оправданы.

Говорили, что судить надо было наместника, адмирала Алексеева, за Порт-Артур и все положение на Дальнем Востоке, а ему Георгия 2-й степени за это дали. Известно, что Порт-Артур не был даже крепостью в истинном значении этого слова, а его оборона явилась единственным светлым пятном на мрачном фоне позорной эпопеи Русско-японской войны. И несомненно, роль в этом сыграл, конечно, Стессель, строевой армейский генерал, когда на маньчжурском театре позорно проигрывали войну академические светила.

Уезжал Стрелецкий с намерением осуществить, наконец, свои планы на землю, и никак не думалось, что его скоро не станет.

Вернувшись в свой основной полк, он подал рапорт об увольнении со службы. Командир полка и товарищи уговаривали его этого не делать. Раненый, награжденный многими боевыми орденами, он мог рассчитывать на быстрое продвижение по службе. Все было напрасно.

В эту пору Стрелецкий в первый раз в жизни влюбился, предмет его страсти на его предложение объявила, что выйдет за него замуж только при условии, если он останется на службе. Стрелецкий отказался от такой сдачи всей своей жизненной позиции и уехал покупать уже присмотренный им участок земли. И не выдержал.

Скоро бедняга после огромной внутренней борьбы с собой вернулся назад, готовый принять поставленные ему условия, и тут узнал, что уже поздно, девушка, которую он полюбил, успела выйти замуж.

Тотчас, вернувшись в номер своей гостиницы, Стрелецкий повесился.

Открытие в парадном зале Виленского военного пехотного училища бюста Александру II — основателю училища. 1910 г.

Годы шли.

Нагрудный знак Виленского военного пехотного училища — эмалевый равносторонний крест, в центре которого — золотая пряжка с наложенной фигурой серебряного Литовского всадника. На отрезе знака выгравирована надпись: «К высокому и светлому знай верный путь. Виленец один в поле, и тот воин».

Памятные жетоны Виленского военного пехотного училища

Я выдержал предварительный экзамен в академию генштаба, но вместо академии воспользовался предложением и поступил курсовым офицером в Виленское военное училище⁹. Для

Здание Виленского военного пехотного училища

⁹ Виленское военное училище — одно из первых юнкерских военно-учебных заведений Российской императорской армии, готовившее в основном офицеров пехоты. Создано в 1864 году в ходе военных реформ, проводимых Милютиным Дмитрием Алексеевичем в царствование Александра II. Отличительной чертой виленцев являлось равенство юнкеров независимо от происхождения. Всех объединяла идея служения царю и Родине, железная дисциплина, муштра и товарищество. Офицеры училища поощряли эти чувства.

академии я упустил время, и поступать в нее мне было уже невыгодно в служебном отношении.

Одна из первых подводных лодок России. Либава. Начало XX века

Дело в военном училище было поставлено образцово. Мы обязаны были присутствовать на лекциях с юнкерами по всем военным предметам, с тем, чтобы потом руководить совместно с соответствующим преподавателем практической проработкой пройденного отдела в поле с юнкерами своего взвода. От присутствия на этих *лекциях* мы освобождались только после прослужения в училище нескольких лет и полного усвоения метода занятий.

Все, что в курсе подавалось практическому изучению, на практике и изучалось. Участвовали в маневрах. Ездили в Либаву для ознакомления с судами морского флота.

Большое внимание уделялось воспитательной стороне дела. Но что же, никогда, ни одной темы, ни одной мысли о жизни страны, целях войны, задачах армии. Тогда такие вопросы не могли и ставиться, а отсутствие их обескровливало все военное дело, лишало его смысла, принижало его.

Выходило все-таки, что готовилось исключительно пушечное мясо.

Фронт непрерывно требовал восполнения убыли офицерского состава.
(Относительное число погибших офицеров в годы войны было больше,
чем относительное число погибших солдат)

Между прочим, в одну из наших экскурсий в Либавский порт там затонула подводная лодка. Дело тогда это было еще новое. Ушла в учебное плавание и не вернулась. Забили тревогу. Пока обнаружили ее местонахождение, приняли меры для подъема, прошло, кажется, около суток.

Поднимали лодку так, чтобы не потревожить положения, в котором она лежала на дне. Это сделали из соображения, которое вполне затем себя оправдало.

Оказалось, при спуске под воду люком нечаянно прихватили кормовой флаг. Вода незаметно просачивалась внутрь, а когда на нее обратили внимание, лодка уже утратила плавучесть и подняться наверх не смогла.

Вода продолжал поступать в нее и наконец экипаж весь стоял по горло в воде, продолжая дышать в образовавшуюся небольшую воздушную подушку. И вот если бы лодку при подъеме ворочали со стороны на сторону, вода захлестнула бы и без того вовсе ослабевший экипаж.

Портовый врач, присутствовавший при их извлечении из лодки, рассказывал мне, что только гигантская слаженность действий всех этих восемнадцати подводников *позволила* им выдержать такое испытание.

Каждый из них, выходящий на воздух, тотчас терял сознание, и все они были настолько почерневшими, что врач говорил: и трупы такие ему никогда не приходилось видеть.

В те годы начальником Главного управления военно-учебных заведений был великий князь Константин Константинович, поэт, писавший под инициалами К.Р. (Константин Романов), многим казавшийся прогрессистом, либералом, счастливым исключением в доме Романовых. Эту славу Константин Константинович тщательно поддерживал и явно искал популярности, в особенности среди учащихся военно-учебных заведений.

Но офицерам училища пришлось познакомиться с К. Р. несколько ближе. В летнее время он приезжал дня на три в училище и обыкновенно утренний и вечерний чай проводил с нами за общим нашим столом.

Здесь, отнюдь не блестя умом, «либерал» вел себя довольно надменно и имел «прогрессивную» привычку запускать кому-нибудь из офицеров два пальца за воротник кителя с целью проверить, не носит ли кто-нибудь из нас прицепной крахмальным воротник вместо цельной рубашки! Прицепной воротничок этот «прогрессист» и «либерал» называл хамством и мещанством.

Нашего училищного священника отца Василия любил навещать в свое время довольно известный священник Григорий Петров. Но тогда он уже снял с себя рясу и состоял сотрудником московской газеты «Русское слово». Константин Константинович пригласил Григория Петрова в качестве учителя к своим детям и, зная его популярность в известных кругах да еще сотрудничество в довольно распространенной газете, очень его обхаживал.

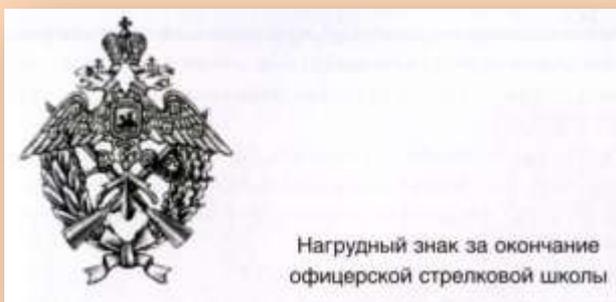
Так вот, отец Василий рассказал мне, чем все это кончилось.

Константин Константинович всегда восторженно встречал Григория Петрова и даже часто провожал его до классной комнаты. Но вот однажды при входе Григория Петрова в приемную комнату там оказался какой-то посторонний посетитель. Григорий Петров подходит как всегда почтительно раскланяться Его Высочеству, но Константин Константинович в присутствии постороннего лица, не подавая, против обыкновения, ему руки, надменным жестом указывает в направлении классной комнаты.

«Тут, - добавил Григорий Петров, рассказывая эту историю, - я сразу понял, какую глупую роль

разыгрывал до сих пор. И в тот же день отказался от уроков в семье этого «прогрессиста» и «либерала».

Офицерская стрелковая школа в Ораниенбауме считалась рассадницей стрелковых знаний в армии. Но одновременно она являлась повторительным курсом и по всем остальным основным военным предметам.

В училище ежегодно командировались на восьмимесячный курс представители от всех *дивизий* армии. Это были командиры рот, аттестованные к выдвижению на должность *командиров* батальонов. Таким образом, здесь собирался в известной степени цвет армии.

Для того чтобы в постановке стрелкового дела в военных училищах не было разрыва с *армией*, от училищ тоже командировались в Ораниенбаум представители, но только *значительно* более молодые.

В 1914 году к январю был направлен в эту школу от нашего училища я.

Дело здесь оказалось поставленным блестяще. К чтению курса были привлечены лучшие силы, пройденный отдел закреплялся практическими занятиями в поле. Шла строгая оценка подготовки каждого в отдельности. Однако такая постановка дела в курсе Офицерской стрелковой школы была введена лишь недавно, всего второй год новым ее начальником генералом Новицким.

Но именно такая постановка дела и выявила всю низкокачественность основной прослойки во всякой армии - командиров рот, этого хребта армии. Курс им давался тяжело, а большинству он был явно не по силам. Состав командиров рот в армии давно устарел и требовал освежения.

Но что особенно бросалось в глаза, так это то обстоятельство, что по-настоящему за дело взялись накануне мировой войны, упустив, начиная с Русско-японской войны, столько драгоценного времени.

Обычно здесь дело велось так: кто слушал курс, а кто проводил время безвыездно в Петербурге; индивидуальной оценки знаний по курсу не производилось; венцом такой «системы» являлось поголовное награждение «прослушавших» курс капитанов очередными наградами «за успешное окончание школы».

При Новицком из ста с лишним офицеров, оканчивавших школу, награду получали 10-12 человек.

Курсы оканчивались обыкновенно к сентябрю. Но вот в конце июля на имя то одного, то другого капитана стали поступать из полков секретные телеграммы: «Немедленно вернитесь в полк». К концу второго дня этих вызовов накопилось столько, что для всех стало ясной начавшаяся мобилизация.

По ночам из Петербурга мимо Ораниенбаума проходила тяжелая артиллерия, выдвигавшаяся для защиты финского побережья на случай десанта.

Был назначен экстренный выпуск школы. На торжественном обеде по случаю выпуска присутствовал живший в Ораниенбауме герцог Мекленбург-Стрелецкий. Были две известные фамилии герцогов: Мекленбург-Стрелецкие и Мекленбург-Шверимские. Родственники Романовых. И вот генерал Новицкий, провозглашая за обедом здравицу в честь гостя, после слов «за здоровье нашего дорогого гостя его высочества герцога Мекленбург...» вдруг запнулся.

У всех нас молнией пронеслась мысль, что, наверное, забыл какого-то герцога - Стрелецкого или Шверинского. Так и оказалось. Но brave генерал Новицкий не растерялся и с большим подъемом закончил: «...Шверинского!» Мы все прокричали ура и выпили как ни в чем не бывало свои бокалы.

Так же, не поморщившись, выпил свой бокал и герцог Мекленбург-Стрелецкий.

На другой день нас возили в Царскосельский дворец представиться государю.

Мы стояли группами. Царь обходил нас, подавал руку и заговаривал с каждым, у кого замечал боевые ордена. Но меня, кроме того, выделяла медаль в память Русско-японской войны с бантом. Бант к этой медали означал раны, полученные в этой войне.

Царь расспрашивал, где, при каких обстоятельствах получены ранения, желал здоровья и выражал уверенность, что в предстоящих испытаниях мы будем так же беззаветно служить ему и Отечеству.

Николай говорил тихо, производил впечатление человека скромного, с оттенком даже какой-то робости, что стояло в таком противоречии с известным свойственным ему непостижимым упрямством.

Заметно было еще, что он как бы проникнут сознанием своей миссии, которую он понимал -

увы - так примитивно, так ограниченно. Скандально примитивно.

Манифестация в день объявления войны. Москва. 1914 г.

Началась мировая война... Вся дорога от Петербурга до Вильно была уже забита воинскими эшелонами, и я с трудом вернулся в свое училище.

В городе развернулись лазареты, и на второй день войны в них появились первые раненые в пограничных боях. А еще через несколько дней после производства училищем экстренного выпуска юнкеров в офицеры появились раненые из числа этого экстренного выпуска.

Путь на фронт

С этого момента я утратил душевное равновесие. Я настроен был высоко патриотически. Война с Германией представлялась мне именно той войной, которая оправдывала все расходы на армию, самое наше существование. Я не мог примириться с мыслью, что не приму в ней участия.

А в училище как раз развертывалась работа по подготовке пополнений колоссальной убыли офицеров в первых же боях. Всякий отъезд училищных офицеров в армию был воспрещен. Я писал в Главное управление военно-учебных заведений, обращался к великому князю Константину Константиновичу, и все напрасно.

Наконец, с образованием тыла действующей армии и подчинением всех войсковых частей, учреждений и заведений, расположенных на территории тыла, его начальнику, генералу князю Туманову, я использовал это положение и получил желанное разрешение лично от князя Туманова.

Радостный, исполненный решимости лечь костями за Отечество я выехал к армии.

Мне пришлось на один день по делу заехать в Митаву, когда-то столицу герцогства Курляндского, и навестить двух старинных своих приятелей, раненых и лежавших в доме тамошнего губернатора. Тогда было в обычае предоставлять в своих домах места под койки для раненых, обеспечивая и полное их содержание.

Прощаясь со мной, они мне рассказали, что во дворе дома губернатора в домике у ворот стоят гробы с останками членов семьи известного временщика, фаворита императрицы Анны Иоанновны - герцога Курляндского Бирона.

На мой вопрос об этом стоявший у ворот губернаторского дома городской приоткрыл ничем не запертую дверь в помещение, что-то вроде сторожки, и грубо скинул на земляной пол одну за другой крышки четырех рядом стоявших гробов.

В одном из них лежал прекрасно сохранившийся, вероятно, в свое время *набальзамированный*, мумифицировавшийся труп Бирона. Это был высокий, с правильными, тонкими чертами лица красивый старик, не носивший ни усов, ни бороды, одетый в бархатный *зеленый* камзол, такие же штаны до колен, белые шелковые чулки и ботинки с большими пряжками.

Рядом, в маленьком гробу лежал также прекрасно сохранившийся, одетый в бархатный голубой костюмчик мальчик лет восьми. В третьем, большом гробу покоилась жена Бирона - совершенно высохший скелет в хорошо сохранившемся длинном шелковом, с пышными воланами кремовом платье.

В четвертом, маленьком детском гробике лежал, тоже в пышном бархатном голубом костюмчике, совершенно истлевший скелет мальчика лет пяти.

Картина подобного хранения и обращения с останками когда-то всесильного временщика явно носила характер преднамеренного оказания неуважения его памяти.

Я пожалел о разрушении такой интересной музейной редкости.

Я вышел на войну в чине капитана и по прибытии в полк получил роту, но уже *в первом* бою пришлось командовать батальоном.

Батальон шел на усиление впереди расположенных частей. Нужно было пройти *около* километра открытого пространства, отделявшего лес, в котором мы стояли, от *находившейся* впереди деревни.

Только что мы в строю «поротно» отделились от леса, как в воздухе послышался вой, и не успел я положить батальон, как над головами раздался треск рвущихся снарядов.

Тотчас скомандовал: «Встать, рота вперед».

Залпы шли со стороны города Кальвария¹⁰. Так мы шли весь километр.

Последовавшие за этим события не позволили подсчитать потерь этого перехода, но на глаз они не превышали 10~15%.

Шли быстрым шагом, и, как на параде, - на опушке леса стояли со штабом командир нашей отдельной бригады и командир полка.

¹⁰ Кальвария — уездный город Сувалкской губернии, на реке Шешупе, станция железной дороги. Кальвария (от лат- *calva* — череп) — святое место у католиков Польши, Беларуси, Литвы, куда сходились верующие, больные, калеки, старцы на покаяние.

Пехота на марше

Беглый огонь всеми стрелявшими по нас батареями уничтожил бы нас начисто, но У немцев, как нам рассказывали вскоре взятые пленные, благодаря распутице было мало снарядов, а у нас их и вовсе не было кроме неприкосновенного запаса в передках.

Грязь стояла невообразимая. Все дороги были завалены вздутыми трупами павших лошадей. Не было возможности подвезти не только боевые припасы, но даже продовольствие. Артиллерия имела лишь неприкосновенный запас на случай атаки на батарею. Войска, атаковавшие город Кальвария, недавно занятый немцами, уже много дней были переведены на консервы.

Я получил приказание заменить одного заболевшего командира батальона в момент, когда наше наступление на Кальварию окончательно захлебнулось.

До немцев было 150 шагов. Все пространство перед нами было завалено трупами от недавних атак.

Не успел я прибыть к батальону, как получил по телефону от командира полка приказание немедленно атаковать противника на своем участке.

Позиция немцев на этом участке представляла собой буквально мешок. Продвигаясь вперед, батальон оказывался взятым с обоих флангов как бы в тиски, причем со стороны моего левого фланга находилась известная под Кальварией высота «69,3», с которой все наше расположение было к тому же видно как на ладони.

Сделав такую оценку местности, у меня даже в мыслях не было, что атаковать немцев мы будем одни, то есть без одновременного движения в атаку справа частей 57-й пехотной дивизии, слева на высоту «69,3» второго батальона нашего же полка.

Не успел я сделать свои предварительные распоряжения, как по телефону получил вторичное приказание командира полка начать атаку.

Атака

Вынос раненого с поля боя

Я тотчас же перешел от телефона к середине батальона, поднял роты, и полубегом мы двинулись.

Трудно передать, что тут произошло... Страшный ружейный и пулеметный огонь с трех сторон косил людей, как траву, и, добежав до середины лощины, в которой уже лежало так много трупов, все залегли. Бежать дальше было бесполезно.

Ни части 57-й пехотной дивизии справа, ни наш второй батальон слева не только не двигались, но и не открывали на своих участках огня, чем могли хотя бы до некоторой *степени* облегчить нашу задачу.

Я был в недоумении. Все, что делалось, было в резком противоречии с тем, чему мы *учились*.

Нельзя было пошевелиться. Так мы пролежали в мокром снегу, не шевелясь, весь день *среди убитых*, раненых и с наступлением темноты вернулись в свое исходное положение, *потеряв* больше половины людей.

Всю ночь с величайшей осторожностью и трудом вытаскивали мы из этой ловушки наших раненых.

Утром следующего дня, я вдруг опять получаю от командира полка приказание атаковать противника. Причем он уже мне добавил, что это распоряжение не его, а командира *бригады* генерала Кареева. Из чего, между прочим, явствовало, что командир полка *целесообразность* подобной операции не разделяет.

Я передал приказание офицерам батальона. Они были мрачны. Приказание я тоже передал уже не от своего имени и тогда же почувствовал, как этим нарушил дисциплину. Но не хотелось перед ними брать на себя ответственность за явно бессмысленное истребление людей. Мы поняли друг друга без слов. Сверили часы.

Час, назначенный для атаки, прошел - никто не поднимался.

Время подошло к половине дня, когда меня потребовал к телефону командир полка, которого, между прочим, все любили, и сказал буквально следующее: «Михаил Степанович, генерал Кареев, узнав, что ваш батальон не двигается, сейчас по телефону мне лично сказал: или двиньте ваш первый батальон, как ему приказано, или, если он не двинется, отправьтесь и ведите его сами».

Я ответил, что повторять атаку в тех же условиях, как она неоднократно производилась до этого, означает заранее обрекать ее на неудачу, тем более что в батальоне осталось всего сто с лишним человек, и просил разрешения произвести атаку с наступлением темноты. После переговоров со штабом бригады это было разрешено.

Я передал офицерам свой разговор с командиром полка и добавил, что мысли не допускаю, чтобы мы поставили командира полка в необходимость командовать нашим батальоном.

Условились с наступлением темноты в назначенный час всем батальоном по первой роте, которая поднимается первой, молча броситься в атаку.

Начинало темнеть. Точно в указанный час поднимается и бежит командир первой роты подпоручик Нечаев. Вот он уже пробежал 25~30 шагов - никто не двигается. Нечаев, согнувшись, опустился на колени и дрогнувшим голосом закричал: «Братцы, ну что же вы?!» Нечаев, офицер военного времени, был храбрец и любимец солдат. Еще раз крикнул «братцы» и в ответ поднялся и побежал его взводный унтер-офицер и несколько солдат, а за ними поднялась вся его рота.

Я обнажил шашку, в левую руку крепко зажал револьвер и побежал тоже. Побежали и остальные две роты. Четвертая рота - батальон был четырехротного состава - целиком была уничтожена в предшествовавшие дни.

Несколько мгновений ничем не нарушалась тишина. Но вот с высоты «69,3» затрещал пулемет, и за ним почти одновременно затакали два пулемета - справа и с фронта, вероятно, дежурные. Следом за ними началась беспорядочная ружейная стрельба.

Мы преодолевали середину лощины, бежали по трупам, когда огонь орудейный и пулеметный превратился в сплошной ливень свинца.

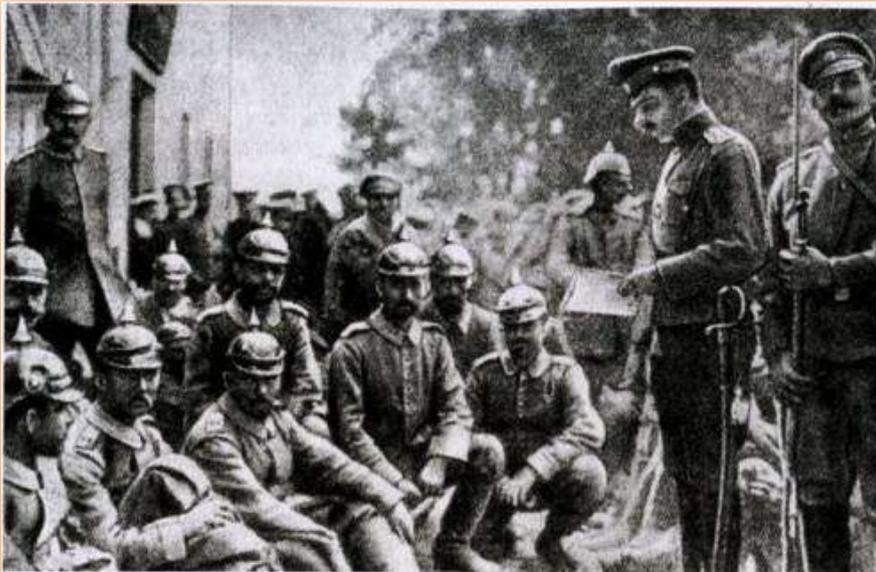
Уже недалеко от немецких окопов огонь с флангов прекратился. Вероятно, боялись попадания в своих.

Когда мы ворвались в окопы, немцы, сделав последние выстрелы почти в упор, побросали винтовки и подняли руки вверх.

Сделав наскоро распоряжения на случай контратаки со стороны противника, я приказал пленным собрать к одному месту в окопе. Их оказалось 77, а в нашем батальоне осталось не раненых лишь 32 человека. Только темнота прикрыла такое странное положение.

Пришлось срочно вызвать конвой из штаба полка и всю ночь группами по 5~6 человек отправлять пленных в тыл.

Немецкие пленные

Всю ночь выносили раненых. Кроме того, ночью нужно было проделать и другую большую и разнообразную работу: послать срочное донесение о бое, потерях, кроки расположения, пополнить патроны, продовольствие, наладить связь, перестроить окопы.

С утра мы уже теряли возможность всяких сношений с тылом. И могли быть каждую минуту уничтоженными.

Вероятно, это наконец осознано и начальство: пробыв на занятой позиции эту ночь и следующий день, ко второй ночи я получил приказание вернуться в исходное положение!

По поводу потерь 1-й пехотной отдельной бригады под Кальварией наш командир корпуса получил от Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича телеграмму: «Донесите о причинах столь тяжелых потерь в 1-й отдельной бригаде, не стоящих ни в каком соответствии с достигнутыми результатами».

Великий князь Николай Николаевич (младший) (1856–1929 гг.),
Верховный Главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами Российской
Империи в Первую мировую войну

Генерала Кареева скоро сняли. В старой армии подобная мера была большой редкостью. Это был генерал из тех, которые, не жалея крови и пота солдата, думают только о своих наградах.

Я почувствовал, как под Кальварией заметно для самого себя потерпел ущерб тот энтузиазм, с которым я вышел на войну.

Прошли многочисленные бои на реке Дубиссе¹¹. Убыли те офицеры, которые уцелели под Кальварией, вернулись по излечении ран те, которые тогда убили. Геройской смертью, как всегда впереди своей роты, погиб подпоручик Нечаев. Состав солдат тоже переменялся.

Я был ранен шрапнелью в ногу ниже колена и вернулся в строй. Был контужен и снова вернулся в строй.

Вся обширная долина небольшой речушки Дубиссы была завалена трупами наших. Они, разлагались, заражая воздух нестерпимым зловонием.

Особенно густо лежали трупы уже за речкой и у проволочных заграждений, молча свидетельствуя о мужестве наших войск. Я сам два раза переходил Дубиссу, но ночью с жалкими остатками батальона возвращался назад.

Нужно было под перекрестным ружейным и пулеметным огнем перебежать широкую, шагов в двести извилистую долину реки Дубиссы, перейти ее местами по пояс в воде, ножницами прорезать себе проходы в проволочном заграждении и после этого еще преодолеть высокий и обрывистый берег.

И это без единого артиллерийского выстрела.

Наша артиллерия не имела снарядов. В редких случаях разрешалось израсходовать по 5-6 выстрелов на орудие. Но в боях на реке Дубиссе ограничивали иногда расход и винтовочных патронов.

Офицеры громко указывали на неоправданность, бессмысленность наших потерь в этих боях.

Вспоминаю о лопате в бою. Во время тяжелых форсированных переходов неспособные идти дальше люди до того как выйти из строя и отдать себя на произвол судьбы долго борются со своей усталостью, всячески стараясь облегчить себя.

Форсированный переход

Команда «Окопаться!»

¹¹ Река в Литве, правый приток реки Неман.

Но вот наступают бои. Они тянутся обычно многие дни. Самое победоносное наступление сопровождается задержками, остановками с немедленным самоокапыванием. Вот тут-то и происходит переоценка ценностей. Сосед окапывается и уже набросал холмик земли перед головой, а бросивший лопату лежит и поеживается под пулями.

Ночь наступила. Обе стороны продолжают усовершенствование окопов - неизвестно, кому что день принесет, - доводя их до полного профиля, а солдат без лопаты сидит на гладком месте, ждет, когда освободится лопата у кого-нибудь из соседей.

После такого урока лопаты он не бросает уже никогда.

Строевая часть, испытавшая тяжести походной и боевой жизни, обстрелянная, сплоченная общими боевыми воспоминаниями, в руках авторитетного начальника представляет собой трудно одолимую силу и в наступлении, и в обороне. Такая часть, не дрогнув, вынесет 50-70 процентов потерь своего состава. Своевременно пополненная, она быстро восстанавливает свою боеспособность, оказывая неотразимое влияние на прибывающих в нее новичков даже низкого качества.

Казалось бы, нужно беречь эти драгоценные кадры, но у нас их обыкновенно доводили до поголовного истребления, и, таким образом, правильнее было бы в этих случаях говорить не о пополнении частей, а о сформировании новых взамен уничтоженных.

Для интересов дела это представляло резкую разницу, и командиры рот постоянно *обращали* на это внимание. Вот рапорт подпоручика Нечаева, в котором он просит "*спасти* жалкие остатки роты в числе тридцати человек, из которых только один *ефрейтор*, все остальные рядовые".

Бои продолжались. Мы уже давно перешли Дубиссу. Кругом горели деревни. Население бежало. За отличия в боях я был представлен в подполковники.

В это тяжелое время, полное разнообразных лишений, вместо давно обещанного нам *отдыха* неожиданно началось великое отступление русской армии.

Наш корпус отступал двумя дорогами. Полки, понесшие огромные потери в предшествовавших боях, шли в очень слабом составе.

На дороге можно было видеть брошенную смену белья, сапоги, иногда буханку хлеба, но в первую очередь бросался шанцевый инструмент - топор и лопата.

Я был назначен начальником арьергарда правой колонны в составе своего батальона и батареи. Впрочем, батарея меня обслужила всего лишь один раз, так как из боязни потерять ее, фактически ее оставляли в подчинении своего начальства. Долгое время мы не знали покоя ни днем, ни ночью: день в бою, ночь в напряженном марше с целью оторваться от противника. Это было время, полное разнообразных происшествий.

В первый день отступления дороги, по которым двигался наш корпус, были в одном месте довольно сближены, и я обратил внимание на какое-то странное движение в соседнем арьергардном батальоне. Это движение или какое-то перестроение заметили и некоторые наши офицеры.

Почти в это же время раздались крики: «Доложите командиру батальона, немецкая кавалерия».

Местность была открытая. На горизонте от окраины выгоревшей деревни шла на рысях немецкая кавалерия, на ходу выстраивая эскадроны. Расстояние до нее было еще значительное. Стало понятным движение в соседнем арьергарде, и я на случай тоже немедленно отдал все распоряжения для отражения атаки кавалерии.

Стало уже определяться ее движение на соседний батальон, было заметно, как эскадроны набирают аллюр. И вот по ним раздался первый залп, второй, третий, и дальше батальон не выдержал и перешел на бешеный одиночный огонь.

Поле покрылось мчащимися лошадьми без всадников. Передние эскадроны начали заворачивать лошадей. Огонь со стороны батальона достиг крайнего напряжения, и когда улеглась пыль, все поле оказалось усеянным трупами всадников и лошадей. Это был знаменитый немецкий полк гусаров смерти¹².

Прошло несколько дней отступления. Батальон занял позиции у деревни Пожегенжс, под самым городом Поневежем и окопался. Мы уже хорошо за это время изучили немецкие повадки и прибегали к разным хитростям.

Шагах в двухстах перед нами через лошину была расположена группа домов с хозяйственными

---

¹² Кажется, сформированный из поляков, пожелавших сражаться против России.

постройками. Для нас было очевидным, что немцы, попридержанные нашим ружейным огнем, заполняют все эти строения. И вот в этот момент и должна была открыть огонь батарея, поставленная у расположенной позади нас деревни. Единственный раз, когда она действительно была в моем распоряжении. Местность и расстояние позволяли артиллеристам следить за результатами своего огня с места стрельбы. Так все и случилось. Встреченные ружейным огнем немцы густо заполняли все строения. Наши по свисту прекратили огонь и во избежание случайных поражений залегли на дно окопов. Одновременно по условленному сигналу открыла беглый огонь батарея.

Домики запылали. Немцы бросились назад, вправо, влево, но искавших спасения в стороне караулил огонь специально для этого поставленных на флангах батальона пулеметов.

Немцы получили хорошую острastку. Солдаты были очень довольны. Но день кончился печально.

К Поневежу радиусом сходились обе корпусные дороги. Левая колонна шла через Понежеж¹³, правая, не доходя Понежежа, поворачивала по шоссе через речку на юг и отсюда уже проселком снова брала восточное направление.

Во второй половине дня специальный пост, выставленный мною для наблюдения за положением у соседей, донес, что там свертываются к Поневежу, а далеко видна большая немецкая колонна.

Как и всегда, еще с утра мною был указан рубеж, как раз за мостом через речку, куда следовало отходить в случае приказа, и порядок отхода.

Получив такое донесение от своего наблюдательного поста, я приказал отходить. По одному во взводах медленно люди оттягивались назад, а остававшиеся усиливали огонь. Время тянулось, как вдруг прибежали запыхавшиеся мои наблюдатели и доложили, что большая немецкая колонна уже миновала нас и подходит к Поневежу. Мне это не особенно понравилось. Я приказал немногим оставшимся ускорить отход и поспешил к батальону.

Каково же было мое удивление, когда в каждом дворе расположенной позади нашей позиции деревни, у колодцев, на вишнях я застал своих воинов, как ни в чем не бывало утоляющих жажду и раскуривающих. День стоял знойный, в окопах люди с утра не пили. Но обстановка была серьезная, и я погнал всех из деревни к своим местам. Вместе с тем мне подумалось, что, вероятно, и оставшиеся займутся тем же самым, и я еще минут на десять задержался, выгоняя всех из деревни.

За деревней Понежеж был виден как на ладони. Надо было опушкой леса идти на мост через речку, за которой недалеко на гребне батальон занял новую позицию.

Как только я вышел из деревни, со стороны Понежежа грянули два орудийных выстрела, и две гранаты взорвались у самого моста через речку, которую переходил батальон.

Я прибавил шагу и был уже около леса, как из группы собравшихся тут солдат раздался крик: «Кавалерия!». Я обернулся, от Понежежа переходил в галоп эскадрон немцев. И в это самое время - откуда только взялся?! - бледный, подает мне мою лошадь вестовой Вечеркин с криком: «Скорей, ваше высокоблагородие».

Я вскочил на лошадь. Ехать на мост было рискованно. Мы пересекли шоссе и бросились с крутого берега в речку, не жалея лошадей. Только, когда мы уже были на крутом берегу ее, я оглянулся и увидел страшную картину. Немцы рубили наших солдат. Часть из них стояли на коленях с поднятыми вверх руками.

Я заторопился к батальону привести его в состояние готовности, недовольный собой обрушился и на офицеров, и на солдат за разгильдяйство, которое могло окончиться гораздо хуже.

Человек пятнадцать изрубили, человек пятнадцать повели в плен. И это в положении, когда им достаточно было только войти в лес! Просто растерялись.

---

¹³ Понежеж — уездный город Ковенской губернии на Либаво-Роменской железной дороге при реке Невеже.

Наши пленные под конвоем немецких уланов

Все происшествие разыгралось в секунды, и я все еще не мог отдать себе отчета в происшедшем. Дело в том, что с началом отступления я отправил своего верхового коня вместе с вестовым в обоз I разряда. Ежедневные бои делали его ненужным, а с другой стороны, у меня и в мыслях не было, что отступление настолько затянется.

Вот Вечеркину в обозе кто-то и сказал, что дальше Поневежа отступления не будет. Он заготовил кое-что закусить и давно поджидал меня на опушке леса, где разыгралась сцена с кавалерией.

После Поневежа я стал просить командира полка сменить батальон, так как люди, да и я сам, дошли до последней степени изнурения.

Именно тогда я убедился, хотя этому все равно никто не поверит, что можно спать на ходу. Сделать несколько шагов, может быть, два-три, в полном забытьи и очнуться, и снова впасть в забытьи, и снова очнуться...

Командир полка просил продержаться еще сутки. Всю ночь мы снова шли и утром заняли указанную мне позицию, позади которой на 8 верст тянулось поросшее редким кустарником болото.

Я тотчас подумал, что сам я этой позиции никогда бы не выбрал. Точно вот у меня было какое-то предчувствие. И действительно.

Впервые немцы не беспокоили нас целый день. Совсем под вечер я собрал в халупу, где находился, ротных командиров и отдавал распоряжения на свертывание и отход.

Вдруг передают из одной роты, что на дороге - и нужно добавить, единственной, по которой мы могли отходить, - появился немецкий броневик.

Немецкий броневик — редкость в годы Первой мировой войны

Люди, не открывая огня, да это было и бесполезно, пропустили его, а вскоре на этой же дороге показалась и пехота. Положение стало критическим. Идти некуда, Единоборствовать с броневиком без всяких для этого средств нечего было и думать. Оставалось одно - идти через болото. Хозяин халупы предупреждал, что местные жители считают его непроходимым, но другого выбора у нас не было.

Восемь верст мы шли с девяти часов вечера до семи часов утра. Шли в совершенно черной воде с вязким грунтом, с трудом вытаскивая ноги, то по пояс, то по грудь в воде, ежеминутно останавливаясь для отдыха. Наше шествие часто нарушалось криками: «Братцы, помогите!», - но помочь кому-нибудь означало вместе с ним пойти на дно.

Несмотря на всю кошмарность обстановки, я больше думал, а что нас еще ожидает на другой стороне болота? Немцы, если не остановились ночевать, должны давно оставить его позади.

Но и на этот раз счастье – и в который уже это раз - не отвернулось от меня...

Броневики вернулись назад, и ровно на этой линии, которую мы оставили накануне, прекратилось немецкое наступление.

Одиннадцать человек утонули при переходе через болото. Но, конечно, жертв было бы неизмеримо больше, ввязись мы в дело.

Преодоление водной преграды

На другой день нас срочно грузили в вагоны для переброски в новый угрожаемый район. Это был район Бауска, Митавы, Риги.

Вся картина длинного пути нашего отступления со всеми его лишениями, с неизбежным часто оставлением на произвол судьбы наших раненых, все-таки бледнела перед страданиями местного населения.

Кругом зарево пожаров. Толпы женщин, стариков, детей, с жалким скарбом бежали сами, не зная куда. Беженцы. Гнали перед собой скот. Он падал. Никакая скотина не переносила того, что переживал человек. Дети теряли матерей. Матери разыскивали детей своих. Непрерывный плач стоял в местах их остановок.

Так мы очутились в районах Западной Двины.

В одном из многочисленных боев я вел батальон рубленным лесом. Нужно было пройти небольшое открытое пространство. Немцы посылали очередь гранат, очередь шрапнели, очередь гранат, очередь шрапнели. Я безостановочно вел батальон.

После одной очереди граната ударилась в пень прямо передо мной, и в ту же минуту я ощутил что-то странное во рту, и кровь изо рта хлынула потоком. Языком я ощущал совершенно неестественное положение зубов во рту.

Солдаты бросились ко мне, и тут я обнаружил, что не могу говорить. Рукой показал им, чтобы шли. Рот у меня был широко раскрыт, и мне казалось, что я искалечен, что обезображено все мое лицо. Меня начала трясти нервная дрожь.

Но, к счастью, очень близко в деревне стоял дивизионный перевязочный пункт. Я самостоятельно дошел до него.

Врач, осмотрев ранение, объяснил, что мне нужно сейчас же зашить губу и поставить зубы на место, и при этих условиях он ручается, что от происшедшего почти не останется и следов. «Но, - добавил он, - вам придется очень потерпеть, если же всю операцию делать под наркозом, то мы должны вас к этому подготовить и произвести ее только завтра утром. За это время неизбежно образуется нагноение и, разумеется, на месте разрыва останутся большие следы».

Я без колебаний согласился на немедленную операцию, но написал вопрос: «Потеряю ли я зубы?» На это доктор ответил буквально следующее: «Знаете, если выдернуть здоровый зуб и немедленно поставить его назад на свое место, он приживает, и, повторяю, все у вас будет благополучно, но нужно делать это сейчас».

Слова доктора подействовали на меня магически, и операцию я перенес с терпением, вызвавшим удивление у сестер и врачей. А операция была самая мучительная из всех, какие довелось когда бы то ни было пережить мне.

Оказалось, осколок гранаты разорвал мне до самого носа верхнюю губу, вдавил с этой стороны зубы внутрь рта так, что они в десне едва держались, почти висели, и поранил язык. Губа невероятно распухла, и зашивать пришлось ее с наружной и отдельно с внутренней стороны, и для последнего выворачивать ее наружу. Зубы выпрямили. Словом, я тут натерпелся. Не мог ни говорить, ни пить, ни есть. Несколько дней питался искусственно. Через одиннадцать дней я был снова при батальоне.

Доктор во всем оказался прав.

Немцы нажимали. В одном бою, когда я говорил с командиром полка по телефону, тяжелый немецкий снаряд ударил в двускатную крышу над небольшим деревенским погребом. Ее обломками убило телефониста, разбило телефонный аппарат и бревном с силою ударило меня от плеча по всему правому боку. Сильно распухла рука. Полмесяца я пролежал на полковом перевязочном пункте. И опять вернулся к батальону.

Полковой перевязочный пункт был расположен в прелестной мызе с большим фруктовым садом и необычайно любезною хозяйкой - немкой. Она хвасталась, что у нее уже стояли воинские части и она со всеми всегда в таких дружеских отношениях, что многие дали ей даже адреса и обещали писать.

Еще во время моего пребывания на перевязочном пункте любезная хозяйка была арестована как давняя шпионка.

Поймали шпиона

В это же время на участке соседнего батальона задержали неизвестного, пробиравшегося с немецкой стороны. Он представил весьма правдоподобные объяснения, и наши ротозеи уже хотели его отпустить, как вдруг один из унтер-офицеров узнал в нем человека, задержанного около месяца назад на другом участке и делавшего там точь-в-точь такие же объяснения, как сейчас. Неизвестный

сразу растерялся, был отправлен в штаб, *уличен* как шпион, сознался и был расстрелян по приговору полевого суда.

Наши части переходили на правый берег Двины.

Вскоре с батальоном я был назначен в гарнизон знаменитого Иксюльского предмостного укрепления на левом берегу реки¹⁴. Знаменательным оно оказалось разве тем, что занимало ничтожный по размерам и прижатый к берегу реки плацдарм, совершенно не оборудованный для сколько-нибудь серьезной обороны его. Это заведомо обрекало на верную гибель весь его гарнизон при малейшей надобности у немцев занять его. Только случайно такой надобности у немцев не возникло, а то они могли бы это «укрепление» вместе с его защитниками стереть с лица земли не больше как в течение часа.

Достаточно сказать, что тыл этого укрепления, то есть сообщение с правым берегом реки, простреливался даже из пулеметов. Во время смены гарнизона два батальона размещались в нем с трудом.

Вообще, наше командование легко оставляло сотни километров и рядом с этим часто цеплялось за вершки земли, не останавливаясь для этого ни перед какими потерями.

С первым снегом была предпринята попытка расширения этого плацдарма на левом берегу Двины. Я со своим батальоном наступал в направлении на Берземюнде из Иксюльского укрепления, и на Берземюнде же одновременно вели наступление сибирские стрелки из другого исходного пункта. Наступление окончилось неудачей. Вели его кустарно и, как на нашем фронте уже давно довелось, без артиллерии. Я потерял около трехсот человек убитыми, ранеными и обмороженными.

Батальон наш сменили и перевели на правый берег Двины.

За отличия в боях, после других многочисленных боевых наград, я был представлен к производству в полковники.

Наступал 1916 год. Мы приготовились к достойной встрече нового года, как вдруг я получил срочный пакет с предписанием немедленно по получении выступить с батальоном в деревню Биддаг. Посмотрел на карту: 18 верст. Пока собрались, была уже ночь.

Только выступили - поднялась пурга. Снегом слепило глаза, ветер рвал с головы шапки. Наконец буран достиг такой силы, что я решил в первой же деревне переждать, с тем чтобы, как стихнет, продолжать наше передвижение.

Было два часа ночи, когда мы в деревне разбудили хозяев и начали располагаться по халупам. Жители - латыши - всполошились, но в конце концов остались довольны. Было устроено общее пиршество и танцы под гармонию и скрипку, затянувшиеся до утра.

Тронулись дальше. Мой денщик так напился, что не мог идти с батальоном. Только два дня спустя он разыскал нас, причем с виноватым видом объяснил свое отсутствие тем, что он... «чего-то заболел».

От немцев нас отделяла большая, в широкой долине река Двина. Оба ее берега, немецкий и наш, были густо оплетены колючей проволокой.

Каждую неделю, как говорилось в соответствующих приказах, для поддержания на должной высоте боевого духа войск, в предупреждение спячки в войсковых частях в период боевого затишья и для захвата контрольных пленных, нами высылались на немецкую сторону разведка.

В белых халатах перебирались разведчики на левый берег Двины, ножницами вырезывали проволоку и проникали в немецкие окопы. На нашем берегу в это время все были в готовности поддержать действия разведчиков своим огнем. Командир полка, а иногда и командир бригады из окопов наблюдали за операцией.

---

¹⁴ Иксюльский плацдарм — наиболее чувствительный участок обороны. Место было стратегически важным: переправившись через Двину, немцы могли окружить Ригу.

Проход через передний край

Редко эти поиски оканчивались удачей. Не одна сотня трупов поплыла весной вместе с тронувшимся льдом вниз по реке. Но однажды нашим разведчикам посчастливилось.

Они были уже на другом берегу реки. Стояла мертвая тишина. Вырезав проволоку, начальник команды разведчиков подпоручик Ольшанский и за ним группа разведчиков спускались в немецкие окопы. Они пошли по окопу вправо, как вдруг Ольшанский слышит, как кто-то идет по ходу сообщения, ведущему из немецкого тыла, и не успел он сообразить, что тут лучше делать - стрелять не полагалось, чтобы не поднимать тревоги, - как перед ним выросла огромная фигура немецкого лейтенанта с фельдфебелем позади. Они столкнулись, лейтенант растерялся и вдруг с силой ударил Ольшанского по лицу.

Допрос пленного

Но наши разведчики вмиг скрутили обоих немцев и, затыкая им рты, доказали, что нужно молчать. Обоих волоком перетащили на наш берег и доставши в штаб полка. У Ольшанского кровь из носа залила весь халат.

Лейтенант в нашем штабе объяснил, что шел с фельдфебелем поверять посты, от неожиданности встречи растерялся, действовать оружием было уже поздно, и он как-то совершенно машинально ударил встречного по лицу.

Но обыкновенно наших разведчиков встречали огнем уже при спуске к реке или хуже - посредине реки, и они с огромными потерями возвращались обратно. Каждые два-три поиска менялся весь состав команды разведчиков, пополнявшейся отборными людьми, а результатов - никаких,

кроме вот случайного у нас единственного раза за всю зиму. Характерно, что немцы никогда не прибегали к такому приему действий. Но наше начальство не боялось потерь. И вот в один из очередных поисков, только разведчики начали спускаться к реке, с немецкой стороны загремели выстрелы. Минуту спустя мне передали по телефону, что подпоручик Ольшанский ранен. Я очень пожалел: это был храбрый офицер. И про себя подумал, что мы занимаемся планомерным и бессмысленным истреблением людей. Умереть не страшно, умереть я и сам не особенно боялся, но было бы за что.

Прошло недели две. Меня вызывает командир полка - я был помощником командира полка и по этой должности начальником всех стрелковых команд в полку, - таинственно закрывает за мной дверь и, давая какую-то бумажку, говорит: «М.С., вот, прочитайте».

На бланке какого-то с огромным номером эвакуопункта, что-то вроде 343-го, с надписью «секретно» на имя нашего командира полка сообщалось следующее: «Сего числа на эвакуопункт поступил вверенного Вам полка подпоручик Ольшанский с явными признаками саморанения. Сообщаю вам для сведения».

Начальник эвакуопункта делал это сообщение во исполнение вышедшего тогда приказа, имевшего целью борьбу с самострельством, принявшим во второй половине войны огромное распространение среди солдат на фронте. Но такой случай с офицером был фактом неслыханным и угрожал виновному лишением всех прав состояния, ссылкой в каторжные работы.

Я напомнил командиру полка о выдающейся храбрости Ольшанского в ряде боев до назначения его в команду разведчиков, доблести его поведения на службе в этой команде и просил, не давая полученной бумажке хода, дать ее мне до возвращения Ольшанского в полк. Командир согласился.

Сию как-то на позиции в своей землянке. Денщик докладывает, что хочет *представиться* прибывший по излечении подпоручик Ольшанский. Подавая Ольшанскому *сношение начальника* эвакуопункта, я сказал: «Не стесняясь, откровенно, скажите, в чем дело?» *Ольшанский* густо покраснел, смутился и смешался. Я еще раз ободрил его, сказав, что все *останется* между нами, но при условии полной откровенности с его стороны. Я уже *чувствовал, что* именно он расскажет. Так и оказалось.

Он с жаром сказал, что, как он не раз показал в прошедших боях, так покажет и во всех будущих, что он смерти не боится, а умирать без всякой пользы, без дела, значит, без всякого смысла - он не хочет. Меньше чем за месяц он третий начальник команды и за это же время почти дважды переменился весь состав солдат, этих отборных со всего полка людей, так нужных для каких-нибудь ответственных боев. Что в день ранения ему было как-то особенно не по себе, как никогда, и он при спуске к реке выстрелил себе в бок, сильно оттянув кожу.

Я взял у него из рук бумажку начальника эвакуопункта и при нем порвал ее.

В одном из дальнейших боев Ольшанский был убит.

У каждого своя судьба. Коренной офицер нашего полка капитан Дашков умудрился при мобилизации армий и выступлении полка в поход остаться под предлогом болезни сначала дома, а потом устроиться на службе в одном из учреждений в тылу.

Уже прошло два года. За это время выходили многочисленные даже высочайше приказы о возвращении на фронт в свои части всех кадровых офицеров, почему-либо пребывающих на службе в тылу. Дашков не появлялся, вызывая осуждение всех немногих уцелевших товарищей. Наконец вышел новый приказ, возлагавший суровую ответственность на начальников всех тыловых учреждений, которые к указанному в приказе числу не *откомандируют* имеющихся у них кадровых офицеров на фронт. Делать было нечего, пришлось тронуться на фронт и капитану Дашкову.

верстах в двух от Двины, стояло каменное двухэтажное здание волостного правления. В нем, помещался штаб нашего полка, имевший на случай обстрела заранее оборудованный подвал. Но с немцами на этот счет у нас было молчаливое соглашение, их штаб участка тоже помещался в неразрушенной хорошей каменной мызе. Мы взаимно друг друга не трогали. Но все сообщения этих штабов с их передовыми позициями и тылами держалась и немцами, и нами под огнем.

Каштан Дашков явился к командиру полка и получил назначение в один из батальонов. Проводить его до батальона, как всегда, был назначен солдат связи. Не успели они отойти от штаба и ста шагов, как в воздухе разорвался снаряд, и Дашков трубкой в лоб был убит наповал. В полку так и осталось ходящим выражение: «Погиб, как Дашков».

Однако от судьбы не отказывайся, но на судьбу и не напрашивайся.

Прибыл в полк совсем молодой прапорщик, получил назначение в одну из рот, представился по дороге соответствующему командиру батальона и от него пошел в роту.

Сопровождавший его солдат указывает куда-то пальцем и говорит: «Вот тут, ваше благородие, близко уже и землянка ротного, ну, а ходом сообщения надо еще пройти». «Чего тут еще», - говорит прапорщик, вылезая из хода сообщения наверх, Можно и напрямик пройти».

«Ваше благородие, хотя и редко, но все-таки немцы постреливают», - предупреждает его провожавший, которому пришлось за их благородием вылезти наверх.

«Пустяки», - и они продолжали идти редким кустарником, совершенно их маскировавшим от противника. Вдруг свистнула одна, другая пуля и прапорщик схватился за ногу чуть ниже паха. «Вот я ранен, - говорит он радостным голосом, словно бы подумал, что героем вернется домой, да еще так скоро. - Где тут перевязаться? Пойдем назад к батальонному командиру». И, вновь спустившись в ход сообщения, они вернулись к землянкам штаба батальона.

Здесь раненого перевязал фельдшер, но идти сам на полковой перевязочный пункт он уже не мог. После наш полковой врач мне рассказал, что прапорщик прибыл к ним бледнее смерти. У него была перебита артерия, питающая ногу. В том месте, где он был ранен, артерия расположена так глубоко, что наложить нужную повязку мог только врач. Вечером прапорщик умер от потери крови.

Грешным делом я подумал, а что если бы погиб не он, а сопровождавший его солдат?! Храбрость показывай в бою.

К весне нас перебросили на более ответственный фронт, под город Двинск, и мы расстались с довольно безмятежными берегами Западной Двины

Здесь началась типичная позиционная жизнь. Малейшая неосторожность, произведенный в окопе кем-либо шум - и с немецкой стороны летела шестидюймовая мина, от взрыва которой вздрагивала земля.

Начью беспрерывно взлетали осветительные ракеты.

Были участки открытые, так что днем трудно было и одиночным людям подойти к ним. Хорошо развитая система перекрытых ходов сообщения была только на важнейших участках. На такой открытой местности нельзя было днем разводить огонь в землянках, жизнь начиналась лишь ночью. Смена на них или на участках очень угрожаемых происходила каждые три дня. На других стояли по неделе и больше.

Был участок на болоте, пить приходилось ржавую, совершенно красную воду. Все оборонительные сооружения были выложены из мешков с землей и дерна. Из них же сделаны низкие ходы сообщения.

Совершенно открытый тыл замаскировывался воткнутыми в землю елками. Немцы *знают*, что там происходит движение, но ничего не видно и потому лишь наудачу время от времени немецкий часовой выпустит одну-две пули, или прострочит короткую очередь пулемет.

Устраивались ложные батареи. На одном из участков около месяца стояла такая батарея - круглые бревна на колесах из-под телеги, надлежащим образом замаскированные, пока, наконец, немцы не поймались и «обнаруженная батарея» бешеным огнем не была, как говорится, стерта с лица земли.

Или наблюдаем обстрел немцами какого-нибудь нашего тылового пункта из тяжелой артиллерии. Тяжелый снаряд в полете виден простым глазом и в воздухе производит характерный мягкий, бархатный шум. Шуршит.

Характерная черта нашей армии. Заступил с батальоном в резерв участка, лошадка небольшая, но все-таки за ее гребнем не видны дымки землянок. В лошадке перед землянками устроены столики для чаепития, где можно просто отдохнуть от землянки, письмо написать.

Сто раз предупреждаю, чтобы только не вылезали на гребень. Но где гут. С утра уже полезли смотреть, где немецкие позиции. А через полчаса под огнем тяжелой артиллерии люди бегут кто куда, а от половины землянок остаются одни ямы. Но еще хуже, что после этого немцы периодически нет-нет да и пустят сюда снаряд.

Летит воздушный разведчик

Или летит немецкий аэроплан. Начиная от ротных поддержек передовой линии до армейского резерва в Двинске включительно все вылезают смотреть на аэроплан. И то, что мы добываем часто ценой большой крови и пота, немцы получают безобидным полетом аэроплана до Двинска и обратно.

Но, конечно, все это было свойственно, главным образом, свежим пополнениям.

С выдачей на вооружение армии ручных гранат среди солдат получили крайнее распространение саморанения с помощью ударных трубок к этим гранатам. Поцарапает солдат капсюль этой трубки обо что-нибудь, смотришь - и остался без двух, трех, а я видел, и без четырех пальцев.

Единственный раз в течение всей войны наш полк встал на месяц в армейский резерв у Двинска. Еду как-то верхом по окраине города. Вдруг вижу, бежит масса совершенно обезумевших солдат с перепуганными, бледными лицами. Спрашиваю, в чем дело, и в это время слышу, как сзади один из них, уже немного оправившись от испуга, говорит: «Здорово немец банк накрыл!»

Оказалось, недалеко отсюда было расположено густо заросшее городское кладбище - излюбленное местопребывание героев тыла, собиравшихся тут для азартной карточной игры. И вот в это пестрое сборище пролетающий мимо немецкий аэроплан бросил бомбу, от которой храбрые тыловики, побросав и карты и деньги, бросились спасаться кто куда.

Как рассказывали, здесь игра велась на сотни и тысячи рублей. А играли простые солдаты. Это были каптенармусы, торговавшие среди бедствовавшего населения казенным овсом, сеном, продуктами, и санитары.

В частях, где плохо смотрели за ротными санитарями, они прежде всего набрасывались на карманы убитых, грабили тяжелораненых, и вообще, оказывали помощь, лишь когда им самим не грозила никакая опасность.

В нашем батальоне каждый санитар знал, что, если в бою не будет на своем месте и не будет делать своего дела, тотчас с винтовкой займет место в цепи. Вынос в бою раненых и подноска в бою патронов должны жестко контролироваться.

По-видимому, тыл вообще обладает свойством действовать на его обитателей разлагающе. Для характеристики этого положения привожу свой рапорт командиру полка от 23 мая 1915 года: «Мне неоднократно приходилось слышать среди офицеров полка разговоры о том, что вещи убитых офицеров разбираются в обозе I разряда чинами хозяйственной части полка. Вчера, застав у себя в батальоне беседу на эту же тему и высказав сомнение по поводу всех этих слухов, получил заявление от командира 12-й роты подпоручика Белобродского, что он лично был свидетелем дележки вещей убитого подполковника Климова. Причем начальник хозяйственной части полка капитан Касаткин отобрал для себя самые ценные из этих вещей: бинокль Цейса, часы и др. - и что покрывается он одеялом *тоже* убитого офицера. А командир роты прикрытия к обозу II разряда подпоручик Филатов добавил, что подобную же картину он наблюдал при дележке вещей убитого капитана Попова, причем и в этом случае капитан Касаткин отобрал себе самые ценные предметы.

Прошу о расследовании и ином разрешении вопроса о вещах, остающихся после убитых офицеров».

* * *

Имея в результате двух войн семь ранений и две контузии, участвовав в многочисленных боях, в двух штыковых атаках, имея в памяти бесчисленных мертвых и умирающих, множество разнообразно раненых, я хочу сказать о страхе смерти на войне и о *страхе* физических страданий.

Страха смерти как такового я никогда не испытывал и не ощущал ни в какой степени и ни в какой форме. Этот вопрос у меня разрешался - быть может, это *покажется* невероятным - просто: убьют так и убьют.

Однако с мыслями о смерти у меня тотчас же, совершенно неразрывно с ними, возникли думы о семье. И чем больше я считал семью свою обеспеченной, тем спокойнее чувствовал себя на войне и в бою. И я знаю, что многих, очень многих смущает не мысль о своей смерти, а страдания остающихся вдовы и сирот. Невозможно отрицать, что одинокий лучше чувствует себя на войне, чем семейный, а из семейных тот, у кого обеспеченная семья.

Сознание, что семья твоя не будет брошена на произвол судьбы, удесятерит силы бойца на войне и в бою. И наоборот.

Совсем другое дело - страх в ожидании ранения, страх в ожидании физических страданий. Этот страх, напротив, никогда не оставляет в бою, ни в первом, ни во всех следующих. И ведь не кажется, что вот пуля руку или палец заденет, нет. Воображение рисует ожидаемую рану в самой неприглядной форме. Кажется, что вот сейчас в глаз попадет, осколком в живот ударит. Снаружи сохраняешь спокойствие, а внутри какой-то аппарат неумолимо отстукивает: вот сейчас, вот сейчас. Работает инстинкт самосохранения.

Это ежесекундное ожидание ранения и связанных с ним физических страданий и составляет всю муку в бою. Тягостен сам по себе уже этот элемент неизвестности, элемент ожидания, а тут еще воображение с его склонностью все преувеличивать.

Но в действительности даже тяжелые раны оказываются не так страшны, как их рисовало воображение, тем более в наш век могучей медицины. Быстро вырванный зуб не дает вам времени почувствовать боль. Пуля же делает свою операцию неизмеримо быстрее, и эту «операцию» вы даже иногда сразу не замечаете. Отсюда и повелось выражение: «в пылу сражения он не заметил своей раны». Нет, пыл сражения здесь ни при чем: быстрота «операции»!

Рану вы замечаете тогда, когда она причиняет боль при движении. Не двигаетесь, и она не болит. Знание всего этого, а значит, некоторое уменьшение чувства страха перед ранениями, дает только опыт. Здесь вспоминается пословица: «За битого двух небитых дают».

А в самом конечном счете самочувствие в бою определяется уровнем морального состояния, являющегося результатом очень многих слагаемых, главнейшее из которых - сознание цели борьбы.

* * *

Однажды после штыковой схватки я спросил одного храбрейшего унтер-офицера, как он себя чувствовал в штыковом бою. Он, не задумываясь мне ответил: «Колотило всего, ваше высокоблагородие». И это верно.

На позиции, март 1916 г.
В центре в кожаной куртке — Михаил Степанович Матиясевиц

1916 год был уже во второй половине. Я командовал полком. От прежнего энтузиазма, с которым я когда-то вышел на войну, почти не осталось следа. Массы начинали чувствовать общую усталость. Вот когда сказалась непроизводительная растрата людей и сил. Груды трупов под

Кальварией, в долинах реки Дубиссы, в районах Двины молчаливо спрашивали: за что?

Ударный женский батальон прибыл на фронт. Март 1917 г.

Пополнение из тыла под влиянием общего развала в стране давно уже поступало недоброкачественное. В этот период совсем не было боев, а самострельство ширилось. Благодаря близости нашего фронта от Петрограда к нам легко проникали многочисленные волновавшие столицу слухи. И вот не блестящему настроению на фронте был нанесен новый и сокрушительный удар: поползли слухи о роли Распутина при дворе, немецкой партии при дворе, об измене и т. д.

Григорий Распутин среди своих поклонниц

Непосредственных результатов на фронте, конечно, все эти Петроградские слухи не имели, но когда грянула революция и вести о ней дошли до наших окопов, революцию приняли как что-то должное, неизбежное, естественное. Революции никто не удивился.

Революция застала наш полк на позициях на очень ответственном участке и долгое время ее влияние ни в чем не проявлялось. Все выжидали.

Но вот началось с того, что нас на этом участке никто не хотел сменить. Дело в том, что здесь намечалось большое наступление, которому должна была предшествовать газобаллонная атака, и весь участок был оборудован для пуска газа.

После революции, конечно, всякая мысль о наступлении была оставлена, и тысячи баллонов с хлором наполняли всю первую линию окопов.

В полку, не желавшем сменить нас, говорили, что не желают отравляться, что баллоны пропускают газ, да и каждую минуту могут быть разбиты немецкими снарядами.

Последнее опасение могло быть основательным, но немцы с наступлением у нас революции совершенно прекратили огонь. Дело дошло до того, что мне был объявлен день, в который весь полк самовольно уйдет с позиции, если не будет произведена его смена.

Смена, наконец, была произведена ударным женским батальоном, но когда полку вновь пришлось идти в окопы, даже не на этот, а на другой участок, солдаты наотрез отказались заступить в передовую линию. Выискивались всевозможные причины для отказа. Требовали кто сапог, кто обмундирования, кто говорил, что полк вообще так истрепан, что пора отвести его в армейский резерв. Два дня ушло на уговоры, пока встали на позицию.

И все это повторялось при всяком заступлении в передовую линию.

Разложение прогрессировало и находило самое разнообразное проявление. И вот в этих тяжелых условиях службы и жизни наш начальник дивизии (отдельная бригада уже давно развернулась в дивизию) известный бурбон генерал Бурневич собрал всех командиров полков и артиллерийских дивизионов на совещание по вопросу, считаем ли мы возможным начать большое наступление. При этом, предваряя наши по этому вопросу мнения, заявил, что лично он считает недопустимым нарушением дисциплины и изменой Родине малейшее уклонение от выполнения приказа о наступлении, если бы таковой последовал.

Наступила гробовая тишина. Все присутствующие явно были огорошены таким оборотом вопроса. Я был самым младшим из собравшихся и заговорил первым.

В общем, я высказал мнение, что при существующем состоянии частей, а оно всем известно, мы даже помышлять не можем о наступлении.

Меня поддержал один из дивизионеров, остальные страшно неловко молчали.

Посреди этой томительной, но красноречивой тишины Бурневич неожиданно поднялся и заявил: «Господа, вы свободны». На этом совещание окончилось, а Бурневич через несколько дней эвакуировался в тыл по болезни.

К этому времени уже многие офицеры, у кого отношения с подчиненными были чем-либо скомпрометированы, принуждены были оставить свои части.

В разгар лета, когда разложение армии достигло внушительных размеров, когда, казалось бы, и для воинственно настроенных была очевидна неосуществимость каких бы то ни было операций на фронте, тем более наступательных, у нас началась подготовка к большому наступлению.

Я с полком был назначен в ударную группу нашей дивизии, а за нами в затылок во второй линии должна была атаковать другая, 17-я пехотная дивизия.

Для прорыва дали у часток в полтора километра по фронту и сосредоточили на нем около двухсот орудий, среди которых были установлены батареи пушек Канэ.

Такие средства для атаки для нас были невиданным делом за все время Германской войны. Были использованы средства, заготовленные еще до революции, к намечавшемуся весной 1917 года большому одновременному наступлению союзников на всех фронтах войны.

Началась подготовка. Каждую ночь мы высылали массу рабочих на устройство позиций для батарей и для устройства плацдарма под две дивизии в виде многочисленных ходов сообщения и так называемых щелей.

Но что же, соседние полки категорически заявили о своем отказе участвовать в наступлении.

Приехал в *качестве* уговаривающего министр Скобелев¹⁵, а вскоре за ним прибыла дивизия казаков, и неповинующимся было объявлено, что им сзади будут «помогать» казаки.

Планом наступления была предусмотрена трехдневная артиллерийская подготовка, после которой на утро четвертого дня в течение получаса дается беглый огонь всеми батареями по первой немецкой линии и его прекращение являлось сигналом для полков начать атаку.

Ежедневно на офицеров возлагалось засветло, еще днем, ознакомиться с местом, характером и объемом предстоявших им ночью земляных работ. И вот в дни начавшейся артиллерийской подготовки группа офицеров, возвращаясь с осмотренных ими своих участков работ, *зашла* любопытства ради во встретившийся им артиллерийский наблюдательный пункт. Немцы почти не отвечали на наш огонь. Но тут вдруг в окно этого наблюдательного пункта влетает немецкий снаряд,

---

¹⁵ Матвей Иванович Скобелев (1885-1938) - участник социал-демократического движения в России, меньшевик. Депутат IV Государственной думы, министр труда Временного правительства России.

разрывается в середине, и все находившиеся в нем артиллеристы и вошедшая группа из шести человек были убиты на месте.

В те же дни вода в речке, верхнее течение которой было в руках немцев и которой мы пользовались для мытья, стирки, водопоя лошадей, а быть может, кто-нибудь и для питья, оказалась отравленной. Немцев выдала масса плившей вверх брюшком мертвой рыбешки. Конечно, тотчас были сделаны *соответствующие* распоряжения в наш тыл.

Тогда же, сидя в своей землянке, я почувствовал: у меня начинает сильно щипать глаза. Ощущение это все усиливалось, слезы градом катились у меня из глаз. Я, совершенно не отдавая себе отчета в происходящем, выбежал из землянки на воздух. Здесь глаза так схватило, слезы полились таким ручьем, что я стал совершенно неспособен к каким бы то ни было действиям. Открыть судорожно сжатые глаза не было никакой возможности. Меня уже начало охватывать беспокойство, как из шума кругом моей землянки выяснилось, что я совсем не один в таком жалком и неприятном положении, а вскоре выяснилась и его причина.

Немцам, очевидно, досаждала расположенная шагах в трехстах от меня наша шестидюймовая батарея, и они весь район ее обстреляли бомбами со слезоточивым газом. Никаких последствий это не имело.

Наконец наступило утро атаки. Еще ночью по ходам сообщения мы заняли *плацдарм*, подготовленный для исходного положения к атаке. Щели были густо заполнены людьми.

Начался беглый огонь всеми батареями по передней немецкой линии. Отдельных *выстрелов* не было слышно. Над головами стоял густой вой от пролетающих снарядов. Над всей немецкой линией земля, пыль, деревянные обломки высокими фонтанами вздымались вверх.

Видно было, как далеко в немецком тылу вскачь уходили не то двуколки, не то повозки. И вот через полчаса, как было условлено, разом установилась мертвая тишина.

Тотчас же из окопов вышли и пошли в атаку, но очень небольшие группы людей. Это были сплошь офицеры и очень мало рядовых солдат. Но и эти небольшие группы по мере продвижения вперед начинали сильно растягиваться. Остальная масса, несмотря на *полное* отсутствие огня со стороны немцев, из окопов не вышла.

Вот и двигавшиеся впереди офицеры заметили неладное и, оглядываясь назад, начали замедлять движение. В эту самую минуту где-то из второй или третьей линии, немецких окопов заговорил один, и сейчас же и второй пулемет. Вот вылезли из окопов, и бывшие впереди люди залегли.

В таком полном смятении прошло, вероятно, минут десять, как вдруг с немецкой стороны грянул артиллерийский выстрел, и снаряд разорвался в передней линии наших окопов.

Эти окопы были переполнены людьми и подперты сзади машинально двинувшимися вперед в момент атаки частями нашей и 17-й пехотной дивизии. Образовалась огромная из человеческих тел пробка. Из окопов можно было вылезти только наверх, на бруствер, но это менее *всего* улыбалось их защитникам. Податься же в сторону или назад было совершенно невозможно.

И вот немного времени спустя вся наша первая линия окопов была под огнем немецкой артиллерии. Каждый снаряд находил свои жертвы.

Наша артиллерия не только молчала, но, учитывая обстановку, вся приданная артиллерия начала свертываться.

Только к концу дня рассеялась колоссальная образовавшаяся в передовых линиях пробка. Окопы первой линии были переполнены убитыми и ранеными. Многие раненые были добиты, другие повторно ранены. Помощи никто не оказывал.

Разложение было так велико, что даже на второй и на третий день после злополучного наступления в первых линиях были еще неубранные тяжелораненые.

Я отдал, как всегда, приказ рыть братские могилы и по местности это можно было вблизи передовой линии. Их отрыли с величайшим трудом, когда от разлагавшихся трупов буквально дышать уже было нечем.

На отпевание - тогда еще существовали полковые священники - явились поп, его служба и я, и ни одного представителя, как это полагалось, от рот. Боялись, как бы немцы не открыли огонь!

Так на нашем фронте закончилось наступление «под знаменем Керенского», имевшее целью развить прорыв в общем направлении по шоссе на Вильну, о чем можно сказать небезызвестными словами: «В мечтах могущество и троны, а на ногах рыжие опорки». К сожалению, все это было

оплачено страданиями и жизнями тысяч людей.

Наступление - это большое испытание и для хорошо настроенных войск.

Наш полк еще как-то держался, но у соседей давно расхватали все запасы обмундирования и продовольствия в обозах I и II разрядов, захватили и поделили между собой хозяйственные суммы из полкового денежного ящика, нарушили весь порядок довольствия и начинали бедствовать.

В полках пошла «борьба за власть», сопровождавшаяся «свержением» командиров полков и выдвижением на их место своих кандидатов уже без соблюдения старшинства в чине, причем в то время это еще не было законным.

Все эти явления находили громкое эхо, конечно, и в нашем полку, но всякий раз какой-нибудь очередной вопрос вроде дележа денежного ящика выносился мною на общее полковое ранне и торжественно проваливался. В результате я начал приобретать себе «врагов».

Полк стоял в резерве в большом сосновом бору. Прежняя солдатская чайная была уже превращена в полковой клуб, около которого огромные пни срубленных деревьев заменяли собой столики.

Однажды под вечер - начинало уже темнеть - я подошел на вызов к телефону и вдруг слышу, дежурный по полку офицер говорит: «Господин полковник, произносятся направленные против вас зажигательные речи. Правда, исключительно начальником и людьми команды траншейных орудий. Настроение таково, что никто из офицеров не может выступить за вас. Я не знаю, что делать?»

Несмотря на все уверения дежурного по полку, что мое появление окончится катастрофически, я приказал ему передать, что сейчас буду на собрании.

Мне нужно было от штаба полка переплыть на лодке небольшое озеро, и за ним уже начинался сосновый лес с землянками частей полка.

Направляюсь к клубу. Водворяется мертвая тишина. Плотная толпа солдат, с ружьями для чего-то, раздвигается и дает мне дорогу.

При моем появлении на площадке у клуба с высокого пня соскочил, по-видимому, державший перед тем речь начальник команды траншейных орудий прапорщик Мицюра, всего несколько месяцев назад впервые прибывший на фронт.

Стою и молчу. Демонстративно вынимаю портсигар и закуриваю папиросу. Молчание продолжается, я наконец решил его нарушить и говорю: «Здесь происходит общее собрание, прошу продолжать его». Все молчат. Я тогда забрался на пень и громогласно объявил, что мне стало известно о происходящем общем полковом собрании, что на нем на все корки разделяют командира полка, то есть меня, так вот я прошу хорошенько повторить при мне то, что говорилось без меня, чтобы я мог дать свои объяснения.

Так как ответа на это не последовало, то я предупредил, что если моя просьба сейчас же не будет исполнена, то пусть на меня не пеняют те, которые имеют привычку показывать фиги в кармане. Молчание.

Тогда я, обрисовав общее положение в стране, на фронте, тяжелое положение офицеров после революции вообще и мое как командира полка в частности, перешел к характеристике сделанного против меня выступления, а также и самих выступавших против меня.

Тут я действительно не постеснялся в выражениях. Прапорщика Мицюру, стремящегося тотчас по прибытии в полк занять почему-то должность начальника хозяйственной части полка, должность подполковника, получившего от меня в этом отказ, я под горячую руку просто смешал с грязью.

Окончил я свою речь, соскочил с пня и тою же дорогой, под какие-то вздохи многих из присутствующих, вернулся в штаб полка. Солдаты молча разошлись по землянкам.

Сильно переволновавшись в штабе, все заснули только под утро. Дело было под воскресенье - праздничный день.

Часов в девять утра, когда я еще после бессонной ночи спал, меня будят и зовут к телефону. Дежуривший по полку докладывает о новом происшествии: «Прапорщика Мицюру зарезало поездом».

Поезда железной дороги от Двинска делали свою остановку как раз около нашего леса, дальше они уже попадали под огонь, и здесь был организован большой *разгрузочный* пункт со складами для войскового имущества, а также головной перевязочный пункт.

Меня это сообщение очень неприятно ударило и не оставляло у меня сомнений даже, что оно - результат моего вчерашнего выступления. Так подумали и в полку, и на всех это произвело

одинаково тягостное впечатление.

Я сказал дежурному по полку, что сейчас же иду на перевязочный пункт. Пошел. Надо было пройти через все расположение полка, и вот, когда я миновал землянки команды траншейных орудий, оттуда понеслись по моему адресу крики: «Убийца, убийца!».

Положение становилась не из приятных, но когда я переходил железную дорогу по пути на перевязочный пункт, все объяснилось совсем иначе.

Оказалось, что Мицюра, собираясь в праздничный день погулять в Двинске, вопреки обыкновению не спрашивая на это разрешение командира полка, то есть моего разрешения, с утра вызвал к себе парикмахера, брился, приделался и направился к станции железной дороги.

Когда он к ней подходил, поезд из товарных вагонов уже отходил и набирал скорость. Мицюра кричал машинисту: «Сбавь хода, задержи поезд», - что тоже характерно для того времени, но машинист только прибавил пары. Мицюра, схватившись за поручни полуоткрытого вагона, бежал, оборвался, и его переехало ровно пополам.

Я передал дежурному по полку, чтобы на двенадцать часов вызвали полкового священника отслужить панихиду.

Когда все эти подробности стали известны всему полку - замечательно, - на панихиду не явился никто ни из офицеров, ни из солдат.

Против меня несколько позже был составлен еще один «заговор». Возглавлял его старший писарь штаба, тоже новый человек в полку, социал-демократ, меньшевик. Эта фигура и сейчас представляется мне загадочной, настолько противоречиво он держался в полку. На всех собраниях он решительно поддерживал меня, а полковой адъютант, из студентов Петроградского университета, со слов одного из писарей вдруг предупреждает меня, что вот этой ночью со мной расправится небольшая группа людей со старшим писарем во главе!..

Собрал всех писарей и, не называя никого по фамилии, объявил, что мне все известно, нужные меры приняты и пусть любители всяких «переворотов» поостерегутся.

Ночей пять не спал, отдыхал днем, ночью запирался, клал наган около себя, и тем все обошлось.

VI

Прошла Октябрьская революция. Совершенно новые и неслыханные события начали следовать у нас одно за другим. В глазах многих воистину земля поднималась дыбом.

Первое, что сразило, и чего не могли воспринять многие мозги - это было снятие офицерских погон. Никто не хотел верить, что такое распоряжение в действительности последовало.

Хотя я уже несколько дней ходил без погон, многие офицеры и не думали с ними расставаться. Пришлось их вызвать всех и разъяснить, что поскольку погоны являются в глазах масс эмблемой привилегированного, кастового положения офицеров, дальнейшее ношение их неуместно. Что же касается знаков различия по должностям, то такие в свое время, вероятно, будут объявлены. И приказал тут же снять погоны всем, на ком они еще были.

Несколько офицеров, не снимая погон, оставили собрание и в тот же день скрылись из полка.

Передают по телефону, что бьют офицеров в одном из батальонов. Пошел туда.

Стрельба. Вдали бежит какой-то человек, оказался командиром роты, а ему вдогонку группа солдат сыплет пули. В одной из землянок забаррикадировался другой ротный командир, и около землянки шумит толпа солдат с ружьями. Избит батальонный командир.

Я приказал всему батальону построиться. Тут же произвел гласный разбор причин всех этих насилий и установил, что офицеры сами были виноваты, о чем тут же и объяснил им. Для солдат того времени имя Корнилова было символом возрождения старых порядков в армии, восстановления смертной казни, продолжения войны «до победного юнца» и т.д. И вот выяснилось, что группа офицеров батальона не нашла ничего разумнее, как защищать и хвалить Корнилова, а один в пылу спора обронил даже такой фразой: «Именно для вас и нужен Корнилов, а то разошлись очень». С этого и началось.

Лавр Георгиевич Корнилов (1870–1918 гг.), генерал от инфантерии. Герой Русско-японской и Первой мировой войн. Верховный Главнокомандующий Русской армии (август 1917 г.). Участник Гражданской войны, вождь Белого движения на Юге России

Вскоре же была объявлена выборность всех командных должностей в армии. Для офицеров это явилось решительным ударом, а с другой стороны, последним ситом, отсеявшим всех, кто недооценивал всего значения, размеров и всей глубины происходящих кругом событий, кто их оценивал с обывательской, единственно доступной им точки зрения: приятны они им или неприятны.

Полковым Комитетом солдатских депутатов я единогласно был избран командиром своего полка.

Началось братание с немцами. В пределах передовой линии были выбраны пункты, на которых разрешалась встреча с нашим вчерашним противником. Здесь происходили беседы, и очень скоро возник оживленный товарообмен. От нас требовались, конечно, только продукты.

Солдаты на фронте приветствуют сообщение Советского правительства о заключении перемирия. Декабрь 1917 г.

В обмен немцы поставляли пользовавшиеся большим у нас спросом ножи, бритвы, и особенный успех выпал на долю спирта. Однако спирт немцы гнали где-то в пределах фронта из сосны. И хотя он был прекрасной выработки, крепкий, абсолютно чистый, но какой-то особенный неприятный привкус делал его неприемлемым даже и для очень больших любителей.

Русские солдаты учат немецких военнопленных танцам

Между прочим, немцы эти оказались теми самыми, которых мы так было напугали своей трехдневной бомбардировкой, и они рассказали нам, что весь участок был ими за отсутствием средств противодействия совершенно брошен, и во время нашей атаки оставались только прикрывающее отход части. Они-то, заметив все у нас происходящее, и открыли пулеметный огонь, а затем срочно была возвращена на свои позиции артиллерия.

В полку установилось относительное спокойствие. Говорили о мире, но указывалось, что его тем легче будет заключить и на лучших условиях, чем в большем порядке будет армия. Такова была установка и армейского исполнительного комитета: не стрелять, не отвечать на немецкий огонь, если бы даже таковой последовал, и держать порядок.

Вот в таких рамках мы кое-как и держались, пока немцы не перешли в наступление. Соседние части разбежались.

Мне удалось вовремя учесть обстановку, свернуть полк и в порядке тронуться по нашей тыловой дороге в ожидании распоряжений.

Но таковых уже ни от кого не последовало. Немцы захватили Двинск и железной дорогой направлялись к Полоцку, пришлось предоставить каждому свободу действий, то есть мирно разойтись по своим домам.

Старая армия больше не существовала.

Прошло очень немного дней, и я принял участие в новой классовой армии. Армии рабочих и крестьян.

Матияевич М. С.

Г. Киев, почт. отд. 32, ул. Белинского, 5, кв. 17.

Воспоминания заканчиваются двумя фразами: «Старая российская армия больше не существовала»; «Прошло очень немного дней, и я принял участие в новой классовой армии рабочих и крестьян».

Первая фраза понятна, она — логический итог приведенных в воспоминаниях событий, характеризовавших процесс разложения армии. По содержанию второй фразы в воспоминаниях нет прямого ответа. Как, почему отец, прослуживший всю жизнь в старой армии, уже через несколько дней после ее распада принял решение вступить в новую, неизвестную ему классовую армию рабочих и крестьян? К ответу на этот непростой вопрос мы еще вернемся не раз в последующих разделах книги.

3.2. Белые — красные — пестрые

Для большинства офицеров Русской императорской армии, далеких от политики, революция оказалась полной неожиданностью. С юношеских и даже детских лет они воспитывались патриотами, призванными, не щадя своей жизни, защищать страну от внешних врагов, что олицетворялось призывом «За веру, царя, и Отечество». Это были не пустые слова.

Вера — церковь всегда вместе со своим народом вставала на защиту Родины. Недаром наша страна усеяна не рыцарскими замками, как Западная Европа, а монастырями с крепкими стенами. За ними мы укрывались от врагов, от них шли к победе.

Царь — Верховный главнокомандующий, его безопасность — одно из условий победы.

Отечество — земля с ее лесами, полями, снегами, где мы живем, где могилы наших предков — это то, что ничем заменить нельзя, если ты родился и вырос на этой земле.

И вот революция!

Первый удар — отречение царя от престола. Офицеры не могли понять: «Как государь, Верховный Главнокомандующий, во время войны мог отречься от престола!». Когда их спрашивали солдаты: «Как же мы теперь без царя-батюшки?!», они не знали, как ответить. Но не было ответа не только на этот вопрос — все еще было неясно...

Как развивались события после Февральской революции в действующей армии, рассказано в записках, но это было на Северо-Западе России, вблизи от центров революции — Петрограда и Москвы, это было в пехоте, несшей особенно тяжелые потери во время войны.

На Юге, далеко от революционных центров, события развивались не так стремительно, а после успешного Брусиловского прорыва в войсках заговорили о скором победоносном окончании войны.

Постепенно обстановка стала проясняться. Выборность командиров, снятие погон, братание на фронте с немцами, арест Временного правительства, разгон легитимного Учредительного собрания и, наконец, увольнение из армии всех офицеров в январе 1918 года - всё говорило: «Новая власть разрушает ту страну, в которой они жили и защищать которую клялись». Ответ был один: надо всеми силами бороться против этой власти. Так стихийно рождалось белое движение на Юге, на Востоке, на Северо-Западе страны. Но вожди его - Деникин, Колчак, Юденич и другие - люди военные, не умели сочетать вооруженную борьбу с необходимой в этом случае государственной деятельностью, политикой, не имели четкой цели и плана действий, не координировали свои действия, в общем, у них не было своего Ленина.

Антон Иванович Деникин (1872–1947 гг.) — русский военачальник, политический и общественный деятель, писатель, мемуарист, публицист и военный документалист

Александр Васильевич Колчак (1874–1920 гг.) — адмирал. Полярный исследователь и ученый-океанограф. Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Руководитель Белого движения как в общероссийском масштабе, так и непосредственно на Востоке России. Верховный правитель России (1918–1920 гг.)

Николай Николаевич Юденич (1862–1933 гг.) — русский военный деятель, генерал от инфантерии. Один из самых успешных генералов России во время Первой мировой войны, во время Гражданской войны возглавлял силы, действовавшие против советской власти на Северо-Западном направлении. Последний российский кавалер Ордена Святого Георгия II класса

Иначе обстояло дело с формированием офицерского корпуса (командного состава) Красной армии.

Мы с детства знали, что Великая Октябрьская революция - самая бескровная и самая быстрая: исторический выстрел «Авроры», захват почты, мостов, телеграфа, банков, штурм Зимнего дворца, арест Временного правительства, разгон Учредительного собрания. Годовщины Октябрьской революции были для нас одним из самых важных праздников.

Однако захват власти в Петрограде, Москве и еще нескольких городах - не свершение Октябрьской революции, а лишь начало ее. Необходимо было установить и удержать власть во всей России, а также сохранить ее территориальную целостность. Для этого нужна была армия, и потребовалось три года Гражданской войны.

Как известно, среди большевиков с дооктябрьским стажем было всего несколько офицеров царской армии, и в основном младших. Ленин прекрасно понимал, без профессиональных военных создать армию и победить в вооруженной борьбе невозможно, а единственный путь решения этой проблемы — использовать офицеров старой армии, и он действовал.

Если в Белую армию офицеры шли, что называется, по зову сердца, то вступление в Красную армию для них было сложным нравственным, морально-психологическим процессом. Лишь очень немногие сделали это по идейным убеждениям, необходимости создания нового социалистического — коммунистического общества в России, а потом во всем мире.

Определенная часть офицеров, не разделяя коммунистических идей, увидела в новой власти силу, которая способна сохранить страну от развала и поднять ее из послевоенной разрухи.

Некоторые офицеры после увольнения из армии оказались в затруднительном материальном положении и, чтобы прокормить семью, были вынуждены поступить на службу в Красную армию.

Но наибольшее распространение среди офицеров старой армии получил по-своему логичный путь вступления в Красную армию, связанный с вероломным нарушением Германией перемирия. В феврале 1918 года началось наступление немецких войск по всему фронту от Балтийского до Черного моря. Над страной нависла смертельная опасность.

Для защиты от продвижения немецких войск внутрь страны правительством стали создаваться так называемые участки завесы — система оперативных отрядов, расположенных вдоль демаркационной линии¹⁶.

Так выглядели отряды завесы

Значительная часть офицеров старой армии, прежде всего фронтовиков, считала своим долгом

¹⁶ Постановлению Высшего военного совета от 05.03.1918 были созданы Северный участок отрядов завесы (СУОЗ) и Западный участок отрядов завесы (ЗУОЗ).

принять участие в отражении немецкого наступления. Позднее отряды Завесы преобразовались в войсковые подразделения Красной армии, которые после заключения Брестского мира с Германией стали участвовать в гражданской войне.

Такой путь прошел мой отец и многие тысячи других офицеров старой российской армии. Для того чтобы лучше представить, как это было, приведу выписку из личного дела отца:

20.12.1917- Полковым комитетом избран командиром 717 Сандомирского полка.

14.01.1918 -Дивизионным комитетом 180 пехотной дивизии утвержден в должности командира полка.

01.02.1918 - Уволен по демобилизации.

07.02.1918 - В связи с увольнением всего командного состава и перехода власти к исполкомам, по их усмотрению объявлен по вольному найму на должность командира

16.04.1918 - Зачислен в ряды Красной армии и назначен помощником военрука Витебского отряда Западного участка завесы - приказ Военного Совета Витебского отряда.

12.06.1918 - Штаб Витебского отряда переименован в штаб 1-й пехотной Членской дивизии.

21.08.1918 - Назначен командующим 1-й Смоленской дивизии.

17.09.1918 - Выехал вместе со штабом и управлением дивизии на Восточный фронт.

События развивались стремительно; отец практически все время оставался в привычной для него армейской среде, но она при этом непрерывно видоизменялась.

Почему он вступил в Красную армию, почему согласился переехать на Восточный фронт? Ответа нет...

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны друг моего брата Володи — Пётр Городний, знавший отца и всю нашу семью, в беседе со мной говорил, в частности, как интересно, нестандартно отец отвечал на анкетный вопрос: «Почему Вы поддерживаете Советскую Власть?» К сожалению, суть ответа я не запомнил, а мои попытки найти заявление отца о вступлении в Красную армию не увенчались успехом. В Государственном военном архиве России есть несколько личных дел отца, но того первого: «16.04.1918 — Зачислен в ряды Красной армии», где, очевидно, должна быть мотивировка этого поступка, найти не удалось.

Коммунистические идеи он, безусловно, никогда не разделял, в большевистскую партию не вступал, в отличие от некоторой небольшой части офицеров старой армии. Так, например, Тухачевский, прапорщик Императорской армии России, в начале Первой мировой войны попал в плен, боевого опыта не имел, но, вернувшись из плена в Россию, вступил в большевистскую партию. Это стало движущей силой его карьеры в годы Гражданской войны.

Не вступая в большевистскую партию, отец, безусловно, верил, что воюет за построение новой, более справедливой и счастливой жизни в нашей стране. Об этом, в частности, свидетельствуют некоторые подписанные им приказы, которые приведены в конце этой главы. Думаю, в немалой степени его решению способствовали годы, проведенные на фронте, его отношение к солдатам и их к нему. Они, рискуя собственной жизнью, не раз выносили его с поля боя, они выбирали его своим командиром. Он видел безотказность и героизм этих людей. Новая власть для него в гораздо большей степени связывалась с солдатской массой, чем с малоизвестным ему марксизмом-ленинизмом и неизвестными тогда большевистскими методами построения лучшего будущего.

Некоторая часть офицеров старой армии, не примкнувшая к белому движению и вернувшаяся к своим семьям, со временем была просто призвана в Красную армию.

Какие бы дороги ни привели офицеров старой армии в Красную армию, они становились «военспецами», и в отношении них действовала ленинская установка: для контроля за действием бывших офицеров назначались комиссары, члены реввоенсоветов, их семьи становились заложниками и находились под постоянным наблюдением.

Так формировался командный состав Красной армии в годы Гражданской войны.

В Белой армии, по своему существу, не могло быть карьеристов, там в бой шли офицеры и генералы, которые могли рассчитывать на единственную награду — достойную смерть в бою.

Другое дело в быстро развивавшейся Красной армии, где открывались широкие возможности продвижения по служебной лестнице. Это не могло не привлекать в нее карьеристов и просто авантюристов, действительные знания и способности которых не соответствовали их стремлению

занять высокие посты. Но это была неизбежная болезнь роста, хотя она во многих случаях и нанесла армии серьезный ущерб.

Белые и красные были идейными противниками, и те и другие воевали за свою Родину. Одни за такую, какой они ее знали, другие за такую, какой хотели создать. При этом основная масса участников этой борьбы еще не очень ясно представляла будущие черты новой Родины.

Но кроме белых и красных в годы Гражданской войны были и другие действующие силы, назовем их условно — пестрые.

Во время великих потрясений государства всегда появляются сильные личности, которые не за белых, не за красных, а сами по себе — различные Махно, Петлюры, Семёновы и другие.

И вот в этом кипящем котле масс вооруженных людей, жили в то время миллионы мирных граждан нашей страны. О том, что это была за жизнь, написано много исторических исследований, воспоминаний и художественных произведений. Интерес к этой теме до сих пор не утихает. Вот недавно вышла из печати монография, посвященная описанию всего двух дней из истории Киева в 1919 году.

Это не тема настоящей книги, но, тем не менее, в следующей главе, посвященной воспоминаниям участника Белого движения, этой теме будет уделено значительное внимание. Она позволит современному читателю лучше представить себе далекое и трагическое время нашей истории.

4. Они сражались за Родину

4.1. Белая гвардия

Эти воспоминания, написанные в шестидесятые-семидесятые годы прошлого века и объединенные под общим названием «Наша генерация, рожденная в конце прошлого столетия», хранятся в Русском историческом архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке. Значительное место в них занимают воспоминания о Первой мировой и Гражданской войнах. Они были мне переданы Алексеем Дмитриевичем Матвеевым (см. параграф 1.4.).

В 1914 году, в начале Первой мировой войны Сергей Васильевич Вакар заканчивал учебу на химическом отделении Варшавского политехнического института. Вот что он пишет о начале войны:

«После убийства сербским террористом престолонаследника Австро-Венгрии Франца Фердинанда Россия и Сербия предпринимали шаги к мирному урегулированию этого инцидента. В то время как для Германии, стремившейся к первенству и господству, оно было лишь долгожданным поводом для развязывания войны. В частности, одной из главных задач войны для нее был захват сырьевых районов Европейской части России - необходимого Германии «жизненного пространства».

Император Вильгельм II, считая, что Россия не подготовлена к войне, рассчитывал на быструю победу; уже тогда появился термин Blitzkrieg — молниеносная война. Появился и еще один термин - Untermensch, которому, как пишет Сергей Васильевич, в русском языке нет перевода, очевидно, что-то вроде «недочеловек».

Уверенность в скорой победе была так велика, что уже был разработан план немецкого переселенческого движения на освобожденную от русских «недочеловеков» землю, их предполагалось выселить за Урал, в Сибирь.

Вероятнее всего, в 1914 году эти планы были неизвестны, так как, рассказывая о них, Сергей Васильевич приводит цитаты на немецком языке из документов, которые в 1914 году были недоступны. Тем не менее, он хорошо помнит всеобщий патриотический подъем, вызванный внезапным объявлением Германией войны России.

Прозвучавший призыв ко всем встать на защиту Родины поставил его и все многочисленное студенчество, освобожденное до окончания вузов от призыва в армию, перед проблемой: еще немножко и ты дипломированный инженер-технолог, или идти сейчас в армию, а после победы закончить учебу. Сергей Васильевич пишет: «Я был молодым, способным носить оружие, холостым, не связанным обязательствами перед семьей, а высокая доблесть и воинский подвиг казались мне чрезвычайно красивыми и привлекательными». Поступление на военную службу он считал своим долгом, но выбор рода войск счел своим правом, и так как с детства привык к лошадям и лихой езде, не сказав ничего родным, чтобы их не волновать, подал прошение о зачислении в Елисаветградское кавалерийское училище.

Для поступления в училище надо было иметь достаточно высокое образование. Не все его

имели, а большую убыль офицеров на фронте необходимо было восполнять. Для этого были открыты школы прапорщиков со льготными условиями приема. Девушки и молодые женщины учились на курсах сестер милосердия.

Некоторое время он был прикомандирован к штабу 44 армейского корпуса в качестве командира конной сотни связи и разведки. В сотне не было потерь людей и лошадей, но было много георгиевских кавалеров. Представляли их к наградам пехотные военачальники за быструю доставку важных донесений под огнем противника. Служба была интересная и хорошо оплачивалась, но Сергей Васильевич решил, что это все же не настоящая армейская служба для молодого офицера, и вернулся в свой полк. Закончился маневренный период войны, и кавалеристов стали спешивать и отправлять в окопы.

*«Прошло минувшее, как сон,
И превратился в роту эскадрон».*

Заканчивая свои воспоминания о службе в годы войны, Сергей Васильевич обращает внимание на то, что это грандиозное, связанное с высоким патриотизмом событие в истории нашей страны практически забыто. Первая мировая (в то время ее называли Великая) война унесла 2,5 миллиона лучших сынов страны, остались миллионы раненых, калек, вдов и сирот. Наверное, сегодня еще живут внуки и правнуки участников этих событий. В 2014 году мы должны отметить столетие со дня начала этой первой в XX веке великой войны. Сергей Васильевич пишет: *«Жертвы войны никогда не должны быть забыты. Подвиг и доблесть людей не могут умалить своего достоинства ни при каких условиях или неудачных обстоятельствах войны, и выполненный долг воина есть, несомненно, высшее моральное достояние человека».*

1 февраля 1915 года Сергей Васильевич вышел из училища офицером в Первый гусарский Сумской полк. Сумской гусарский полк был сформирован в 1765 году, квартировал в Москве, в Хамовнических казармах.

Закончилась для Сергея Васильевича Первая мировая война, служба в 1-м гусарском Сумском полку и в Императорской армии России следующим образом. Полковой комитет огласил перед гусарами сообщение о формировании Красной армии и призыв записываться в ее ряды. Командир полка полковник Неедов сказал: «А у меня есть сведения, что на Юге России генерал Алексеев формирует Добровольческую армию. Выясним подробно цели той и другой, и тогда кому какая по душе, тот туда и запишется».

Михаил Васильевич Алексеев (1857–1918 гг.) — российский военный деятель, генерал от инфантерии с 1914 г., с августа 1915 г. по март 1917 г. — начальник штаба Ставки, фактически руководитель всеми военными действиями. После консультаций с командующими фронтами убедил Николая II отречься от престола. В марте — мае 1917 г. — Верховный Главнокомандующий. После Октябрьской революции участвовал в создании Добровольческой армии, весной 1918 г. стал ее верховным руководителем. Умер в Екатеринодаре

Полк был распущен, все разъехались по домам. Уехал и Сергей Васильевич на свою родину в Тамбов. Имея гражданскую специальность, начал там работать. Но судьба привела его в Добровольческую армию.

Судьба моего отца привела его в Красную армию, и следующие главы книги посвящены его службе в этой армии.

Чтобы лучше знать правду о Гражданской войне, судьбу офицеров, оказавшихся по разные стороны фронта, я отобрал два отрывка из воспоминаний Сергея Васильевича. Один посвящен непосредственно службе в Добровольческой армии. Второй, названный им «Женщины на войне», был уже опубликован в газете «Независимое военное обозрение» под заглавием «Как моя жена спасла меня». Тем не менее считаю необходимым привести ее полный текст по двум причинам. Во-первых, это рассказ о трагическом завершении Белого движения на Юге России. Во-вторых, это поэма о мужественной женщине — жене автора, которая действительно трижды спасла его от неизбежной гибели.

Жена офицера — это трудная и ответственная должность. В мирное время — частые переезды, жизнь в небольших военных городках, откуда сложности быта, обучения детей, работы по специальности. Во время войны — постоянная тревога о судьбе мужа.

Для мужа, солдата на фронте, перед боем верная жена — уверенность: что бы с ним ни случилось, его всегда с радостью встретят дома, а если он погибнет, жена сумеет воспитать детей. Все это важный фактор психологического здоровья офицера, его успеха в бою.

Текст этих отрывков приведен дословно без каких-либо изменений. В него включены фотографии и отдельные объяснения, иллюстрирующие содержание текста.

Штабс-ротмистр Вакар

Аргентина

Наша генерация, рожденная в конце прошлого столетия

5. Гражданская война Белая Армия

Белые воины

Буэнос-Айрес. 12 декабря 1978 года.

«В феврале 1918 года на юге России основалась героическая Белая Армия, вступившая в неравный бой с жестоким врагом, зверски поработившим Святую Русь.

Это было вскоре после того, как в кровопролитную Великую войну 2,5 миллиона лучших русских патриотов пали смертью храбрых за Родину, когда в России появилось много военных инвалидов, безруких и безногих калек, когда миллионы отцов и матерей, вдов и сирот оплакивали своих погибших родных, и когда, пользуясь всеобщим горем, революционный элемент повыползал из своих щелей для достижения своих дьявольских целей и порабощения России.

Я не буду перечислять давно известные имена вождей Белого движения и не буду описывать отдельных боев, - все это описано во многих исторических книгах, иллюстрированных схемами военных действий, и эти книги имеются в каждой русской общественной библиотеке, во многих русских домах и в продаже.

Все это давно прошло, и уже изгладились интересы потомства к деталям хода отдельных многочисленных боев, но самую суть героических и жертвенных событий, выпавших на долю борцов за Белую идею, твердо должен знать и понимать каждый русский патриот, где бы он ни находился. Вот эту суть Белого дела и Белого движения я как очевидец и участник борьбы постараюсь дополнить своими личными наблюдениями.

Вслед за внешней Первой мировой войной в России разразилась внутренняя, братоубийственная, ожесточенная, Гражданская война, с новыми принципами и понятиями ее ведения. Прекрасные офицеры большой войны часто оказывались косными и недостаточно гибкими в малой войне, где стали выдвигаться молодые командиры, сумевшие схватить и оценить обстановку и психологию данного момента. Малая война стихийно потекла по ее самой промытому руслу, вопреки опыту большой войны. Первая война кончилась позиционно, все зарылось в землю, моторы вытеснили коня со сцены военных действий, и наша лучшая в мире кавалерия за ненужностью почти вся спешилась. По неоспоримому опыту и по утверждению возглавителей военного искусства всюду стали

строить неприступные оборонительные позиции: линии Мажино - во Франции, Зигфрида - в Германии, Сталина - у Советов, и на это тратились бешеные средства.

Гражданская война сразу же нарушила все опыты и ожидания старых военачальников, и Белое движение вылилось в чисто маневренную полевую войну без крепостей и всесторонних укреплений, и конница приобрела небывало доминирующее значение. Воронеж, например, был занят без пехоты, но при поддержке бронепоездов тремя конными корпусами генерала Шкуро, Мамонтова и Улагая.

Против нас накопилась красная конница Будённого, сформированная под лозунгом: «Все на коня!», во много раз многочисленнее нас.

Семён Михайлович Будённый (1883-1973 гг.) Участвовал в Русско-японской, Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войнах. Награжден четырьмя Георгиевскими крестами и четырьмя Георгиевскими медалями

В Первую мировую войну

Маршал Советского Союза

В Гражданскую войну

Наша пехота, создав новые героические полки - Марковский, Корниловский, Дроздовский и Алексеевский, - с совершенно новым укладом жизни и с рвущимся в бой составом бойцов, тоже зарывалась в окопы и маневренно шла под огнем в атаки во весь рост, не ложась при перебежках. Тактически это было неправильно, но оправдывалось морально презрением к смерти и ошеломляющим воздействием на врага.

Офицер Марковского полка. Фрагмент рисунка художника А.Карашука

С первых же дней Белая армия пошла по стихийно-героическому пути. В добровольческой армии не было насильно мобилизованных солдат и уклонений от боя, и весь состав армии от генералов до добровольцев, юношей и девушек, искренне рвался в бой.

МАРШ АЛЕКСЕЕВСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА

*Пусть свищут пули, льется кровь,
Пусть смерть несут гранаты,
Мы смело двинемся вперед,
Мы русские солдаты*

*В нас кровь отцов-богатырей,
И дело наше правое,*

---

*Сумеем честь мы отстоять,
Иль умереть со славой.*

*Не плачь о нас, Святая Русь,
Не надо слез, не надо,
Молись о павших и живых,
Молитва - нам награда!*

*Мужайтесь матери, отцы,
Терпите жены, дети,
Для блага Родины своей
Забудем все на свете.*

*Вперед же, братья, на врага,
Вперед, полки лихие!
Господь за нас, мы победим!
Да здравствует Россия!*

Еще при Временном правительстве молодежь с энтузиазмом шла на защиту Родины, и защищавшие Зимний дворец юнкера с кадетами, и женский батальон, состоявший главным образом из курсисток, гимназисток и институток, пали смертью храбрых в неравной борьбе.

Что можно сделать против хорошо вооруженной регулярной Красной армии винтовками в детских и девичьих руках, в юношеских руках юнкеров, называвшихся кадровыми военными среди кадетов и девиц?

Такой же энтузиазм проявляли молодежь и дети Юга России.

Мировая история не знает таких случаев, чтобы шулки ради офицеры дарили бы своим девушкам-воинам куклы и чтобы закаленные в боях барышни берегли бы эти подарки, пока смерть или раны не вырвут их из строя.

Хотя разрозненная и случайная борьба против большевиков, начатая капитаном Неженцевым с его Первым ударным отрядом имени генерала Корнилова, была много раньше, началом Белой армии можно считать небывалый легендарный 1-й Кубанский «Ледяной» поход, и по своему героизму, и по обстоятельствам похода, превосходящий все то, что до сих пор знала военная история.

И действительно, никогда еще не было случая, чтобы армия формировалась на неопределенном пространстве, без связи со своим государством, и чтобы армия шла походом, без определенного плана и цели, без денег и продовольствия, в замкнутом кольце окружения сильного противника, раздетая, плохо вооруженная, без перевозочных средств, без тыла, где можно оставить раненых, имея на всю армию не больше 700 артиллерийских снарядов, в расчете на вооружение исключительно за счет противника. На вопрос, куда шла эта армия, зачем, что ее ожидало, и на что она надеялась, никто не мог ничего ответить. Лучшее объяснение значения этого похода дают слова генерала Алексева: «Мы уходим в степи. Можем вернуться, только если будет милость Божья. Нам нужно зажечь Светоч, чтобы хоть одна светлая точка была бы среди охватившей Россию тьмы!»

Первопоходную армию в то время составляли: 2 Верховных Главнокомандующих, 1 главнокомандующий и еще 3 генерала, 140 штаб-офицеров, 525 обер-офицеров, около 400 юнкеров, около 400 солдат-добровольцев и около 450 кадетов, гимназистов, студентов и девушек. Поход длился 80 дней, было 44 боя, убито 500 и ранено 1500, и все же к завершению похода численность армии возросла до 5000 воинов. Добровольческая армия после похода получила возможность развернуться в Вооруженные Силы Юга России для предстоящего похода на Москву.

Знак участника 1-го Кубанского «Ледяного» похода

«Крест Храбрых», дата на нем — 12 февраля 1918 г. — начало «Ледяного» похода

Слава первоходцам!

ПЕСНЯ УЧАСТНИКОВ «ЛЕДЯНЫХ ПОХОДОВ»

*Мне от мыслей-видений не уснуть до утра:
Снова цепи-мишени, громовое «ура».
Умирали, как жили - кто во рву, кто в бою,
Мы - за нашу Россию, а они - за свою.*

*Шашки вон, эскадроны! И аллюр три креста!
Жизнь - дешевле патрона... Кто патроны считал
В те года моровые, в перехлёсте судеб?
Когда мы - за Россию, а они - за совдеп!*

*Мы родные гнездовья покидали с сумой,
Погасив нашей кровью их «пожар мировой».
Не считай чаевые и судьбу не кляни:
Мы дрались за Россию, за коммуны - они.*

*Нам покоиться рядом, жаль - в земле чужой,
Под терновой наградой за поход Ледяной...*

*Мы уходим, как жили. - Рысью, мари! Шапки вон!
Только мы - за Россию, а они за кого?*

Таким образом, было положено начало Белого освободительного движения, захватившего весь Юг России, и не вина горстки героев, что у них не хватило физических сил для свержения сатанинского зла мирового масштаба и значения.

Трагична была судьба девушек — участниц «Ледяного похода», выпускниц Александровского военного училища. Из 19 девушек-прапорщиков, пожелавших вступить в Добровольческую армию, в живых осталось не более трех-четырех.

Девушки-прапорщики — участницы Первого Кубанского («Ледяного») похода

И к ним могут относиться слова, сказанные императором Александром II защитникам Севастополя: «И для героев есть невозможное!»

Я начал свой труд с давно известных событий Белого движения, чтобы еще раз напомнить об идейности и героизме Белой армии, но, к сожалению, всякая гражданская война несет с собой свою кошмарную психологию злобы и ненависти, поднимая брата на брата, сына на отца и отца на сына. Ужасы, переживаемые населением при расправе руками красных за радость и гостеприимный прием белых воинов после их отступления, тоже должны быть хорошо известны историкам, и поэтому я перехожу на личные мои наблюдения участника событий, правдивым описаниям и лицевой, и обратной стороны медали.

Начну с моих воронежских воспоминаний, вероятно, отражающих настроения и на других направлениях фронта.

При входе в Воронеж конного корпуса генерала Шкуро стихийный энтузиазм встречи не был случайным, а логично вытекал из ужасов пребывания населения под гнетущим красным владычеством с ограблениями, оскорблениями и арестами русских людей, даже совершенно не вмешивающихся ни в какую политику.

В то время измученные люди еще верили в чудо освобождения от красного ига, и это чудо с победой белых войск.

При входе белой конницы в освобожденный Воронеж улицы города были празднично переполнены ликующим народом, неумолкающим восторженным овациям не было конца, кони шли по брошенным под ноги цветам, люди христосовались на улицах, и даже женщины подбегали к коням, чтобы облобызать всадников.

Была общая стихийная радость - есть что вспомнить!

Незабываемыми на всю жизнь остались воспоминания и об общем религиозном подъеме жителей города, охваченных порывом религиозной свободы. В ограде Митрофаньевского монастыря в центре Воронежа, где хранятся мощи Св. Митрофания-угодника, и во всех прилегающих монастырю кварталах собралась громадная масса народа, желая приложиться к святым мощам, что преследовалось большевиками, заставившими замолчать монастырские колокола. На мою долю вместе еще с двумя офицерами выпало приказание сорвать с дверей колокольни советскую печать. И

вдруг среди благоговейной тишины мощно ударил большой монастырский колокол, а за ним полился перезвон всех остальных колоколов. Момент был потрясающий, и вмиг вся толпа опустилась на колени, и слезы радости наполнили глаза религиозно настроенных людей.

Такой захватывающий религиозный экстаз трудно себе представить и понять в нормальных условиях государственной жизни. Здесь он вылился в результате советских осквернений всего святого, в разрушении храмов, убийствах духовенства, преследовании молящихся, в атеистической пропаганде безбожия и во вновь возникших гонениях на христиан. Здесь, конечно, не было цирковых арен с львами и тиграми, но убийства архиереев и священников в Царских вратах алтаря во время богослужения ничем не лучше Римских гонений. Такой большой религиозный подъем, вероятно, был впервые почти за тысячу лет после крещения Руси.

При нашем желании тоже приложиться к святым мощам толпа расступилась с возгласами: «Дайте дорогу господам офицерам!».

Всю эту трогательную картину нельзя описать словами, а нужно ее видеть своими глазами, чтобы запомнить на всю жизнь.

На вполне естественный вопрос, были ли вышеописанные события действительно всенародной радостью и как к ним относился рабочий класс, отвечу словами генерала Шкуро из его книги «Записки белого партизана»: «На многих митингах рабочие высказывались за необходимость помощи мне, и в последний момент перед отходом из Воронежа явился ко мне отряд железнодорожников в составе 600 человек. Я обратился к нему с глубокой благодарностью. Не заходя домой, они с песнями двинулись из города.

Эти рабочие были влиты в 1-й стрелковый батальон, позже переименованный в «Волчий ударный батальон». Рабочие сделались хорошими солдатами и далеко превосходили своей доблестью многих казаков в бою».

Личность генерала Андрея Григорьевича Шкуро была обаятельной, и его выдача большевикам в Австрии и мученическая смерть в Москве создали ему еще большее историческое обаяние и вечную славу в истории белой борьбы.

Получив чисто военное образование в 3-м Московском кадетском корпусе и в стенах Николаевского кавалерийского училища, А.Г.Шкуро отлично усвоил военное дело и воспринял кавалерийскую лихость, но, конечно, не мог вникнуть и изучить вопросы гражданского управления страной. Пока генерал Шкуро был в штабс- и обер-офицерских чинах и занимал соответствующие должности, лучшего командира взвода, сотни или полка нельзя было желать: личная храбрость с четырьмя ранениями, обаяние, которым он пользовался среди казаков, и врожденный талант военачальника довели его до большой славы белого партизана, наводящего страх и ужас на красного врага. В свои 35 лет жизни он был уже генерал-лейтенантом и командиром корпуса и оказался возглавителем и правителем всего завоеванного им Воронежского района.

При его появлениях на улицах Воронежа, в черкеске, на чудной тройке лошадей в покрытых

коврами саних, в сопровождении конвоя «Волчьего дивизиона», тоже в черкесках с развевающимися красными башлыками, население города восторженно его приветствовало, и крики «ура» не отставали от лихой тройки рысаков.

Однако на этом новом очень высоком посту, не только военного, но и государственного значения у генерала Шкуро не было знаний гражданского управления, и он почему-то не создал гражданской организации для удовлетворения нужд населения, попавшего в очень тяжелые условия жизни между красным молотом и белой наковальней.

Положение русских людей при большевиках было кошмарным. Обобранные и ограбленные коммунистами, потерявшие все свои трудовые сбережения в банках, лишенные недвижимого имущества и налаженных предприятий, выкинутые на улицу на полный произвол судьбы и подгоняемые революционным лозунгом «Кто не работает, тот ничего не ест», жители Советской России принуждены были работать и служить, и в службе доктора в больнице, учителя в гимназии, почтового чиновника и проч. никто не находил ничего предосудительного.

Не вдаваясь в положение и психологию освобожденных им от коммунизма людей, генерал Шкуро отдал ясный и короткий приказ, что все, кто где-либо служил при большевиках, автоматически считаются уволенными со службы; точка.

Что же из этого получилось?

Сестра моей жены, доктор медицины, женщина-врач Воронежской земской больницы, придя домой, с возмущением и ужасом рассказала, что такое творится: «Больница полна больных, требующих заботы и ухода. Их надо лечить и кормить. Кроме того, с фронта прибывают все новые и новые раненые, нуждающиеся в перевязках и срочных операциях, - их тоже нельзя не принять».

Мы все, доктора и прочий медицинский персонал и служащие до последней поломойки включительно, считаемся отпущенными со службы, и жалованья больше не получаем, но бросить тяжело больных невозможно, и на последние остатки больничной кассы мы их как-то еще кормим. Что будет завтра, неизвестно!»

Одно время мой полк стоял в городе Землянске, в 35 верстах от Воронежа, где осталась моя жена в доме ее родных. Мне нужно было посылать ей письма, но почта не работала. Иду на почту, чтобы выяснить, в чем дело, и застаю почтового чиновника, бездельно сидящего на завалинке. Спрашиваю его о положении и получаю следующий ответ: «Войдите в мое положение. Я без всякой вины с моей стороны уволен со службы и жалованья больше не получаю, но не могу перестать кормить тройку почтовых казенных лошадей без денег на покупку фуража. Жду новых распоряжений, а пока что получаю единственный ответ: «Служил у большевиков». Что делать дальше, я не знаю».

Большая чепуха с печальными последствиями произошла в Воронеже с денежным обращением. Оккупационные войска признавали только добровольческие и донские денежные знаки, и генерал Шкуро объявил советские деньги недействительными, а население, естественно, никаких других денег, кроме советских, не имело и не могло иметь и потеряло покупательную способность на покупку товаров в магазинах.

В этой денежной неразберихе ничего нельзя было понять, и крестьяне ближайших сел до выяснения дела перестали поставлять в город продукты питания, базар опустел, и жителям Воронежа пришлось подтянуть пояса.

В отношении к побежденному противнику генерал Шкуро был довольно гуманным, и я не знаю при нем застенков типа ЧК, где пытками и вымогательством добиваются от арестованного ложного

признания его вины. Я знаю при нем в Воронеже всего лишь три смертных казни действительно видных коммунистов. Я на них не присутствовал, но об одной из них расскажу.

В исключительных случаях для охраны контрразведки сюда присылали части войск, и я на один день попал усиленно охранять от побега арестованного первого председателя Воронежского реввоенсовета Моисеева. Это был весьма интеллигентный человек и в тоже время идейный коммунист, каких я никогда в жизни еще не встречал и больше не встречу. Он не соглашался с заветами Ленина, что «если для коммунизма нам нужно уничтожить девять десятых народа, мы не должны задумываться». Он считал, что коммунизм надо проводить чистыми руками, без крови, и поэтому, будучи на высоком красном посту председателя военно-революционного совета, он энергично боролся против зверств ЧК и спас жизнь, и избавил от пыток многих невинных людей.

В результате этого, когда Моисеев был арестован, генералу Шкуро была подана петиция о его помиловании, имевшая около 300 подписей, начиная с генералов и наиболее авторитетных жителей Воронежа.

После ареста Моисеев жил в чистой нормально меблированной комнате с кроватью, без решеток в окнах, и целыми днями проводила вместе с ним время его жена. Никаких цепей и наручников на нем не было, он был одет в свой собственный штатский костюм, и обращение с ним было в высшей степени корректным.

Получив петицию, столь высоко подписанную, но отлично понимая, что такой «идейный» коммунист, в конечном итоге, может быть для России опаснее коммуниста-шкурника, генерал Шкуро, морально уступая просьбам, наложил резолюцию: «Позорное повешение заменить благородным расстрелом! Приговор привести в исполнение».

Грустным вопросом, коснувшимся жителей Воронежа, облитых, как из ушата холодной водой, охладившим их первоначальный порыв и восторг при встрече конницы генерала Шкуро, были грабежи, вошедшие как бы в право и норму войск победителей.

Прежде чем перейти к своим собственным личным наблюдениям, коснусь вопроса грабежей широкого масштаба, позже вошедших в военно-историческую литературу. Там, где я не был, я и не несу ответственности за разоблачения и оценки этого большого зла.

В своих «Воспоминаниях» (Нью-Йорк, 1954 г., стр. 362) последний протопресвитер Русской Армии и Флота, о. Георгий Шавельский пишет, что на его обращения в штаб главнокомандующего с просьбой прекратить грабежи в армии, генерал Романовский ответил: «Грабежи - единственный стимул для движения казаков вперед: Запретите грабежи, и их никто не заставит идти вперед».

Георгий Иванович Шавельский (1871–1951 гг.) — священнослужитель Православной Российской Церкви, впоследствии Русской Православной Церкви за границей. Протопресвитер военного и морского духовенства Императорской армии России и армии Деникина

И грабежи с молчаливого попустительства Главного Командования развивались все больше. Некоторые из вождей, как Кубанский герой - генерал Шкуро и Донской - генерал Мамонтов, сами показывали пример. Вслед за вождями грабили офицеры, казаки и солдаты. За частями тянулись обозы с награбленным добром; казаки и солдаты возвращались домой с мешками, набитыми деньгами и драгоценными вещами, и, разбогатев, конечно, не хотели вновь воевать.

Грабежи стали общим явлением, которого никто не скрывал.

В своих «Записках белого партизана» (Буэнос-Айрес, 1961 г., стр. 224) генерал Шкуро пишет:

«8 сентября мы соединились с возвращавшимся из рейда в Тамбов корпусом генерала Мамонтова, который вел за собой бесчисленные обозы с беженцами и добычей. Достаточно сказать, что я, будучи в автомобиле, в течение двух с половиной часов не мог обогнать их. Казаки Мамонтова сильно распустились, видимо, стремясь довести поскорее до хат свою добычу. Она была весьма богата; например, калмыки даже прыскали своих лошадей духами».

При такой общей постановке дела нет ничего удивительного, что, в частности, в Воронеже, грабежи процветали, и если наверху это делалось шито-крыто, и я об этом ничего не могу сказать, внизу это совершалось совершенно открыто и без запретов.

И вот в мой дом во время моего отсутствия ворвались лихие «шкуровцы» и на просьбу пожилой хозяйки дома оставить хоть часть ложек, нужных нам для еды, один из грабителей грубо ей ответил: «Молчи, старуха, - застрелю!» и навел на нее револьвер. Пришлось подчиниться: «Берите все, что хотите».

В полку мне приходилось своими глазами видеть чуть не доходящие до драки дележи награбленного серебра и золота, но бороться против поощряемого «стимула к победе» не было совершенно никакой возможности.

Взятие Воронежа было последним успехом наступательного движения вперед корпуса генерала Шкуро, и здесь произошел перелом от наступлений к отступлениям.

Не говоря уж о том, что всякая грабящая армия теряет свою боеспособность, в данном случае началу развала способствовали разгон генералом Деникиным Кубанской Рады, и появление нового сильного противника в лице конницы Будённого.

Разгон Рады, естественно, вызвал на Кубани появление самостийного движения под лозунгом: «Мы большевиков к себе не пустим, но освободить от них Россию мы не желаем, пусть освобождаются сами». И этот лозунг быстро достиг фронта. Сразу же началось даже не дезертирство, а открытое, принципиальное, массовое возвращение кубанских казаков домой на строевых лошадях и с оружием в руках. По пути они требовали от населения продукты для себя и фуража для лошадей, вызывая озлобление мирных жителей против белых войск.

Появление нового сильного противника, будущего маршала Будённого, имело решающее для Воронежа значение. Личные его организаторские способности не подлежат сомнению, и не будь их, он, как и маршал Жуков, не продвинулся бы из драгунских унтер-офицеров Императорской армии в красные маршалы. Конница его состояла главным образом из изгнанных из станиц за причастность к большевизму казаков, стремившихся домой. Будучи многочисленнее, чем генерал Шкуро, почти в десять раз, Будённый заботливо берег людей и конский состав, давая войскам частые смены для отдыха, в то время как генерал Шкуро, из-за того что инициатива находилась в руках противника, вынужден был держать в первой линии все свои войска бессменно. Кроме того, у нас появилось еще новое зло - отсутствие подков для перековки лошадей на зимние шипы. Во время гололедицы наши кони могли идти только шагом, в то время как кавалерия на зимних подковах, кавалерия Будённого, развивала любой аллюр, что создавало неравные условия маневренной войны.

Мой полк в то время стоял в городе Землянке, охраняя подступы к Воронежу со стороны Дона, обеспечивая переправы через Дон. Оттуда я был послан в Воронеж, в штаб генерала Шкуро для связи, в сопровождении нескольких казаков для доставки донесений.

Представьте ужас моего положения, когда в штабе я не нашел трезвых людей, чтобы доложить о своем прибытии. Через открытые двери в зале занимаемой штабом гостиницы, я слышал звуки военного оркестра и видел, как лихой партизан Шкуро с не меньшей лихостью поднимал бокалы вина, и лихо отплясывал лезгинку, окруженный цветником восхищенных им дам. Все же мне удалось разыскать есаула, начальника связи штаба корпуса, уже сильно подвыпившего, и отрапортовать ему о моем прибытии в его распоряжение. Он пригласил меня в его комнату и заявил, что без водки не разберешь, предложил выпить. Незаметно выливая рюмки под стол, я внимательно слушал ошеломляющие рассказы о том, что с Воронежем все кончено, все пропало, и что мы спешно покидаем город.

Узнав такую неожиданную новость, я послал три донесения моему командиру полка, но ни одно из них в полку получено не было, и все три связанных бесследно исчезли. Очевидно, они просто повернули коней на Кубань, так как наш путь Воронеж - Землянк был еще вполне свободен.

И действительно, чтобы не оказаться отрезанным и окруженным в Воронеже с перспективой пробиваться на сотню верст через подавляющие конные массы противника, генерал Шкуро в ночь с Юна 11 октября очистил Воронеж и перешел на Дон.

Выйдя из города вместе со штабом, я одиночным порядком повернул в Землянск и доложил своему командиру полка всю обстановку. В Землянске полк не подвергался нападению красных, мои тревожные донесения до полка не дошли, и командир полка был уверен в общем благополучии, но с моим приездом он сразу же повел полк на соединение с корпусом.

Были ли после нашего ухода из Воронежа и возвращения туда большевиков их репрессии в отношении населения в наказание за первоначальный восторженный прием белых войск, я не знаю, но думаю, что да.

После оставления Орла и Воронежа под давлением противника началось общее отступление белых войск, что давно и подробно описано и в моих дополнениях не нуждается.

Участвуя в боях с наступавшим противником, я довоевался до Ростова-на-Дону, где заболел сыпным тифом и окончательно выбыл из строя. Из Екатеринодарского английского Военного госпиталя я был эвакуирован через Новороссийск на остров Лемнос, и моя вооруженная борьба против большевиков на русской земле кончилась.

Не потеряв почтовой связи с Воронежем, я узнал, живя в Болгарии, что большевики по занятии города объявили в первом же своем приказе населению, что все лица, где-либо служившие в белую оккупацию, обязаны в кратчайший срок вернуться на свои прежние места службы, а кто не вернется, будет считаться врагом народа и будет подлежать наказанию. Ясно, что люди, лишенные при генерале Шкуро службы и средств к существованию, ожили и воспряли духом, и всем тем, кто вернулся по вызову, сразу же было выплачено их прежнее полное жалование, как будто никакого перерыва в их работе и не было. Сам собой отпал и кризис с добровольческими денежными знаками, и жизнь вошла прежнюю, увы, советскую колею.

Население опять попало под власть чекистов с их потрясающими жестокостями, но и симпатии к белым освободителям тоже пропали, и страх перед нашим возвращением превзошел ненависть к большевикам.

За это жителей Воронежа винить нельзя, так как они действительно перенесли много горя и имели право разочароваться в нас.

Все сказанное здесь посылаю в Колумбийский Университет на беспристрастный суд истории».

Штабс-ротмистр Вакар

Женщины на войне

«Это было в конце 1919 года. Я в это время был на службе в Сводно-кавалерийском полку 1-й Кавказской казачьей дивизии. Взятие Воронежа было последним успехом поступательного движения корпуса генерала Шкуро, и здесь произошел перелом от наступлений к отступлениям... Мне пришлось пережить безалаберный отход из Воронежа в условиях кошмарной обстановки, когда казаки открыто стали разбегаться по домам.

Ужас отступления заключался еще и в том, что сыпной и возвратный тиф буквально косил Белую армию. Переполненные до отказа госпитали при отводе войск почти всегда попадали в руки красных, которые решали, что противники им совершенно не нужны, кормить и лечить их нет никакого смысла, а прикончить всех их штыком или пулей - самое простое и легкое дело.

В Белой армии никак и никогда при начавшемся отступлении не был поднят и разрешен вопрос об оказавшихся бездомными женах и семьях героев фронта, и не было организовано для них в тылу ни лагерей, ни колоний, ни хотя бы денежных выплат для возможности им скромно жить. Эти женщины вынуждены были находиться в обозах полков своих мужей, так как другого выхода из положения не было и при беззаботности высшего начальства и быть не могло. Не составляла исключения и моя жена - Зинаида Викторовна.

С отходом на Кубань она оказалась абсолютно бездомной и принужденно привязанной к полку. Здесь она подвергалась всем ужасам маневренной гражданской войны с постоянными прорывами из кольца окружения многочисленного противника. Здесь, чудом не задетая пулями огня противника и чудом уцелевшая под занесенной над ее головой обнаженной шашкой красноармейца, в последний момент снятого с коня пулей нашего офицера, Зинаида Викторовна осталась близ меня вплоть до моего заболевания сыпным тифом, жестоко и беспощадно косившим фронт.

Казалось, что она была лишней обузой в полку, и ее страхи и муки были совершенно напрасными, но оказалось как раз наоборот - без ее помощи и защиты я давно был бы убит или растерзан большевиками. Ведь фактически никакого организованного тыла, проявлявшего заботу о

выбывших из строя воинах, у нас не было, и только частная инициатива моей супруги спасла меня от неминуемо надвигавшейся смерти.

Мое заболевание тифом наш полковой врач обнаружил в Ростове-на-Дону, куда докатилась Белая армия, отступавшая от Орла и Воронежа. На мое счастье, в ростовских госпиталях для меня не нашлось места, так как вскоре все госпитали подверглись красному террору, два сгорело со всеми лежавшими там больными. Я остался в своем полковом околотке, отступавшем дальше вместе с полком. И меня на тряской санитарной двуколке и днем, и ночью, в дождь и мороз отвозили все дальше и дальше.

Большая трагедия разыгралась при отходе на Кубань в станице Кущёвке, когда наступившая распутица и абсолютное бездорожье совершенно остановили всякое колесное движение. Не находя никакого иного выхода из положения, наш полковой околоток оставил всех своих тифозных, раненых и больных, в том числе и меня, в частной казачьей хате на полную милость входящего победителя, а сам отступил вместе с полком в конном строю.

Узнав о случившемся, Зинаида Викторовна разыскала меня, но сама помочь мне, конечно, ничем не могла. Она была в полном отчаянии, но отчаяние придает силы и побуждает к решительным действиям. Увидев проходящую воинскую часть казаков, она бросилась со слезами к их офицерам с просьбой помочь меня вывезти, и они, поругав мой полк за брошенного офицера, где-то все же раздобыли ей лошадь с повозкой, но, имея боевую задачу, сами большего сделать, не могли ничего.

Положив меня на повозку без посторонней помощи и сопровождения, она выехала из станицы в неизвестном направлении. Но вскоре наши колеса увязли в грязи, и лошадь безнадежно и окончательно встала. Тогда моя жена сумела выпрячь коня, посадить меня верхом и в поводу довести коня до станции железной дороги.

Здесь нам наконец посчастливилось, и мы застали на вокзале готовый к отходу последний санитарный транспорт, до отказа переполненный тифозно больными, но все же нам удалось втиснуться в поезд и улечься на полу вагона.

Так закончилось мое первое спасение моей женой, неразлучно бывшей со мной на фронте, а не будь ее, мой конец был бы совершенно ясен.

Радость сознания своего счастливого спасения покрывала все недочеты невеселого путешествия, и, находясь в тифозном полусознании, я не мог вникать в трагедию реальной обстановки с потерей всего имущества. Сразу же по выезде из Кущёвки умерли несколько человек больных, их без похорон оставили под откосом полотна железной дороги, и нам, первоначально лежавшим на полу вагона, освободились места на скамейках, что значительно улучшило наше положение.

Наконец, наш санитарный транспорт подошел к месту своего назначения - к городу Ейску, лежащему на Кубанском берегу Азовского моря против Крыма, ставшего последним оплотом Белой армии. Выбор места для разгрузки транспорта был бы логичным, не будь у же поздно.

За время поездки моя жена успела слегка познакомиться с медицинским персоналом поезда, и из разговоров случайно узнала о распоряжении начальника эшелона - старшего врача летучки - о чрезвычайной спешности разгрузки.

«Нам нужно, - сказал он, - как можно скорее разгрузить больных в местный лазарет и немедленно порожняком отбыть из Ейска, так как красные подходят к городу и вот-вот войдут сюда, а нам необходимо успеть уехать, чтобы не попасться в их руки».

взволнованная таким известием Зинаида Викторовна решила никак не допустить моей выгрузки в Ейске, и когда очередь дошла до меня, она вынула револьвер и сказала: -Моего мужа выгружать я не дам, и если вы будете брать его силой, я буду стрелять в каждого близко подошедшего к нему, а потом в мужа и сама в себя».

Угроза подействовала. Всем стало ясно, что дело не в пустых словах, и нужно уступить требованию во избежание неминуемого кровопролития.

В итоге поезд быстро был разгружен, и, как вскоре выяснилось, больные пали жертвой ворвавшихся большевиков, а в опустевшем транспорте, кроме персонала, единственными пассажирами остались только мы вдвоем с женой.

Это было второе спасение меня моей женой. Настало, наконец, время выгружаться и мне. И мы оба с женой из поезда попали в Английский военный госпиталь в Екатеринодаре, в то время находившийся далеко от фронта. Здесь была нормальная больничная обстановка, все было чисто и опрятно, здесь были уход и лечение, и боролись за жизнь каждого больного во время его тифозного

кризиса. Но угроза приближения противника к Екатеринодару привела к эвакуации госпиталя вместе с нами в Новороссийск.

Жестокая обстановка, сложившаяся в Новороссийске из-за недостатка кораблей для эвакуации мирного населения и белых войск, прижатых красными к морю, вошла в историю гражданской войны под названием «новороссийская трагедия» и многократно и подробно описана в русской военно-исторической литературе.

В Новороссийске мы с женой находились в товарной теплушке санитарного поезда Екатеринодарского английского военного госпиталя, стоявшего на запасном пути против вокзала.

В моей болезни это был перерыв между выздоровлением после сыпного тифа и началом предстоящего возвратного. Я уже мог как-то передвигаться и видеть, что творится в предшествии новороссийской трагедии.

Однажды с вокзала донеслись до нас бравурные звуки военного оркестра, возбудившие наш общий интерес, в чем же было дело? И я выполз из вагона-теплушки, чтобы удовлетворить свое любопытство.

Оказалось, что с фронта прибыл главнокомандующий вооруженными силами Юга России генерал Деникин, и его встречало все местное военное начальство с почетным караулом и со всеми воинскими почестями. Все это было эффектно обставлено, и генерал Деникин сказал красивое слово с призывным обращением к войскам и офицерству о продолжении непримиримой борьбы с врагом, поработившим Россию. Но это слово он, очевидно, не относил сам к себе. Немного времени спустя от Новороссийска отошел английский военный корабль, на котором находились главнокомандующий генерал Деникин, его жена и его любимый начальник штаба генерал Романовский, и дым корабля вскоре скрылся за морским горизонтом.

Бросив погибающую, прижатую к морю без подготовки к эвакуации армию на полный произвол судьбы, генерал Деникин совершил поступок, недостойный офицера, но так он поступил ради собственной безопасности и ради спасения своей жены.

Все это произвело на меня такое сильное и неизгладимое впечатление, что я морально считаю себя вправе довести до сведения ученых историков ту правду, которую я видел своими собственными глазами.

Для морской эвакуации из Новороссийска Английского военного госпиталя в качестве госпитального судна под русским флагом, под флагом Красного Креста и под желтым флагом тифозного карантина был предоставлен пароход Добровольного флота «Владимир». Но возможности попасть на него часто не доходили до имевших на то право - в первую голову тяжелобольных Английского госпиталя, в числе коих был и я, а брались с боем совершенно здоровыми посторонними людьми за любую цену внеочередного пропуска. Даже совершенно здоровые люди за большие деньги добывали медицинские удостоверения о болезни. Одним словом, мест на пароходе для всех больных оказалось недостаточно, и мой госпиталь остался за бортом.

Узнав из случайного разговора доктора с сестрой милосердия, что только медицинский персонал попадет на «Владимира», а больные будут брошены, моя жена стала добиваться нашей персональной погрузки на пароход, но во всех инстанциях, ведающих эвакуацией больных, был всегда один шаблонный ответ, что мест на пароходе «Владимир» уже нет. В отчаянии она все же добралась до самого главного доктора, возглавлявшего эвакуацию, и он согласился, что тифознобольной офицер имеет все права на место на тифозно-санитарном пароходе, и выдал ей

просимые пропуска. Будь я один больной тифом, некому было бы за меня похлопотать.

Это был третий случай спасения меня моей женой.

Здоровые люди проникали на пароход «Владимир» под самыми разнообразными предложениями, лишь бы спастись от катастрофы.

Я лежал в самом нижнем трюме парохода, на третьем ярусе деревянных нар, специально приспособленных для больных.

Итак, на пароходе «Владимир» под звуки артиллерийской канонады приближающегося фронта мы без удобств и комфорта счастливо и благополучно отбыли из Новороссийска.

С приездом в Ялту медицинская комиссия осмотрела всех больных, прибывших из Новороссийска, сняла всех выздоравливающих, а тяжелобольных, в том числе и меня, с добавлением новых больных из Ялты, на том же «Владимире» отправила за границу на греческий остров Лемнос.

На пароходе у меня начался возвратный тиф, и его кризис прошел с опасностью для жизни, так как здесь не было того ухода, как при кризисе моего сыпного тифа в Английском госпитале.

После продолжительного плавания по морям в полной неизвестности на тифозном госпитальном пароходе «Владимир» под флагом Красного Креста судьба привела, наконец, меня с женой на греческий остров Лемнос, где и началась наша заграничная эмиграция».

Штабс-ротмистр Вакар

Такова горькая, правда и не столько Белой гвардии, сколько вообще каждой Гражданской войны. Описанное Сергеем Васильевичем было на Юге России, в других местах — иная ситуация, но суть войны та же. Эта война уничтожает честь и достоинство офицера, делает не нужным то, чему его учат всю жизнь.

Об этом следует задуматься всем, и особенно людям, отвечающим за благополучие страны.

4.2. Командарм 7

Закончилась служба в Витебском отряде западного участка завесы, защищавшем страну от немецких войск. 7 сентября 1918 года отец со штабом и управлением 1-й Смоленской пехотной дивизии выехал на Восточный фронт Гражданской войны. 28 сентября он был назначен командующим правой группой войск 5-й армии.

Началась более чем трехлетняя непрерывная служба на фронтах гражданской войны. Практически нет фотографий отца, сделанных в этот период. Очевидно, в отличие от многих краскомов, охотно позировавших в нарождавшейся тогда новой форме Красной армии, он не любил это делать. О его тогдашнем облике в какой-то степени свидетельствует такой случай. Генрих Эйхе тоже воевал в войсках западной завесы, был командиром одного из отрядов и по окончании службы там получил назначение в правую группу войск 5-й армии.

Вот как в книге «Краском Генрих Эйхе» описывается его встреча с моим отцом: «В штабной каюте навстречу Эйхе поднялся из-за стола высокий, одетый в полувоенную форму человек. Эйхе, сам всегда старавшийся быть подтянутым и аккуратным, обратил внимание, как по-военному ладен командующий. Весь его облик говорил о том, что это военный человек до мозга костей».

Правая группа войск начала участвовать в боях. После успешного взятия Бугульмы Реввоенсовет 5-й армии постановил: «Выразить благодарность командующему правой группой войск т. Матиясевичу, всему командному составу и товарищам красноармейцам».

В войсках правой группы войск служил чех, впоследствии известный писатель — Ярослав Гашек.

После взятия Бугульмы его назначили помощником коменданта города. Он помогал штабу правой группы в разведке. Позднее Гашеку поручили заведовать иностранной секцией политотдела 5-й армии. Призывал своих земляков-чехов «верить русской революции».

Правая группа была преобразована в 26-ю стрелковую дивизию, а отец стал ее начальником. Какое-то время был начальником гарнизона города Уфы. Откомандировывался в распоряжение Реввоенсовета Восточного фронта. В общем, армейская жизнь шла своим чередом.

Весной и летом 1919 года развернулось наступление белогвардейских и белоэстонских войск под общим руководством генерала Юденича с целью захвата Петрограда. В Балтийском море действовала английская эскадра. Государства Антанты всемерно помогали Юденичу финансами, оружием, действиями флота. 21 мая адмирал Колчак - Верховный правитель России телеграфировал Юденичу: «Создание Северо-Западного фронта признано вполне целесообразным и подлежащим осуществлению. Операция против Петрограда может иметь весьма важное стратегическое значение. Уполномочиваю Вас принять главнокомандование всеми русскими силами Северо-Западного фронта».

На фронте в войсках Красной армии отмечались многочисленные случаи измены. В тылу производились диверсии, взрывались мосты и другие объекты. В Петрограде действовало белогвардейское подполье. Юденич получал агентурные данные о планах командования Красной армии и упреждал их действия. В ночь с 28 на 29 мая начался мятеж в третьем Петроградском полку на станции Сиверская. 13 июня вспыхнул мятеж на форте «Красная горка», поддержанный фортами «Серая лошадь» и «Обручев». Войска Юденича продвигались к Петрограду.

22 мая Центральный комитет РКП(б) опубликовал постановление: «Питерский фронт становится одним из самых важных фронтов Республики. Советская Россия не может отдать Петроград даже на самое короткое время. Теперь вся Советская Россия должна пойти на помощь Петрограду». В связи со случаями измены на фронте и действиями белогвардейской агентуры в тылу 31 мая было опубликовано воззвание Совета Обороны «Берегитесь шпионов», подписанное Лениным и Дзержинским.

БЕРЕГИТЕСЬ ШПИОНОВ!

Смерть шпионам!

Наступление белогвардейцев на Петроград с очевидностью доказало, что во всей прифронтовой полосе, в каждом крупном городе у белых есть широкая организация шпионажа, предательства, взрыва мостов, устройства восстаний в тылу, убийства коммунистов и выдающихся членов рабочих организаций.

Все должны быть на посту.

Везде удвоить бдительность, обдумать и провести своим строгим образом ряд мер по выслеживанию шпионов и белых заговорщиков и по поимке их.

Железнодорожные работники и политические работники во всех без изъятия воинских частях в особенности обязаны удвоить предосторожности.

Все сознательные рабочие и крестьяне должны встать грудью на защиту Советской власти, должны подняться на борьбу с шпионами и белогвардейскими предателями. Каждый пусть будет на сторожевом посту — в непрерывной, по воинскому организованной связи с комитетами партии, с Ч. К., с надежнейшими с опытнейшими товарищами из Советских работников.

Председатель Совета Рабоче-Крестьянской Обороны В. Ульянов (Ленин).

Наркомвнудел ф. Дзержинский.

Феликс Эдмундович Дзержинский (1877–1926 гг.) — революционер, советский государственный деятель, глава ряда наркоматов, основатель ВЧК

В Петрограде и губернии проводилась мобилизация в Красную армию трудящихся 1879-1901 годов рождения. Партийные комитеты и Советы городов и сёл создавали отряды самообороны, вели сбор хлеба для частей Красной армии. На заводах Петрограда формировались и отправлялись на фронт коммунистические и комсомольские отряды. В городе проводились массовые обыски и облавы, были изъяты тысячи единиц различного оружия.

Между тем обстановка становилась всё более угрожающей. 9 июня уполномоченный Совета обороны на Петроградском участке Западного фронта И.В.Сталин телеграфировал Ленину: «Дело ухудшилось до чрезвычайности. Опасность угрожает непосредственно Петергофу. С его падением Питер висит на волоске». Одновременно сообщал, что среди командиров из бывших военспецов обнаружались предатели; просил скорейшей присылки надежных подкреплений.

1 июня 1919 года приказом Реввоенсовета Республики М.С.Матиясевич был назначен командующим 7-й армией, оборонявшей Петроград. Очевидно, ознакомившись на месте с обстановкой, отец встретился с уполномоченным Совета Обороны И.В.Сталиным. Он поставил два условия: подчинение реввоенсовету 7-й армии Балтийского флота и Петроградского комитета обороны, возглавлявшегося одним из заместителей Дзержинского Я.Х.Петерсом. Встреча проходила в вагоне Сталина. Разговаривали стоя, прохаживались, Сталин курил трубку.

Разговор длился больше двух часов. Итог подвел Сталин: «Действуйте! Мы вам Доверяем».

Проходивший 3-4 июля пленум ЦК РКП(б) принял развернутое решение об обороне Петрограда: ЦК упорядочил взаимоотношения между Петроградским Комитетом обороны и реввоенсоветом 7-й армии. В оперативных вопросах комитет обороны был подчинен реввоенсовету 7-й армии. Этим ЦК пресекал путаницу в организации обороны Петроградского района, которая возникала зачастую в связи с вмешательством комитета обороны в дела военного командования. ЦК утвердил состав Петроградского Комитета обороны и реввоенсовета 7-й армии, Командующим 7-й армией был назначен вместо Ремезова М.С.Матиясевич, Центральный комитет партии счел возможным прекратить действие чрезвычайных полномочий, с которыми был послан в Петроград И.В.Сталин.

В июле — сентябре 1919 года в ожесточенных боях части 7-й армии отбросили войска Юденича от Петрограда, были освобождены города Ямбург, Гдов и другие населенные пункты. Имеются десятки приказов по Балтийскому флоту, подписанных в тот период Матиясевичем. Нормальные, деловые отношения сложились у него и с Петерсом.

Яков Христофорович Петерс (1886–1938 гг.) — профессиональный революционер, один из создателей и первых руководителей ВЧК. Именно с его именем связывают формирование образа «латышского лица» ВЧК

Оба работали в Смольном и каждодневно общались. Когда отец уезжал к новому месту службы, прощаясь, Петерс подарил ему пистолет со словами: «Возьми, Михаил Степанович, на память, может быть, пригодится».

Так закончился эпизод в жизни моего отца, связанный с разгромом Юденича.

С тех пор коренным образом изменились средства и способы вооруженной борьбы, изменилась сама наша страна, изменился весь мир. Но неизменным и не менее чем в прошлом важным для нас сегодня остается роль человеческого фактора, значение единоначалия и высокой личной ответственности военачальника.

4.3. Командарм 3

В сентябре 1919 года Колчак, собрав крупные силы, начал мощное наступление. 5-я и 3-я армии под натиском превосходящих сил противника отступали вплоть до реки Тобол. Временно исполнявший обязанности командующего 3-й армией М.И.Алофузо в сложных условиях отступления не справился с обязанности командарма, и Реввоенсовет Республики 7 октября 1919 года назначил командующим 3-й армии М.С.Матиясевича.

Ему предстояло восстановить боеспособность 3-й армии и принять участие вместе с 5-й армией (командарм — М.Н.Тухачевский) в контрнаступлении с целью разгрома основных сил Колчака и взятия его «столицы» Омска.

Войска 5-й армии должны были наступать в полосе Сибирской железной дороги, 3-й армии — вдоль дороги Ишим — Омск. На этом пути ей предстояло освободить ряд населенных пунктов, таких как Усть-Ишим, Тевриз, Называевск, Муромцево и много более мелких.

Наступление шло исключительно быстро; уже 14 ноября 27-я стрелковая дивизия 5-й армии вошла в Омск, 30-тысячный гарнизон города сдался практически без боя. За два дня до этого, 12 ноября, Колчак выехал из города, увозя под охраной бронепоезда золотой запас. Колчаковская армия как организованная сила практически больше не существовала.

Постановлением СНК, подписанным Лениным, личный состав обеих армий за Омскую операцию был награжден месячным жалованием.

И.Е.Молоков в книге «Герои огненных лет» описывает на основе изучения архивных данных действия в Омской операции 3-й армии и ее командующего. Привожу ниже без каких-либо изменений, опуская только схему боевых действий, отрывок из этой книги.

«Итак, прибыв в октябре 1919 года снова на Восток, командующим 3-й армией, Матиясевич принимает решительные меры для того, чтобы приостановить отступление частей, повысить их боеспособность, поднять моральный дух всего личного состава. Без этого не могло быть и речи о предстоящей наступательной операции.»

Вместе с Реввоенсоветом Восточного фронта командование руководимой им армии проводит в прифронтовой полосе мобилизацию населения. Благодаря помощи местных партийных и советских органов Урала и Зауралья, на призывные пункты непрерывным потоком пошли добровольцы. Армейская газета «Красный набат» в те дни писала: «В Ялutorовске и в прилегающих к фронту волостях с исключительным успехом проходит мобилизация и запись добровольцев.»

За короткое время в 3-ю армию влилось свыше 20 тысяч человек. Многие из них были сразу направлены на передовую.

Командарм осуществляет перегруппировку войск, обеспечивает их вооружением, обмундированием, боеприпасами и продовольствием из армейских запасов и трофеев. Усиливается политическая работа среди красноармейцев и командного состава. Ее возглавил опытный партийный работник Николай Николаевич Кузьмин.

Николай Николаевич Кузьмин (1883–1938 гг.) — партийный деятель. Образование получил в Петербургском университете. В 1903 вступил в РСДРП, большевик. Участник революции 1905 г. С сентября 1918 по апрель 1919 г. и с декабря 1919 по апрель 1920 г. — член Реввоенсовета 5-й армии. С декабря 1920 по май 1921 г. — помощник командующего по политической части Балтийского флота. Участник подавления Кронштадтского восстания (1921 г.), за что получил орден Красного Знамени. В 1924 главный военный прокурор. Позже начальник Политуправления Среднеазиатского военного округа, член Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б); начальник управления военно-учебных заведений РККА

14 октября 1919 года началось второе форсирование Тобола. Вслед за частями 5-й армии вступили в сражения 30-я, 29-я и 51-я стрелковые дивизии 3-й армии. Ожесточенные бои развернулись на фронте, протянувшемся с севера на юг от Тобольска до Ялutorовска. И хотя колчаковское командование бросало в бой все новые и новые части, враг не мог противостоять наступлению Красной армии, начал отходить на ряде участков. Командарм Матиясевич основные усилия 3-й армии сосредоточил вдоль железной дороги - от станции Ялutorовск к Омску и на Тобольском направлении.

Чтобы облегчить продвижение 29-й стрелковой дивизии, наступающей в полосе железной дороги на Ишим, командарм придал ей бронепоезд «Грозный». Для его прикрытия был выделен 20-й бронепотряд - три бронемашин, вооруженные пулеметами. И как только кончилось горючее, бронемашин установили на железнодорожные платформы, и они передвигались непосредственно за бронепоездом.

Армейская авиация (10-й, 3-й и 4-й авиаотряды) корректировала огонь бронепоезда и полевой артиллерии.

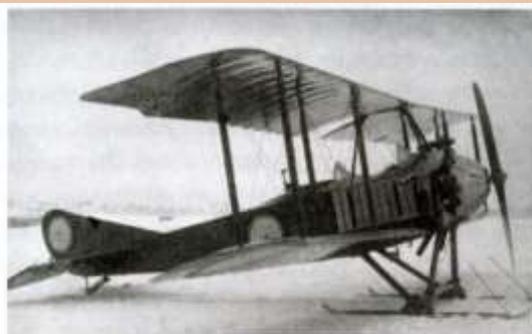

Войска 3-й армии наступали вдоль железной дороги.
Бронепоезд сопровождали броневики

Броневик

51-я стрелковая дивизия, возглавляемая орденосцем В.К.Блюхером, очищала от колчаковцев север Западной Сибири. Бои велись в лесах, на болотах, в условиях бездорожья и не прекращались ни днем, ни ночью. Белогвардейцы часто переходили в контратаки, но задержать продвижение наших войск не могли и 22 октября оставили Тобольск.

Истребитель «Ньюпор-23» 10-го авиаотряда 3-й армии (был захвачен у колчаковских войск, еще не успели закрасить опознавательные знаки)

Полки 29-й стрелковой дивизии (начдив В.Ф.Грушецкий) 4 ноября в 4 часа 30 минут освободили город Ишим. После успешного проведения боя по освобождению города командарм

Матиясеви́ч вывел во фронтовой резерв всю дивизию.

В составе 3-й армии остались 30-я и 51-я дивизии общей численностью немногим более 20 тысяч человек.

Василий Константинович Блюхер (1890–1938 гг.) — советский военный, государственный и партийный деятель, активный участник Первой мировой войны, награжденный двумя Георгиевскими крестами и медалью, и Гражданской войны, Маршал Советского Союза (1935 г.). Кавалер ордена Красного Знамени № 1 (1918 г.) и ордена Красной Звезды № 1 (1930 г.)

Владислав Флорианович Грушецкий (1888–1938 гг.). Окончил Одесское военное училище. Участник Первой мировой войны. За боевые отличия награжден пятью орденами. После Октябрьской революции 1917 г. избран командиром 55-го Сибирского пехотного полка

30-я стрелковая дивизия, усиленная бронепоездом «Грозный» и 10-м авиационным отрядом, расширила фронт наступления за счет полосы соседней, 29-й дивизии. Таким образом, 30-я дивизия продолжала громить белогвардейцев на широком фронте, сосредоточивая основные усилия в полосе железной дороги Тюмень - Омск.

В эти дни особенно много работы было у командарма Матиясеви́ча и его штаба. Им приходилось руководить боевыми действиями воинских соединений, сражающихся с колчаковцами, и готовить ряд частей для отправки на другие фронты. Энергично доукомплектовывались полки 29-й дивизии людьми, пополнялись боеприпасами, обмундированием и снаряжением.

Параллельно с этим шло формирование 62-й стрелковой дивизии и 10-й кавалерийской дивизии. Кавалерийские подразделения изымались из состава стрелковых бригад и дивизий и сводились в одну дивизию.

Наступление частей Красной армии нарастало. Они не давали врагу передышки, в некоторые дни покрывали расстояние свыше 30 километров. Оставалось удивляться: когда только успевали они отдыхать, спать, есть, умываться, чинить одежду?

8 ноября 1919 года командующий армией М.С.Матиясеви́ч потребовал от начальника 30-й стрелковой дивизии Е.Н.Сергеева ускорить продвижение на соединение с левым флангом 5-й армии, постоянно поддерживать «локтевую» связь с 27-й дивизией. Следовательно, своевременно принимались меры, исключаящие контрудар противника на стыке между армиями.

Евгений Николаевич Сергеев (1887–1937 гг.) — кадровый офицер императорской армии, участник Первой мировой, Гражданской войн, советский военачальник, военспец, комдив (1935 г.), член ВКП(б)

В ходе преследования противника командарм постоянно уточнял боевые задачи дивизиям, согласовывал их действия по захвату крупных населенных пунктов и разгрому его группировок. Перед Омском было предписано начальнику 30-й дивизии главными силами обойти город с севера и прикрыть от белогвардейцев вступившие в город воинские части 5-й армии.

Его опасения оказались не напрасными. Противник, теснимый 51-й дивизией, стремился прорваться через Сыропятское к железной дороге. Здесь, на берегу Оми, в течение 16-17 ноября развернулись упорные бои частей 30-й стрелковой дивизии с белогвардейцами. Это подтверждает большой опыт командарма, способность разгадывать намерение противника, глубоко анализировать ход развития боевых действий».

После освобождения Омска фронт наступления войск резко сократился, и Реввоенсоветом республики было принято решение 3-ю армию вывести в резерв, 5-я армия была усилена 30-й и 51-й дивизиями 3-й армии.

В этой обстановке Реввоенсовет 3-й армии проявил поистине государственную мудрость. Он направил телеграмму В.И.Ленину. В ней предлагалось обратить все силы и средства армии на скорейшее восстановление железнодорожного транспорта, заготовку топлива и налаживание разрушенного хозяйства в Екатеринбургской (ныне Свердловской области), Челябинской и Тобольской губерниях. Под этой телеграммой стояли подписи командарма М.С.Матиясевиича и члена РВС П.И.Гаевского.

В.И.Ленин был глубоко тронут вниманием военных к нуждам народного хозяйства. На восток полетела ответная телеграмма: «Вполне одобряю ваши предложения. Приветствую почин, вношу вопрос в Совнарком. Начинайте действовать при условии строжайшей согласованности с гражданскими властями, все силы отдавая сбору всех излишков продовольствия (!) и восстановлению транспорта. Ленин».

января 1920 года за подписью В.И.Ленина было опубликовано постановление Совета рабочей и крестьянской обороны о преобразовании 3-й армии в 1-ю Революционную армию труда.

3-я армия преобразовывается в 1-ю трудовую, 5-я армия преследует Колчака.

4.4. Командарм 5

Закончилась Омская операция. Колчак покинул Омск. Остатки его войск отступают под командованием генерал-лейтенанта В.О.Каппеля.

января 1920 года уже третий раз подряд М.С.Матиясевиич назначается командармом. Возникает вопрос, какие силы вели его от одной армии к другой: 7-я, 3-я, а теперь 5-я?! Сегодня ответить на этот вопрос сложно. Можно лишь предположить: возможно, это был Главнокомандующий всеми Вооруженными Силами России (июль 1919 — апрель 1924 гг.) Сергей Сергеевич Каменев.

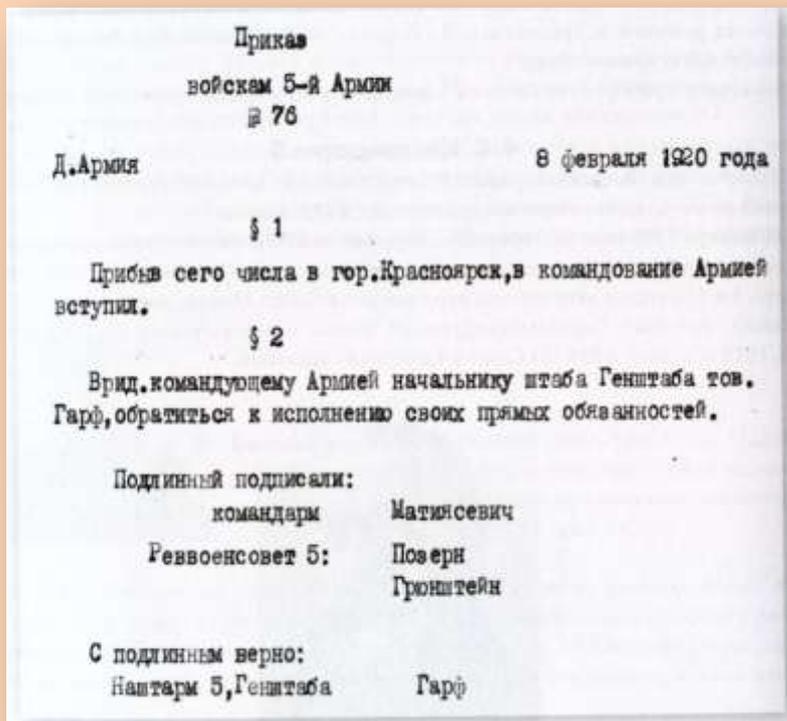
Сергей Сергеевич Каменев (1881–1936 гг.),
главнокомандующий войсками Красной армии (1919–1924 гг.)

Он был моложе моего отца, но кроме Киевского кадетского корпуса и Александровского военного училища закончил еще и Николаевскую военную академию Генерального штаба. Служил на разных штабных должностях. Так же, как и отец, избирался солдатами на должность командира полка; в апреле 1918 года вступил в красную армию; активно участвовал в действиях отрядов западной завесы. С августа 1918 года по июль 1919-го был командующим Восточного фронта. Именно этот период Матиясевиц вызывался в Реввоенсовет фронта; тогда они и познакомились, а вскоре отец был назначен командующим 7-й армией.

Отец всегда с большим уважением относился к Каменеву, и по его инициативе Высшая Объединенная военная школа в Киеве была названа: имени Главкома С.С.Каменева.

Очевидно, Каменев, имевший хорошее военное образование и опыт штабной работы, отвечавший за успех военных действий на всех фронтах, выдвигал отца на командармские должности исключительно по деловым соображениям...

Итак, закончив дела в 3-й армии, отец начал действовать в новой должности.

При вступлении в командование 7-й и 3-й армиями условия работы командарма и общая обстановка были достаточно ясны, задачи конкретны. Так, например, в случае 7-й армии, условия работы командарма: 7-я армия, Петроградский комитет обороны и Балтийский флот обороняли Петроград независимо друг от друга; пришлось приложить большие усилия, чтобы исправить это ненормальное положение. Общая обстановка: войска Юденича находятся в критической близости от Петрограда. Задача: отбросить войска Юденича на безопасное расстояние от Петрограда.

А каковы условия работы командарма 5; какова общая обстановка в зоне действия армии?

Условия работы командарма в основном определялись двумя документами.

15 марта 1920 года приказом РВС Республики на территории Енисейской, Иркутской и Томской губерний был создан Восточно-Сибирский военный округ.

Дополнительно в него включили Якутскую и часть Забайкальской губернии. Штаб округа сливался со штабом 5-й армии, а командарм становился командующим 5-й армией и Восточно-Сибирским военным округом.

Объединенный штаб просуществовал до сентября 1922 года, когда был упразднен штаб 5-й армии и создан самостоятельный штаб округа.

Такое решение в условиях войны было, безусловно, оправданным. Оно сокращало административные расходы и исключало неизбежные мешающие делу трения между двумя военными организациями, работающими на одной и той же территории. Не знаю, был ли еще такой случай в годы Гражданской войны?

Однако вскоре состоялось решение, противоположное предыдущему по своему духу. 26 апреля 1920 года приказом РВС Республики для руководства и координации деятельности всех военных учреждений и воинских частей Сибири была учреждена должность помощника Главнокомандующего Вооруженными Силами Республики. Соответственно создавался рабочий аппарат помощника Главкома — штаб и РВС войск Сибири.

Помощнику подчинялись войска Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского округов, 5-й армии и кавалерийской дивизии, передаваемой с Туркестанского фронта. Возлагавшиеся на помощника задачи дублировали задачи, решавшиеся округами и армией. Однако помощник, его штаб и РВС, обладая высокими властными полномочиями, физически не могли обеспечивать решения декларируемых им задач. Такая ситуация неизбежно являлась источником помех в повседневной работе войск.

Возможно, Ленину необходимо было иметь своих особо надежных людей в таком далеком от центра и важном регионе страны. Во всяком случае, он полностью доверял Председателю РВС войск Сибири И.Н.Смирнову, поручая ему столь «тонкое» и абсолютно секретное задание, как организация расстрела Колчака без суда и следствия: причем таким образом, чтобы ответственными за это были местные руководители, а товарищ Ленин никакого отношения к этому не имел.

Каковы были не очень благоприятные условия для работы командарма.

А какова общая внешняя обстановка, что ждет 5-ю армию и ее командарма?

Преследуя войска Колчака, белочехов, румын и просто очищая Восточную Сибирь от бандформирований, войска 5-й армии 7 марта 1920 года освободили Иркутск.

Последовало указание Ленина: «Ни шагу на Восток!..» В Приморье находилась многотысячная японская армия. Нельзя было допустить, чтобы какие-либо неосторожные действия наших войск послужили причиной войны с Японией.

Части 5-й армии заняли оборону по реке Селенге от Монголии до впадения ее в Байкал. В короткие сроки был построен Байкальский укрепрайон.

А впереди - безбрежные просторы от Селенги до Тихого океана, от Северного Ледовитого океана до Монголии и Китая. Там, в Приморье, 175 тысяч японцев; в Забайкалье - 20-тысячная армия атамана Семёнова; на Байкале — военная флотилия; на Севере - правительство Якутии; на просторах Монголии, оккупированной китайцами, мечется Азиатская дивизия барона Унгерна; буферная Народно- Демократическая Республика; сосед - Туркестанский фронт...

Такова схематически общая картина внешней обстановки.

Непосредственно, не считая разношерстные бандитские формирования, армии противостояли три крупные вооруженные группировки: остатки войск Колчака, армия атамана Семёнова и Азиатская дивизия барона Унгерна.

Колчаковцы — это белая гвардия Сибири и Дальнего Востока, доживающая свои последние

дни. А вот Семёнов и Унгерн — ни белые, ни красные, а пример «пестрых». Они против белых, но не за красных, у них свои идеи, но главное в конечном счете — личная власть. Оба очень сильные личности, способные подчинять себе людей.

Унгерн, возможно, в связи с активной боевой деятельностью против Красной армии и экзотичностью самой личности, получил более широкую известность, чем Семёнов; на Востоке о нем многие годы ходили легенды.

Семёнов, между тем, — не менее яркая личность и уникальный пример возможностей, открывающихся перед различного рода авантюристами в смутное время революций и гражданских войн.

Григорий Михайлович Семёнов (1890–1946 гг.) — русский офицер казачьих войск. В годы Гражданской войны — атаман, действовавший в Восточной Сибири и Забайкалье

Родился Семёнов в Забайкалье. Русский казак бурятского или монгольского происхождения. Считал себя прямым потомком Чингисхана. Вместо имени за ним утвердилось именование атаман Семёнов. Очень сильный физически, неутомимый всадник, в совершенстве владел холодным оружием. Окончил Оренбургское казачье юнкерское училище (3 года) — хорунжий, командир сотни, потом полковой адъютант. Служил в военно-топографической команде, обследовавшей Монголию. Объездил всю страну, хорошо знал быт, обычаи и язык монголов.

В Первую мировую войну служил в Персии. Награжден Георгиевским крестом и оружием.

Вернувшись из Персии в мае 1917 года, пишет и отправляет по команде докладную записку министру обороны Керенскому. В записке предлагает сформировать в Забайкалье бурятско-монгольский полк и привести его на фронт Первой мировой войны, чтобы примером инородцев поднять боевой дух войск, не желающих воевать.

Неизвестен канцелярский путь записки, но в сентябре 1917 года, получив крупную сумму денег и мандат комиссара Временного правительства, Семёнов едет на Дальний Восток и приступает к формированию своего вооруженного отряда.

Формировался отряд по принципу: «В Бога веришь? Большевиков не признаешь? Драться с ними будешь?» Платили вступившим в отряд хорошо, и уже в январе 1918 года в отряде было пять конных сотен из бурят и монголов, полторы сотни русских казаков и офицеров. Совместно с чехословацкими легионерами и сибирскими добровольцами Анатолия Пепеляева¹⁷ взята и стала его «столицей» Чита. Численность вооруженных сил достигает 20 тысяч всадников и 7 бронепоездов. Его уважают японцы, приближенные прочат в Дальневосточного владыку.

Почувствовав власть, начинает пьянствовать, завел всесильную в его окружении авантюристку-любовницу...

18 ноября 1918 года Александр Васильевич Колчак стал Верховным правителем России. Семёнов отказался признать его, прервал связь с действующей армией, стал задерживать идущие туда

¹⁷ Анатолий Николаевич Пепеляев (1891-1938) - русский военачальник. Участник первой мировой и Гражданской войн. Родной брат колчаковского премьер-министра Российского правительства Виктора Николаевича Пепеляева.

поезда...

Мечтой Семёнова было объединение всех монгольских народов в единое государство, которое он возглавит. Это устраивало японцев. Они надеялись, что Великая Монголия будет зависеть от них, а отсюда можно распространить свое влияние на другие районы континента.

В начале февраля 1919 года в Даурии Семёнов организует конференцию представителей всех населенных монголами областей. Не приехали представители только Халха, наиболее крупной и благополучной области Монголии. Семёнов избирается председателем конференции, и ему оказываются всяческие почести. Присвоен высший княжеский титул «Цин-Ван» — «Светлейший князь». Подарены белый иноходец и шкура белой выдры. На конференции решался вопрос об образовании Независимого монгольского государства, куда входила и часть русского Забайкалья, населенного бурятами. Материалы конференции были строго секретны. Но китайцы с помощью подкупа все узнали, и в газетах появилась заметка о храбром казаке буряте, задумавшем возродить ядро империи Чингисхана. Никаких последствий конференция не имела.

21 января 1920 года, незадолго до своей гибели¹⁸, Колчак произвел Семёнова в генерал-лейтенанты и вплоть до соединения с Деникиным назначил «Главкомандующим всеми вооруженными силами и походным атаманом всех российских восточных окраин».

В этом документе проявились высокая культура и ответственность Колчака за Дело, которое ему было доверено. Учитывая, что Гражданская война неумолимо двигалась на Восток и что другой личности, способной организовать отпор красным войскам в этом регионе, нет, он пренебрег оскорблением со стороны Семёнова и в интересах дела дал ему все юридические и моральные основания для успешного выполнения своего долга.

Семёнов не оправдал надежд Колчака. Его войска, не осуществляя сколько-нибудь серьезных действий против 5-й армии, ушли в Забайкалье. Туда же с боями прорвались каппелевцы (так называли людей, служивших под командованием генерала Каппеля¹⁹). Начались трения между семеновцами и каппелевцами. У каппелевцев еще сохранялся дух Белой гвардии, было много интеллигентных молодых офицеров; для семеновцев они были чуждыми элементами; каппелевцы же семеновцев вообще считали бандитами, не могли простить Семёнову того, что он в период тяжелых боев колчаковских войск не прислал им ни одного солдата.

В итоге Семёнов, оставив свои войска, улетел на самолете в Китай. По иронии судьбы — на самолете он и вернулся в Россию. В августе 1945 года летчик самолета, на котором он летел, по ошибке сел на территории, которая была занята советскими войсками. Его задержали, доставили в Москву, судили и повесили.

В отличие от Семёнова, Унгерн был чрезвычайно подвижным и не только оборонялся, но и наступал. Он был во всех отношениях нестандартной личностью, и, соответственно, столь же непредсказуемыми были его решения о военных действиях. Он был опасным противником для армии и головоломкой для командарма.

---

¹⁸ 15 января следующий с отступающей армией под охраной чехословаков Колчак по прибытии в Иркутск был ими предан, арестован и передан в руки действующему в Иркутске революционному центру. В обмен на это чехам было обещано пропустить их эшелоны на Дальний восток.

В ночь с 6 на 7 февраля 1920 адмирал А.В.Колчак и председатель Совета министров Российского правительства В.И.Пепеляев, по постановлению Иркутского военно-революционного комитета большевиков, но фактически по указанию Ленина, были расстреляны без суда. Расстрел произошел на берегу реки Ушаковки близ Знаменского женского монастыря. Тела убитых были сброшены в прорубь.

¹⁹ Владимир Оскарович Каппель (1883-1920) — русский военачальник, участник Первой мировой и Гражданской войн. Один из руководителей Белого движения на Востоке России. Генерального штаба генерал-лейтенант.

Роман Фёдорович Унгерн-Штернберг (1886–1921 гг.) — барон, русский офицер казачьих войск. В годы Гражданской войны командовал монгольской конницей, действовал в Восточной Сибири и в Монголии

Роман Фёдорович Унгерн-Штернберг — русский офицер, немецкий барон, сын доктора философии Лейпцигского университета. Окончил морской кадетский корпус и Павловское военное училище, служил есаулом в казачьих войсках, командиром сотни. Участник Первой мировой войны, награжден орденом Георгия 4-й степени. В годы Гражданской войны — монгольский князь, муж китайской принцессы и генерал-майор, звание, которое ему присвоил Семёнов, и он носил золотые погоны русского генерала с буквами АС — атаман Семёнов. Они эпизодически встречались, обсуждали какие-то вопросы, может быть, он получал от Семёнова деньги; но действовал всегда совершенно независимо от кого-либо.

Унгерн исповедовал буддизм, проповедовал панмонголизм. Хотел возродить империю Чингисхана, для того чтобы отсюда во главе диких народов преобразовать мир - влить свежую восточную кровь в загнивающую Европу.

Отличался беспощадностью и исключительной жестокостью — расстреливал всех, включая женщин и детей, закапывал живых в землю, сжигал в стоге сена...

Наследник древнего рода, происходившего от германцев и венгров времен гуннов; в роду были рыцари, пираты и крестоносцы.

Знавшие его офицеры отмечали мистицизм и бессвязность его разговоров.

В 1918 году Унгерн встал во главе монгольской конницы; обосновался в Даурии, формировал и обучал свою дивизию. Создал военную школу для обучения монголов. Чувствовал там себя полным хозяином, брал контрибуцию с проходящих поездов.

Монгольский воин

Так продолжалось два года. Осенью 1920 года, под напором войск 5-й армии Унгерн бросил все в Даурии и ушел со своей дивизией в Монголию. Начинался новый, завершающий этап его жизни.

Тем временем в штабе армии и Восточно-Сибирского военного округа шла напряженная работа по обеспечению боевых действий, установлению правопорядка на территориях ответственности армии и округа, оказанию помощи армии Народно-Демократической Республики и революционному правительству Монголии.

Приняв командование армией, Матиясевич прежде всего сосредоточил свое внимание на наведении армейского порядка, внедрении железной воинской дисциплины и укреплении единоначалия, по личному опыту зная, что без этих компонентов нельзя добиться победы. Вот, для примера, два приказа войскам 5-й армии, напрямую направленных на решение этих задач.

секретно

Приказ
войскам 5-й армии
№ 156

Д.Армия

25 февраля 1921 года

В виду контрреволюционной агитации в частях Енисейской дивизии, а также грабежей, насилий и всяких притеснений местного населения со стороны темных элементов, проникших в дивизию, ревсовет 5 постановил: Енисейскую дивизию расформировать для чего предварительно:

1. Арестовать руководителей и начальников Енисейской дивизии т.т. Кравченко и Щетинкина и лиц, составляющий армейский совет.

2. Разоружить все части названной дивизии.

3. По разоружении сосредоточить, до дальнейших распоряжений, в военном городке гор. Ачинска.

Исполнение пункта первого возлагается на начальника Особых отрядов тов. Урманова, а общее руководство всеми назначенными для сего войсками на надвига имени III Интернационала тов. Павлова.

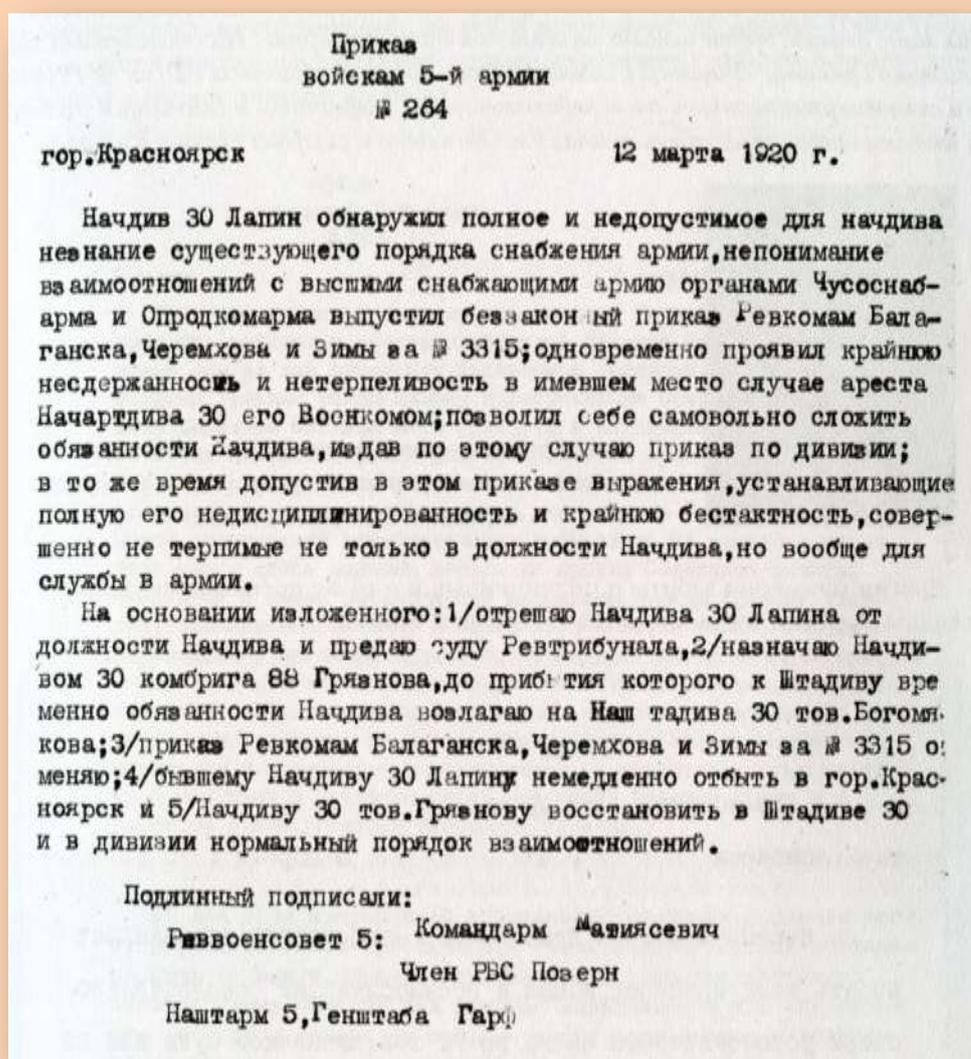
Подлинный подписали:

командарм Матиясевич
Реввоенсовет 5 члены РВС Позерн
Грюнштейн

С подлинным верно:

Наштарм 5, Генштаба Гарф

Подобные приказы в корне пресекали свойственные Гражданской войне тенденции разложения армии, получившие всеобщее развитие в Белой армии на Юге России

Второй приказ — свидетельство высокой требовательности командарма к соблюдению порядка и этики поведения всеми военачальниками армии. При этом он не только твердо требовал соблюдения дисциплины, армейского порядка, Достойного поведения командиров и красноармейцев, но и стремился заботиться о своих подчиненных, поощрять достойных. Об этом, в частности, свидетельствует эпизод, рассказанный Н.Ф.Варгиным в книге «Комкор Иван Грязнов»:

«В середине июня 1920 года Иван Кенсоринович был вызван в штаб армии, где командарм вручил ему от имени Всероссийского Центрального исполнительного комитета золотые часы с надписью «Честному воину РККА».

- Это вас наградили по представлению Реввоенсовета 3-й армии (председателем совета был Матиясевич), а от нас примите именной маузер.

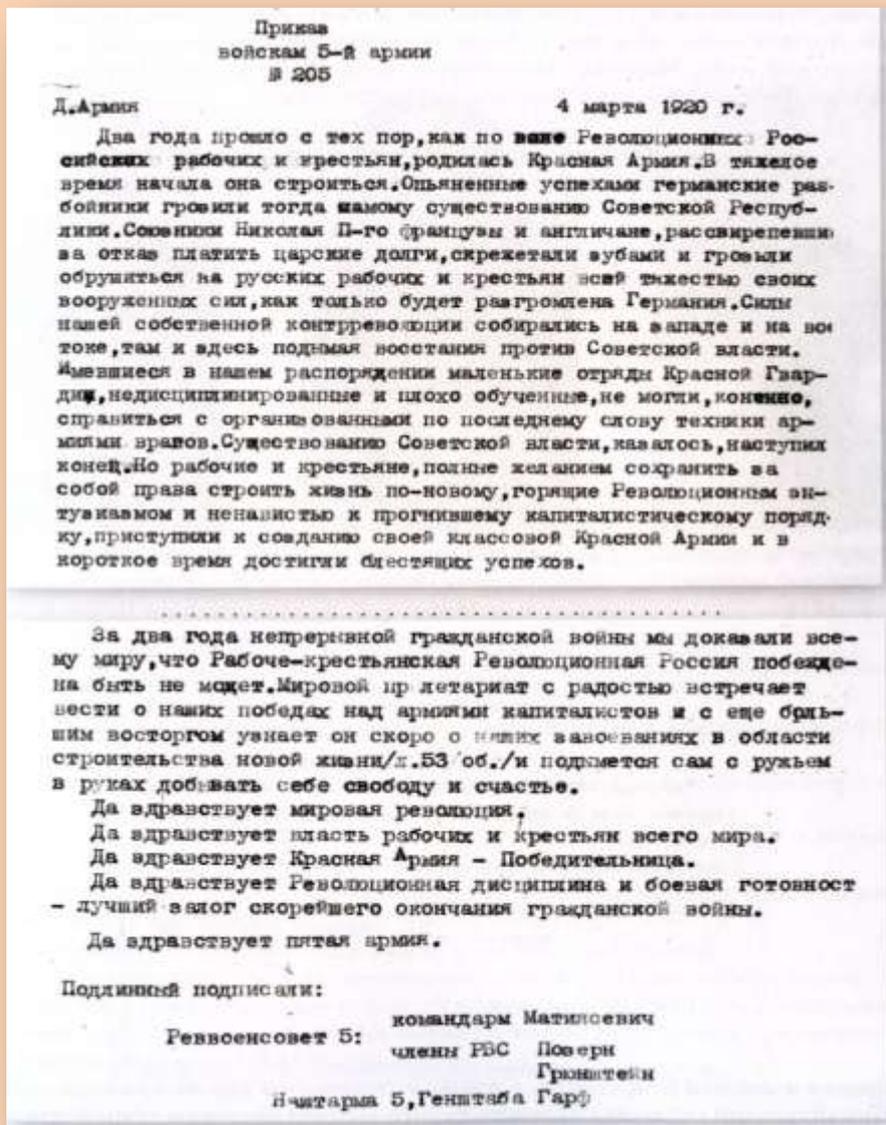
Поздравив начальника дивизии и пожелав ему новых успехов, командарм сказал: «На время моего отъезда будете исполнять обязанности командарма». На столе лежала характеристика Грязнова: «Участвуя в походах и делах против неприятеля с 20 июня 1918 года, своей самоотверженностью и распорядительностью, энергичным и блестящим руководством боевыми операциями способствовал уничтожению и разгрому полчищ Колчака».

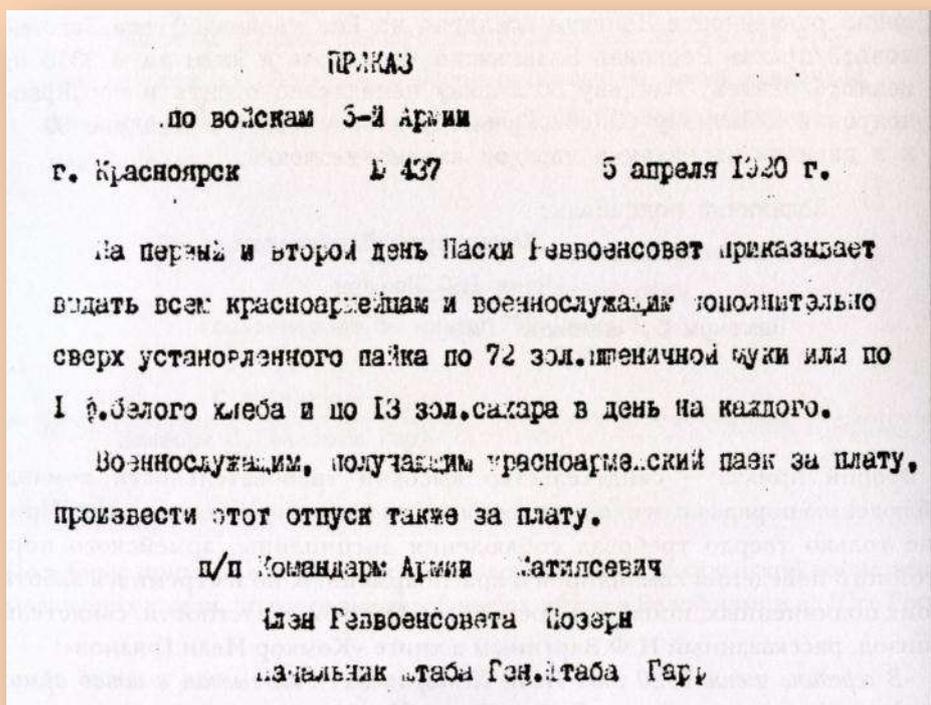

Иван Кенсоринович Грязнов (1891–1938 гг.) — советский военный деятель, комкор, участник Первой мировой и Гражданской войн

Другим примером заботы о подчиненных и в то же время иллюстрацией того, как бедны мы были тогда, является следующий приказ.

Большое значение командующий придавал и морально-политическому состоянию личного состава соединений, частей и подразделений армии. Иллюстрацией этому является приказ, посвященный второй годовщине создания Красной армии, фрагменты которого приведены ниже.

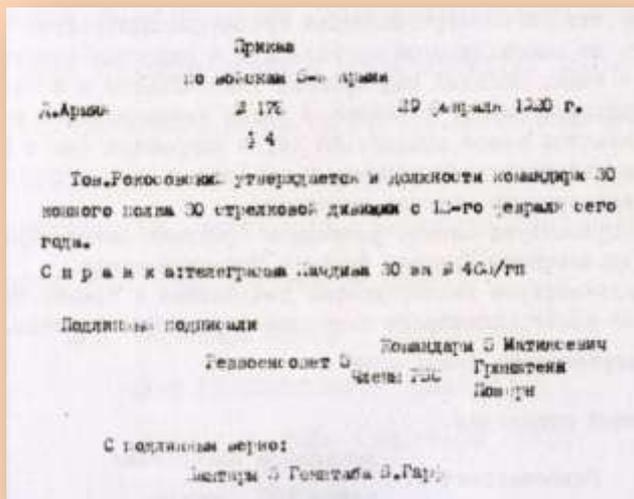

Концовка типа «Да здравствует мировая революция!» была обязательным элементом любых документов того времени. А вот в призыве «Да здравствует революционная дисциплина!» чувствуется рука командарма.

* * *

В пятой армии служили многие выдающиеся военачальники, среди них легендарный полководец, участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, Маршал Советского Союза, дважды герой Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский (1896-1968).

Приказ подписан 29 февраля, а время вступления в должность указано 12 февраля. Командующий соблюдал правило, строго выполнявшееся в старой армии: дата присвоения офицеру нового звания, назначения на новую должность, представления к награде не должна зависеть от расторопности штаба, готовящего приказ или, тем более, от своеволия начальника, обязанного его подписывать.

В Советской армии, к сожалению, это правило отсутствовало.

Другой пример — начдив 51-й дивизии 5-й армии, также ставший Маршалом Советского Союза, активный участник Первой мировой и Гражданской войн Василий Константинович Блюхер (1890-1938).

Приведенные приказы и множество других были обычной текущей работой, главным же в работе штаба и командарма являлось руководство боевыми действиями войск армии, но кроме этого приходилось решать и другие задачи, о характере которых дают определенное представление заголовки документов, хранящихся в Государственном военном архиве. Вот некоторые из них:

- ✓ директива командующего о борьбе с бандитизмом в Якутии;

- ✓ переписка со штабом Народно-революционной армии Дальневосточной Республики;
- ✓ переписка с Управлением Иркутских угольных копий, доклад коммунистического отряда о борьбе с бандами Чернова и Донского;
- ✓ заявление китайских красноармейцев о деятельности комсостава интернационального полка;
- ✓ запись разговора командарма о ходе борьбы с контрреволюцией в Якутии;
- ✓ информационные агентурные сводки о положении в Китае;
- ✓ переписка с Иркутским Совнархозом о продовольственном и вещевом довольствии, о перевозке пленных мусульман, работе милиции;
- ✓ оперативные сводки штаба Сибирской военной флотилии;
- ✓ сведения о составе, численности и расположении партизанских частей;
- ✓ сведения о разграничительных линиях между армией и Туркестанским фронтом;
- ✓ о воинских перевозках (протокол совещания 12.09.1920 под председательством начальника инженеров Д.М.Карбышева);
- ✓ текст договора между временной Земской властью Прибайкалья и командованием Чехословацких войск. И т.п.

Дмитрий Михайлович Карбышев (1880-1945) — участник Русско-японской, Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн — генерал-лейтенант инженерных войск, профессор Военной академии Генерального штаба, доктор военных наук, Герой Советского Союза. Во время Великой Отечественной войны замучен фашистами в плену за отказ работать на них.

Командующий уделял много внимания всесторонней помощи Дальневосточной Республике²⁰ в формировании и укреплении ее вооруженных сил. Много работы прибавилось после создания в марте 1921 года Революционного правительства Монголии. Военным министром и главнокомандующим армии стал Сухэ-Батор, 27-летний выпускник Ургенской офицерской школы (Урга — столица Монголии, сегодня — Улан-Батор). По словам современников, он беззаветно любил свой народ, был храбрым, с чистым сердцем и неподкупной совестью.

²⁰ Дальневосточная Республика (ДВР) (6 апреля 1920 — 15 ноября 1922) — официально независимое и демократическое государственное образование с капиталистическим укладом в экономике, провозглашенное на территории Забайкалья и российского Дальнего Востока. Фактически являлось «буферным» государством между Советской Россией и Японией.

Дамдин Сухэ-Батор (1893–1923 гг.) — руководитель Монгольской народной революции 1921 г., один из основателей Монгольской народно-революционной партии (МНРП). Военный министр революционного правительства, главнокомандующий монгольских революционных войск

По просьбе Революционного правительства 5-я армия передала вооруженным силам Сухэ-Батора вооружение и боеприпасы, снаряжение и направила инструкторов для оказания помощи в обучении монгольских командиров военному делу.

Командарм внимательно следил за становлением Сухэ-Батора. Когда он со своими войсками впервые вступил в бой, направил ему в помощь 29-й авиаотряд Фёдора Алексеевича Астахова, будущего маршала авиации.

Фёдор Алексеевич Астахов (1892–1966 гг.), участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, маршал авиации

В одну из своих поездок в приграничную зону для изучения непривычного для наших войск театра предстоящих боевых действий (29.05.1921-04.06.1921) пригласил Сухэ-Батора и его заместителя Чойбалсана²¹. Они встречались не только по служебной необходимости, но и в домашней обстановке у командарма за чашкой чая, где, помимо разговоров на профессиональную, военную тему, обсуждались и общечеловеческие проблемы.

Думаю, Матиясевич оказал определенное влияние на формирование Сухэ-Батора как военачальника.

---

²¹ Хорлогийн Чойбалсан (1895-1952) — политический лидер Монголии с 1930-х годов до своей смерти. Маршал МНР. При жизни Чойбалсана и некоторое время после его смерти в Монголии существовал культ его личности, подобный культу личности Сталина в СССР.

Монголия. Вид местности

Тем временем Унгерн, выбитый войсками армии из Даурии, ушел в Монголию. Для создания великой Монголии необходимо было освободить ее от китайской оккупации, и Унгерн решил это сделать. После ожесточенных боев 3 февраля 1921 года он вошел победителем в Ургу. Его радостно приветствовали, и он начал проводить кое-какие работы по благоустройству города. Однако вскоре проявилась проблема «прокорма» его дивизии. Каждый всадник должен получать 4 фунта мяса в сутки и котелок муки на двое суток, не считая фуража для лошадей. Это было непосильно для города. Отношения начали портиться. 21 мая 1921 года Унгерн покидает Ургу. Его новый план: прорваться в Сибирь и поднять там восстание против большевиков.

26 мая 1921 года Унгерн начал наступление в районе Кяхта, Троицкосавска, Манзя и других населенных пунктов. Ему удалось проникнуть в Сибирь на некоторую глубину от границы с Монголией. Но его надежды не оправдались. Казаки в станицах и буряты в улусах большевиков не поддерживали, но силу их почувствовали, и поднимать восстание не хотели.

В отражении атаки дивизии Унгерна кроме войск 5-й армии участвовали войска Дальневосточной Республики и Сухэ-Батора. Командарм согласовывал их действия; несмотря на перебои связи, бездорожье и трудности с доставкой продовольствия и боеприпасов, осуществлял управление войсками в течение всей операции.

Войскам Унгерна был нанесен серьезный урон, они бросили артиллерию и отступили в пределы Монголии, по дороге зверски расправляясь с мирными жителями.

А в это время в тылу шли свои бои, решали, как превратить Монголию в социалистическую республику. А для этого нужен поход войск 5-й армии на Ургу.

Нападение Унгерна на территорию Сибири из пределов Монголии давало юридическое и моральное право ввести наши войска в пределы Монголии для уничтожения Унгерна. 16 июня Политбюро ЦК ВКП(б) постановило: оказать военную помощь монгольскому народу в ликвидации Унгерна на ее территории. Однако Политбюро далеко, а победа близка, вот уж у нас дружественная социалистическая республика, а там почести, награды...

На одном из совместных заседаний представителей Дальбюро ЦК РКП(б), НКВД РСФСР, Правительства Дальневосточной Республики, РВС войск Сибири и РВС 5-й армии ставится вопрос о военном походе на Ургу и последующем государственном устройстве Монголии. Матиясевич и часть Правительства Дальневосточной Республики были против похода на Ургу.

Матиясевич говорил: «Поход на Ургу — политический, дипломатический акт, его надо отделить от чисто военных действий по уничтожению Унгерна. Уничтожив Унгерна, мы вступаем в Монголию как друзья, освободители монгольского народа от банд Унгерна».

17 июня он направляет доклад начальнику штаба помглавкома по Сибири Ф.Н.Афанасьеву²²,

²² Фёдор Михайлович Афанасьев (1883-1935), участник Первой мировой войны, полковник. Добровольно вступил в Красную армию. В годы Гражданской войны на разных должностях, с июня 1920 года — начальник штаба помощника Главкома по Сибири.

где приводит расчеты, показывающие: если мы отправим экспедиционный корпус на Ургу, нам нечем будет защитить границу от нового нападения Унгерна. Ответа из штаба не последовало...

Единственное, что мог сделать в этих условиях командарм — выпустить обращение к монгольскому народу и установить достойный ритуал вступления войск в Ургу, по которому по середине дороги идет колонна монгольских войск во главе с Сухэ-Батором, наши войска скромно идут по краям дороги.

Ко всему Монгольскому народу!

Красные войска Российской Социалистической Федеративной Советской Республики вступили на территорию Монголии, но Монгольский народ не должен опасаться за свою судьбу: не врагами, а друзьями-освободителями идут наши войска в пределы внешней Монголии.

Красные войска несут войну не монгольскому народу, а убийце и грабителю барону Унгерну, восставшему против власти русских рабочих и крестьян.

Русский трудовой народ, как и все народы, хочет быть сильным и свободным, хочет сам распоряжаться своей судьбой.

Несколько лет назад трудившиеся России восстали против своих врагов, обросили со своей шее насильников и начали строить новую жизнь так, чтобы всем трудившимся, всему народу было хорошо и вольно жить на земле.

Но враги народа, сидевшие в течение долгих столетий на его горбу, не захотели мириться с новыми порядками — повели борьбу с трудовым народом России, но могучий Русский народ смял и уничтожил своих врагов.

Унгерн, враг Русского трудового народа, побитый в открытом бою, бежал в Монголию, продался японцам, которые не хотят видеть Россию сильной и свободной страной, захватили обманным путем власть в Монголии и начали опять подготавливать поход на Россию.

Тысячу преступлений были совершены бандитами Унгерном, когда он был на Русской земле, ещё большими преступлениями, невиданными грабежами и обманом сумел Унгерн захватить свою власть над многострадальным Монгольским народом.

Русский народ неоднократно заявлял всему миру, что желает жить со всеми в дружбе, он надеялся, что Монголы сами справятся с бароном Унгерном и не трогал его, но в начале июня месяца Унгерн бросился на нашу границу, где встреченный нашими войсками под Кяхтой и Троицкосавском был разбит, бросил свою артиллерию и обоз и скрывался опять в пределах Монголии.

Наши красные войска вступили в Монголию, чтобы окончательно раздавить этого вредного гада, чтобы не дать ему опять собраться с силами.

Монголы! Вам нечего бояться нас, мы не враги Вам, а друзья, у Русского и Монгольского народов есть общий враг — Унгерн и наша Красная армия его уничтожит!

Монголы! Ваши города и юрты, Ваши монастыри и храмы, Ваш скот и Ваши пастбища будут для нас неприкосновенны. Мы не будем указывать Вам как жить — живите как жили. На великом народном собрании всей страны Вы сами установите свои порядки такими, какими хочет весь народ Монгольский.

Всё что было награблено Унгерном и его бандами будет возвращено их прежним владельцам.

Наши красные войска будут действовать в полном согласии с Народным Революционным правительством Монголии и с Народной Революционной Монгольской Красной армией.

Между нашими войсками и народом Монгольским не должно быть никакой вражды.

Русский народ хочет жить в дружбе и взаимном уважении с Монгольским народом.

Когда Унгерн и другие банды русских разбойников, укравшихся в Монголии, будут уничтожены, когда из пределов Монголии ничто не будет угрожать свободе и независимости Русского трудового народа, красные войска покинут пределы Монголии!

Монгольский народ! Другом и освободителем вступает на твою территорию Красная армия — другом и братом встречай ты её и помоги ей уничтожить Унгерна и освободить Монголию.

Революционный Военный Совет 5 армии
МАТЯСЕВИЧ, ГРИНЕТЯН и МУЛИН.

Обращение "Ко всему монгольскому народу"
Издание РВС 5 армии

6 июля 1921 года экспедиционный корпус 5-й армии, в который включили также войска Сухэ-Батора и Дальневосточной Республики, под командованием К.А.Неймана начал поход на Ургу.

Ворота в Ургу, столицу Монголии (теперь Улан-Батор)

Поход на Ургу не имел никакого военного значения, только устрашение. Вооруженные силы белого правительства Монголии не могли противостоять войскам Сухэ-Батора, усиленным частями 5-й армии и ДРВ. Но устрашение не помогло, монголы в то время отказались принять наше предложение по созданию социалистической республики и остались монархией.

А тем временем 24 июля Унгерн действительно предпринял еще одну попытку прорваться в Сибирь. 5-й армии, мобилизовав все резервы, удалось остановить его, но наши войска и мирные жители понесли неоправданные потери.

После двух неудачных наступлений в дивизии Унгерна началось разложение. Его ближайший сподвижник — генерал Резухин²³ был убит своими. Выстрел из толпы — Резухин ранен, падает. Его обступают казаки. Сзади раздаются громкие причитания: «Ах, как же ты, голубчик! Ай-яй-яй!». Толпа расступается, идет казак и продолжает причитать. Подходит к Резухину, достает наган и стреляет ему в голову.

Унгерн в безнадежном положении, прорваться в Россию невозможно, в Монголии, как в ловушке. Он решает через пустыню Гоби уйти в Тибет. Там набраться сил и с помощью лам продолжить борьбу за свои идеи. Узнав об этом решении (пустыня Гоби летом, даже на верблюдах, непроходима), русские офицеры решили убить его. В силу ряда случайностей это не удается. Он попадает в отряд очень преданных ему в прошлом монголов, они убить его не решаются, но связывают и оставляют в степи. 22 августа 1921 года его обнаружил конный разъезд 5-й армии. Множество допросов. Суд в Новониколаевске. Сначала он отказывается отвечать. Но постепенно исключительно корректное отношение к нему действует, и он разговорился. 15 сентября 1921 года по приговору суда он был расстрелян.

В конце августа 1921 года начальник штаба 5-й армии Любимов²⁴ докладывал Сибревкому:

²³ Резухин Борис Петрович (? — 17.08.1921). Генерал-майор. Б Белом движении: в войсках атамана Семёнова в Забайкалье и у барона Унгерна в Монголии.

²⁴ Любимов Владимир Виссарионович (1881-1937). В 1914 году окончил Николаевскую военную академию. Участник Первой мировой войны. Подполковник. Добровольно вступил в РККА. Начальник штаба 5-й армии и начальник штаба Восточно-Сибирского округа.

«Отряд Унгерна разбит, разложился и превратился в отдельные бродячие шайки, его сподвижник генерал Резухин убит, а сам барон 22 августа захвачен в плен. В этой операции войска проявили высокий героизм и выносливость, а командование — талантливое руководство операцией».

Итак, со всеми врагами покончено, осталось сказать несколько слов о командарме, более полутора лет руководившем 5-й армией.

В интересной работе Калужского Государственного педагогического университета им. К.Э.Циолковского «Становление независимости Монголии. Деятельность Унгерна» (Калуга, 2007) дается такой итог этой эпопеи:

«Командарм Матиясевич в то время находился в трудном положении. Войск у него, по существу, не имелось. Между ним и членом реввоенсовета 5-й армии Грюнштейном²⁵, видимо, в результате его особого мнения, наметились серьезные разногласия. В связи с этим, председатель реввоенсовета войск Сибири И.Н.Смирнов²⁶ в записке по прямому проводу Л.Троцкому от 9 августа 1921 года сообщал: «Острые разногласия внутри Ревсовета между Матиясевичем и Грюнштейном разваливают работу, подрывают дисциплину в штабе, работы нет». Смирнов предлагает Троцкому освободить Матиясевича и Грюнштейна от занимаемых должностей.

Дошел до этого места и задумался, надо заканчивать параграф — «Командарм 5», но как быть с Афанасьевым и Смирновым?

Начальник штаба помощника Главнокомандующего по Сибири Афанасьев получает служебную записку от командарма 5, непосредственно касающуюся обороны Сибири от возможного вторжения из Монголии войск Унгерна. Афанасьев знает: за промашки в обороне с него никто не спросит, будут спрашивать с командарма. Если ответить на записку по существу, пойдешь против представителей Дальбюро ЦК РКП(б), наркомата внешних дел и других высоких начальников — лучше промолчать. И правильно сделает — пройдет немного времени, и он получает орден Красного Знамени за Монгольскую операцию.

А как действует Смирнов, председатель РВС войск Сибири, помощник Главкома?!

В разногласиях с Грюнштейном Матиясевича поддерживает второй член РВС 5-й армии Борис Захарович Шумяцкий²⁷.

Если бы Смирнов выполнял свои прямые обязанности представителя Центра в Сибири, ничего не стоило бы решить эту проблему в интересах дела и армии, но у него были свои интересы, и он пишет служебную записку. В ней одни общие слова: «острые разногласия» (какие? в чем?) «подрывают дисциплину в штабе» (кто, как подрывает?) и т.д. Об общих словах знает и Смирнов. Поэтому-то он и не посылает записку своему непосредственному начальнику — Главкому Вооруженных Сил, который может ответить: «Разберитесь и решите, а уж не можете — доложите конкретно», а посылает ее товарищу Троцкому. Оба старые партийцы, работали вместе, понимают друг друга с полуслова.

В годы Гражданской войны были белые, красные, пестрые. А как назвать людей типа Афанасьева и Смирнова? Назовем условно таких людей серыми. Закончится Гражданская война, исчезнут белые, красные, пестрые, но серые останутся и будут размножаться — они бессмертны!

---

²⁵ Грюнштейн Карл Иванович (1886-1936). Большевик с 1904 г. Участник революционного движения в Латвии. В годы Гражданской войны находился в Красной армии на военно-политических и командных должностях. После Гражданской войны, в Москве, — начальник снабжения Московского ВО, комиссар главного управления снабжения РККА.

²⁶ Смирнов Иван Никитич (1881-25.08.1936). Профессиональный революционер. Во время Гражданской войны член Реввоенсовета фронтов и армий. В 1920-1921 — председатель Сибирского ревкома и член Сибирского бюро РКП(б).

²⁷ Шумяцкий Борис Захарович (1886-1938) — государственный, партийный деятель, дипломат, востоковед-политолог. Участник революционного движения.

Р. О. Ф. С. Р.
Начальник
ШТАБА 5 АРМИИ
— II —
ВОСТОЧНОКРУГА.

19. февраля 1922 г.

№ —
Л. Архан.

Дорогой Михаил Степанович!
Я получил Ваше письмо от Николая только 18 февраля, так же как и поста, но надо владарский поста, эти вестники ждем через две-три недели, а мы уже получили письмо на свои вестники. Что от Грюнштейн не удивляет. Все же поста начальник сибирского округа, а некогда в том же смысле.

м.д. Грюнштейн, кроме крайних португальцев, да еще спасибо фазенштейн. Выходит на профессиональное дело, масса друзей и знакомых. Жаль только, что он так много напортил.

В сущности, говоря языком справедливости, орден должны были получить Вы, но Грюнштейн Вам помешал. Все же получили Афанасьев, начальник оперуправления Сибштаба, то есть люди, которые своими распоряжениями только связывали нам руки.

Начальник штаба 5-й армии Любимов в письме Матиясевичу, уже начальнику военной школы в Казани, рассказывая о событиях, происходящих в армии после отъезда Матиясевича, пишет: «В сущности, говоря языком справедливости, орден должны были получить Вы, но Грюнштейн Вам помешал. Вместо Вас его получил Афанасьев и начальник оперуправления Сибштаба, то есть люди, которые своими распоряжениями только связывали нам руки».

Такова оценка деятельности подобных людей, данная профессионалом.

5. Диктатура пролетариата

5.1. В.И. Ленин и К.Э. Циолковский

Эта книга — попытка правдиво рассказать об особой, неповторимой профессии офицера — защитника Отечества. Но, судьбы офицеров Русской императорской армии, Красной армии и армии современной России неразрывно связаны с событиями революции и диктатуры пролетариата. Поэтому в настоящем параграфе приведены ключевые, известные и малоизвестные, факты истории революции и диктатуры пролетариата, позволяющие лучше понять причины и характер рассматриваемых в книге событий из жизни офицеров и армии в целом.

Истина познается в сравнении. С кем сравнить Ленина — идеолога и основателя диктатуры пролетариата? С Троцким? Но ведь они одного поля ягоды, а для сравнения нужен контраст.

Циолковский рассказывает крестьянам о полете на Луну и Марс

Ленин и Циолковский — равновеликие умы. Но они жили и работали в разных условиях.

Ленин значительную часть жизни провел вне России — в Швейцарии. Жил и работал в Женеве, Берне, Цюрихе. Там написал свои основные теоретические работы; руководил изданием партийных газет; общался со своими единомышленниками и другими деятелями социал-демократического движения. Жил в значительной степени на партийные средства. Лечил там свою жену, мать и тещу; плохо знал реальную жизнь в России. За два месяца до Февральской революции посчитал свое дело проигранным и собирался остаток жизни провести в Америке. О Февральской революции узнал случайно только 15 марта 1917 года.

Циолковский, напротив, всю жизнь провел в российской глубинке. Хорошо знал нужды своего народа, частью которого был сам.

Непрерывно напряженно работая над своими идеями, проектами, теориями, должен был зарабатывать и на хлеб насущный, чтобы содержать свою большую семью (в семье было семеро детей: Александр, Анна, Иван, Игнатий, Леонтий, Любовь и Мария).

Контраст очевиден, а это позволяет, не углубляясь в теорию, увидеть их подлинное лицо.

Между ними много общего, но еще больше различий. Оба всю жизнь напряженно работали, оба думали о будущем человечества. Один стал основоположником диктатуры пролетариата, другой — основоположником космонавтики.

У них были разные исходные позиции.

Ленин работал в области, где принятая им за исходную теория — марксизм — была уже разработана. И, кроме того, было немало других мыслителей, так или иначе относившихся к марксизму. Поэтому Ленину, прежде всего, пришлось бороться за чистоту марксизма. Он был прекрасным полемистом. В свое время я много времени, в ущерб своей общей образованности, потратил на изучение ленинских работ. Мне очень нравилось, как он расправлялся со своими оппонентами: один — идеалист, другой — оппортунист, третий — ревизионист, четвертый — вообще г..но...

Помимо борьбы за чистоту марксизма надо было дальше развивать теорию с учетом изменений, произошедших в мире со времен Маркса. И вот одним из главных результатов этой работы явилась теория диктатуры пролетариата как необходимого этапа на пути к мировой революции.

У Ленина не было никаких возможностей теоретического подтверждения верности своей теории. Разве что этому могла служить известная формула, казавшаяся мне всегда логичной и очень убедительной: было первобытное коммунистическое общество, потом рабовладельческое, его сменило феодальное, а затем загнивающее буржуазное, которое неизбежно должно смениться более совершенным коммунистическим. Все строго и неотвратно, почти как в таблице Менделеева.

Совершенно иначе обстояли дела у Циолковского. Он шел по целине, у него не было оппонентов, с которыми надо было бы полемизировать. Он двигался вперед в результате внутренней борьбы — от ошибки к истине, от незнания к Знанию. При этом он был математик и каждый свой шаг проверял и перепроверял теоретически, и только убедившись, что это действительно так, двигался дальше. Открыв возможность преодоления земного тяготения и полета в космическом пространстве, он пришел к выводу о неизбежности освоения человеком других, кроме Земли, планет Солнечной системы.

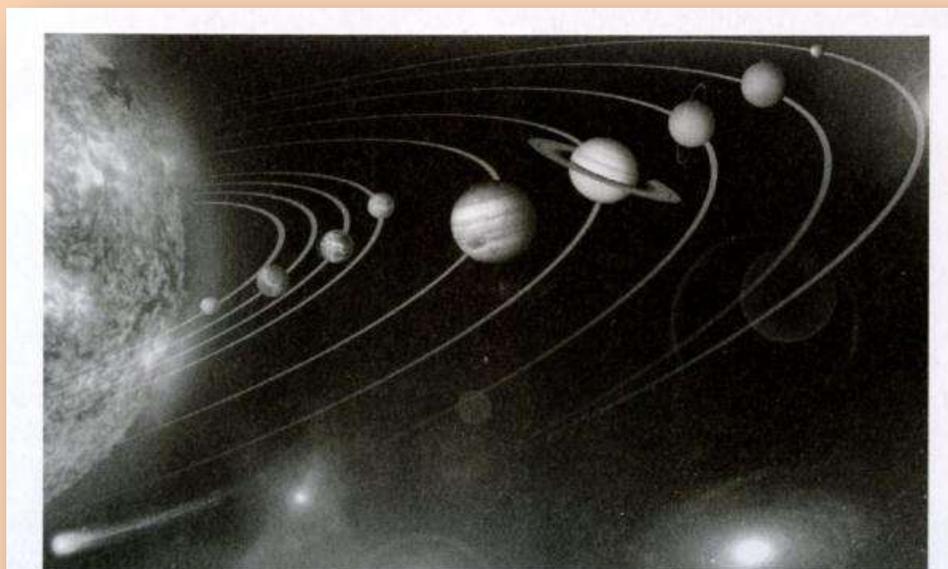
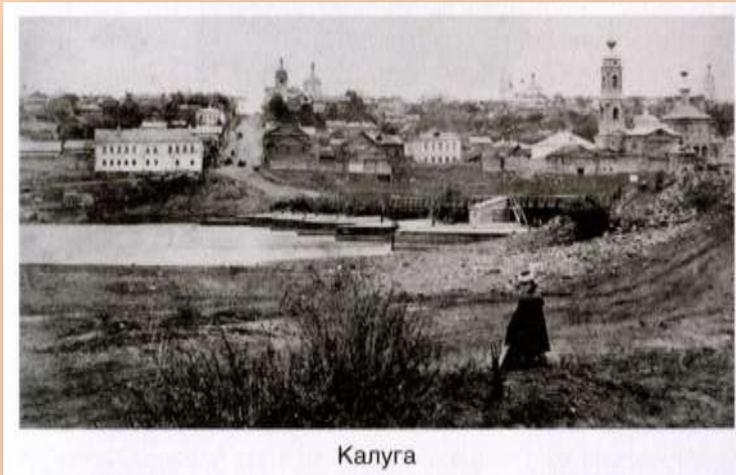

Схема орбит планет Солнечной системы

В связи с этим Константин Эдуардович стал думать о будущей организации человеческого общества. У него есть более 250 работ, посвященных этой проблеме, но до последнего времени они хранились в секретных фондах, так как он не разделял идей марксизма-ленинизма, хотя называл себя и был в действительности последовательным материалистом.

Критерием верности теории является практика. Ленин и Циолковский были реалистами и понимали: время практического применения их теорий еще не пришло.

Однако судьба распорядилась иначе: вскоре Ленину удалось применить свою теорию на практике.

Узнав из прессы о Февральской революции, он немедленно начал обдумывать пути захвата власти в России. В кратком курсе истории большевистской партии подробно и достоверно рассказано о множестве трудностей, которые пришлось преодолевать Ленину на пути от апреля, когда он вернулся в Россию, до октября. Однако природа-сущность этих трудностей на пути к власти до последнего времени не раскрывались, а многие архивы того времени оставались недоступными.

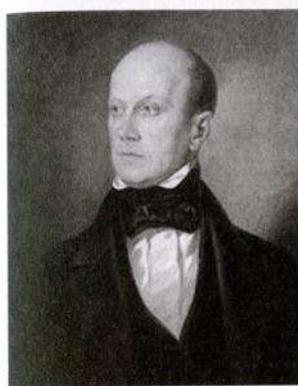
Памятник В.И.Ленину,
установленный в 1926 г. в Ленинграде у Финляндского вокзала

Сегодня стремление знать правду о судьбе своих близких, о событиях истории страны приобретает все более массовый характер. И вот недавно в журнале «Военно-исторический архив» № 12 за 2012 год опубликован документальный очерк Э.В.Харитонов «Коломна от февраля до октября 1917 года».

В очерке на основе документальных данных показана правда о сущности и значении Февральской революции. Вот эта правда и объясняет сущность трудностей, которые пришлось преодолевать Ленину на пути к власти, и, соответственно, сущность Октябрьской революции.

Не случайно нам всегда говорили о Февральской революции мимоходом, как о какой-то незначительной мелочи.

В начале своего очерка автор привел слова Петра Чаадаева, которые всем нам надо бы помнить: «Прекрасная вещь — любовь к Отечеству, но есть еще нечто более прекрасное — любовь к истине». Написав эту фразу, невольно вспомнил услышанное мною в самом раннем детстве от мамы: «говори правду», «слушайся старших», «не бери чужого», «помогай слабым»...

Пётр Яковлевич Чаадаев (1794–1856 гг.) — русский философ и публицист, объявленный правительством сумасшедшим за свои сочинения, в которых резко критиковал действительность русской жизни. Его труды были запрещены к публикации

Если говорить очень общо о содержании очерка, он документально показывает сущность трудностей большевиков в завоевании власти — они шли против воли и интересов подавляющего большинства народов России. И то, что при ничтожно малой численности ближайших соратников Ленина удалось захватить власть, является свидетельством гениальных организаторских способностей Ленина; правда, не обошлось и без вмешательства «господина случая», и активных действий в октябрьские дни Троцкого.

Документальный очерк чрезвычайно интересен, но это не тема настоящей книги, поэтому приведу лишь несколько коротких фрагментов, иллюстрирующих вышеприведенную общую характеристику очерка.

Вот один из документов — «Основная резолюция съезда» крестьян Коломенского уезда. Съезд был организован Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов и открылся 25 марта 1917 года. Только месяц прошел после революции! В съезде работало свыше 150 делегатов.

Резолюция:

«Признавая, что Великая Русская Революция, подготовленная объединенными усилиями всего народа, смела всю старую власть и передала строительство народной жизни сверху донизу всему народу, Съезд представителей сельских обществ и новых общественных организаций считает необходимым, чтобы к этому строительству было привлечено все население без различия классов, национальности и профессии; лишь при общей дружной работе на началах взаимного доверия и истинной активной любви к Родине и свободе возможно полное обновление народной жизни и полное удовлетворение насущных нужд всех трудящихся. Собрание высказывает уверенность, что Временное правительство примет все меры к тому, чтобы было создано в ближайшее время Учредительное собрание и что наиболее совершенной формой правления для России является Демократическая республика».

Какая зрелость, уверенность, чувство собственного достоинства! А ведь это съезд крестьян, составлявших большинство населения России. А вот другой документ. Съезд единогласно одобрил резолюцию Московского губернского комитета общественных организаций по земельному вопросу.

В пункте 2 резолюции отмечается уверенность в том, что учредительное собрание кардинально и правильно решит земельный вопрос, но, не дожидаясь этого, необходимо, чтобы «...в срочном порядке были осуществлены следующие мероприятия:

- а) Необходима немедленная приостановка покупок и продаж земли, каковой закон безотлагательно должен быть издан Временным правительством.*
- б) Немедленно должны быть осуществлены мероприятия по урегулированию вопроса об аренде, прогонах, пастбищах, покосах и др.*
- в) В целях предотвращения угрожающего недосева полей и недобора урожая с*

сенокосных угодий должно быть уже в текущем году организовано под контролем местных общественных комитетов использование всех пустующих земель, кому бы они ни принадлежали.

г) В целях предотвращения хищнического истребления лесов необходимо поручить общественный контроль за сводкой лесов Губернскому и местным комитетам.

3. Разработку вопроса об осуществлении намеченных мероприятий поручить Исполнительному комитету».

Какое знание дела, четкость, конкретность, чувство хозяина земли и страны! И это в первые дни революции!

Все это стало возможным благодаря многолетней работе тысяч революционеров, среди которых было немало хорошо образованных людей. Все они были разными, но их объединяло одно — революция для них не путь к власти и разрушению, а старт созидательной работы по строительству нового, лучшего будущего своего народа. Среди них была и моя тетя Аня.

Однако Октябрьский переворот перечеркнул этот всенародный порыв в будущее, вызванный Февральской революцией, позволил Ленину начать проверку своей теории практикой.

События развивались стремительно:

- кабальный Брестский мир, утрата обширных территорий страны, выплата большой контрибуции;

- три года Гражданской войны, 12,7 миллионов погибших, разрушено хозяйство страны;

голод, продразверстка, военный коммунизм и, наконец, вынужденное решение: надо отступить — НЭП.

Первый этап проверки закончен: практика не подтвердила верность теории. Но Ленин уже тяжело болен, неизвестно, как бы он стал действовать дальше. Однако ученики и соратники Ленина продолжили проверку его теории.

После смерти Ленина Сталин прочитал курс лекций о его теоретическом наследии слушателям Коммунистического университета (И.В.Сталин, «Вопросы ленинизма»). Заканчивая рассмотрение учения о диктатуре пролетариата, он, в точном соответствии с Лениным, но кратко, дал определение диктатуры: «Диктатура пролетариата есть не ограниченное законом и опирающееся на насилие господство пролетариата над буржуазией, пользующееся сочувствием и поддержкой трудящихся и эксплуатируемых масс».

Начался второй этап проверки ленинской теории...

Прошли десятилетия, в итоге мы получили современную Россию, утрату больших территорий страны и духовную деградацию общества. Мировая революция не состоялась. Есть еще несколько диктатур в мире, но не пролетарских.

Таким образом, практика не подтвердила верность ленинского учения.

Иначе обстояло дело с проверкой теории Циолковского.

Положительный результат проверки практикой его теории космических полетов был предопределен, так как сама теория возникла в результате выполненного им и опубликованного в 1903 году теоретического исследования, доказавшего их осуществимость.

А трудность, с которой пришлось встретиться Циолковскому на пути к реализации своей теории, была обусловлена прежде всего тем, что теория намного опережала свое время, и в значительной степени поэтому ее первая публикация не привлекла к себе широкого внимания. Правда, было и такое: для Цандера, узнавшего об этой работе в 1904 году, она на всю жизнь стала путеводной звездой.

Он создал первый в России жидкостный реактивный двигатель, стал организатором (в 1931 году) и первым руководителем Группы изучения реактивного движения — легендарной ГИРД. Девизом-«присказкой» Цандера стало: «Вперед, на Марс!».

Но Цандер был не одинок, идеи Циолковского увлекли молодых и немолодых талантливых людей — Королева, Тихонравова, Тихомирова и др. Кроме ГИРД работала Газодинамическая лаборатория, был создан первый в мире Реактивный научно-исследовательский институт (в 1933 году). В общем, как однажды написал Циолковский, «дело разгорается, и я зажег этот огонь». Но вмешалась диктатура пролетариата.

В годы, когда фон Браун в фашистской Германии работал над созданием баллистических ракет, Королёв занимался совсем другими делами на Колыме и в тюрьмах; был освобожден лишь в 1944 году, когда ракеты «Фау-2» разрушали английские города, и только в 1957 году был официально реабилитирован.

Возвращение его — почти чудо, стало возможным только благодаря самоотверженности его матери — Марии Николаевны Баланиной, ни на минуту не прекращавшей борьбу за жизнь сына; благодаря высокой порядочности и мужеству летчика номер один нашей страны, Героя Советского Союза Михаила Михайловича Громова и знаменитой летчицы, Героя Советского Союза Валентины Степановны Гризодубовой, а также в силу объективной необходимости создания новых боевых самолетов, благодаря которой А.Н.Туполеву разрешили отобрать специалистов, необходимых для создания нового бомбардировщика.

Форма № 30

С П Р А В К А

Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР

25. апреля 1957.
№ 4Н-018911/56
Москва, ул. ... 4. 13.

Дело по обвинению КОРОЛЕВА Сергея Павловича до ареста 27 июня 1938 года работавшего старшим инженером группы № 2 в Научно-исследовательском институте № 3 НКВД / Министерство оборонной промышленности/, пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 18 апреля 1957 года.
Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 10 июля 1940 года в отношении КОРОЛЕВА С.П. отменено и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОЮ СУДЕБНОГО СОСТАВА
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ
Чирлинский
/ЧИРЛИНСКИЙ/

8Н

Справка о реабилитации С.П.Королева

М.М.Громов

ДЕПУТАТ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
 НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ
 ДЕЛ СССР

Тов. БЕРИЕ Л.П.

Мною по депутатской линии получено
 заявление от гр. Баланиной М.Н./мать
 заключенного Королева С.П. по вопросу
 пересмотра его дела.

Направляя заявление гр. Баланиной
 М.Н. с заявлением заключенного Королева
 С.П. Вам, Прошу Вашего указания на пере-
 смотр дела Королева С.П.

Я знал Королева С.П. как честного, спо-
 собного энтузиаста, авиаинженера.

О Вашем решении по этому вопросу
 прошу не сообщать.

Депутат Верховного Совета СССР
 Герой Советского Союза
 М. ГРОМОВ

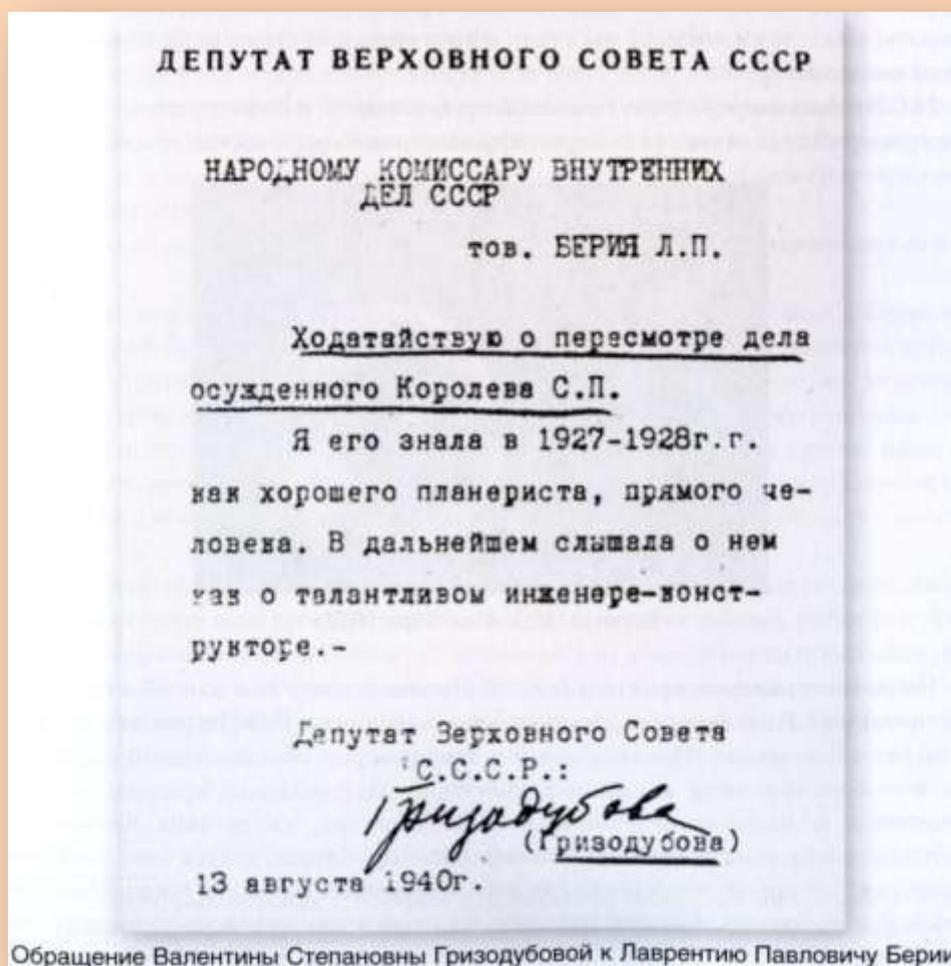
12/УШ-40г.

Handwritten notes and signatures:
 31/11/1946
 13/11/1946
 31/11/46
 11.7

Обращение Михаила Михайлович Громова к Лаврентию Павловичу Берии

В.С.Гризодубова

Но и это не все. В послевоенные годы, когда создание баллистических ракет стало для страны жизненно необходимой задачей, поручить их разработку малоизвестному в кругах «минометно-артиллерийской элиты», оказавшейся во главе этого дела, беспартийному, бывшему ээку было непросто. К нашему счастью, рядом оказались по-настоящему умные, хорошо образованные люди, прежде всего министр вооружений Д.Ф.Устинов, благодаря которым Королёв возглавил эти работы,

а мы, несмотря на все трудности восстановления народного хозяйства, разрушенного войной, создали межконтинентальную баллистическую ракету раньше, чем фон Браун, имевший для этого в благополучной Америке все условия.

Успешный пуск в августе 1957 года знаменитой «семерки» Сергея Павловича Королёва — ракеты Р-7 имел колоссальное значение для сохранения мира в последующие годы и в то же время показал: мы уже сегодня можем полететь в космос. Однако для высшего партийно-государственного и военного руководства страны космос оставался вещью в себе.

В стране было тяжелое экономическое положение, международная обстановка требовала прежде всего создания и производства межконтинентальных баллистических ракет. О далеком и неизвестном космосе думать было некому и некогда. Поэтому первооткрывателями космоса мы стали в значительной степени благодаря политической конъюнктуре.

Н.С.Хрущев вовремя понял высокий пропагандистский потенциал освоения космоса, поддержал его, и мы стали первооткрывателями космической эры человечества.

Первый ИСЗ, 4 октября 1957 г.

Началась проверка практикой идей Циолковского. Вот как об этом написал вице-президент Российской академии космонавтики им. К.Э.Циолковского Леонид Витальевич Голованов: «Неотвратимой и закономерно обусловленной перспективе практического освоения внеземных пространств Циолковский предпослал научно-техническое и инженерно-техническое обоснование, не оставив без внимания и сопутствующие тому социально-гуманитарные проблемы, дал им свое толкование. И ныне каждый новый успех космонавтики напоминает нам о его гениальных идеях, проектах и прогнозах. Своими трудами он приблизил человека к космосу, более того, фактически ввел его туда задолго до полета первых космонавтов».

Ждут еще своих исследователей малоизученные гуманитарные, философские и социологические работы Циолковского.

Сегодня в космосе побывали сотни космонавтов, астронавтов и просто «космических туристов» — мужчин и женщин, граждан многих стран мира, людей разных национальностей и вероисповеданий.

Тема космонавтики безгранична, так же, как и сам Космос. Но это не тема настоящей книги²⁸. Поэтому вернемся к итогам проверки практикой верности теорий и сравнения результатов их практического применения.

Хотим мы этого или не хотим, нравится нам это или не нравится, но ничего изменить нельзя: Ленинское учение оказалось несостоятельным.

В чем причина? Удивительно, но так случилось: Ленин при огромном природном даровании, увлекшись однажды чуждой нам, родившейся в Германии и не получившей там приложения марксистской теорией, решил применить ее в России и стал рабом этой теории на всю жизнь. Его не

²⁸ О некоторых штрихах к портрету С.П.Королёва кратко, но достоверно рассказано в книге автора «Аэрофоторазведка. Прошлое - настоящее - будущее» М.: Полигон-Пресс. 2011, а также ниже в разделе 5.12. настоящей книги.

интересовала ни судьба России, ни судьба ее народа, главное — мировая революция, а для достижения этой цели все пути и методы хороши. Диктатура пролетариата в России — это лишь промежуточная станция на пути к мировой революции.

Сегодня десятки томов ленинских трудов будут читать лишь отдельные историки, интересующиеся проблематикой «ленинизма». А вот «вбрасывавшиеся» в сознание широких народных масс ленинские «формулы», призывы к действию укрепились в нашем сознании, хотя сегодня видно, какую разрушительную силу они имели, а многие были просто преступны:

«Цель оправдывает средства» — это наперед данное оправдание любого преступления;

«Поражение своей страны в мировой войне» — это в войне с Германией, целью которой был захват наших земель до Урала и порабощение русского народа;

«Превратим империалистическую войну в гражданскую» — мы уже видим, какой трагедией для народов нашей страны стала реализация этого призыва.

Или ленинская теория «диктатуры пролетариата». И многое другое, разрушившее основы человеческих отношений — честность, порядочность, морально-нравственные принципы, веками формировавшиеся во всех слоях российского общества.

В отличие от Ленина, Циолковский, не получивший университетского образования и самостоятельно приобретший энциклопедические знания, работал с увлечением в самых разнообразных областях человеческой деятельности и был абсолютно свободен от влияния как чужих идей-теорий, так и от собственных увлечений, которые проверял, перепроверял и, убедившись в их непригодности, отбрасывал.

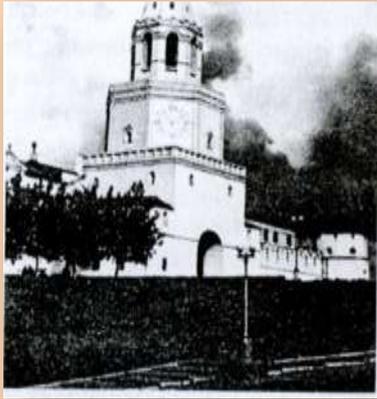
5.2. Судьба командарма

Сдав командование 5-й армией 30 августа 1921 года, с предписанием «...в распоряжение Главкома Вооруженных Сил» Матиясевич выехал из Иркутска в Москву. Нерадостным было прощание с армией, ставшей ему за полтора года родной. В упоминавшейся уже в предыдущей главе работе Калужского института сделано предположение, что причиной конфликта с Грюнштейном, послужившего Смирнову поводом для телеграммы Троцкому, была позиция Матиясевича: сперва закончить военную операцию по ликвидации Унгерна, а потом вводить войска в Ургу. В действительности эти вопросы не интересовали Грюнштейна, которого начальник штаба 5-й армии Любимов характеризовал следующим образом: «Тов. Грюнштейн, кроме крайнего партизанства да еще способности расстроить всякое налаженное дело, ничем другим не отличался».

Действительную причину конфликта назвал Матиясевич в 1931 году во время допросов после ареста: «Грюнштейн совершает два возмутительных поступка в отношении Монгольского Главкома (к тому же партийца) и начальника административно- хозяйственного отдела штаба 5». Неизвестно, в чем именно заключались эти возмутительные поступки, но известно личное отношение Матиясевича к Сухэ-Батору, не говоря уже о его официальном статусе и, вообще, о требовательности командарма к соблюдению достойных норм поведения всеми военачальниками армии.

Несмотря на все эти негативные обстоятельства, Матиясевич выехал с надеждой на встречу с Главкомом, где он сможет рассказать всю правду о положении в армии, Восточно-Сибирском Военном округе и, может быть, получить новое достойное назначение. Однако Смирнов и Афанасьев как раз и боялись больше всего его встречи с Главкомом и действовали: по дороге в Москву его задерживают в Ново-Николаевске и, несмотря на решительные возражения, вручают назначение начальником Казанской высшей военной школы.

Пришлось подчиниться и вместо Москвы поехать в Казань. Там, после семи лет фронтовой жизни в годы Первой мировой и Гражданской войн, началась его мирная жизнь в практически не знакомой ему стране диктатуры пролетариата.

Башня Казанского кремля,
где располагалась высшая военная школа

Судьба отвела ему двадцать лет на эту жизнь: 1921-1941 годы. Условно их можно разделить на два периода: до ареста в 1931 году и после него до конца жизни, когда за окнами больницы, где он лежал, уже гремела война, и опять с Германией.

1921-1922 годы стали рубежом, и не только начала еще неизвестной ему службы в Красной армии в мирное время, но и началом новой семейной жизни.

В конце 1921 года он сблизился с женщиной на 21 год моложе его, работавшей машинисткой в штабе армии - Марией Степановной Маевской. Еще в декабре 1921 года из Казанской школы прислал своей жене — Екатерине Алексеевне Матиясевич, жившей вместе со мной в Петрограде, справки, необходимые для получения продпайка.

А в 1922 году оформил свой брак с Маевской. Возможно, этому способствовало рождение у нее сына Сергея. Мои старшие братья считали, что это был не сын нашего отца, но Михаил Степанович признал его своим и воспитал. Сергей окончил Киевское военное училище связи; в звании лейтенанта уехал на фронт, в августе 1941 года погиб под Смоленском. Позже у отца от второго брака родился сын Михаил, который женился на прекрасном человеке — Ольге Владимировне Избековой, с которой совершенно случайно, не в связи с родственными отношениями, я был знаком. У них были дети и внуки — внуки и правнуки Михаила Степановича, которые до сих пор живут в Киеве.

В Интернете появился ряд статей о М.С.Матиясевиче. В них, в частности, говорится: «жена командарма Мария Степановна», «благодаря хлопотам Марии Степановны ее муж был досрочно освобожден из заключения».

В действительности женой командарма была моя мама — Екатерина Алексеевна Матиясевич. Марию Степановну следовало бы точнее называть женой начальника Киевской объединенной высшей военной школы им. Главкома С.С.Каменева. Что касается ее хлопот об освобождении мужа, то известно: после ареста Михаила Степановича она привела в его квартиру богатого еврея-протезиста, а позже, в годы немецкой оккупации Киева, проводила его на смерть в Бабий Яр.

Вопросов ареста и освобождения отца я коснусь позже. А причиной неточной информации в Интернете, возможно, явились следующие обстоятельства.

Вернувшись из ссылки, куда Марию Степановну отправили после освобождения в 1944 году Киева за сотрудничество с оккупационными властями (стала «фольке дойче», работала переводчиком в администрации оккупационных властей, поддерживала связь с высокопоставленными гитлеровскими чиновниками), она стала активно добиваться назначения ей персональной пенсии как жене командарма. Возможно, эта ее деятельность, в том числе и с использованием средств массовой информации, и явилась основанием последующих публикаций.

И последнее о семейной послефронтовой жизни отца. Для меня до сих пор остается загадкой, о чем думала эта изощренная женщина, когда на могиле мужа решила исказить его фамилию: вместо «Матиясевич» написать на памятнике «МатиАсевич»?!

Конечно, для Матиясевича, с 1919 года практически непрерывно и успешно командовавшего армиями, новое назначение в Казань, а потом в Киев для создания объединенной военной школы, было большим и незаслуженным понижением.

Но он с присущими ему ответственностью и энергичностью взялся за порученное дело — создание в Киеве Высшей военной объединенной школы имени Главкома Республики С.С.Каменева из Казанской и Таганрогской школ и остатков Киевских курсов подготовки комсостава.

Почти три года — с 1922 по 1924-й — прошло в напряженной работе; необходимо было не только организовать учебный процесс, а в школе были пехотное, кавалерийское, артиллерийское и инженерное отделения, но пришлось выполнить огромный объем хозяйственных работ по восстановлению водоснабжения, канализации, системы отопления, вставки тысяч квадратных метров стекла и т.п.

В 1924 году школа заняла первое место среди военных учебных заведений подобного класса.

Результат был налицо, это не могло не радовать. Но вот назначают нового комиссара школы. Он приводит в школу своих людей, пытается на партячейке выступить против начальника школы и, не получив поддержки, начинает писать клеветы на него в УВУЗ. Работать становится трудно, Матиясевич впервые за три фронтовых года просит предоставить ему отпуск — начальник УВУЗ Д.А.Петровский отказывает.

Дают себя знать старые раны (их было девять), дважды падал в обморок, врачи настоятельно рекомендуют отдохнуть и лечиться.

В 1924 году Михаил Степанович демобилизуется — 28,5 календарных лет службы в армии, из них 8 лет на фронте. В 1925 году ему назначают персональную пенсию.

Через год, окрепнув, в 1925 году подает рапорт о зачислении его вновь на действительную военную службу — получает отказ. Это для него было сильнейшим ударом. В эти трудные годы моральной поддержкой для него было общение со своими старшими сыновьями — Владимиром и Алексеем, моими братьями. Но он так был потрясен отказом от службы в армии, что даже им не сказал об этом.

Читал лекции по военным предметам в вузах Киева и совпартшколе. В 1929 году в Москве окончил курсы усовершенствования высшего комсостава (в случае мобилизации назначался на должность командарма). В 1930 году участвовал в маневрах в городе Киеве в качестве старшего посредника.

Так заканчивался первый этап послефронтовой жизни командарма.

В январе 1931 года его арестовали. Первую ночь наследники чекистов, теперь уже сотрудники Государственного политического управления (ГПУ), сделали только обыск и изъяли пистолет, который был очень дорог отцу как единственная, хоть и не официальная, но от чистого сердца, награда за всю его службу в Красной армии — подарок от заместителя Дзержинского — Петерса, которого впоследствии, как и тысячи других чекистов, не миновала карающая рука диктатуры пролетариата: в 1937 году он был расстрелян, слишком много знал.

На второй день Матиясевича увезли.

Володя, мой старший брат, жил в Киеве и с отцом часто общался, а кроме того, он с 1927 года был членом партии. И вдруг арестован отец. Он, конечно, был абсолютно уверен, что никаких реальных причин для ареста отца нет. Пишет письмо наркому обороны Ворошилову, ответа, конечно, нет. Он едет в Харьков — столицу Украины в то время, хочет попасть на прием к начальнику управления НКВД (ГПУ) Украины, ведающего «арестной» службой.

Адъютант начальника управления отговаривает, говорит, что это бесполезно, но Володя настаивает, и начальник управления принимает его. Конец их разговора был такой. Начальник управления сказал: «Прошлое вашего отца безупречно, вы можете им гордиться, а теперь...» — и он развел руками в каком-то жесте. Когда Володя попытался как-то реагировать на конец фразы «а теперь...», начальник управления сказал: «Вы что, думаете, товарищ Балицкий (нарком внутренних

дел Украины) каждый день снимает трубку, чтобы мне позвонить?»

Вопрос стал ясен, была команда сверху, которую теперь никто отменить не может. Впереди были 10 лет лагерей.

Однако досрочно, в 1936 году Матиясевич был освобожден. Документально «механизм» освобождения мне неизвестен, но надо иметь в виду следующее. Руководителями многих лагерей в Сибири, естественно, стали выходцы из 5-й армии. Вернувшись из заключения, отец рассказывал Володе, что когда он приехал в лагерь, там все были поражены: как, Михаил Степанович?! Да не может этого быть!.. Ему были созданы облегченные условия пребывания в лагере. Очевидно, в армии о нем сохранилась добрая память, если и через 10 лет его помнили.

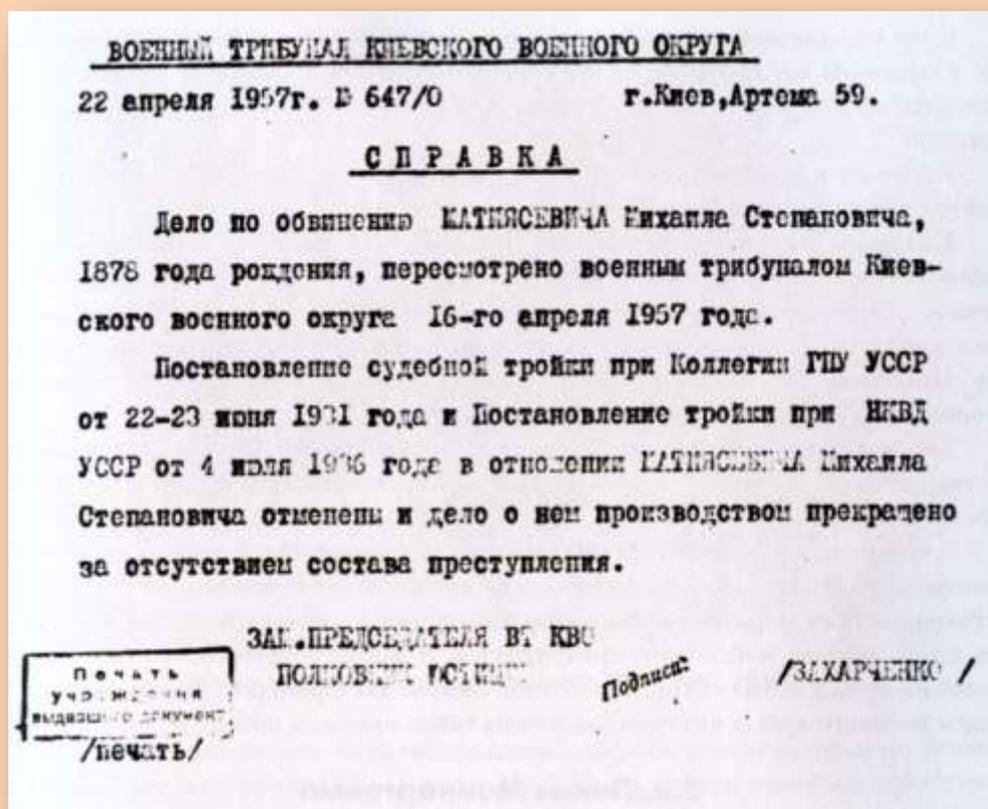
В 1936 году решением судебной тройки за отсутствием состава преступления отец был освобожден.

В 1936-1937 годах он читал лекции в Батайской авиашколе, а после ее расформирования в 1938 году читал лекции в Таганроге командирам запаса по линии ДОСААФ. 13 мая 1938 года был снова арестован, а в феврале 1940 года вновь освобожден за отсутствием состава преступления.

Вернувшись из заключения, бывший командарм не мог устроиться на работу. Ведь тогда в анкетах обязательно был вопрос: чем вы занимались до Октябрьской революции? Ага, служил в царской армии, а теперь сидел, раз и второй раз... и его никто не брал. Он не выдержал и написал письмо секретарю компартии Украины Н.С.Хрущеву. И тут произошла третья, тоже неофициальная благодарность за службу в Красной армии. Хрущев ответил: «Вы много сделали для Советской власти», — и дал команду о принятии его на работу.

Последняя его должность с марта 1940 года — инспектор военной подготовки учащихся в Киевском областном отделе народного образования.

5 августа 1941 года его не стало. И лишь 22 апреля 1957 года в Военном трибунале Киевского военного округа появилась запись: «Дело о Матиясевиче Михаиле Степановиче... производством прекращено за отсутствием состава преступления».

Такова, в общем, грустная история судьбы командарма Красной армии, действительно много сделавшего для победы. Он воевал, отдавая все свои силы и знания, но не за большевиков, а за новую, демократическую Россию, хотя и смутно представлял, какая она будет. Так же думали и многие

тысячи офицеров старой армии. У каждого была своя судьба. У некоторых она была более счастливая, чем у Матиясевича, У других — более трагичная.

Судьба отдельных офицеров являлась отражением трагедии Русской императорской армии, Красной армии и в целом трагедии Русской революции.

Трагедия старой армии, не раз защищавшей нашу страну от внешних врагов, в том, что она была полностью физически уничтожена. Этого не мог бы сделать злейший враг России, но смог сделать товарищ Ленин. Он реализовал свой призыв «Превратим империалистическую войну в гражданскую» и успел воспитать руководителей страны верными идее мировой революции.

В итоге офицеры Белого движения частично погибли в боях; оставшиеся в живых были вытеснены из России навсегда.

Офицеры старой армии, вступившие в Красную армию, также частично погибли в боях, остальных позже, в соответствии с моралью и глобальной целью диктатуры пролетариата, планомерно и беспощадно уничтожили (дело «Весна» и многие другие).

С тех пор далеких слово офицер-золотопогонник стало символом абсолютного зла, а офицеры как выходцы из буржуазно-помещичьего сословия, представители эксплуататорских классов навсегда стали классовыми врагами, подлежащими уничтожению.

Каким же в действительности было офицерское сословие, и что мы потеряли вместе с уничтожением Русской императорской армии?

В царской России, в соответствии с введенной Петром I «Табелью о рангах...», любой человек, получивший офицерское звание, становился личным дворянином. Личное дворянство передавалось также жене, но не детям по наследству. Дослужившись до чина полковника, человек становился потомственным дворянином. Потомственное дворянство передавалось жене, детям и далее по наследству. Дворянство давало некоторые привилегии.

Таким образом, в России все офицеры были дворянами. Однако, за исключением гвардейских офицеров, большинство из них не имели никакой недвижимой собственности.

А потеряли мы не только армию великих патриотов своей страны, умевших ее защищать, но потеряли создававшуюся в течение двухсот с лишним лет систему воспитания высоких морально-нравственных качеств: чести, верности присяге, верности слову, чувства войскового товарищества и многого другого, - что обобщенно можно назвать, как было написано в одной из книг для офицеров, священным сокровищем военного духа, в котором заключена тайна прочных побед.

5.3. Линия Маннергейма

В предвоенные годы мы, в то время студенты МИИГАиК, в большинстве комсомольцы, твердо знали: будет война с фашизмом — и готовились к ней.

В институте была хорошо поставлена спортивная работа, многие имели значки ГТО 2-й ступени и «Отличник» 2-й ступени (Серебряный номерной значок). В институте был 50-метровый тир. Мы хорошо стреляли из винтовки, выполняли норму упражнений «Классный стрелок». Сегодня ее мало кто знает, она была значительно выше, чем нормы «Ворошиловский стрелок» (четыре упражнения: стоя, сидя, лежа, с колена по 10 выстрелов на 50-метровой дистанции). Некоторые из нас окончили автошколу, учились в аэроклубе, прыгали с парашютом.

Когда в конце 1939 года началась война с Финляндией, мы между собой обсуждали это событие и решили: это еще не та большая война с фашизмом, к которой мы готовимся. Добровольцами от нас пошли только два студента: Ваня Ушаков и Ваня Копанцев.

Морозы стояли сорокаградусные. Слышали, что было много обмороженных, а война затягивалась. Поэтому решили создать комсомольский лыжный отряд: может быть, надо будет поехать на фронт.

Тренировались на территории дома отдыха «Ровки» под Москвой. Жили в неотопливаемых бревенчатых домиках. Было только два теплых места: небольшое помещение столовой, выгороженное в неработающей церкви, и одна комната в домике, где стояла железная печка, вокруг которой мы сушились и грелись.

Целыми днями гоняли на лыжах, главным образом военизированную 10-километровку. Винтовка, три гранаты и противогаз; на дистанции надо было преодолеть два барьера и бросать гранаты в окопчик с расстояния 25 метров.

Так выглядела война на нашем студенческом уровне. На фронте же тем временем попытка прорыва долговременной полевой обороны — линии Маннергейма²⁹, осуществлявшаяся после артподготовки путем стрельбы по площадям, была безуспешной. Наши войска понесли тяжелые потери.

Стало ясно: необходимы точные данные о системе обороны. С целью получения этих данных было произведено многократное фотографирование обороны на всю глубину. Для обработки и дешифрирования материалов съемки был создан Фотограмметрический центр, к работе в котором привлекали лучших специалистов аэрофотослужбы, а также военных топографов, артиллеристов, специалистов инженерных войск. В результате было определено точное местоположение всех важнейших элементов обороны (долговременных огневых точек, секторов их обстрела, искусственных препятствий и других объектов).

---

²⁹ Линия Маннергейма - глубоко эшелонированная система зарытых в землю и вырубленных в граните, соединенных подземными ходами сообщения фортов, состоящих из оснащенных пушками и пулеметами дотов и дзотов, сочетающаяся с искусственными и естественными противотанковыми и противопехотными препятствиями.

Элементы полевой обороны линии Маннергейма

Противотанковое орудие дота

Пулеметный каземат дота

Надолбы

Проволочные заграждения

Спланированная на основе данных аэрофоторазведки наступательная операция завершилась прорывом обороны. 12 марта 1940 года война была закончена.

То есть, для того чтобы вспомнили роль аэрофоторазведки при прорыве полевой обороны противника, потребовался жестокий урок, оплаченный кровью и жизнями красноармейцев и командиров. Соотношение потерь с финской и нашей стороны составило 1:6.

Братская могила бойцов и командиров 40-й Краснознаменной танковой бригады, поигбших во время советско-финской войны. Ленинградская область

Несмотря на такую «пиррову победу», руководителю операции — маршалу Советского Союза Тимошенко за взятие линии Маннергейма было присвоено звание Героя Советского Союза.

Скоро вернулся с фронта Ваня Копанцев, а Ваня Ушаков был ранен - лежал в госпитале, писал мне письма, предстояла операция руки, беспокоился — сможет ли летать (мы оба учились в аэроклубе «Метростроя»).

В читальном зале МИИГАиК, в центре читает Ваня Ушаков

Москва, 6-е
Сухоминский пер. 4
МУИТДик
Майншевскому А. М.

г. Вологда, н.п. 70.
Григорьев

Дорогой друг, Леня!

Спасибо за хорошие и так нужные
для меня письма.

Буду ждать от тебя письмо, в ко-
тором ты напишешь свои первые
мысли на самолете.

Мне наверное не удастся летать
вскоре с вами: после 2-х недель,
когда заживет рана на левой руке,
мне будет в смысле выдержки, хотя бы
сначала 2-3 часа своим размахом,
а затем, потребуется 2-х недель,
если не больше. Мамб.

Ну, ничего. А летать с вами буду
обязательно. Ужалею же.

Леня! Впервые в жизни познакомил
своего личного за таких фамильярных
ных ребят, как пойдешь к нам.

И за несколько дней до перемены!

Как же нужно ждать летать.

5.4. Роттердамский дневник

У моего брата Алёши была удивительная судьба и, думаю, счастливая.

В 16 лет он выдержал экзамен на право стать моряком. Спустя многие годы написал прекрасную книгу «По морским дорогам», выдержавшую уже три издания.

Книга Алексея Михайловича Матиясевича «По морским дорогам» обращена прежде всего к молодежи, к тем, кто выбирает жизненные пути. Вместе с тем она будет интересна любому читателю. Построенная на строго документальном материале, книга представляет собой ценный вклад в историю боевых действий подводных лодок Краснознаменного Балтийского флота и в историю освоения Арктики.

Командующий Краснознаменным Балтийским флотом в годы войны, доктор исторических наук, адмирал в отставке

В.Ф.Трибуц 29 марта 1977 года.

В книге Алексей Михайлович пишет о своем первом морском крещении.

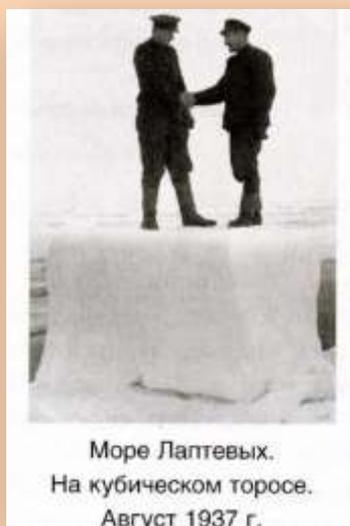
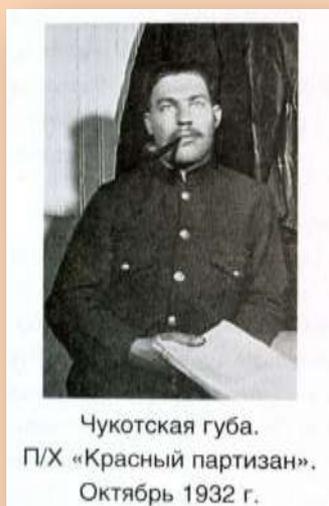
Это было в 1921 году на буксирном пароходе «Амстердам», шедшим из Архангельска в устье рек Оби и Енисея, в шторм; далее привожу Алёшин текст: «Амстердам» с трудом взбирался на гребень волны и затем стремительно летел вниз. Винт в это время бешено вращался в воздухе. Суденышко вновь подымалось на волну и почему-то в каждую третью или четвертую волну зарывалось носом. Огромный вал перекатывался через все судно, и в такой момент из воды выступали только мачты, труба и верхняя часть рубки». Алёша — матрос, стоит у штурвала, изо всех сил стараясь удержать судно на курсе, его непрерывно тошнит. Через два часа должна была прийти смена, но из кубрика попасть в рубку невозможно, все люки задраены. Прошло четыре часа, когда капитан, потомственный помор-беломорец, сказал своему помощнику: «Становись-ка на руль, надо дать отдохнуть парню, две рулевых смены выстоял в такую погоду. Зеленый моряк, рвет его, а дело не бросил, хорошо». Шторм продолжался, и они с помощником капитана простояли еще 20 часов за рулем, меняясь каждые два часа...

Потом был техникум речного и озерного плавания, Ленинградская мореходка, плавания матросом, штурманом, помощником капитана, капитаном. Арктические и тропические моря и океаны, зимовки в Арктике, участие в первой проводке Северным морским путем эсминцев из Европейской части Союза на Дальний Восток.

Проводка эсминцев «Войков» и «Сталин» по Северному морскому пути, справа виден пароход «Анадырь». 5 сентября 1936 г., пролив Вилькицкого

И вот после всего этого и многого другого Алёше пришлось, еще до начала Великой Отечественной, побывать на Второй мировой войне.

В апреле 1940 года группа моряков торгового флота выезжала из Москвы через воюющую Германию в мирную нейтральную Голландию для приемки и перегонки в Ленинград построенных по нашему заказу судов. Я провожал Алёшу на Белорусском вокзале. Это была наша последняя встреча до начала Великой Отечественной войны. Помню, купил ему в дорогу всяких продуктов в гастрономе № 1, находившемся в здании гостиницы «Москва». В 1940 году карточек уже не было, в Москве с продуктами стало лучше. Но в Киеве моя будущая жена — тогда школьница — простояла ночь в очереди, чтобы купить 100 граммов сливочного масла, больше в одни руки не давали. Люди считали: продукты «выбрасывают» в торговлю только тогда, когда немцы их забракуют и возвращают нам...

Алёша в командировке вел дневник, и хотя он уже опубликован в Алёшиной книге, привожу его полный текст здесь. Ведь мы так мало знали Вторую мировую войну, а здесь — канун Великой Отечественной.

1. На приемку судов

Все формальности закончены, каждый получил заграничный паспорт - «краснокожую паспортину», - и в путь!..

Большая группа моряков Балтийского пароходства отправлялась в Голландию, но на этот раз не обычным путем мореплавателей, а по суше - для приемки судов в Роттердаме и перегона их в Ленинград.

На западе уже шла война, но Голландия сохраняла нейтралитет и продолжала свою мирную торговлю.

Ранним пасмурным утром 20 апреля 1940 года поезд Москва - Берлин доставил нас в столицу Германии. Встречавшие нас товарищи из торгпредства сказали, что выехать сегодня же дальше на запад не удастся. Пришлось думать о ночлеге. Все гостиницы оказались переполненными, и нам с трудом удалось устроиться в отеле «Силезия» недалеко от вокзала. Остаток дня посвятили осмотру столицы.

Внешне жизнь в городе шла спокойно, не верилось, что страна ведет войну. На улицах встречались группы иностранных туристов. Огромные дилижансы, запряженные парой крупных сытых коней, развозили по городу любопытных путешественников, любителей старины, и гид спокойным монотонным голосом вел свой рассказ о примечательных местах, связанных с династией Гогенцоллернов.

Витрины магазинов были красочно убраны. Но все товары, за небольшим исключением,

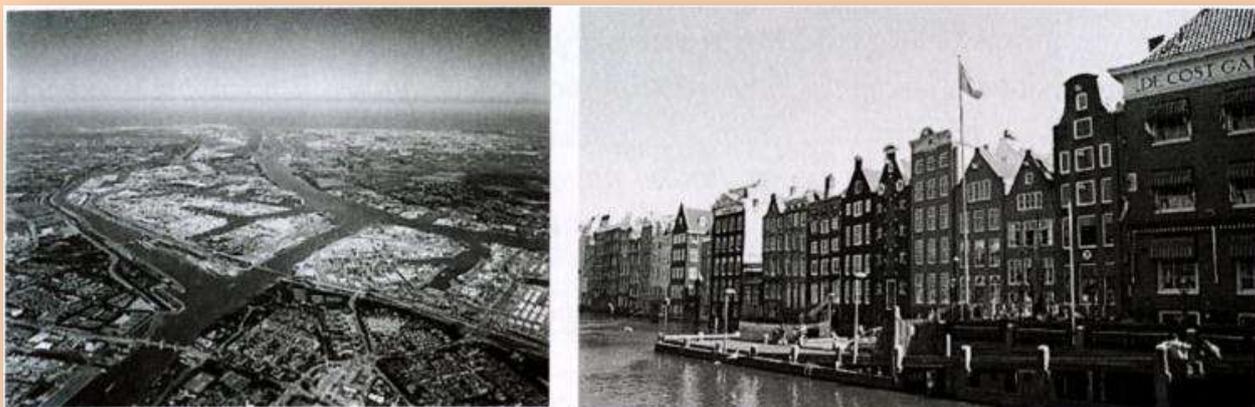
продавались по карточкам, у прилавков толпились женщины.

Большое впечатление на нас произвели парки города, содержащиеся в образцовом порядке...

На ночь окна отеля наглухо затемнили, кельнерша показала, куда укрыться на случай тревоги. Это была лишь формальность. Ночь прошла спокойно. На другой день мы выехали в Роттердам. За полчаса до подхода к пограничной станции в вагон вошло несколько полицейских. Они тщательно закрыли окна вагона плотными занавесками и предупредили, что отодвигать занавески и смотреть в окна небезопасно. Зажгли тусклые электролампочки. Один полицейский остался в вагоне, остальные удалились. По-видимому, немцы не хотели, чтобы посторонний глаз видел обстановку близ границы нейтрального западного соседа.

В Роттердаме целый день ушел на размещение по отелям. Наиболее многочисленная группа моряков поместилась в Гарвич-отеле на улице Вест зи Дайк. Его рекомендовали нам бывалые моряки. Хозяин отеля - старый морской волк, норвежец по происхождению - много лет проплавал боцманом на норвежских и голландских судах. Сколотил «небольшую деньгу», женился на молодой веселой голландке такого же огромного роста, как и он сам. Сначала у них было маленькое кафе-бар. С течением времени заведение расширилось.

На первом этаже отеля в зале с огромным зеркальным окном на улицу находился бар. В смежной большой комнате с окнами во двор, густо заросший кленами и мелкими фруктовыми деревьями, размещались столы для пансионата и бильярд. На втором и третьем этажах и в мансарде - жилые комнаты для приезжих, человек для шестнадцати-двадцати. Кухня и служебные помещения располагались в полуподвале, свет в них проникал через два окна, горизонтально вмонтированных в протуар. Для хозяйственных надобностей кухня сообщалась с баром и столовой маленьким лифтом.

Новый Роттердам

Мы были приняты на полный пансион. Это означало, что в половине восьмого утра мы получали сытный горячий завтрак, а в шесть вечера был обед-ужин. После завтрака все расходилось по заводам, где стояли наши суда. С собой брали бутерброды и кофе в термосах, чтобы «заморить червячка» в обеденный перерыв. День проходил незаметно, все много работали. Через два-три дня мы освоились с режимом дня, с голландской кухней и даже почти привыкли к ежедневной порции горячей овсяной каши по утрам.

Главными объектами приемки были новый 150-тонный плавкран и 70-тонный плавкран, уже бывший в работе. Здесь же, на верфи «Густо», построили по заказу СССР два 600-сильных буксирных парохода. Они были почти готовы к ходовым испытаниям, на них заканчивали покрасочные работы. Этим буксирам присвоили номера 15 и 16. Купили находящийся в эксплуатации третий буксир с громким именем «Аванти». Это был типичный речной буксир, малоприспособленный для морского плавания. Зато на нем имелось несколько жилых кают и маленькая кают-компания, в которой решили на время перехода установить радиостанцию - на других буксирах такой возможности не было. Суда стояли на разных верфях и в разной степени готовности. Голландские фирмы обещали закончить все работы к 6 мая.

Нашу группу моряков возглавлял капитан дальнего плавания Михаил Иванович Павлов.

Одновременно он принял на себя командование буксирным пароходом № 15. Его старшим помощником (и парторгом нашего коллектива) был Василий Николаевич Горохов, старшим механиком - Аркадий Александрович Тарасов.

В командование буксирным пароходом №16 вступил капитан Генрих Павлович Бютнер, его старшим помощником был Георгий Гладков, а старшим механиком - Тимофей Иванович Лобуко.

Я принял буксирный пароход «Аванти», моим старшим помощником стал Владимир Семенович Гинцберг, старшим механиком - Владимир Степанович Макурин. У нас же находился единственный радист группы судов Всеволод Порядин.

Большой кран принял капитан Александр Максимович Егоров, а малый - Иван Богданов.

Команда на суда была набрана из опытных моряков с расчетом на двухсменную вахту. Все работали дружно, хотели как можно скорее приготовить суда к выходу в море. О том, как развернулись дальнейшие события, расскажет дневник, который я вел день за днем:

«2 мая 1940 года. Вчера рано утром поехал в Амстердам на завод, где строятся для Советского Союза крупные пассажирские суда. Около полудня на новом турбоэлектроходе "Балтика» в торжественной обстановке подняли советский флаг. На митинге по случаю подъема флага выступили представитель фирмы, председатель приемочной комиссии Фомин, представитель Наркомвода Нефёдов и капитан Хабалов.

Это второй пассажирский турбоэлектроход, построенный для Балтийского пароходства; первый ушел с завода в декабре 1939 года. Пассажирские каюты, салоны, столовые, бары, музыкальный салон отлично отделаны. Не хуже отделка и в помещениях для экипажа. Судно построено крепко и, по всем данным, должно быть хорошим мореходом. Главный механик Александр Алексеевич Терентьев доволен машинной установкой и всеми вспомогательными механизмами. Мы с ним старые друзья, три года плавали на одном пароходе. Показывая мне машинное отделение, он с энтузиазмом объяснял преимущества турбоэлектрической установки перед обычной паровой машиной. На днях «Балтика» должна уйти в Ленинград. Пожелав «главному деду», как здесь все называют Терентьева, и капитану Николаю Алексеевичу Хабалову доброго пути, я вернулся в Роттердам.

4 мая. Оказалось, что на «Аванти» требуется большой ремонт и некоторые переделки для плавания в море. Ряд работ взялись выполнять своими силами.

7 мая. Провели испытания грузоподъемности большого крана, они прошли успешно. Но подготовка судов к выходу в море идет медленно. То одно, то другое не клеится. Решили сосредоточить все суда в одном месте на верфи «Густо».

8 мая. Монтаж радиостанции сильно затянулся. Радист Порядин усердно трудится вместе с двумя мастерами фирмы. Закончили приемку снабжения на переход. На заводе чувствуется какое-то тревожное настроение. Представитель Наркомвода Нефёдов сказал, что сегодня «Балтика» должна выйти в море.

9 мая. Продолжается монтаж радиостанции. Обещают закончить завтра к полудню. Без радио выходить в море нельзя. Если погода будет благоприятная, то, возможно, завтра вечером пойдем в Хук оф Голланд, маленький городок на правом берегу в устье реки Маас. Оттуда выйдем в море. В 17 часов во всех котлах буксиров заложили огни. Оставили на судах вахты. Завтра утром все должны перейти из отелей на свои суда».

2. Голландия «вступает» в войну

«10 мая. 22 часа. Сегодня произошли необычайные события, перепутавшие все наши планы. На рассвете мы проснулись от рева авиационных моторов и разрывов бомб: гитлеровские самолеты подкрались в ночной темноте к спящему и ничего не подозревавшему городу. Пикируя, они стали бомбить жилые кварталы, обстреливали их из пулеметов и пушек. Были сброшены сотни парашютистов.

Роттердам. После налета фашистской авиации. Май 1940 г.

Старый Роттердам был почти полностью уничтожен нацистами во время войны ковравыми бомбардировками. Отбомбившись по Роттердаму и продемонстрировав таким образом мощь Третьего Рейха, гитлеровская армия спокойно заняла Нидерланды, практически не встречая сопротивления.

После войны власти решили не восстанавливать старый облик города, а пригласить со всего мира модных архитекторов и предоставить им полную свободу действий. В считанные годы строители возвели нечто, напоминающее уменьшенную копию Нью-Йорка, Сиднея и Рио-де-Жанейро вместе взятых, то есть современный полис, начисто лишенный индивидуальности и даже европейского колорита.

Теперь нам стало понятно, почему перед голландской границей немецкая полиция плотно закрывала окна нашего вагона. С тех пор прошло около двенадцати суток, и вот сегодня гитлеровцы осуществили давно задуманное.

С крыши дома были хорошо видны бомбежка аэродрома Ваалхафен, высадка воздушного десанта и возникшая вскоре перестрелка на левом берегу Мааса.

Радио, обычно молчавшее в эти часы, внезапно ожило. Четкий голос диктора объявил о предъявлении Германией ультиматума и затем о вторжении на голландскую территорию немецких войск. Оказалось, что немецкий меморандум был вручен голландскому посланнику в Берлине через полтора часа после вторжения в Голландию. Какое вероломство!

Город переведен на осадное положение. На улицах проверяют документы чуть ли не у каждого прохожего. Попасть на верфь удалось с большим трудом. Администрация потребовала спустить пары и покинуть суда, так как верфь могла подвергнуться бомбежке. Сохранность судов она гарантировала, исключая, конечно, случай попадания вражеской бомбы.

К вечеру собрались все моряки, живущие в нашем отеле, но с другими отелями, где размещены наши, связи нет. На ночь оставили своих дежурных у входных дверей.

11 мая. Сидим в отеле. Подходить к окнам нельзя, патруль открывает стрельбу. Голландское командование сообщает по радио, что атаки немцев отбиваются успешно, и по-прежнему призывает население к спокойствию. На суда пробраться пока невозможно. Организовали свое дежурство в отеле.

12 мая. Некоторые районы города в руках немцев. На улицах идет перестрелка. Около полудня я и Горохов пытались пройти на завод. Отшагали много километров и даже переходили из района, уже занятого немцами, в район, контролируемый еще голландцами, но до завода так и не добрались. На одной улице, недалеко от вокзала, нас остановил солдат в голландской форме: «Немедленно уходите, сейчас тут будет бой». Солдат этот показался мне подозрительным, он неожиданно вышел из подъезда частного дома, мимо которого мы проходили. Я спросил по-английски: «А куда уходить?» Солдат неопределенно махнул рукой вдоль улицы. Понял ли он мой вопрос, неизвестно, но тут Горохов заговорил с ним по-немецки. Солдат весь преобразился и, посмотрев на ручные часы, на чистейшем немецком языке стал быстро объяснять, куда надо немедленно бежать. По-видимому, это был представитель «пятой колонны»; услышав безупречный немецкий язык Горохова, он принял нас за своих. Едва мы успели добежать до железнодорожной насыпи и укрыться за ней, как началась перестрелка. Шел бой за центральный вокзал. Усталые и голодные, мы вернулись в отель.

Сутра было несколько налетов. Возникли отдельные пожары. К вечеру прекратилась подача газа и электроэнергии. Чтобы приготовить нам обед, хозяйка ломала старые ящики и доски. К вечеру пожары усилились. Горят склады в центре города и казармы. Все магазины закрыты. Торговля приостановлена. Многие жители покидают город.

13 мая. К полудню открылись продовольственные магазины. Продают картофель, молоко. Нормы ограничены. Всюду огромные очереди. В некоторых районах нет питьевой воды. Завтра жизнь в городе должна пойти обычным порядком, все должны выйти на работу, атаки немцев отбиты. Так заявил по радио голландский генерал. На ночь оставили дежурных по этажам и у входных дверей. С нетерпением ждем возможности попасть на свои суда.

14 мая. 23 часа. Кругом пожары. Временами высоко в небо взлетают огромные снопы искр - это значит, что в горящем здании рухнули перекрытия...

Утром отправились на суда, но на верфь никого не пустили. Завод занят военными. Директор завода сказал Павлову, что наши суда все целы и, возможно, через день-два нам разрешат прийти на них, но может быть, и не разрешат. «Война. Буксиры и краны могут понадобиться нам самим, да и как вы теперь пройдете к себе на родину?» - заявил Мы попытались связаться по телефону с Москвой, но безуспешно.

Когда после очередной неудачной попытки попасть на свои суда мы сели обедать, рев моторов заставил всех выбежать на улицу. Самолеты шли группами низко над городом и спокойно, не встречая никакого отпора, сбрасывали свой смертоносный груз. В нашем доме вылетели стекла, и весь он так шатался, что оставаться в нем было рискованно. Хозяева отеля и все жильцы побежали в укрытие, в ближайший парк. Во всем доме остались Гинцберг, боцман Богданов и я. Одна бомба попала в соседний дом, половина здания превратилась в груды кирпичей. На перилах балкона второго этажа до самого вечера висел трупик мальчика лет пяти-шести. Он раскачивался на ветру, одежка крепко зацепилась за исковерканные перила и не давала ему упасть. Почти весь центр старого города разрушен и горит. Пожары никто не тушит. Население полностью деморализовано. Воды, газа, света - нет. С трудом разыскали несколько пачек свечей.

Часов в шесть вечера неожиданно заговорило радио: Голландия сдалась на милость победителя. В двенадцатом часу дня голландское правительство передало свое согласие на предложение немцев сложить оружие, однако это не приостановило варварского налета на город.

До позднего вечера мы ничего не знали о своих товарищах, которые жили в других отелях. Но постепенно все собрались у нашего гостеприимного норвежца. Многие прибежали полуодетыми, едва успев схватить свои вещи. Механик Владимир Степанович Макурин прибежал в одной майке с узлом на спине. В их отель попала бомба. Когда Макурин сбежал с последней ступеньки, вся лестничная клетка рухнула вниз.

Наш маленький отель не мог вместить всех. Пришлось укладываться на ночь прямо на полу или ложиться вдвоем на одной кровати».

3. В оккупированном Роттердаме

«15 мая. На суда нас все еще не пускают. Центральная часть города совсем разрушена.

Поднявшийся ветер усиливает пожары. Убирают трупы, увозят раненых. У моста через Маас мы увидели тела голландских пулеметчиков, погибших на боевой позиции. Одному пуля попала

в голову справа возле уха. Он уронил голову на руки, каска свалилась - в задней ее части была маленькая круглая дырочка. У другого пулеметчика весь затылок был залит кровью. Судя по всему, эти защитники родины стали жертвой подлых рук «пятой колонны». Когда вскоре мы проходили мимо этих пулеметчиков, головы их были покрыты свежими живыми цветами.

Город заполняется немецкими войсками. Идут - надменные, бодрым шагом. Движение на перекрестках регулируют немецкие солдаты. Голландских полицейских не видно, здание полиции разрушено. В центральный почтамт и в городскую ратушу попали бомбы. На наших глазах рушились целые здания. Борьба с пожарами ведется лишь в некоторых местах, в большинстве случаев она безуспешна. Немцы бомбили старательно, и калибр бомб был немалый. В одну воронку посреди улицы свалилось такси. Шофер встал на крышу кузова, и только его голова возвышалась над мостовой.

К концу дня в первом этаже со слабым напором пошла вода. Газа и света нет. Пишу при свече. Все наши люди целы. На ночь выставляем дежурных.

16 мая. Ночь прошла спокойно. Утром отправились на завод. Суда целы, но жить на них не разрешают. На «Аванти» работы по установке рации не производятся. Завод «Радио-Голланд» сгорел. Кто закончит монтаж станции - договориться не удалось. Павлов хлопчет о пропуске для поездки в Амстердам, где живут представители Машиноимпорта.

Наш отель оказался пристанищем для всех наших команд, но жить в такой тесноте долго невозможно. Вечером 16 человек, в том числе мой старпом, стармех и я, перебрались в отель «Маркони», недалеко от верфи «Густо», где стоят все наши суда.

В некоторых районах пошли автобусы, готовятся к работе трамваи. Пожары продолжаются. Всюду расклеены объявления о порядке поведения и жизни горожан.

19 мая. Капитан Павлов ездил в Амстердам и в Гаагу. Немецкое командование заявило, что о перегоне наших судов можно будет говорить дней через восемьдесят, теперь разрешение на выход в море надо получить от оккупационных властей.

Жизнь в отеле «Маркони» резко отличается от нашего пребывания у радушных простых хозяев пансионата. Отдельно стоящее четырехэтажное здание двумя сторонами выходит на площадь. В первом этаже размещается кафе-бар, на верхних этажах - номера на одного-трех человек. Плата за них в два раза дороже, чем в нашем прежнем отеле, но выбирать не приходится: в других отелях цены еще выше. Сразу мы почувствовали разницу и в питании. На Вест зиДайк была добротная домашняя голландская кухня. Кормили по-рабочему просто и сытно. А здесь типичный европейский ресторан. Хлеб нарезают так тонко, будто это сыр, и подают его только по специальному заказу.

Поговаривают о введении карточек на продукты.

21 мая. Наконец удалось связаться с Москвой. Готовим суда, чтобы можно было в любой момент выйти в море.

24 мая. Вчера оккупационные власти ввели карточную систему на мануфактуру, обувь, женское белье. Как это будет осуществляться, непонятно, ведь вся торговля - в частных руках. Сегодня в магазинах была неимоверная давка. К вечеру чуть ли не все магазины в центре города остались без товаров. Кельнерша отеля сказала, что хозяева товары прячут.

26 мая. Все суда готовы к плаванию. Но радиостанция на «Аванти» до сих пор не готова. Чувствуется, что кто-то умышленно тормозит работы. Сегодня получили перевод. Расплатились в отелях, и еще осталось денег дней на пять. Наш старый хозяин, бывший норвежский боцман, предоставлял нам кредит, без этого было бы туговато. Ночью было два налета англичан, но бомбили они с большой высоты, желаемого эффекта не получилось. В каналах и реке появилось много мин. При попытке пройти из Влардингена в Ваалхафен взорвались две баржи с углем. У нас угля на переход мало, но вынуждены, на всякий случай, держать котлы под парами. Хотели пройти в угольную гавань своим ходом, но капитан порта и немецкое командование запретили, ссылаясь на обилие мин.

27 мая. Приходил мастер с «Радио-Голланд», почти закончил радиостанцию, но после обеда заявил, что нет разрешения немецких властей на ее включение, собрал свои инструменты и ушел с судна. Налеты англичан продолжаются днем и ночью, бомбы попадают обычно в мирные дома. Бросают мины в реку и в каналы. Несколько мин упали возле наших судов. Продолжаются пожары, начавшиеся еще от немецкой бомбежки.

28 мая. По радио передали, что бельгийский король Леопольд просил немцев о перемирии, но

они потребовали безоговорочной капитуляции. Король согласился. Еще одна страна попала под фашистский сапог. Бельгия воевала всего 18 дней!

29 мая. Сегодня утром приходил гражданин, назвавший себя Юрием Павловичем Ткаченко. Среднего роста, крепкого сложения, черноволосый, с карими глазами, типичный Украинец лет 25. Одет в потрепанную, но чистую американскую робу. Весь его вид был какой-то пришибленный, заискивающий. Видно было его сильное волнение. Говорит: «Узнал от заводских рабочих, что вы собираетесь в Ленинград, возьмите меня с собой. Плавал я кочегаром на пароходе «Ударник» и в 1937 году по дуруости, да и чего скрывать, по пьянке, остался за границей. Свет хотел посмотреть. Что же, посмотрел. Жизни тут нет. Работы нет. Скакал с парохода на пароход. Платят мало, кормят плохо. Возьмите меня домой». Порекомендовал ему обратиться к нашему консулу в Берлине и дал адрес. Воспользуется ли он им?

Во второй половине дня приехал из Берлина наш вице-консул товарищ Фомин. Добирался на машине трое суток: всюду очереди на переправах через реки и каналы, так как мосты разрушены. Выход в море будет нам разрешен через несколько дней. Во что бы то ни стало надо увести большой кран.

30 мая. Дано разрешение мелким судам ходить по реке. В течение нескольких дней ее «утюжили» катерные тральщики.

31 мая. Сегодня все суда сходили в угольную гавань и приняли полный запас угля. Одновременно опробовали машины на всех ходах. Машины работали исправно.

Возвратились в заводскую гавань. Но жить на судах не разрешают. Оставляем на ночь только вахтенных.

3 июня. Английская авиация стала действовать активнее. Бомбы чаще падают в район верфи. Мы перебрались на свои суда. В течение дня машины держали в готовности. К полуночи буксиры и малый кран вывели из Роттердама вверх по реке на рейд против городка Айссельмонде. Большой кран пришлось оставить на верфи, так как провести его под неразведенными мостами нельзя, а разводные части мостов повреждены.

11 июня. Немцы ввели карточную систему на продукты. После предъявления наших паспортов получили продкарточки. Норма - 300 граммов хлеба и 55 граммов сахара на человека в день. За продуктами везде очереди. Был в старом отеле. Наш друг - хозяин отеля - с горечью рассказал, что норвежский король Хокон отдал приказ о прекращении военных действий на севере Норвегии и 10 июня отбыл в Англию. Об этом было передано по радио.

14 июня. Вторые сутки идет дождь. В судовых помещениях сыро и холодно. Каюты на буксирах расположены ниже ватерлинии, в большинстве из них нет иллюминаторов, а часть заварена на переход глухими заглушками.

Четыре дня тому назад Италия вступила в войну на стороне Германии. Это удар по Франции с юга. А сегодня вечером узнали, что в первой половине дня немцы вошли в Париж и подняли свой флаг на Эйфелевой башне.

16 июня. Рейд Айссельмонде. 23 часа. Пишу при керосиновой лампе. Динамо-машины не гоняем ни на одном судне: экономим топливо. День провел в Роттердаме. Идет второй месяц после памятного налета, а пожары еще продолжаются. Кофейная фабрика на улице Вест зиДайк была подожжена 14 мая, спустя месяц склад кофе еще продолжает тлеть, несмотря на то, что с четырех сторон его непрерывно поливают из пожарных шлангов. Жареный кофе испускает приятный запах, по мостовой течет настоящая кофейная река. А вот от других тлеющих развалин несет смрадом подгорелого мяса и еще бог весть чем. На голландском лайнере «Стейтендам», стоявшем у табачного склада, в результате попадания бомбы возник пожар. Команда открыла кингстоны и покинула судно. Лайнер сел на грунт, под килем было всего полметра воды. Догорал он вместе с табачным складом в течение целой недели. Сейчас его черный исковерканный корпус стоит у гранитной стенки.

Многие улицы в центре уже расчищены, и по ним среди завалов кирпичей бегут трамваи. Через мосты разрешается ходить с 8 до 22 часов. Они сильно охраняются. На берегах у мостов установлены зенитки. Почти во всех домах вновь вставлены стекла, разбитые при бомбежках зеркальные витрины магазинов заменены рамами с маленькими ячейками.

Наш небольшой уютный отель не узнать. Хозяин отеля, боцман, ходит насупившись. У него давние счеты с бошами, как называет он немцев, - еще с Первой мировой войны. Пароход, на котором он плавал, был потоплен в Атлантике немецкой подводной лодкой. Почти сутки плавал

боцман, держась за какой-то деревянный обломок, пока не был подобран английским патрульным судном. За то недолгое время, которое мы прожили в отеле, наши моряки подружились со старым морским волком, а ненависть его к гитлеровцам мы полностью разделяли.

Оккупационные власти предложили сдать все радиоприемники и опубликовали строгий приказ, запрещающий слушать всё, кроме передач по радиотрансляции. Но мужественный норвежец запрятал свой приемник и предложил нам приходить слушать Москву. (О том, как мы воспользовались его предложением, я записал позже, когда мы были уже в своих водах.) Тихий некогда отель превратился в шумный притон. К вечеру пивной бар и комната пансионата заполнялись до отказа - в основном немецкими солдатами. Когда наступало время передачи последних известий из Москвы, раздавался условный стук по металлической направляющей лифта, поднимавшего блюда из кухни в бар. Один-два наших моряка потихоньку уходили из зала, оставив на столике начатую кружку пива и недокуренную сигару или трубку. Надо было выйти во двор и незаметно попасть в кухню. Приемник был установлен в углублении под площадкой лифта и закрыт деревянным щитом. Чтобы пользоваться им, приподнимали лифт и тотчас выключали рубильник подъемника.

От места стоянки наших судов до подпольного приемника было далеко. Слушание радио преследовалось законом; нам, и в особенности владельцу приемника, не повезло бы, если б нас обнаружили. Однако желание послушать родную Москву было велико, и много раз мы пользовались предложением нашего старого любезного хозяина...

Много позже я узнал, что старый морской волк, люто ненавидевший фашистов, не сумел уберечься: весной сорок первого года он был арестован гестапо и расстрелян. Об этом рассказал мне капитан В.С.Гинцберг, вновь побывавший в Роттердаме в мае 1941 года.

18 июня. Получили новые карточки на хлеб, чай, кофе. Введен строжайший контроль за распределением продуктов питания. Однако втайне от оккупантов мелкие торговцы привозят многие продукты на шлюпках или моторных лодках прямо к борту. Целую неделю мы ели курятину, сделали большой запас яиц. Как сказал продавец, оккупационные власти потребовали сдать огромное количество кур и яиц и расплачивались по установленной ими мизерной цене рейхсмарками. Вот почему множество кур было срочно перебито и тайно распродано за полцены, но за голландскую или английскую валюту.

23 июня. Вчера в Компьене, близ Парижа, генерал Кейтель продиктовал французскому генералу Хюнтигеру жесткие условия перемирия и потребовал немедленного ответа. Сегодня радио объявило о подписании перемирия между Францией и Германией. Подробности не сообщались. Продолжается ли война с Италией - неизвестно.

25 июня. Рейд Айсельмонде. У нас торжественный день. В 15 часов 15 минут на всех трех буксирах подняли государственные флаги СССР. На малом кране состоялся короткий митинг. Выступали капитан Павлов и наш парторг Горохов: «Дело нашей чести - во что бы то ни стало выполнить задание родной страны».

Немецкое командование сообщило, что в конце недели наши суда, возможно, выпустят в море. Это всех приободрило. От сырости в кубриках, плохой воды, однообразного питания у многих членов команды начались кожные заболевания. Лечились своими средствами, но в конце концов пришлось прибегнуть к услугам береговых врачей. Им надо платить деньги - и немалые. Денег же - в обрез.

По радио передали, что вчера подписано перемирие между Италией и Францией.

27 июня. Рейд Айсельмонде. Сегодня у всех праздничное настроение. Капитан Павлов привез из Амстердама «Правду» за весь май и восемь дней июня, а также письма из дома. О событиях в Голландии наша печать пишет сдержанно. Сообщает только факты.

28 июня. Всю ночь никто не спал. Были непрерывные налеты, бомбили скопление барж на реке. Одна бомба попала в большую баржу с пшеницей, и вся река покрылась слоем зерна в 2-3 сантиметра. Несколько бомб упало в воду возле наших судов. Около двух часов ночи сорвало с якоря малый кран и понесло к стоящим ниже по течению баржам. Хорошо, что на всех судах поддерживали пар. Два буксира тотчас снялись с якоря, поймали кран и отбуксировали на новое место, ближе к берегу. Днем на всех судах нанесли яркие опознавательные знаки нейтрального государства, согласно постановлению СНК СССР. Завтра должны двинуться в путь - домой!

29 июня. Рейд Айсельмонде. Наконец-то получили карты на переход, но на них не нанесены минные поля в Северном море. А мины там ставили все воюющие государства. Надежда только на

малую осадку буксиров и кранов. Около двух часов пополудни снялись с якорей и пошли к верфи «Густо», где стоял большой кран. Неожиданно подошла шлюпка и с нее передали распоряжение капитана порта вернуться на прежнее место. О причинах ничего сказано не было.

30 июня. Задержка с выходом в море многим взвинтила нервы. Все сидят на судах в тревожном ожидании. Не унывает только машинист Николай Александрович Маренков. Он набрал с собой полчемодана книг и занимается учебой. При пересечении границ его книги доставили много хлопот таможене и полицейским. Они их тщательно просматривали, нет ли «коммунистической пропаганды», но все же ни одной не конфисковали. Теперь он времени зря не теряет, интенсивно занимается. (Впоследствии Маренков окончил высшее морское училище и плавал старшим механиком на судах Балтийского пароходства.) До сих пор никто не получил ответа из дома, хотя мы все отправляли письма на Родину еще месяц назад.

6 июля. Сегодня непрерывным потоком пошли в глубь страны по реке и дальше по каналам в Германию баржи с зерном и углем. Все запасы голландцев, которыми они собирались торговать, поддерживая, как и в Первую мировую войну, нейтралитет, реквизированы гитлеровцами».

4. В море

«15 июля. Роттердам, верфь «Густо». 23 часа. Полмесяца стоянки прошли однообразно и утомительно. Сырость в помещениях страшная. Шли дожди, так что выносить на палубу постельные принадлежности для просушки не всегда удавалось. У двух кочегаров опухли ноги. Единственная радость - радиопередачи из Москвы. Наладили свой приемник, но изредка ездили и к нашему норвежскому другу. Он выручал нас и продуктами, когда бывали задержки с получением денег. Сегодня немецкая печать сообщила, что войска всех видов готовы к нападению на Англию: «Момент нападения будет выбран лично фюрером». Военный комендант передал, что через день-два можно будет выйти в море. В конце дня получили распоряжение всем судам перейти на верфь «Густо». К 22 часам вся наша флотилия снова собралась в одном месте. Пополняем запасы воды и берем уголь с большого крана. Опробовали радиостанцию.

16 июля. Верфь «Густо». Наконец разрешили выход в море завтра в пять часов утра. Погода ожидается хорошая.

17 июля. Хук оф Голланд. 22 часа. В 5 часов 40 минут все суда, включая и большой кран, отошли от причалов верфи «Густо». Когда осталось две мили до выхода в море, наше движение остановил катер военного коменданта. Предложил вернуться в порт из-за начинающегося шторма. Действительно, ветер свежий. Крупная зыбь заходила далеко в реку, так что наши суденышки начало сильно покачивать. Стали на якорь. К ночи подошли к причалу в Хук оф Голланд. Стоянка и здесь беспокойна, течение и зыбь бьют суда о причал.

10 июля. Хук оф Голланд. Шторм. Довольно часто появляются английские самолеты. Ночью их встречают прожектора и пунктир трассирующих пуль. Бомбы сбрасывают лихорадочно, куда попало.

20 июля. Хук оф Голланд. Исполнилось три месяца, как мы выехали из Москвы. Пасмурно и холодно. Непрерывно дует свежий вест. Ночью снова налет. Осколки от зениток дождем сыпались на палубу. В устье реки набросали много мин. Вечером с моря пришли пять тральщиков и стали выше нас у причала. Во время налетов они обычно огня не открывают. Стоим в ожидании лучшей погоды.

21 июля. Хук оф Голланд. Около полуночи был налет «джонов», как тут называют англичан. Три самолета мы увидели в лучах прожекторов. Это звено летело прямо к нашим судам. Стрельба была сильная. Не выдержали и тральщики, открыли шквальный огонь всеми имеющимися средствами. Казалось, что собьют обязательно всех трех, но два самолета отвернули, а третий, сбросив бомбу на огромную береговую цистерну с горючим, вышел из пике и подался на левый берег Мааса. Бак моментально вспыхнул, и вверх поднялся столб пламени, затем началось спокойное горение огромного факела. Десятки лучей прожекторов, огонь трассирующих снарядов и пуль - все смешалось в разноцветном ярком фейерверке, среди которого изредка мелькали белые блестящие мотыльки - самолеты. Они кружили и то входили в пике, то взмывали вверх. Два ушли, а один долго летел на бреющем полете над левым берегом Мааса, но, внезапно вспыхнув, упал на дюны. Остальная часть ночи прошла спокойно. Погода по-прежнему ветреная. Крупная зыбь бьет суда о причал. Порвалось несколько швартовов, но уходить некуда.

22 июля. Хук оф Голланд. Утром заштилело, небо заволкло тучами. Зыбь еще держится, но тральщики пошли в море, в течение дня бункерные ямы на судах мы до отказа забили углем и на палубу большого крана погрузили в запас 33 тонны. К 20 часам наша флотилия была полностью готова к выходу в море. Метеосводка благоприятная, однако выход отложили до утра.

Военный комендант просил прибыть завтра к 9 часам для окончательного инструктажа и получения «добро» на переход.

23 июля. Хук оф Голланд. Погода отличная, почти штиль. Прогноз на два дня хороший. Только что вернулись от военного коменданта. Выход разрешен. После выхода в открытое море к нам должен подойти катер с дозорного корабля и вручить пакет с картой минных полей.

Главным пойдет «Аванти». Мы подадим буксирный трос на № 15, а он примет трос с большого крана, который и потащим двойной тягой. В кильватер большому крану пойдет буксир № 16 - он поведет за собой малый кран.

На «Аванти» возложена вся ответственность за морскую проводку. Навигационное оборудование наше самое примитивное - магнитный компас, ручной лот и секстан. На всем побережье маяки не горят. По нашим расчетам, скорость буксировки, даже при благоприятной погоде, составит 4-4,5 мили в час. Вести караван надо точно по рекомендованным курсам, иначе попадешь на минные поля, да и дрейфующих, сорванных с якорей мин в море много, надо смотреть в оба. В 10 часов 30 минут отдаем швартовы.

Северное море. 21 час. Как и было условлено, после выхода в море к борту «Аванти» подошел катер. Немецкий лейтенант передал рекомендованные курсы и сообщил позывные и длину волны, на которой можно вызвать немецкую радиостанцию, как он сказал, «в случае необходимости». Особо подчеркнул, что командование окажет всяческую помощь «в случае какого-либо несчастья» и даже вышлет санитарный морской самолет. Я поблагодарил его за столь неожиданное проявление заботы. Подали буксирный трос на № 15 и пошли в море. Слабый зюйд-вест не мешал нашему движению. Еще до сумерек встретили три плавающие мины и удачно их обошли. На воде много обломков и полузатопленных шлюпок без людей.

24 июля. Ночь прошла спокойно. Сегодня на рассвете, когда караван находился, по счислению, в районе обычного места стоянки плавмаяка Тексель, неожиданно появился военный самолет. Он пролетел над караваном, сделал круг и улетел в направлении Британских островов. Вскоре из-за облаков внезапно вынырнул другой военный самолет. Он сразу пошел в пике на большой кран и сбросил четыре бомбы. Они упали слева по борту на небольшом расстоянии. Мы не ожидали такого коварного нападения. Но когда самолет стал заходить для повторной атаки, начали поворот. Расчет летчика снова не оправдался, вторая серия из четырех бомб также упала в воду. Когда самолет в третий раз пошел на нас, я приказал всем укрыться внизу. В рубке остались я и матрос Канахин. Самолет пронесся на высоте не более пятидесяти метров над нами и прострочил крупнокалиберной пулеметной очередью нашу рубку и дымовую трубу. К счастью, ни Канахин, ни я не пострадали.

Пулеметная очередь прошла и через рубку буксира № 16. В руки и ноги капитана Генриха Павловича Бютнера впились сотни мельчайших осколков разрывных пуль. Немедленно первую помощь оказал ему старший механик Тимофей Иванович Лобуко, он же передал нам семафором о ранении капитана.

Самолет снова стал заходить для атаки. В это время нами была составлена радиограмма на английском языке, и радист Всеволод Порядин передавал в эфир:

«Всем, всем, всем! В Северном море военный самолет бомбит и обстреливает из пулемета караван советских судов, несмотря на ярко окрашенные опознавательные знаки и поднятые государственные флаги».

И снова «Всем, всем, всем...» неслось в эфир. В это время самолет зашел в четвертый раз, но, по-видимому, все боезапасы у него кончились, и он, проносясь на бреющем полете над караваном, на этот раз очень метко сбросил прямо на палубу большого крана несколько пустых винных бутылок, которые со звоном разбились, засыпав палубу осколками, но никому не причинили вреда.

Прошло несколько минут. Появился третий самолет. Порядин уже передавал несколько измененный текст: «Всем, всем, всем! В Северном море военный самолет бомбил и обстрелял из пулемета караван советских судов...»

Самолет пролетел над нами на небольшой высоте, сделал круг, качнул крылом и удалился в западном направлении.

Море было пустынным. Ветер стал свежеть. Среди белых гребешков волн проплывало много разных обломков и трупы людей. Легли на новый курс; наши маленькие суденышки стало мотать с борта на борт, а высокая стрела крана степенно, важно закачалась, как огромный маятник. Из-за малой скорости хода и большой парусности крана нас сбивало с курса. Мы непрерывно проверяли счисление пути и всеми возможными способами старались поточнее определить местоположение судов. Около полудня В.С.Гинцберг поймал проглянувшее из-за туч солнце. Получение обсервованной широты было для нас очень важно, чтобы выбрать правильный курс для входа на фарватер среди минных полей.

25 июля. Северное море. Прошла еще одна напряженная бессонная ночь. Приближались минные поля. Наконец мы обнаружили входной буй рекомендованного фарватера. Вести суда стало несколько легче.

Вблизи устья реки Везер нас встретил катер с лоцманом. Внезапно лопнул буксирный трос между «Аванти» и буксирным пароходом № 15. Поступательное движение крана почти прекратилось, сил одного № 15 хватало только на то, чтобы удерживать кран от дрейфа. Надо было немедленно подать новый трос. В этот момент подошел катер, и лоцман ловко перепрыгнул к нам на палубу.

Наши суда бросало, как скорлупки. Боцман Миронов, матросы Канахин, Уланов, свободные от вахт кочегары Черняев и Пономарев, кок Глушков под руководством старпома Гинцберга быстро приготовили трос, бросательные концы, манильский тонкий трос - проводник, кранцы.

В машинном отделении остались стармех Макурин и машинист Маренков, они обеспечивали реверс двигателя с максимальной быстротой. На руле и у машинного телеграфа остался один я. В этот момент на палубе был необходим каждый человек. На большом ходу, на очень близком расстоянии мы прошли с наветренного борта буксирного парохода № 15 и подали бросательный конец. Только благодаря слаженной работе всего нашего маленького коллектива с первого же захода удалось подать буксирный трос. Когда он натянулся и мы пошли вперед, немецкий лоцман, до этого молча наблюдавший за нашими действиями, заявил: «Отлично! И вовремя: до минного поля осталось пятьдесят метров!»

Ночь с 25 на 26 июля мы провели в устье реки Везер. Раненого капитана Бютнера перевезли на большой кран. Все буксиры пополнили запасы угля с крана. По просьбе лоцмана подошли к немецкому сторожевому кораблю для получения информации на дальнейшее следование.

Командир сторожевика пригласил меня к себе в каюту, поздравил с благополучным, переходом. На груди командира красовались два Железных креста, его лицо от скулы до виска пересекала красная полоска шрама. Он был очень весело настроен. Переводчиком с немецкого на английский был лоцман. Командир заявил, что с Англией скоро будет покончено, и тогда они годик как следует отдохнут. Ну, а затем снова будет большая война. При этом он лукаво подмигнул и дико захохотал.

Наглый, самоуверенный вид этого молодчика был крайне неприятен. Я поспешил откланяться и вместе с лоцманом вышел из каюты. Все формальности были быстро закончены, и мы отошли от борта...»

На этом заканчиваются записи в моем дневнике. Мы благополучно вошли в реку Эльбу, а затем в шлюз Брюнсбютеля при входе в Кильский канал. Здесь нас встретили представители советского консульства в Берлине. Капитана Г.П.Бютнера тотчас увезли в госпиталь, где ему оказали квалифицированную медицинскую помощь. После удаления осколков Генрих Павлович почувствовал себя лучше. Врачи предложили капитану остаться в госпитале, но он потребовал, чтобы его отвезли на судно. Когда вернулся, сказал: «Это все же наша, советская территория, здесь быстрее поправлюсь, чем в немецком госпитале. От этих провокаторов всего можно ожидать».

28 июля на рассвете раскрылись шлюзы в Гольтенау, трудный путь по каналу с кранами на буксире закончен. Балтика встретила нас ласково, было солнечно, слабый юго-западный ветер не затруднял движения, и караван шел со скоростью до 6 узлов.

Для пополнения запасов угля и воды зашли в Лиенаю. В Латвии только недавно восстановили Советскую власть, и приход нашего каравана вызвал большой интерес у местных жителей.

Следующий заход был в Таллин. Здесь также к нашим судам был проявлен повышенный интерес. Портовые рабочие, администрация - все интересовались, как мы прошли через зоны воюющих государств, расспрашивали об условиях жизни и работы на судах в Советском Союзе.

Переход из Таллина прошел быстро и весело, - ведь мы приближались к родному дому.

В первых числах августа мы благополучно прибыли в Ленинград. Сияло мирное солнце, и ничто не говорило о том, что не пройдет и года, как вероломно развязанная гитлеровцами война опалит любимый наш город, фашисты подойдут к нему вплотную...

Отправившись во вполне мирную командировку, Алёша встретился с настоящей войной и коварством фашистского «союзника», а из разговора с командиром фашистского сторожевика следовало, что уже в 1940 году у определенной части командного состава фашистских войск не было сомнений в том, что после разгрома Англии на очереди Советский Союз. Но Гитлер изменил очередность решения этих задач.

По возвращении в Ленинград Алёшу пригласили на медкомиссию — здоровье оказалось отличным. В конце 1940 года он был зачислен на Высшие специальные классы командиров подводных лодок.

Впереди была напряженная работа, чтобы овладеть новой профессией — командира подводных кораблей, — и годы Великой Отечественной войны.

5.5. По спецзаданию

Накануне Великой Отечественной войны я учился на аэрофотогеодезическом факультете Московского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии — одного из старейших вузов России, отпраздновавшего уже свое 230-летие.

Однажды, в конце марта 1941 года, мы вышли на перерыв после лекции, и вдруг нашу учебную группу приглашают зайти в кабинет директора института (тогда еще должности ректора не было). Абрам Иванович Мазмишвили, пользовавшийся всеобщей любовью студентов и читавший у нас курс «Способ наименьших квадратов», сказал нам примерно так: «Партия и правительство оказали нам высокое доверие, сейчас вы пойдете по такому-то адресу, с вами там будут беседовать, и я надеюсь, вы будете достойно отвечать, не уроните честь Института».

Вместо занятий мы поехали по указанному адресу. Там работала комиссия из нескольких военных. Беседовали с каждым из нас отдельно, спрашивали, какими геодезическими работами мы владеем и согласны ли выехать на оборонительные работы. Мы после второго курса хорошо знали все геодезические работы; в период летних каникул различные организации охотно приглашали нас на съемки. Естественно, и здесь мы давали согласие, там же садились, заполняли анкеты, писали автобиографии и заявления о принятии на работу.

Все было быстро оформлено, и уже 4 апреля 1941 года наша бригада — две Нины — Аигина и Ковалёва, Дима Колобанов, Женя Микулин и я — экспрессом № 1 Манчжурия — Чижов, с командировочными предписаниями: «для выполнения спецзадания» и пропуском через старую границу — выехали в Белосток. Там в одной из гостиниц находился штаб всех работ в Западной Белоруссии. Мы быстро получили новенькие геодезические инструменты, к нам присоединился в качестве старшего военный топограф — капитан, слушатель Военно-инженерной академии имени Куйбышева, и мы выехали на наш объект № 227.

Официально у нас был 12-часовой рабочий день, без выходных. Фактически полевые работы мы вели все светлое время суток, камеральные работы выполняли иногда и ночью.

К маю съемка была завершена, и был привязан к местности проект стационарного аэродрома; началось его строительство. На строительстве столько геодезистов не нужно, и троих из нас: обеих Нин и Диму отправили на другой объект — в город Брест. Мы с Женей немного завидовали им, хотелось посмотреть новые места.

Начальником строительства был старший лейтенант госбезопасности, рабочими — заключенные, приговоренные к исправительно-трудовым работам (мы тогда этого не знали). Охраны никакой не было, и бежать там было некуда.

Строительство велось в три смены. Мы с Женей выполняли все геодезические работы. Наш капитан фактически стал помощником начальника строительства, появилось огромное количество административно-хозяйственных дел: карьеры, автомашины, наем рабочих из числа местных жителей, взаимодействие с местными властями и т.д. Мы в этом не участвовали, но слышали-видели, что все это шло с большим напряжением.

Быстро были завершены земляные работы, началась укладка бетона во взлетно-посадочную полосу, рулежные дорожки и стоянки самолетов.

В мае над нами начали пролетать двухмоторные самолеты на большой высоте, думали — наши, но потом нам сказали: это немецкие разведчики.

Так незаметно наступило 22 июня, оказавшееся не только датой начала войны, но и начала моего пути в Москву.

Вначале мы предполагали: может быть, это пограничный инцидент, и теперь будем работать еще интенсивнее, чтобы скорее закончить строительство. Когда же стало ясно, что это война, мне хотелось скорее вернуться в Москву, чтобы закончить аэроклуб и стать летчиком. Но все равно оставался какой-то неприятный осадок: люди воюют, а ты уезжаешь, вроде как бы дезертируешь, неловко писать об этом. Но все же по совету товарищей решил написать — всякая информация очевидца о первых днях войны представляет определенный интерес.

Итак, для начала — хроника событий 22 июня.

Проснулся около 4 часов утра, слышался очень отдаленный гул артиллерийской стрельбы. Вдалеке шли двухмоторные самолеты, около них вспыхивали разрывы артиллерийских снарядов. Наверное, это было в районе Гродно, ближайшего к нам большого города. Подумал: начались большие маневры, о которых писали в газетах. И мы с Женей начали поверку геодезических инструментов. Закончив ее, около 7 часов утра решил пойти в штаб стройки.

В Польше и Западной Белоруссии была хуторская система сельского хозяйства. Наш объект находился в населенном пункте Сколубово, но никаких улиц я там не помню. Мы жили в большом доме большой белорусской семьи, и рядом не было никаких других домов. Кругом слегка всхолмленная, ровная местность, в основном пшеничные поля. Штаб стройки находился примерно в километре, по едва заметной грунтовой дороге. Был в населенном пункте и костел, в праздничные дни со всех сторон к нему тянулись люди.

Штаб стройки размещался в большом здании хозяйственного назначения - стены из дикого камня, высокая, овальная, как у ангара, крыша из оцинкованного железа. Под ней были нары в два этажа, где жили рабочие. Внизу кухня, склады, какие-то служебные помещения. Большой двор, огороженный забором из мощных железных прутьев. Во дворе - длинные деревянные столы и скамейки вдоль них, использовавшиеся как столовая. Очевидно, это было хозяйство крупного землевладельца. После занятия Белоруссии крупные хозяйства были реквизированы, остались землевладения размером, по-моему, не более 25 гектаров.

По дороге в штаб вдруг мимо меня на высоте 20-30 метров пролетели два остроносых истребителя. Удивило: на маневрах бывают красные и синие, но зачем на фюзеляже крест, на хвостовом оперении - свастика. Подлетая к штабу, очередью из пулеметов они прострочили крышу - были ранены отдыхавшие там рабочие.

Радио у нас не было, телефонный провод ночью кто-то обрезал. Начальник и наш капитан пытались утром проехать в Гродно, но шоссе непрерывно атаковали немецкие самолеты, и они решили вернуться.

Увидев, что ситуация серьезная, я быстро вернулся домой, рассказал Жене, мы собрали свои немногочисленные вещи. Наша хозяйка, тетя Даша, дала нам по кружке молока. Сказали ей: если все будет нормально, вечером вернемся, и ушли в штаб. Туда же приехали на двух ЗИСовских грузовиках красноармейцы взвода, с командиром которого — младшим лейтенантом, мы дружили. Одеты они были в авиационную форму, но чем здесь занимались, мы не знали. Позже в тот же день оказалось, что у них были цистерны с бензином, которые они охраняли. А уж много позже, когда я узнал наземные авиационные службы, понял - это был взвод батальона аэродромного обслуживания (БАО), и завезли сюда бензин еще до того, как был построен аэродром. Вот какая оперативность! Но для чего?! На одну из машин положил свой рюкзак, в котором, кроме вещичек, были кое-какие второстепенные документы. Себе оставил только паспорт, командировочное предписание и комсомольский билет. Я был в лыжном костюме, лишних карманов не было.

Кроме взвода красноармейцев в штаб пришли и два местных милиционера.

Около 12 часов начальник все же решил пробиваться в Гродно. Мне выдал новенькую винтовку с тремя подсумками на командирском ремне и поручил: по мере возвращения в штаб грузовиков и подхода рабочих сажать рабочих в кузов и отправить в лес на берегу Немана, чтобы не рисковать здесь в случае нового налета фашистских самолетов, а на ночь можно вернуться, вот и все

инструкции... Они с капитаном погрузили сейф в пикап и уехали. Остались мы с Женей за начальство — все-таки техники, а остальные — рабочие.

Машин на стройке было очень много, в основном газогенераторные полуторки, работавшие на деревянных чурках, и я действительно в течение дня много отправил машин с людьми на берег Немана. Но это была, так сказать, постоянная работа, нештатные ситуации начались вскоре после отъезда начальства.

Молодой парень, поляк, работавший по вольному найму водителем, машина которого что-то барахлила и стояла во дворе, запустил ее и попросил у меня разрешения выехать заправиться чурками. Я разрешил. Сушка чурок была вне двора, по ту сторону забора. Мы стояли с Женей у деревянного стола во дворе и о чем-то разговаривали. В это время в столовой раздались какие-то крики, ругань, а машина, заправившись чурками, поехала почему-то не в ворота двора, а в противоположную сторону. Я в спешке говорю Жене: «Посмотри, что там, в столовой, а я посмотрю, куда он поехал». Выбегаю за ворота: «Стой! Стой!» — Он уже скрывается за ближайшим холмом. Стреляю в воздух, бегу... Красноармейцы взвода, услышав выстрел и увидев, что я бегу, человек пять бегут за мной и открывают беспорядочную стрельбу. Не знаю, в кого они стреляли, но пули свистели мимо меня. Машина скрылась, взбегаю на бугор, вдалеке машина на дороге, красноармейцы тоже подбегают; залегли, стреляем, видно, как подымается пыль на дороге от пуль. Подбегаем к машине — водитель под машиной бледный, как белая бумага — это не та машина. Ту парень, хорошо зная местность, прямо без дороги угнал в другую сторону. Эта машина возвращается из Гродно, эвакуировала отделение милиции. Смотрю — в кабине пачка новых советских паспортов, очевидно, в суматохе потеряли.

На дороге появляется еще одна грузовая машина, полная людей в форме. Настроение у всех уже взвинченное, залегаем, винтовки в готовности. Все ближе, ближе... Видим, милиционеры. Подъехали — оказывается, эвакуируется школа милиции.

Вскоре после этой беготни со стрельбой прямо над нами на малой высоте в крутых виражах схватились И-16 и «мессершмит». Мы, человек десять, успеваем один раз выстрелить по фашисту, но все происходит молниеносно: дав очереди из пулеметов, они разлетаются в разные стороны.

Часа в четыре приезжает танкетка, пулемет зачехлен, один водитель, документов нет. Расспрашиваем. Говорит: стоял в заставе на границе, стали стрелять из пушек, пришлось уехать, кончился бензин, просит заправить. Вот тут я узнал, что у взвода был бензин — заправили.

И, наконец, еще позже приехал мотоциклист из Гродно с запиской секретаря горкома партии начальнику строительства, просит дать машину для эвакуации партийных документов. Проверил — удостоверение народного судьи. Подошла очередная машина, погрузили в нее мотоцикл и отправили ее в Гродно.

Дело шло к вечеру; говорю Жене: «Что-то ничего не слышно с берега Немана, поезжай туда, а я, если больше не будут подходить люди, через часок тоже приеду посмотреть, что там делается». И Женя уехал, а встретились мы с ним лишь много позже и уже в Москве.

Наконец, когда осталось пять или шесть человек рабочих, к ним присоединились два милиционера, и мы отправились в лес на Неман. Перед отъездом я сказал командиру взвода: «Посмотрю и скоро вернусь». Рюкзак я оставил в их машине.

Случай много раз играл серьезную роль в моей жизни. Так было и тогда. Недалеко от нашего объекта проходила железная дорога; на переезде через нее мы встретились с мотоциклистом, который вез распоряжения начальника строительства: всем эвакуироваться в город Лиду. Выехали бы мы на несколько минут раньше, встреча бы не состоялась, и я вряд ли писал бы сегодня эти воспоминания.

Приехали в лес и никого там не нашли, куда и почему они уезжали, не знаю, ведь у них не было ни документов, ни денег. Судьба их неизвестна.

Поехали по шоссе, ведущему на Лиду. Я в кабине, остальные в кузове, наблюдают на все четыре стороны, как только обнаруживают самолет, стучат по кабине, глушим мотор и в рассыпную от дороги. После пары таких пробежек решил, пока светло, ехать по проселочным дорогам. Хорошо, что водитель знал этот район. Когда стемнело, выехали на магистраль. Дорога шла среди высокого леса. Водитель Ваня предыдущую ночь работал на карьере и сейчас засыпал, при этом поворачивал руль вправо, я его задерживал. В конце концов, сказал: «Ваня, я ездил только на легковой машине и очень давно, но давай попробую». Поменялись местами, я немного «подергал» машину, а потом поехал, и так до утра.

Утром — самолет, и мы съехали с шоссе к опушке леса, рядом пристроилась тяжелая

бронемашина. Я хотел стрелять по самолету, но посмотрел: слишком далеко — и не стал. Из броневика вышел майор с двумя шпалами, вынул наган и разрядил весь барабан, целясь в самолет. Вот такой уровень знаний!.. По иронии судьбы, в тот же день я еще раз встретился с членом экипажа тяжелой бронемашинны.

В Лиде поехали прямо в управление НКВД, чувствовалось, обстановка там напряженная. Я доложил какому-то старшему лейтенанту, что мы с такого-то объекта и нам приказано эвакуироваться в Лиду. Он сказал: «Машину поставь там, сами - на вокзал и эшелон в Минск». Времени заниматься с нами у него не было.

Пошли на вокзал, я гражданский, но с винтовкой, прямо к начальнику: «Когда будет эшелон на Минск?» — «Не раньше ночи, где-то разбомбили дорогу, идут восстановительные работы». Сидеть до ночи здесь мне не нравилось, и я решил попросить у старшего лейтенанта нашу машину. А рабочие и милиционеры ходят за мной, как цыплята за квочкой. Пришли в управление, нашел старшего лейтенанта, объяснил ситуацию. Он совсем рассвирепел, увидел милиционеров: «В оперативную группу. А тебя, — это ко мне, — чтоб я больше не видел! Посажу!»

Делать нечего, и я решил пока выйти из города на шоссе, ведущее в Минск. Запомнились глубокие канавы вдоль шоссе, и мы удобно у ourselves на краю канавы, свесив ноги. День был солнечный, тепло и даже жарко, я ведь в лыжном костюме и лыжных ботинках. Не успели мы особенно расслабиться, как послышались звуки моторов, и стала приближаться большая группа пикирующих бомбардировщиков Ю-57. Они по очереди, два или три (не помню) самолета пикировали на город и сбрасывали сразу по несколько бомб. На поле рядом с нами стояла тяжелая зенитная пушка, один самолет пикировал на нее и пролетал над нами на небольшой высоте, я успел поставить на прицельной рамке соответствующее деление прицела и выстрелил по нему, он дернулся, возможно, пуля прошла через кабину или где-то близко.

Все происходило, как на учении, за несколько минут самолеты разгрузились и ушли, в городе пылали пожары, оттуда на бешеной скорости выскакивали автомобили. Мы поняли: здесь нам больше делать нечего, встали и пошли по шоссе.

Вдруг нас обогнала легковая машина М-1 и остановилась у обочины. Из нее вышел человек без знаков различия, но в военной одежде: сапоги, галифе, френч - как до войны было принято. Он подошел ко мне и стал требовать винтовку. Я ему показал свое удостоверение, он его бросил, я возмутился: «А вы кто такой?» Он показал свое удостоверение — «начальник Военторга»; это было мое первое знакомство с этим учреждением. Начальник хватает левой рукой за ствол винтовки, я не отдаю, перетягиваем. Тогда он достает из кармана галифе наган. В это время подъезжает еще одна машина М-1, в ней полковник с четырьмя шпалами. За машиной тяжелый броневик. Я понимаю, с этим торговцем ни до чего не договоришься, и бросаюсь к полковнику объяснить ситуацию. Но полковник знает, конечно, начальника Военторга, тот ему говорит что-то. Полковнику некогда, он дает команду экипажу броневика, и обе машины М-1 уезжают. Из броневика выходит кто-то из членов экипажа, берет мою винтовку, достает наган и ведет меня по тропинке в сторону от шоссе.

Вообще я не ругался, но тут дал себе волю, сопровождающий вроде даже и сочувствует мне, но наган держит наготове. Из кустов поднимаются секреты. Наконец в лесу мы приходим в распоряжение какой-то части. Меня вместе с винтовкой передает какому-то лейтенанту. Я ему все рассказываю, он как будто верит, но сам принять решение не может. Оставляет у себя мою винтовку, вызывает красноармейца с винтовкой и тот меня куда-то ведет. Шли долго, через лес, даже проходили какую-то деревню. Слышу звук авиационного мотора. Вот в просвете между кронами Деревьев появляется самолет У-2, и красноармейцы открывают по нему огонь, не зная самолетов, решили, что он немецкий. Вот пришли в какое-то место, где много военных, оживление, очевидно, штаб, но красноармеец не находит того, к кому меня вел и решает вернуться обратно. К лейтенанту присоединяются еще несколько молодых лейтенантов; рассказываю об институте, кто-то его знает. В общем, начался Дружественный разговор, объясняют, как мне лучше добираться до Минска. Но лейтенант (очевидно, контрразведка, и посылал он меня к начальнику) говорит: «Винтовку тебе не отдам, скажешь, сдал уполномоченному части номер такой-то».

Я записал номер на своем командировочном предписании. После войны попросил Знакомого, работавшего в Подольском архиве, узнать, что это за часть. Оказалось, это дивизия, числящаяся в списках, но в дальнейшем в боевых действиях Великой Отечественной войны не участвовавшая. Надо думать, они готовились встретить фашистов под Лидой и стояли там насмерть...

Снова вышел на шоссе и пошел в сторону Минска. День был длинный, все еще ярко светило солнце. И вот тут я увидел картину, подобную которой за всю войну больше не встречал. Где-то за Лидой поднялся высоко в небо, по-моему, светло-серый (уже забывается) мощный столб с резко ограниченными краями, завершающийся на большой высоте огромной темной шляпкой. Ее прорезали, как молнии, зигзаги красного цвета и из нее падали вниз какие-то предметы. Все это продолжалось довольно долго. Похожую картину видел много позже, только при атомных взрывах. Предполагаю: взорвался большой склад артиллерийских боеприпасов. Но кто его взорвал? Мы, немцы, диверсанты? Это было 23 июня под Лидой.

Голосовал. Но машины не останавливались. Проехал немного на какой-то пушке, которую тащил тягач на гусеничном ходу — артиллеристы не возражали, но скорость меня не устраивала. Наконец остановилась полуторка, и я быстро забрался в кузов, там было человек пять. Поехали, но что-то у водителя не ладилось, он часто останавливался и не мог понять, в чем дело. В одну из таких остановок я вылез из кузова и предложил ему свои «услуги». Он согласился. Я сел за руль и через некоторое время понял, в чем дело. «Барахлила» почему-то ножная педаль газа. Но у этих машин у руля был рычажок, с помощью которого также можно было регулировать подачу газа. Пользуясь им, я без перебоев проехал всю ночь. Оказалось, эта машина из авторемонтных мастерских, а он не водитель, а слесарь. Утром в каком-то придорожном поселке встретились другие машины мастерских, и все они должны были ехать куда-то в другое место, мне не по пути. И тут произошел второй благоприятный для меня случай.

Я остановился в поселке у края дороги. Передо мной стоял автомобиль, в котором стройными рядами сидели красноармейцы, все в касках. Вышел из машины, и бросился ко мне их командир — младший лейтенант: кончился бензин, мол, дай заправиться. Я сразу спросил: «А меня возьмете?». Он сказал: «Да». И тут же я бросился к хозяину машины, объяснил, в чем дело, и попросил дать бензин. Он согласился. И я, сидя среди дисков от ручного пулемета, продолжил свой путь к Минску. Ехали прекрасно. В одном месте у дороги валялись две бочки, полные бензина — заправились. Доехали до большой развилки, одна дорога — на Молодечное, другая — на Минск. Географию этого района я представлял плохо и решил: мне сказано ехать в Минск, как же я поеду в Молодечное, куда ехала машина лейтенанта — поблагодарил его и слез с машины.

На перекрестке машин долго не было. Невдалеке стоял отдельный дом, решил зайти туда. Пожилая женщина пекла в русской печи блины. Забеспокоилась — вот война... Я не представлял себе, что здесь будет в ближайшие дни, успокоил ее: будут бомбить города, а вам здесь нечего беспокоиться. Она угостила меня блином, но тут в окно я увидел колонну машин. Поблагодарив женщину, быстро сложил блин в четыре раза, сунул в карман и побежал на дорогу. По внешнему виду понял, едет такой же объект, как наш. Люди стояли в кузове вплотную. Все же одна машина остановилась, и я быстро в нее забрался. На всех объектах работали наши студенты, но кто работал здесь, я не знал. Судьба смеялась надо мной — колонна поехала не на Минск, а на Молодечное. Потом я понял: они тоже ехали в Минск, но вблизи Молодечного был пропускной пункт через старую границу. Выехали на кольцевую дорогу вокруг Минска. Налет авиации — свернули с дороги к опушке леса. Я прилег на траве и... заснул. Проснулся — ни машин, ни людей.

Вышел на дорогу, вскоре появилась машина этого же объекта, ездившая по каким-то делам, она привезла меня в лес, где разместились все машины и люди. Познакомился с начальником объекта — майором госбезопасности. Он собирался ехать в город, я хотел поехать с ним, но майор меня не взял. Вскоре вернулся, в Минске связаться с Москвой не удалось. А я тем временем встретился, наконец, с нашими ребятами — Ефимом Гуревичем и Шильнековской (имя уже не помню, она с другого факультета). Всю ночь проговорили. В Минске мне делать нечего. Утром поехал с ними дальше. На дороге уже много беженцев, идущих на восток. Доехали до Борисова. Там майору, наконец, удалось связаться с центром. Получил приказ ехать почему-то в Гомель. Спросил, как быть мне. Он сказал, раз из Москвы командировали, туда и возвращайся. Распрощался с ними и моими товарищами и пошел на станцию.

Пришел на станцию. Медленно проезжает грузовой состав, двери одного вагона открыты: охрана, красноармейцы. Попросил, чтобы взяли меня, подали руку, успел вскочить. Рассказал им, откуда и что там видел, и заснул на сене. Проснулся в Орше, состав на запасном пути, никого нет. Воздушная тревога — выскочил из вагона, рядом щель — я туда. Небольшая бомбежка, отбой. Спрашиваю, как пройти на станцию. «А, ты не знаешь, как пройти на станцию... Документы!..» Все в порядке. Проверявший говорит: «Ты не обижайся, у меня самого сегодня уже два раза проверяли».

В Орше познакомился со старшим сержантом, окончившим летное училище, который ехал в ту же сторону, что и я, в поисках своей части. На сержанте пилотка, тогда еще малознакомая, на рукаве гимнастерки — крылышки, в общем, вид роскошный; с собой маленький деревянный чемоданчик. Мы довольно быстро устроились на открытой платформе, на которой стояли какие-то сельскохозяйственные орудия, и часов в 12 ночи уже были в Смоленске. Там был полный порядок, на вокзале много людей, работает буфет. Мы прежде всего туда. Только закончили есть — воздушная тревога! Мы, конечно, бросились уходить, но на удивление, какое-то начальство скомандовало — «все двери закрыть». Там был небольшой зал, с одной стороны его широкие двери — выход в город, с другой стороны — такие же двери — выход на перрон. Делать нечего, мы ближе к выходу на перрон, я присел на чемоданчик сержанта. Замолкли тревожные сирены. Слышен гул приближающихся самолетов; вот короткая очередь трассирующими пулями, с земли взлетает ракета. Тихо, только урчание авиационных двигателей. И первая бомба на железнодорожные пути, прямо напротив выхода на перрон. Но на первом пути стоял железнодорожный состав, и он принял на себя все осколки бомбы и смягчил взрывную волну. Все стекла вылетели, двери распахнулись, в зале вопль, не успел я подняться с чемоданчика — наша половина зала уже пустая, все заклинило у выходной двери в город. Мы вскакиваем на перрон, бежим вдоль него, перемахиваем через невысокий заборчик и бежим на окраину города. Налет продолжался всю ночь, это была первая бомбардировка Смоленска.

Утром по всему городу бегают вооруженные люди, ловят немецких парашютистов. По дороге на вокзал у нас проверяют документы. Меня отпустили сразу, а сержанта еще долго держали — малознакомая форма... На вокзальной площади гора чемоданов, сумок и других вещей. Стоит милиционер, и очередь, каждый подходит и ищет свои вещи.

На этом мой рассказ о пути в Москву закончен. Дальше несколько железнодорожных пересадок, и 2 июля 1941 года я вернулся в Москву. Начальник нашего объекта находился в Малоярославце, съездил туда и полностью рассчитался. Предлагали перейти к ним на постоянную работу, но я отказался.

Теперь о судьбе наших товарищей в Бресте.

В ночь 21-22 июня они занимались камеральными работами, когда ударили пушки, Ковалёва и Колобанов бросились в гостиницу, в которой жили, где были их документы и вещи. Они остались в оккупированной Белоруссии. Нина Ковалёва в конце концов оказалась в Барановичском партизанском отряде. Диму Колобанова после освобождения Белоруссии призвали в армию, он участвовал в боях и был тяжело ранен.

А Нина Аигина, как была — в летнем платье и без документов, сразу решила уходить из города. Где пешком, где на машине, где на танке, она упорно двигалась на восток. Танкисты дали ей комбинезон, из-за которого однажды ее чуть не расстреляли, приняв за немецкую парашютистку. Через месяц с лишним она вернулась в Москву. Работала в мастерских Авиации Дальнего действия, строивших и ремонтировавших ночные аэрофотоаппараты.

Несколько слов о судьбе десятков тысяч рабочих этого аэродромного строительства. Ведь у них дома остались семьи — жены и дети. В целом, думаю, она была трагической, но могу говорить только о том, что знаю. Первый вариант, это наш объект, находившийся ближе к границе, чем многие другие. Практически все рабочие были брошены на произвол судьбы.

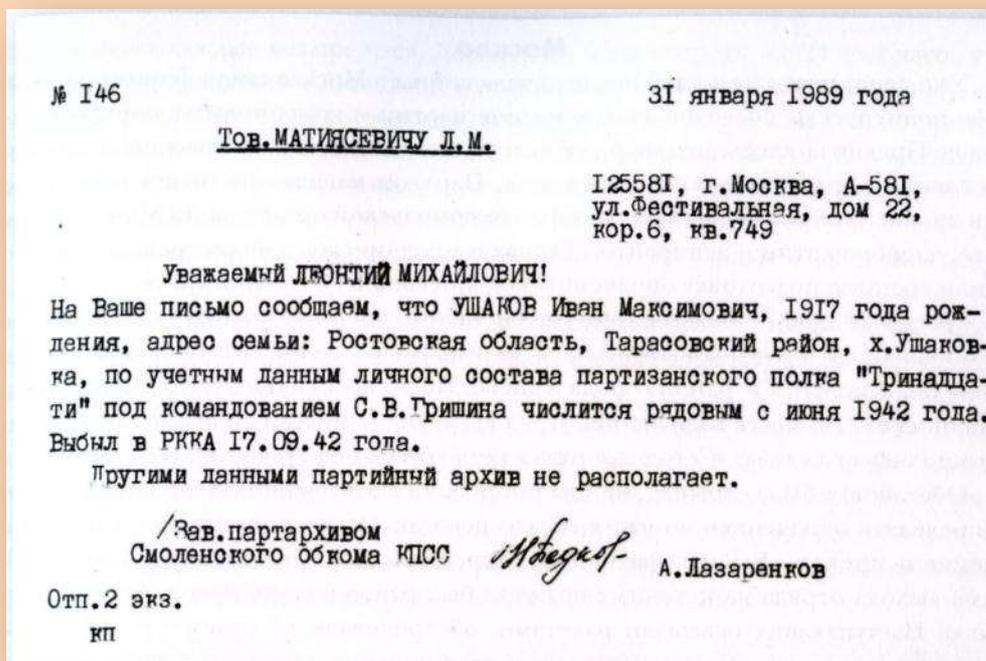
Второй вариант — оптимальный. Это объект, не знаю его номера, где начальником был уже упоминавшийся майор. Объект находился дальше от границы, чем наш, но все равно начальник уже не смог связаться с центром и получить соответствующие указания. Но он самостоятельно принял решение и организованно вывел всех людей. Не знаю, много ли было таких ответственных и решительных начальников.

Возможен третий, немногочисленный вариант.

В нашей учебной группе был студент Ваня Ушаков. Мы с ним дружили, переписывались, когда он лежал в госпитале после ранения во время войны с Финляндией, в которой он участвовал как доброволец.

Номер объекта, на котором он работал, я не знаю. Но он из Белоруссии не вернулся. В 1942 году, когда я учился в Военно-Воздушной Академии им. Жуковского, неожиданно пришло письмо от Вани. Он писал, что завидует нам — учащимся в Академии, а сам воюет в партизанском отряде «Бати», — на его счету уже несколько фрицев. У меня сохранились два довоенных письма Вани из госпиталя. А это, к сожалению, затерялось, поскольку я скоро уехал на фронт.

После войны, чтобы узнать судьбу Вани, я много работал в архиве документов партизанского движения в Белоруссии, писал запросы в ЦК компартии Белоруссии и Смоленский обком. Удалось выяснить: Ваня воевал в партизанском полку «тринадцати», в сентябре 1942 года был призван в Красную армию и в марте 1943 года погиб.

Из всех документов, с которыми мне удалось познакомиться, можно заключить: начальник объекта, на котором работал Ваня, сумел связаться с Центром и получил задание организовать партизанское движение. Такая связь с Центром, что Ване выдали информацию о нашей учебе в Академии и переправили туда его письмо, величайшая редкость для рядового партизанского отряда. Можно предположить, что это отряд «Бати», а Батя — бывший начальник объекта. Потом отряд стал партизанским полком.

Неясно, сколько человек из рабочих могли привлечь в партизаны и как поступили с остальными. Но такой вариант завершения работы объекта, может быть, и единичный, очевидно, существовал.

И последнее: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о массовом строительстве аэродромов и возложении этого строительства на НКВД с широким привлечением заключенных состоялось 24 марта 1941 года. Остается неясным: почему эта дата, почему такая срочность, зачем строить у границы? На оборудование театра военных Действий это не похоже.

5.6. Прерванный полет

В 1940 году закончился теоретический курс обучения в аэроклубе Метростроя, и весной начались полеты. Но я, кроме того, начал прыгать с парашютом и однажды сильно повредил голеностопный сустав, летать в том году не пришлось. В 1941 году — командировка в Белоруссию, а потом война. Вернувшись в начале июля в институт, Рассказал о том, как мы в Белоруссии встретили войну, и узнал, как наш институт встретил ее в Москве.

Москва

Уже через несколько дней после начала войны в Москве стали формировать из особо политически подготовленных членов партии и комсомольцев отряды ополченцев. Предполагалось, что их будут включать в состав частей Красной армии для укрепления морально-политического духа. Партком нашего института рекомендовал в ополчение трех человек: секретаря комсомольской организации Мишу Ильина и двух членов партии - аспирантов Дедова и Кравчинского.

Формировались и проходили военную подготовку ополченцы под Москвой в Солнечногорске.

После 20 дней чрезвычайно интенсивной военной подготовки отряд из 100 ополченцев, в который вошли представители нашего института, отправился на фронт под Смоленск в район города Ярцево. По дороге заболел и отстал от отряда Кравчинский. На месте назначения отряд встретил комиссар дивизии; ополченцам запомнились его слова: «Сегодня я отдал трех трусов под трибунал, и их расстреляли». Обстановка была сложная, немцы выбросили в этом районе воздушный десант, распределять ополченцев по частям было некогда. Отряд получил винтовки, один пулемет и приказ: «Выбить фашистов, закрепившихся в населенном пункте». Во время выхода отряда на исходные позиции был ранен в грудь Дедов. Атаку начали ночью. Наступающих освещали ракетами, обстреливали из пулеметов, пришлось отступить, окопаться. Немцы использовали минометы, которых у ополченцев не было, и вскоре единственный пулемет отряда был выведен из строя. Одна из мин накрыла осколками все отделение, в котором был Миша Ильин, ему оторвало палец на руке, другой осколок попал в ногу. Потом был госпиталь, а когда вышло решение об отзыве из частей Красной армии студентов старших курсов для завершения учебы, Ильин был демобилизован и, еще не совсем оправившись после ранения, вернулся в институт.

Основная же масса студентов (парней) в первые месяцы после начала войны была направлена на трудовой фронт. Работали в разных местах (районы населенных пунктов Сухиничи, Ельня, Медынь и др.): рыли противотанковые рвы, эскарпы; устраивали лесные завалы; строили дзоты.

Нередко попадали под бомбежки, некоторым группам пришлось выходить из окружения. Жили в палатках, сараях, где кто мог устроиться в населенных пунктах. Питание в основном обеспечивали армейские полевые кухни.

Так начиналась война для студентов москвичей.

В аэроклубе

Вернувшись из Белоруссии, я начал хлопотать о восстановлении в аэроклубе. Получив «добро» на продолжение учебы, в середине июля перебрался из институтского общежития на аэродром Малые Вязёмы. Жили в палатках; самолеты стояли на опушке небольшого лесочка, под кронами деревьев.

С 22 июля начались налеты фашистской авиации на Москву. Только начнем летать — идет воздушный разведчик, заруливаем под полог деревьев. Решили перебазироваться в Рязанскую область, на полевой аэродром, расположенный у какого-то поселка.

Летный и технический состав аэроклуба должен был перелететь туда на наших самолетах, а мы — выехать по железной дороге. Пока же наш небольшой эшелон с наземным имуществом формировался на запасном пути в Голицыно. Охраняли его мы, сменяясь каждые четыре часа. Дошла и до меня очередь — с 24 до 4 часов утра. Пока шли с разводящим в Голицыно, начался налет авиации. Заступил на пост, хожу по платформе, винтовка в готовности, всматриваюсь — не идет ли кто, и прислушиваюсь к самолетам, не летит ли бомба, чтобы вовремя залечь. К счастью, над Голицыно самолеты разворачивались, а летели бомбить какой-то другой пункт. Так продолжалось всю ночь. В 4 утра меня не сменили, пришлось стоять до восьми...

Выехали из Голицыно в «телячьих» вагонах, но довольные в ожидании скорых полетов.

В начале войны бензин не жалели, и мы стали летать с утра до ночи. Хорошо помню свой первый самостоятельный полет и некоторые случаи, когда мы стали летать самостоятельно в зону.

В первом полете неточно выполнил заход на посадку и недотягивал до летного поля, по инструкции должен был дать газ и уйти на второй круг, но я чуть «поддернул» самолет вверх и посадил у «Т». Получил замечание инструктора, но он разрешил тут же повторить. Во втором полете приземлился без замечаний.

Когда стали самостоятельно летать в зону, в первую кабину для сохранения центровки садился кто-нибудь из курсантов в качестве пассажира.

Мои инструкторы и товарищи по аэроклубу

Вот и я однажды полетел пассажиром с молодым парнем, задачей которого была отработка мелких, средних виражей и восьмерки. Он увлекался и все время уходил из зоны, я ему сказал об этом, но он все продолжал крутить виражи и на мое замечание не реагировал. Я на всякий случай посматривал на компас. И вот закончил крутить, надо возвращаться, посмотрел — местность кругом незнакомая. Туда-сюда — и попросил моей помощи. Я развернул самолет по компасу примерно на обратный курс. Началась кучевая облачность. И вдруг из-за облаков выскакивает самолет — на земле забеспокоились и начали нас искать.

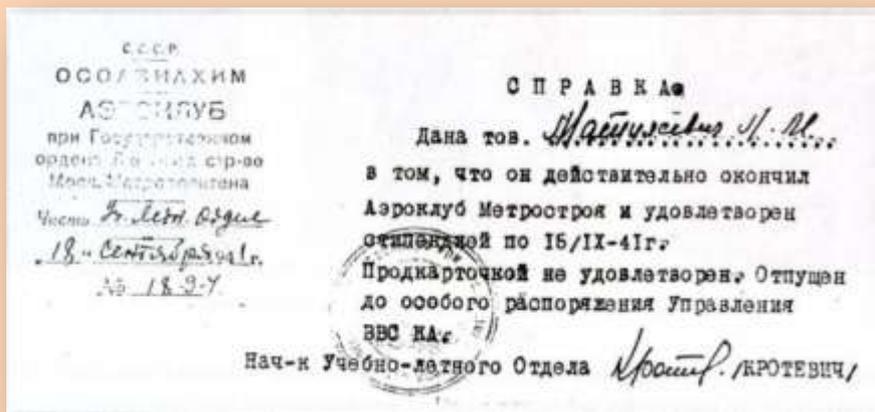
В другой раз я летел в зону отрабатывать фигуры высшего пилотажа, а со мной «пассажир». Работаю и вдруг вижу на козырьке кабины какие-то капли, подумал, масло потекло, когда сели, оказалось, «пассажира» стошнило.

Мне больше всего нравились крутые виражи, когда угол крена больше 45° , изменяются функции рулей глубины и поворота, тянешь ручку на себя, проворачивается горизонт, гудит мотор, а тебя вдавливают в сиденье. Если же маловата была скорость на вводе самолета в мертвую петлю, то, наоборот, в верхней точке, когда самолет вверх колесами, центробежной силы не хватает, и ты повисаешь на ремнях.

Ребята все были молодые, веселые, с аэродрома в столовую ходили строем и однажды, переделав знаменитый марш «Все выше, выше и выше стремим мы полет наших птиц...», запели: «Все кашу, кашу и кашу столовая наша дает...» Когда я последний раз летел в зону, попросил у инструктора разрешение сделать шесть витков штопора (по программе — два витка). Шла война, инструктор разрешил.

Минимальная скорость — ручку на себя — резко правая нога, и самолет заваливается в штопор. Прокручивается как волчок земля. Замечаю ориентир и отсчитываю витки: вот шестой — левая нога, ручка от себя, но самолет набрал инерцию, делает еще почти целый виток и переходит в крутое планирование. Плавно ручку на себя — газ, и я в горизонтальном полете. Это все не для летчиков, а перед остальными извиняюсь, прошло больше 70 лет, может быть, и подзабыл какие-нибудь детали техники пилотирования.

Сдал Госкомиссии экзамен по технике пилотирования в объеме курса учебно-летной подготовки авиаучилища на отлично и был аттестован в истребительное авиаучилище. Но авиаучилища начали эвакуироваться, и меня отпустили до особого распоряжения ВВС.

В родном институте

Получив на руки опечатанное личное дело вместе со своей летной книжкой, я уехал в Москву, сдал дело в Красногвардейский райвоенкомат, а сам в ожидании вызова вернулся в институт.

На Москву продолжались налеты гитлеровской авиации. Обычно воздушная тревога объявлялась с наступлением темноты и нередко продолжалась до рассвета. После ее объявления на какое-то время устанавливалась тишина, которая прерывалась сперва уже знакомым все нарастающим, глуховатым, пульсирующим гулом моторов бомбардировщиков «у... у... у...», а потом взрывалась разноголосым хором зенитных орудий. Особенно эффективно действовали зенитные прожекторы. Нередко можно было наблюдать, как в луч прожектора попадал самолет, немедленно на него направлялись лучи других прожекторов и продолжали вести самолет в пересечении пучка лучей. По самолету велся ураганный огонь зенитных орудий. Иногда он прекращался, и в действие вступали истребители, были видны идущие навстречу друг другу трассы, от истребителя к бомбардировщику и от бомбардировщика к истребителю. Лишь однажды мне пришлось наблюдать парашютиста со сбитого бомбардировщика, его сопровождали лучи прожекторов, и на нем скрестилось множество трасс от зенитных пулеметов. Очевидно, такова «логика» боя, ведь разумно было взять его в плен.

На земле ухали пушки, строчили зенитные пулеметы, иногда слышались взрывы фугасных бомб, ослепительным белым пламенем вспыхивали зажигательные авиабомбы, в отдельных районах полыхали пожары.

В институте было организовано круглосуточное дежурство. В одной из аудиторий стояли кровати для отдыха дежурной смены; каждый из нас имел пакет с бумажными простынями. Во время налетов, сменяясь, дежурили на крыше института, чтобы в случае попадания «зажигалок» сбрасывать их на землю, в противном случае они быстро прожигали крышу, перекрытия здания и вызывали общий пожар. Попадание авиабомбы в конкретного человека — маловероятное событие, а вот осколки крупнокалиберных зенитных снарядов, угрожающе «фар-р-чавшие» и с грохотом шлепавшиеся в крышу, представляли реальную опасность.

В те дни станции московского метрополитена на ночь превращались в огромные переполненные спальные залы. Пускали в метро только женщин с детьми и стариков. Райком комсомола направлял некоторых из нас туда для ведения разъяснительной работы. Не помню, что уж мы там говорили, но трудно было людям, воспитанным на песнях типа: «...чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим...», объяснить, почему сегодня немцы под Москвой, а они спят на полу станции метро.

Незаметно пришло 16 октября. Утром по дороге в институт меня несколько удивили необычное оживление и суeta на площади перед Курским вокзалом; подыжгде стр 199?

В начале октября мы ездили по заданию райкома комсомола в Лопасненский район Московской области для проведения бесед об антифашистском молодежном митинге в Москве.

5.7. 22 июня 1941 года

История Великой Отечественной войны, так же как и Гражданской, сильно искажена в угоду «политической целесообразности».

За прошедшие после войны годы накопилось огромное количество научных, мемуарных и художественных произведений о войне. К сожалению, среди этой массы информации значительное место занимает «политическая» литература, задачей которой является изложение истории в «нужном» направлении, путем искажения одних событий, замалчивания других, восхваления отдельных личностей и использования тому подобных приемов.

К несчастью, многие люди получили свои знания о прошлой войне именно из «политической» литературы. Поэтому если где-то разоблачают ее лживость, они воспринимают это как попытку «фальсификации» истории.

Сложно разобраться в этом океане правдивой и ложной информации. До сих пор ведутся дискуссии, горячие споры, идет поиск правды. И это неизбежно, ведь война затронула, так или иначе, каждую семью; более того, мы в целом, как народ, страна до сих пор испытываем последствия этой войны — нам сегодня не хватает ума, таланта, трудолюбия миллионов людей, они нам нужны, «с кровавых не пришедшие полей», а также их дети, внуки и правнуки...

В предыдущих главах мы коснулись трех войн: Русско-японской, Первой мировой и Гражданской, в основном на примере судьбы моего отца. Он умер в начале Великой Отечественной войны — сказались многочисленные ранения и невзгоды послефронтовой жизни. Иначе, я думаю, он бы внес свою долю в нашу Победу. Но у него остались три сына — три брата.

Мы всю жизнь были очень дружны. Любили друг друга. Жили в разных местах, но регулярно переписывались и при малейшей возможности встречались. Это нам очень помогало в жизни, духовно мы всегда были вместе.

Настоящая глава посвящена отдельным событиям Великой Отечественной войны, в основном на примере судьбы нас, братьев.

Прочитав свою статью, опубликованную в журнале «Военно-исторический архив» (№ 5, 2004 г.), я решил привести ее здесь без изменений в качестве введения к теме о Великой Отечественной войне.

«Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей - вершка не отдадим!»

(размышления о минувшей войне)

Прошло более шестидесяти лет со времени трагических событий - 22 июня 1941 года. Им посвящено множество исследований, статей, воспоминаний. Но до сих пор нет достоверного ответа на вопрос, как могло случиться такое невероятное, противоречащее всякому здравому смыслу, повлекшее за собой тяжелейшие последствия для страны событие нашей истории.

Может быть, и не следовало бы сегодня возвращаться к далекому прошлому, но после Великой Отечественной войны был Афганистан, принеший смерть и горе миллионам людей в нашей стране и в Афганистане, была «кавалерийская» атака на Грозный, и до сих пор тлеет Чечня,

а ход мировой истории вновь ставит перед страной непростые вопросы войны и мира. Всё это имеет много общего с событиями далекого прошлого, поэтому возвращение к нему имеет для нас сугубо практическое значение. «Без знания истинного прошлого не может быть реального будущего». (Т.Элиот.)

Настоящая статья - не история тех событий, не изложение истины в последней инстанции, а лишь попытка привлечь внимание к общеизвестным и малоизвестным широкой аудитории фактам того времени.

Глазами очевидцев жжжжповтор?

Вечером 21 июня 1941 года, вернувшись с работы, я присел рядом с дедом - главой большой белорусской семьи, в доме которой, недалеко от границы с Восточной Пруссией, мы жили. Дед спросил: «Товарищ Лёня, а не будет ли войны с немцем?» Мой ответ был при мерно таким: «Мы на немцев нападать не собираемся, Гитлер побоится напасть на нас».

На рассвете 22 июня проснулся под удаленный гул артиллерийской стрельбы. Вдалеке шли группами двухмоторные самолеты, похожие на появившиеся недавно у нас бомбардировщики, вокруг них вспыхивали разрывы снарядов. Решил - начались большие маневры, о которых писали в газетах. Но когда по дороге в штаб стройки, на которой работал, мимо меня на высоте 20-30 метров пролетела пара остроносых истребителей, похожих на новые МИГ-1, удивило: на маневрах бывают «синие» и «красные», но зачем на фюзеляже крест, а на хвостовом оперении свастика? Подлетая к штабу, они дали очередь из пулеметов, появились раненые. Радио у нас не было, проводную связь ночью кто-то обрезал, и мы гадали - что это, пограничный инцидент, или началась война?

Война! Дороги Белоруссии: искореженные, обгоревшие автомашины; разрушенные придорожные поселки; почти как атомный, гриб взрыва артиллерийских складов под Лидой; ярким пламенем пылающее Молодечное; разрушенный, дымящийся Минск. И люди, со своим нехитрым скарбом пытающиеся уйти от войны, всмотритесь в их лица, сфотографированные фашистским офицером.

А в далеком от границы Киеве 22 июня около семи часов утра моя будущая жена Октябрина вместе со своим отцом - Андреем Константиновичем Корчагиным вышли из дома - выпускники 10-го класса школы собирались на прогулку по Днепру. Вдалеке, там, где находились военный аэродром, завод «Большевик» и авиазавод, поднимались густые клубы черного дыма. Андрей Константинович сказал: «это ведь только учения - как разгорелось, а если бы война...». Прогулочный катер со школьниками был на середине Днепра, когда из репродукторов прозвучало обращение Молотова - война! На следующее утро Октябрина пришла в райком комсомола - чем могу помочь? Предложили на выбор: трехмесячные курсы медсестер или сразу идти работать в госпиталь - раненых много, санитарок не хватает; она выбрала последнее. На всю жизнь запомнились люди, всё тело которых было иссечено мелкими осколками чугуна: гитлеровцы бомбили заводы в «пересменку», в цехах было много рабочих ...

Не успели уйти

Он смотрит в глаза врагу

Война набирала темпы. Уже в августе 1941 года под Смоленском погиб мой брат Сергей, в сентябре под Киевом - отец жены Андрей Корчагин...

Судьба военачальников

В июне 1941 года, исходя из данных разведки Киевского особого военного округа, начальник штаба генерал М.А.Пуркаев завершил свой доклад об обстановке вопросом: «Не пора ли объявить боевую тревогу войскам прикрытия границы?». Командующий генерал М.П.Кирпонос, разделяя тревогу начальника штаба, сказал: «Военный совет примет все зависящие от него меры, но объявлять боевую тревогу сейчас нельзя, в Москве всё знают и в нужный момент нас предупредят, дадут команду».

Команду дали пространной телеграммой, в которой нарком обороны и начальник Генштаба предупреждали: «...в течение 22-23.06.1941 возможно внезапное нападение немцев...» и требовали, не поддаваясь на провокации, привести войска в полную боевую готовность. Прием телеграммы на узле связи округа был закончен в 2 часа 30 минут 22 июня.

До нападения Германии оставались минуты. Столь же «своевременным» было и полученное 18 сентября 1941 года по радио разрешение оставить Киев, когда Киев был уже глубоко окружен. С трудом пробивался из окружения штаб округа, немногим удалось прорваться, погиб и командующий.

А командующий другого приграничного военного округа - Белорусского, генерал Д.Г.Павлов, участник Гражданской войны, храбро сражавшийся с фашистами в Испании (Герой Советского Союза), его начальник штаба генерал В.Е.Климовских и другие их ближайшие помощники были объявлены изменниками Родины и в июле 1941 года расстреляны. Вина же командующего заключалась, главным образом, в том, что он, точно выполняя директивы наркома обороны и получив предупреждение о возможности нападения Германии, столь же «своевременно», как и Киевский округ, до последнего момента не отдавал приказ о приведении войск в боевую готовность, а ко всему этому округ оказался на направлении главного удара фашистских войск.

Где истина?

Как известно, руководство страны, располагая своевременными, достоверными, многочисленными (что позволяло их перепроверять) данными о подготовке фашистской Германии к нападению на Советский Союз и о сроках нападения, не приняло необходимых мер для его отражения. В одночасье сотни тысяч красноармейцев и командиров Красной армии попали в плен, а миллионы наших сограждан вдруг оказались на территории, оккупированной гитлеровскими войсками.

Сегодня наиболее распространены две точки зрения (версии), объясняющие причины

случившегося; возможна и третья, менее известная версия.

Первая - Сталин и партийно-государственное руководство всё делали для обороны страны и не приняли необходимые меры для отражения ожидавшегося нападения из-за боязни спровоцировать этим Гитлера на развязывание войны.

Вторая - Сталин и партийно-государственное руководство готовились не к обороне, а к нападению на Германию, но не успели его осуществить.

Третья - корни всего происшедшего кроются в событиях августа-сентября 1939 года.

Версия первая

О справедливости первой точки зрения свидетельствуют многие факты. В частности, то, что Генеральный штаб, который по самой сути этого учреждения просто не имел права игнорировать столь серьезные данные разведки, не только не принял необходимые меры сам, но и неукоснительно пресекал попытки принятия их в войсках.

Как известно, единственным высшим военачальником Советского Союза, не убоившимся этого, был народный комиссар Военно-Морского Флота Н.Г.Кузнецов. Он ещё 19 и 20 июня 1941 года ввел на всех флотах высокую оперативную готовность № 2, не имея на это никаких указаний свыше; а около 23 часов 21 июня, получив от С.К.Тимошенко -лишь устное разрешение применять оружие в случае нападения, немедленно, условным сигналом, ввел на флотах высшую оперативную готовность №1. Сигнал был получен всеми флотами за несколько часов до нападения, что позволило командующим принять необходимые меры для отражения ожидавшихся атак, и флот избежал страшных потерь, которые понесли в первые же часы войны наши Военно-Воздушные силы и Сухопутные войска приграничных округов.

Но возникает вопрос: а вообще, правомерно ли было в июне 1941 года бояться, что осуществление каких-либо, хотя бы элементарных оборонительных мер, необходимых для отра-

жения внезапного нападения, могло явиться провокацией войны? Определенный ответ на этот вопрос дают события накануне войны, в которых мне, в то время студенту Московского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии, пришлось участвовать.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР, в конце марта 1941 года нас сняли с учебы, и уже 4 апреля мы выехали в город Белосток. Получив там новенькие геодезические инструменты и задания, разъехались по своим объектам в Западной Белоруссии. Официально у нас был 12-часовой рабочий день без выходных. В сжатые сроки была завершена съемка, привязан к местности проект стационарного аэродрома и началось его строительство. Работали в три смены; были завершены земляные работы, производилась укладка бетона во взлетно-посадочную полосу, рулежные дорожки и стоянки самолетов.

Итак, в непосредственной близости от границ велось массовое строительство стационарных аэродромов (всего в Западной Белоруссии и Западной Украине планировалось построить 190 аэродромов); важнейшие объекты наших приграничных областей систематически фотографировались воздушными разведчиками; наше строительство у границ было хорошо известно, за ним велось наблюдение. Спрашивается, чем же еще в большей степени, чем этим «оборонительным» строительством и массами войск в приграничных областях можно было спровоцировать войну?

Версия вторая

Точка зрения, согласно которой Сталин и Генеральный штаб готовили нападение на Германию, в корне противоречит официальным взглядам и нашему массовому сознанию. Мы всё делали для укрепления обороноспособности страны, шли на многие лишения в повседневной жизни, лишь бы не было войны! Мы пели: «...Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей - верика не отдадим!..»

Этому соответствовали и практические действия по подготовке Красной армии к отражению возможной агрессии. Так, начальник Генерального штаба генерал (впоследствии маршал) Б.М.Шапошников считал:

наиболее вероятно нанесение главного удара гитлеровских войск в Западном и Северо-западном направлении, южное направление - второстепенное;

к началу войны основные запасы Красной армии целесообразно иметь на линии реки Волги;

главные силы западных приграничных округов следует держать в пределах старой границы за линией мощных укрепрайонов, а во вновь присоединенные области Западной Белоруссии, Западной Украины и в Прибалтику выдвинуть лишь части прикрытия, способные обеспечить развертывание главных сил в случае внезапного нападения.

Летом 1940 года Генеральный штаб под руководством Шапошникова разработал в соответствии с его идеями план стратегического развертывания войск Красной армии на случай войны. Это был план надежной обороны нашей страны. Однако в августе 1940 года начальником штаба стал генерал К.А.Мерецков, а в феврале 1941-го его сменил генерал Г.К.Жуков. План стратегического развертывания был возвращен в Генеральный штаб, было поручено переработать его, предусмотрев, в частности, сосредоточение главной группировки наших войск на юго-западном (Киевский особый военный округ, КОВО) направлении.

В соответствии с переработанным планом, к 22 июня в непосредственной близости от новой границы были сосредоточены огромные массы войск; склады горючего, боеприпасов и другого военного имущества были подтянуты ближе к войскам, то есть к границе; группировка войск КОВО была усилена за счет группировки Белорусского округа; укрепрайоны на старой границе частично были разоружены, частично законсервированы. Одновременно проводилась морально-политическая подготовка войск. Так, в директиве Главного управления политической пропаганды Красной армии «О политических занятиях с красноармейцами и младшими командирами Красной армии на летний период 1941 года», в частности, говорилось: «Многие политработники и групповоды политзанятий забыли известное положение Ленина о том, что «как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот».

Осуществленное к 22 июня развертывание войск, строительство вблизи границ стационарных аэродромов и содержание проводившейся в это время политико-воспитательной работы не соответствовали задаче обеспечения надежной обороны страны. Если же планировалось перевести войну на территорию противника, а 22 июня мы были не готовы к такому сценарию, то понятно стремление не допустить ничего, что могло бы подтолкнуть Гитлера к нападению. Однако по-прежнему остается вопрос: как мог столь многоопытный и осторожный человек как Сталин, готовя наступление, не принять никаких мер, чтобы защитить себя от возможных неожиданностей?

Версия третья

С детства мы учили: фашизм - наиболее реакционная идеология империалистической буржуазии, злейший враг коммунизма и Советского Союза. Мы гордились теми, кто с оружием в руках сражался в Испании с фашистами. Между тем, всё возрастающая агрессивность фашистских Италии, Германии и милитаристской Японии требовали от руководства страны определения наших возможных союзников и вероятных противников. Ни фашистские, ни буржуазно-демократические государства Западной Европы не питали любви к коммунизму и к Советскому Союзу, но те и другие в силу разных причин были заинтересованы в союзе с нами. Так, например, 8 июня 1939 года в газете «Daily Telegraph and Morning Post» Черчилль ставит вопрос о немедленном создании тройственного пакта (Франция, Англия и Советский Союз) против гитлеровской Германии. Он пишет, что не изменил своего отрицательного отношения к коммунизму, но «дела зашли так далеко, что трудно себе даже представить, чтобы какое-либо из трех правительств взяло на себя ответственность за лишение миллионов людей этой совместной гарантии их жизни и прогресса».

11 августа 1939 года в Москве начались переговоры между военными миссиями Англии, Франции и СССР с целью заключения военной конвенции. Камнем преткновения стало требование Советского Союза пропустить его войска на территорию Польши и Румынии, правительства которых возражали против этого. Переговоры затягивались и, наконец, 21 августа Ворошилов письменно известил о прекращении переговоров, обвинив в их срыве Англию и Францию.

Тем временем, за день до этого - 20 августа 1939 года, Гитлер обратился к Сталину с просьбой принять Риббентропа для подписания договора о ненападении. Согласие было дано. Риббентроп прибыл в Москву 23 августа и в тот же день договор о ненападении был подписан.

Затем, 28 сентября, был заключен новый «Германо-Советский договор о дружбе и границе». Оба документа - от 23 августа и от 28 сентября - имели дополнительные секретные протоколы, основным содержанием которых было разграничение сфер обоюдных интересов в Восточной Европе и определение границы, проходившей по территории Польши и Литвы, до которой гитлеровские войска могли двигаться с запада, а советские - с востока.

В августе 1939 года и феврале 1940-го были заключены соответственно торгово-кредитное и хозяйственное соглашения с Германией. Немецкие газеты писали, что, благодаря экономическим соглашениям и договору о ненападении с Советским Союзом была прорвана организованная Англией экономическая блокада. Действительно, за 17 месяцев, прошедших со времени заключения договора, до нападения на Советский Союз, мы поставили Германии: 865 тысяч тонн нефти, 140 тысяч тонн марганцевой руды, 14 тысяч тонн меди, 3 тысячи тонн никеля, 101 тысячу тонн хлопка-сырца, более миллиона тонн лесоматериалов, 26 тысяч тонн хромовой руды, 2736 килограммов платины, 1 миллион 463 тысячи тонн зерна и другие стратегические материалы и продовольствие.

Таким образом, Германия, заключив договор с Советским Союзом, обеспечила себе на определенное время надежный тыл на востоке и получила необходимые ей стратегические материалы и продовольствие, без которых она просто не могла бы вести широкомасштабную войну.

Первого сентября 1939 года Германия напала на Польшу (начало Второй мировой войны). Затем последовали Дания, Норвегия, Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Франция, Югославия, Греция. 17 сентября Советский Союз ввел свои войска в Западную Украину и Белоруссию. Войска двух держав встретились на условленном рубеже; по случаю завершения кампаний в Бресте и Львове были проведены совместные парады войск и встречи военнослужащих.

22.09.1939 в Бресте состоялся советско-германский военный парад.
Парад принимали комбриг С.М.Кривошеин и генерал Г.Гудериан

Между тем соглашения 1939 года получили свое продолжение. В сентябре 1940 года, во время переговоров Молотова в Берлине, Гитлер предложил разработанный во всех деталях проект присоединения Советского Союза к «Тройственному пакту» (Италия, Германия, Япония; заключен в 1939 г. вместо «Антикоминтерновского пакта»), который содержал секретные протоколы о разделе сфер влияния между четырьмя державами. 25 ноября того же года Сталин дал официальное согласие на это предложение и выдвинул ряд контрпредложений. Переписка по этому вопросу продолжалась до апреля 1941 года.

Пакт Сталина — Гитлера в действии. Советские танкисты принимают гостей — немецких военных под Брестом 29 сентября 1939 г.

*Можно предположить: впечатляющие успехи в расширении базы социализма, легко достигнутые в результате соглашений с Гитлером в 1939 году, предложение о присоединении к «Тройственному пакту», сулившее нам новые выгоды, заинтересованность Германии в наших поставках и, наконец, серьезная опасность для нее - ведения войны на два фронта, - всё это оказалось столь убедительными аргументами для Сталина, что он просто не мог поверить в то, что Гитлер еще в 1941 году, не завершив войну с Англией, предпримет нападение на нас. Конечно, это только предположение, но реальностью является полученный нами **исторический урок: выбирать в качестве союзников и друзей государства, руководимые агрессивно настроенными, исповедующими человеконенавистнические, фанатические идеи людьми, даже если это дает существенные сиюминутные выгоды, не только аморально, но и чрезвычайно опасно для страны.***

Знать правду

Чем больше задумываешься над наиболее тяжелыми, трагическими событиями накануне и в начале войны, тем глубже понимаешь всё величие всемирно-исторического подвига народов нашей страны, несмотря ни на что разгромивших фашистскую Германию. Но при этом мы не имеем права забывать, какую неимоверно высокую цену - 27 миллионов жизней наших сограждан - пришлось заплатить за эту победу. Очевидно, еще не в полной мере осознано, какое значение для развития страны, для жизни каждого из нас имеет отсутствие в государственных структурах, в народном хозяйстве, науке, культуре этих 27 миллионов людей, их детей и внуков. Поэтому сегодня по-прежнему актуальны мысли, высказанные еще в 1966 году Наркомом Военно-Морского Флота, адмиралом, Героем Советского Союза Николаем Герасимовичем Кузнецовым. Он не сомневался в том, что еще будет много написано о героизме наших людей в годы Великой Отечественной войны, но при этом считал необходимым серьезно, глубоко, со всей ответственностью разобрать причины неудач, ошибок в первые дни войны, чтобы они не повторились, ибо повторение прошлого будет называться уже преступлением.

Прошло почти десять лет со времени опубликования статьи; было время подумать, появилась новая информация.

Все больше данных о том, что истинные причины такого аномального поведения Сталина накануне войны кроются в соглашениях августа — сентября 1939 года. В частности, изданы три объемистые книги «Великая тайна Великой Отечественной войны», автор — Александр Николаевич Осокин. В книгах впервые приведено большое количество документов того периода и выдвинута гипотеза, тесно связанная с событиями 1939 года: Сталин готовился вместе с Гитлером к войне против Англии! Прямых документов, подтверждающих эту гипотезу, Осокину найти не удалось, но косвенных признаков, подтверждающих ее, он приводит огромное количество. Кроме того, гипотеза хорошо объясняет поведение Сталина в первые дни войны. Думаю, прямых документов, подтверждающих гипотезу, может и не быть — у Сталина была прекрасная память, а доверить такую информацию бумаге было слишком опасно.

В связи с третьей версией, приведенной в статье, и гипотезой Осокина у меня возник вопрос без ответа. Если Сталин был действительно подлинным, идейным коммунистом, как он мог пойти на соглашение с Гитлером, не только вождем фашизма, но и представителем Германии, не раз пытавшейся захватить наши земли и поработить народ?!

Я к деятельности Сталина сегодня отношусь негативно, но хорошо помню: когда он умер, во дворе Военно-Воздушной Академии (Монино) проходил митинг, я не слушал ораторов, а думал: вот умер Сталин, кто же теперь будет у нас теоретиком марксизма-ленинизма?!

В статье говорится об антифашистском воспитании, проводившемся в стране до 1939 года. Приведу еще один пример из далекого прошлого.

В 1932 году, когда фашизм еще только набирал силы, я заканчивал семилетку в маленьком провинциальном городке. У нас в школе был хороший драмкружок. И вот 1 мая на городской площади мы выступали с праздничным концертом. Была в нем и такая сценка. Трое нас, мальчишек, одетых соответственным образом, расхлябанной походкой, под залихватский мотивчик оркестра выходили на сцену и распевали:

*Мы фашисты, души наши чисты: нет в них чести, нет стыда.
Мы к погромам, мы к разгромам подготовлены всегда.
Среди нас бандит найдется, провокатор свил гнездо,
Коли действовать придется, мы все вместе - заодно.*

Мы, конечно, были несмышленишками, но коммунистов, подготовивших наше выступление, уже тогда беспокоила фашистская угроза...

И последнее, на что хочу обратить внимание. При обсуждении трагедии 22 июня почему-то практически не затрагивается план развертывания войск Красной армии на случай войны, предложенный и разработанный в 1940 году Шапошниковым. Кстати, одним из немногих офицеров царской армии, занимавших в Красной армии высокие командные должности накануне войны. В Европе шла война, фашистская Германия поработала одну страну за другой, набирала силы и опыт... Непонятно, как человек, думающий о безопасности страны, безопасности своего народа, мог отвергнуть этот план, обеспечивавший надежную оборону страны?!

5.8. Нет тверже почвы под ногами, чем палубы подводных кораблей

Тысяча девятьсот сороковой — последний мирный год, но уже чувствуется дыхание войны. Только что в марте закончилась война с Финляндией. В апреле я провожал Алёшу в еще нейтральную Голландию через воюющую Германию. В Европе уже второй год шла война. И вот мирная командировка для приемки заказанных в Голландии судов стала для наших моряков торгового флота первой встречей с этой войной. Они стали свидетелями вероломного, без объявления войны, нападения Германии на мирную нейтральную страну — Голландию. А на переходе из Роттердама в Ленинград подверглись атакам с воздуха.

Для Алёши это плавание на капитанском мостике построенного в Голландии гражданского буксирного парохода «Аванти» стало последним на многие годы. Вскоре после возвращения из плавания он был призван в Военно-Морской Флот. Впереди была напряженная учеба на Высших специальных курсах командного состава при учебном отряде подводного плавания имени С.М.Кирова.

Алёше было 35 лет, почти двадцать из них он провел на надводных кораблях: матрос — помощник капитана — капитан. И вот крутой поворот в жизни — надо овладеть искусством вождения подводных кораблей, искусством применения их оружия для уничтожения надводных кораблей врага. До начала войны оставалось всего несколько месяцев, надо было спешить.

Прошло всего полгода с небольшим, и вот 22 июня 1941 года началась война. Интенсивность занятий на курсах еще возросла, а уже 24 июля 1941 года — приказ: Алёша — старший лейтенант, назначен помощником командира подводной лодки «Лембит». Срочный отъезд прямо с курсов в Кронштадт, где командир лодки капитан-лейтенант Владимир Анатольевич Полещук представил его команде.

Подводная лодка «Лембит»

Подводная лодка, построенная в 1937 году в Великобритании, отличалась от изучавшихся на курсах своей незнакомой советским морякам техникой. Алёше пришлось много и упорно потрудиться, чтобы досконально изучить всю ее сложную технику. Поэтому, помимо выполнения непосредственных обязанностей помощника командира, после выхода личного состава на береговую базу и оставления на корабле только вахтенной смены, он занимался изучением судна: последовательно, магистраль за магистралью, механизм за механизмом, отсек за отсеком. Ему охотно помогали краснофлотцы, старшины групп, командиры отделений. Надо было досконально знать сложную паутину электросетей, трубопроводов, систем и механизмов лодки.

Владимир Анатольевич Полещук командовал лодкой 9 месяцев, за это время он подобрал хороший экипаж; под его руководством личный состав изучил технику своих боевых постов, была разработана соответствующая требованиям уставов многочисленная боевая документация, определявшая действия экипажа в различных ситуациях, проводились боевые учения.

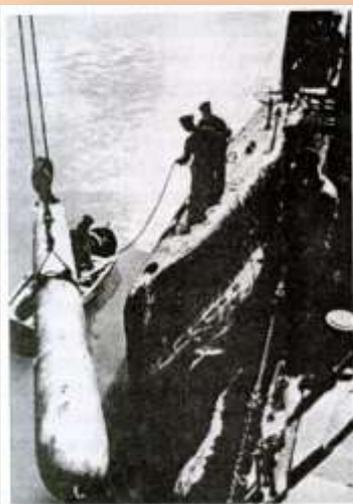
После нескольких общелодочных учений, убедившись в том, что команда четко выполняет обязанности и техника работает надежно, Полещук доложил командованию: «Лодка готова к выходу в море».

В надводном положении перешли из Кронштадта в Таллин. Алёша убедился в хорошей управляемости лодки в надводном положении. Таллин в довоенное время был главной военно-морской базой Балтийского флота.

В Таллине приняли на борт мины и торпеды, запас продовольствия, вымылись в бане (перед походом).

Владимир Анатольевич Полещук — первый командир подводной лодки «Лембит»

Погрузка торпед на подводную лодку

«Лембит» был минным заградителем (минзагом), его оружием кроме торпед были мины. Распространенное мнение: в действиях подводного флота главное — торпедная атака, а постановка мин на фарватерах вражеских кораблей — это что-то второстепенное. Психологически это, в общем, обывательское мнение можно понять. Что-то подобное наблюдалось в воздушном флоте, когда экипажи бомбардировщиков переучивались в разведчиков.

Бомбишь врага — и виден результат; привез данные разведки, они куда-то ушли — и ты не чувствуешь, что бьешь врага. Так и у подводников: вот враг — торпедная атака — и виден результат, а поставлены мины — и неизвестно, когда и какой урон они нанесли врагу.

Между тем мины — грозное оружие, а постановка мин во вражеских водах — опасное и требующее высочайшего мастерства дело.

12 августа 1942 года «Лембит» вышел в свой первый боевой поход. Предстояло пройти в подводном положении почти все Балтийское море; поставить мины во вражеских водах и вернуться обратно, атакуя торпедами встречающиеся фашистские корабли.

Не буду я, сухопутный человек, говорить о ритуале погружения подводной лодки, приведу рассказ об этом из уже упоминавшейся книги Алёши «По морским дорогам»³⁰

Вот, как это было:

«По местам стоять, к погружению! - пронеслись по отсекам слова команды. Не успели еще все соскочить с коек, как последовал сигнал ревуном «Срочное погружение». Командир задрал рубочный люк. С шумом вырвался через клапаны вентиляции воздух. Стрелка глубиномера пошла вверх. Два, три, пять, восемь метров.

Уходить на глубину двадцать метров, ход два узла, осмотреться в отсеках... - командует Полещук.

Из каждого отсека подводной лодки, отделенного от других герметической переборкой, по переговорным трубам в центральный пост поочередно четко докладывают:

В первом - все в порядке.

Во втором - все в порядке.

И так до концевого отсека лодки.

От мест по погружению отойти. Первой смене заступить по-подводному, - раздается приказ командира.

Ну, поздравляю вас, - сказал мне Полещук, - вот мы и под водой, идем на выполнение боевого задания. Это ваше подводное крещение.

Заступаю на первую подводную вахту. Проверяю курс, внимательно слежу за глубиной погружения. Стараюсь запомнить и анализировать все происходящее на лодке, - никакая теоретическая подготовка не может заменить практического плавания».

За время похода Алёша несколько раз самостоятельно продифференцировал лодку и хорошо отработал маневр всплытия под перископ для осмотра горизонта и быстрый уход на глубину. Появилась уверенность, что так же, как он водил надводные суда, освоит и управление подводными кораблями.

Выставив все 20 мин в заданном районе интенсивного движения фашистских кораблей, 25 августа «Лембит» вернулся в Таллин. Командование высоко оценило поход, поздравило личный состав с успешным выполнением боевого задания.

Тем временем на суше фашистские войска приближались к Таллину. Артиллерийские снаряды стали уже достигать рейда кораблей. Было принято уже значительно запоздавшее решение о перебазировании флота на восток³¹. Возможность отхода таллинского воинского гарнизона по суше уже была упущена, поэтому его эвакуация могла быть осуществлена только морем. Когда на причалах порта проводилась посадка гарнизона и погрузка военной техники, немецкая артиллерия и танки, уже входившие в город, интенсивно обстреливали корабли на рейде.

28 августа «Лембит» занял свое место в кильватерной колонне кораблей: отряда главных сил. Впереди тральщики, тактика использования которых впоследствии получила большие нарекания, расчищают узкий проход в минных полях. За ними флагманский корабль — крейсер «Киров», на

³⁰ Третье, вышедшее в 2007 году, уже без участия Алёши, издание книги имело название «В глубинах Балтики. 21 подводная победа».

³¹ Командование Северо-Западного фронта во главе с Ворошиловым не сумело избежать окружения войск Таллинского гарнизона и не поставило своевременно вопрос о необходимости эвакуации Балтфлота на Восток.

котором находился командующий флотом вице-адмирал В.Ф.Трибуц со штабом флота. Потом строго в кильватер — эсминцы, за которыми — подводные лодки: С-5, С-4, «Лембит», «Калев», Щ-405, сторожевики, торпедные катера, тральщики и ледокол. За главными силами двигались: отряд прикрытия, арьергард и четыре конвоя, включающие как боевые корабли и транспорты, так и небольшие военные катера, буксиры и тральщики.

Начался героический и трагический переход — прорыв кораблей Балтийского флота из Таллина, уже полыхавшего пожарами, на восток: минные поля, артиллерийский обстрел с островов, занятых фашистами, непрерывные атаки с воздуха.

Наличие узких проходов в сплошных, неразведанных должным образом минных полях, в том числе и поставленных в свое время нашими моряками, не давали судам под огнем фашистов маневрировать.

Командир корабля Полищук, Алёша и сигнальщики непрерывно внимательно наблюдали за поверхностью моря, чтобы отталкивать шестами подсеченные тральщиками плавающие мины. Но и это не всегда помогало. На месте шедшей за «Кировом» лодки С-5 поднялся огромный столб черного дыма, очевидно, она подорвалась на mine, и детонировал ее боезапас. Рядом с «Лембитом» взорвалась мина. Лодку подбросило взрывной волной так, что в отсеках зазвенела посуда, погасло несколько лампочек. Экипаж стал свидетелем страшной картины, когда в течение 2-3 минут ушел под воду подорвавшийся на mine эскадренный миноносец «Яков Свердлов», на палубе которого была масса людей.

Суда двигались под бомбовыми ударами и пулеметным огнем фашистской авиации. Прикрытие кораблей с воздуха полностью отсутствовало: не позволял радиус действия нашей истребительной авиации.

Особо тяжелые потери несли малые суда и транспортные, перевозившие войска, которые были главной целью авиации³².

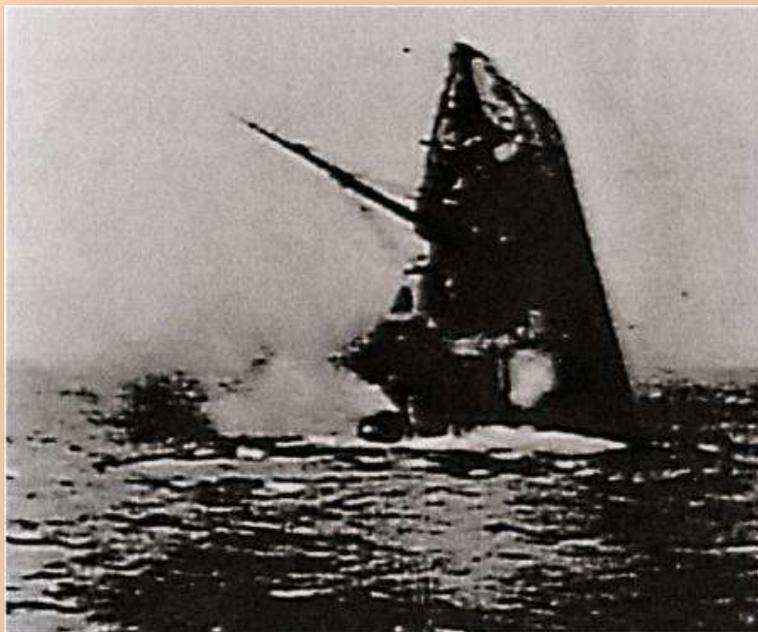
Одна из улиц Таллина после ударов фашистской авиации и артиллерии.
Август 1941 г.

Таллин

³² Во время нападения на флот командующий вице-адмирал Трибуц приказал главным силам (головному отряду флота) оставить легкие суда с войсками и идти в Кронштадт. Последние стали легкой добычей фашистской авиации.

В результате фашисты потопили 31 транспортный корабль. Было потеряно более одной трети кораблей. Потери были колоссальные. По людям — в два раза, а по кораблям в три раза более, чем было потеряно царской Россией в Цусимском сражении.

Тонущий транспорт

Вопрос о количестве потерь, понесенных во время Таллинского прорыва в людях и в корабельном составе, до сего времени остается спорным.

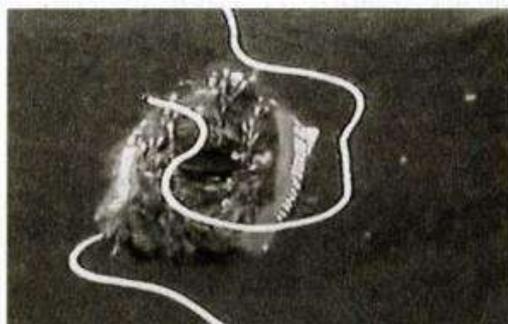
Мемориальный поход

В августе 1991 года, в день 50-летия Таллинского перехода Балтийского флота состоялся мемориальный поход по его маршруту.

Поход состоялся на научном судне «Академик Крылов», который сопровождало 6 боевых кораблей Краснознаменного Балтийского флота.

Фотографии эпизодов из мемориального похода, в котором вместе с другими ветеранами Балтийского флота принял участие Алексей Михайлович Матияевич

Участники похода почтили память погибших в этом переходе моряков. С каждого корабля в местах гибели судов и людей на воду были спущены траурные венки.³²

На острове Готланд у памятника и братских могил погибших

Кронштадт

Причал

Александровский сухой док

Обводной канал

Набережная

Морской собор

Общий вид

Стоянка кораблей

Памятник подводникам

Судьба в Таллинском прорыве пощадила и закалила лембитовцев. 29 августа около четырех часов дня «Лембит» пришел в Кронштадт и пришвартовался у Морского завода. Некоторые механизмы требовали ремонта.

Во время перехода на подводной лодке С-5 погиб командир дивизиона подводных лодок, и В.А.Полещук, оставаясь командиром «Лембита», был назначен командиром дивизиона. Естественно, теперь главное внимание ему приходилось уделять командованию дивизионом. И вся работа по подготовке лодки к будущим походам легла на Алёшу. Личный состав и заводские мастера продолжали ремонт механизмов лодки. И вот им и всем жителям Кронштадта, гавань которого была заполнена тесно стоящими кораблями, пришлось пережить еще одно испытание — 23 сентября фашистская авиация произвела массированный налет на город и корабли. Бомбардировщики шли со всех сторон волнами, одна группа самолетов за другой. Береговые зенитные батареи и вся зенитная артиллерия кораблей вели непрерывный огонь, что мешало прицельному бомбометанию. Было сбито несколько самолетов. Налет продолжался несколько часов. Бомбы рвались рядом с «Лембитом», поднимая столбы грязи и песка. Лодка содрогалась и покрывалась слоем грязи и ила. По артиллерийской тревоге большая часть команды стоит на боевых постах в отсеках. Комиссар лодки — Пётр Петрович Иванов то поднимался на мостик, то спускался в лодку, обходил отсеки и рассказывал о том, что происходит наверху.

Тяжело пережили момент, когда после атаки пикирующего бомбардировщика весь Кронштадт потряс страшный взрыв, оторвавший всю носовую часть линкора «Марат», в которой находился главный командный пункт. В воду падали люди и обломки корабля.

Линкор «Марат», бывший линкор русского флота «Петропавловск»

Налет закончился только к ночи. Необходимо было рассредоточить корабли. Поступил приказ вывести лодки на открытый рейд. Ночью Полещук вывел лодку из Кронштадта в заданную точку, где

она встала на якорь. Днем под водой лежала на грунте, ночью над водой стояла на якоре, и так семь суток. На берегах залива горели поселки, в Ленинграде — дома. Многие просили списать их на сухопутный фронт, чтобы бить врага. Бездействие всех угнетало, комиссар объяснял необходимость сохранить лодку для будущих боевых походов.

Но вот пришел приказ перебазироваться в Ленинград. Самым быстрым ходом, ночью по морскому каналу вошли в город и пришвартовались к гранитной стенке Невы. Было 6 октября 1941 года, в разных районах города полыхали пожары.

«Лембит» у причала на Неве

Лодка поступила в распоряжение начальника укрепрайона. Получив указания о порядке действий в случае уличных боев в городе, экипаж стал готовиться к сухопутным боям. В отведенном лембитовцам секторе обороны выставили наряды для проверки документов, тушения «зажигалок» на крышах домов и оказания помощи пострадавшим.

Пришедший приказ о подготовке лодки к боевому походу экипажем был воспринят с большой радостью. 1 октября на лодку прибыл новый помощник командира. Алёша командиром еще утвержден не был, но 14 октября капитан-лейтенант В.А.Полещук лодку ему сдал. В тот же день она ушла в Кронштадт.

18 октября, получив задание не допускать корабли противника в Усть-Нарву и разведать, работают ли железнодорожная станция Валасте и находящийся на берегу моря цементный завод в Ассери, «Лембит» вышел из Кронштадта в Нарвский залив.

За десять дней, проведенных в заливе, заметили лишь одно небольшое судно, прошедшее в сторону Усть-Нарвы по такой мелкой воде, что атаковать его было невозможно. Разведку же выполнили полностью — станция и завод интенсивно работали.

Получив об этом донесение, командование послало в Нарвский залив подводную лодку С-7, вооруженную 100-миллиметровым орудием, которая артиллерийским огнем вывела из строя и железнодорожную станцию, и завод.

Для Алёши это был первый самостоятельный выход в море в качестве командира подводной лодки.

Придя в Кронштадт, Алёша узнал, что 24 октября подписан приказ о назначении его командиром «Лембита».

Вскоре «Лембит» получил новое боевое задание. Надо было в короткие сроки заминировать фарватер в проливе Бьёрке-Зунд, по которому фашистские корабли могли выходить из шхер непосредственно на наши коммуникации к островным базам и Кронштадту. Экипаж с радостью воспринял новое боевое задание и принялся за подготовку лодки для его выполнения. Предстояла большая работа. Мины «Лембита» находились в шахтах уже больше двух месяцев. Необходимо было поднять каждую мину из шахты и проверить исправность ее взрывного устройства. Для выполнения этой сложной операции были нужны специальные приспособления. Завод брался изготовить их только через двое суток, но среди личного состава экипажа нашлись умельцы, которые сделали их

всего за несколько часов. Поднять мину из шахты и поставить ее обратно при скудном освещении переносного фонаря под артобстрелом, которым подвергался в то время Кронштадт, непросто. Все мины были тщательно проверены и возвращены в шахты лодки. «Лембит» в короткие сроки был подготовлен к выходу в море для выполнения боевого задания.

Так как во время войны ни один маяк в Финском заливе не работал, была необходима особо тщательная штурманская проводка, чтобы пройти к месту постановки мин по известным нам безопасным фарватерам и точно выставить мины на наиболее вероятных путях движения вражеских кораблей. При этом глубины в этом районе были минимально допустимыми для подводной постановки мин, а узкий фарватер затруднял маневрирование лодки. Тем не менее все 20 мин были успешно выставлены — враг здесь безопасно не пройдет. Можно было возвращаться на базу.

Встречал лодку начальник штаба бригады. Он поздравил экипаж с благополучным возвращением и отличным выполнением боевого задания. Приказал через сутки быть готовым к переходу в Ленинград.

Подводная лодка «Лембит» подходит к пирсу

С трудом преодолевая уже достаточно крепкий лед, под артиллерийским обстрелом «Лембиту» удастся пройти в Ленинград. 7 ноября подводная лодка вошла в Неву и встала у пирса судоремонтного завода: необходим был ремонт многих механизмов.

Закончились походы 1941 года. В них под руководством В.А.Полещука и первых самостоятельных Алёша получил большой и разносторонний опыт управления подводным кораблем в боевых условиях. Вскоре в проливе Бьёреке-Зунд на выставленных «Лембитом» минах подорвались фашистский тральщик и посыльное судно. Боевые походы сплотили и закалили личный состав подводной лодки, он был готов к выполнению новых, более сложных задач. Впереди была блокадная зима в Ленинграде и выполнение новых боевых заданий.

Зимой 1941/42 годов Алёша в условиях блокадного Ленинграда организовал работы по ремонту «Лембита». Ввиду отсутствия мин английского образца выдвинул инициативу о переделке минных шахт субмарины под советские мины.

Опыт полярных походов и зимовок чрезвычайно помог Алёше: организованное им в нарушение противопожарных норм камельковое отопление лодки тремя печками-буржуйками оказалось полностью безопасным и спасло оборудование корабля от замерзания и выхода из строя.

Стоянка «Лембита» у Лебяжьей канавки, зима 1941–1942 гг.
Подводная лодка замаскирована под баржу

Истории о тяготах северных зимовок и о суровой жизни в условиях крайнего севера, рассказываемые командиром, поддерживали настроения в команде на высоком уровне. К кампании 1942 года экипаж Матиясевича подошел с боевым настроением и в полной боевой готовности.

Говоря о боевых походах подводников, надо помнить следующее.

На Северном флоте подводные лодки беспрепятственно выходили в заданные районы боевых действий. Для балтийцев же такой выход из Кронштадта в Балтийское море был смертельно опасным. В узком проходе Финского залива немцы создали на всем 275-мильном пути в Балтийское море мощный противолодочный рубеж, состоявший из тысяч мин, поставленных на разных глубинах, противолодочных сетей и постоянного патрулирования противолодочными кораблями и самолетами. Все это почти исключало возможность прохода в Балтийское море. Не зря командующего Балтийским флотом адмирала Трибуца иногда обвиняли в том, что он, отправляя подводные лодки на боевое задание, посылал их на верную гибель.

Противолодочные сети

В водах Балтики покоятся 38 из 65 субмарин, бывших в годы Великой Отечественной в составе советского Военно-Морского Флота. Места гибели некоторых подлодок до сих пор неизвестны.

Но, несмотря на минные заграждения, противолодочные сети, пересекавшие с севера на юг Финский залив, ожесточенное противодействие противолодочных сил, балтийцы прорывались на коммуникации противника, топили его корабли и суда, перевозившие войска, боевую технику и военные грузы.

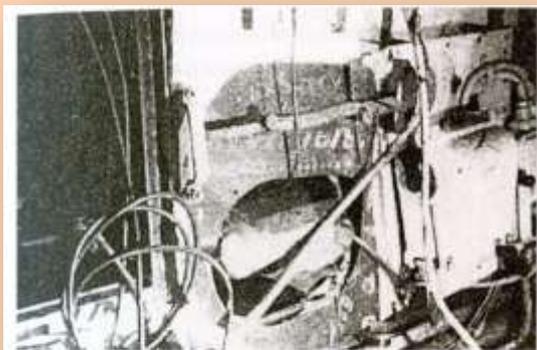
Посчастливилось и «Лембиту» пройти благополучно эту дорогу смерти.

14 сентября 1942 года лембитовцы обнаружили вражеский конвой. Командир атаковал его, выпустив две торпеды по транспортам, и наблюдал в перископ: один транспорт погружался в воду,

второй горел. На Балтике это был первый случай атаки сразу двумя торпедами.

Впоследствии «Финланд» был поднят, и в июле 1943 года вновь введен в строй.

Сторожевики, охранявшие конвой, забросали «Лембит» глубинными бомбами.

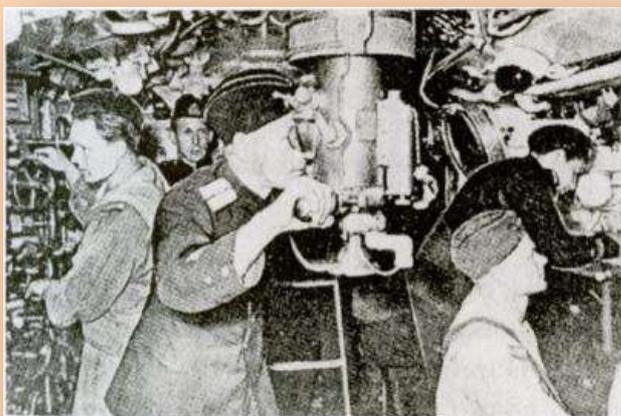

Так выглядела выгородка радиорубки после взрыва в отсеке

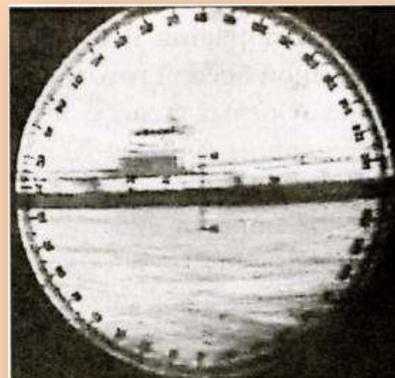

Алексей Михайлович Матиясевич рассказывает посетителям музея «Лембит» об этом героическом боевом походе.

На лодке взорвалась группа аккумуляторных батарей, начался пожар, полностью разрушена радиорубка, повреждены другие элементы конструкции лодки, в образовавшиеся щели стала поступать заборная вода, несколько человек, включая командира, получили ожоги и травмы. Лодка легла на грунт; несколько часов шла борьба с огнем и водой в загазованной атмосфере. Только ночью всплыли и вдохнули настоящий воздух. Впереди был путь домой. Радио не было, неизвестны безопасные проходы в минных полях. Командир повел лодку вдоль побережья Финляндии по предельно допустимому мелководью.

В центральном посту ПЛ «Лембит»

Так командир ПЛ видит море через перископ

Вот что после войны стало известно о горевшем транспорте. Это был транспорт «Финланд», который перевозил отпускников из Финляндии в Рейх. При взрыве торпеды 3 человека погибли, 3 пропали без вести, 90 человек получили ранения, из них четверо скончались от ран. Тяжело поврежденный транспорт оставался на плаву до утра 15 сентября. Спасательные работы на нем и буксировка ни к чему не привели, и судно затонуло на глубине 11 м.

Время автономного плавания лодки закончилось, она не отвечала на радиозапросы и сама молчала, всё говорило — лодка погибла. Но 22 сентября она вернулась в Кронштадт.

Вот что об этом походе рассказал командующий Балтийским флотом, доктор исторических наук, адмирал флота в отставке Владимир Филиппович Трибуц:

«Незадолго до празднования 30-летия Победы корреспондент газеты «Неделя» попросил меня рассказать о самом необыкновенном фронтовом случае на море. И я рассказал о том, что произошло

осенью 1942 года на подводной лодке «Лембит». После атаки, завершившейся потоплением двух фашистских транспортов, противник забросал лодку глубинными бомбами. В одной из групп аккумуляторных батарей, расположенных в отсеке центрального поста, взорвались газы, начался пожар, в корпус лодки стала поступать вода...

Взрыв на корабле страшен, тройне страшен он на подводной лодке, находящейся под водой и преследуемой противником. Но советские подводники не дрогнули, они нашли в себе силы, чтобы выйти победителями из схватки с огнем и водой, перехитрить врага и вернуться на поврежденной лодке через минные поля в Кронштадт».

11 октября 1942 года в кронштадтской газете «Дозор» был обнародован приказ командующего Краснознаменным Балтийским флотом: «За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество...» Далее шли звания и фамилии награжденных лембитовцев. Десять человек были награждены орденом Ленина, двадцать шесть — орденом Красного Знамени и Красной Звезды. Весь экипаж стал орденосным.

В этом же номере газеты была помещена посвященная лембитовцам поэма Всеволода Азарова — «Бессмертная субмарина». С легкого пера поэта с тех пор выражение «Бессмертная субмарина» прижилась на флоте за краснознаменной подводной лодкой «Лембит».

Свои стихи подводникам Балтики посвятила и известная поэтесса блокадного Ленинграда Ольга Берггольц.

Командир ПЛ Пётр
Денисович Грищенко

Подводная лодка Л-3 «Фрунзевец»

Командир ПЛ Исаак
Соломонович Кабо

Гвардейская подводная лодка Щ-309

«Лембит» был не одинок. Осенью 1942 года вернулись с победой еще две лодки; минзаг Л-3 под командованием П.Д.Грищенко, ею потоплено 5 транспортов, и лодки И.С.Кабо Щ-309, на ее

счету 3 транспорта.

Александр Иванович Маринеско

14 октября 1942 года в зале Высшего военно-морского училища им. М.В.Фрунзе встретились экипажи всех трех подводных лодок. Награды вручал командующий флотом адмирал Трибуц. Награжденных поздравил член военного совета Ленинградского фронта, секретарь горкома ВКП(б) А.А.Кузнецов. Был праздничный концерт, общение с друзьями и соратниками. Приглашенным на торжество подводникам, летчикам был устроен скромный фуршет. Дело происходило в блокадном Ленинграде. Это дало необходимую разрядку экипажам после тяжелых походов.

Командир ПЛ Л-3 Грищенко так же, как и Алёша, был в 1942 году представлен к присвоению звания Героя Советского Союза и так же, как Алёша, его не получил.

Правда, вместо Звезды Героя, Алёша Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом Ленина. Я в то время был на Юго-Западном фронте и случайно узнал о награждении из заметки в газете «Красная звезда». Так случилось, в начале войны мы не знали адресов друг друга и не переписывались, но вот заметка — значит, Алёша жив и воюет!

Золотая Звезда нашла Алёшу уже после смерти и гибели страны, которой он верно служил.

Был на Балтике еще один подводник, позже представленный к присвоению звания Героя Советского Союза и тоже его не получивший при жизни, Александр Иванович Маринеско.

Соратники — А.М.Матиясевич и А.И.Маринеско

Десятки раз в послевоенные годы разные организации направляли ходатайства о награждении забытых героев, но высокие инстанции «хранили гордое молчание».

Вот, что об этом писал еще в 1999 году в газете «Независимое военное обозрение»

контрадмирал в отставке Григорий Григорьевич Костев:

«Когда я думаю о Великой Отечественной, о подвигах, совершенных советскими воинами, известных и полузабытых, о тех, чей вклад в нашу общую победу был самым значительным, всегда вспоминаю трех балтийцев - командиров подводных лодок: уже хорошо всем известного командира краснознаменной подводной лодки С-13 Александра Маринеско и недостаточно знакомых широкой общественности Петра Грищенко, командира гвардейского подводного минзага А-3, и командира краснознаменного подводного минзага «Лембит» Алексея Матиясевича.

Все по нескольку раз представлялись к званию Героя Советского Союза и все трое при жизни этого звания не получили.

Наконец справедливость восторжествовала для Александра Ивановича Маринеско. Через 27 лет после его кончины - к 45-летию Победы в 1990 году указом президента СССР - ему было присвоено посмертно звание Героя Советского Союза.

Вторым «удачливым» героем оказался Алексей Михайлович Матиясевич. Он представлялся к званию Героя Советского Союза в 1942 году. Но стал Героем лишь через 53 года, правда, уже России, а не Советского Союза. Звание было присвоено через несколько месяцев после его кончины.

Итак, двое из троих самых талантливых подводников, хотя и посмертно, но все же были признаны страной официальными (!) героями. А что же с Грищенко?

Пётр Денисович Грищенко скончался в Москве 14 января 1991 года на восемьдесят третьем году жизни. К сожалению, никто сегодня не знает, что в проекте указа президента СССР 1990 года, которым Маринеско посмертно отметили званием Героя Советского Союза, было включено и имя Петра Грищенко. Но для него места не нашлось - из моряков оставили в окончательном тексте указа только двоих - Маринеско и медсестру Демину, дожившую до признания. До сих пор осталось неясным, кто вычеркнул фамилию Грищенко.

Вместе с этим известно, что Пётр Грищенко представлялся к званию Героя уже 10раз!!!

Говоря о том, что ходатайства о присвоении звания Героя Советского Союза всем трем подводникам были основаны на представлениях их к этому высокому званию в годы войны, автор статьи отмечает:

«Мы не говорим о том «феномене», как Л.Н.Брежнев, который стал четырежды Героем Советского Союза в послевоенные годы (1966, 1976, 1978 и 1981) будучи ни разу не представленным к этому званию в годы войны».

Рассмотрев разные методы определения рейтинга боевых успехов подводников в годы войны, автор заключает:

«Однако и при таком строго углубленном подходе к оценке результативности командиров советских подводных лодок в годы войны все трое непризнанные при жизни герои - Маринеско, Грищенко и Матиясевиц остаются лучшими командирами советского подводного флота и возглавляют этот исторический перечень».

Итак, Маринеско присвоили звание героя через 27 лет после смерти, Алёше — через несколько месяцев после смерти, но через 53 года (!) после представления к этому званию, а Грищенко, безусловно, самый талантливый командир подводной лодки, умер уже более 12 лет тому назад, так и не дождавшись заслуженной награды. В чем дело? Раздумья на эту тему всё продолжают. В послесловии к третьему изданию книги Алёши «По морским дорогам» адмирал Козлов высказывает свое предположение и ссылается на мнение других подводников, знавших Алёшу, — причина в излишней интеллигентности, скромности Алёши. Якобы он писал об умелых, героических действиях своих подчиненных, а свою роль в решении боевых задач показать не умел.

Алёша в действительности был интеллигентным человеком в лучшем смысле этого слова, каким и должен быть настоящий офицер. Он умел работать и организовывать работу, но никогда не бахвалился и не любил эту черту в других. Он объективно оценивал свои знания и возможности. Его нормальная человеческая скромность никак не могла повлиять на присвоение ему звания. Ведь представление его к награде писали его старшие товарищи, подводники, которые хорошо знали все нюансы подводной службы. Вот текст представления его к званию Героя Советского Союза:

«Выйдя в боевой поход в августе месяце 1942 г., тов. Матиясевиц мастерски преодолел на пути многочисленные минные заграждения, сильные дозоры кораблей и авиации противника. Находясь на позиции, действовал исключительно дерзко... Пробыл в море 28 суток, утопил 3 вражеских транспорта общим водоизмещением 21 тыс. т.

Атакуя конвой, Матиясевиц одновременно утопил два транспорта. Подвергшись вслед за атакой интенсивному преследованию и бомбежке глубинными бомбами сторожевых кораблей противника, подлодка получила повреждение, - произошел взрыв аккумуляторной батареи, пожар, и значительно поступала вода в отсек. В полной темноте, в отравленной атмосфере, с большим количеством раненых, Матиясевиц личным примером стойкости и мужества, неоднократно падая в обморок, сумел организовать личный состав на борьбу за живучесть корабля. Экипаж и корабль были спасены.

За героизм и мужество, проявленные при выполнении боевого задания, ходатайствую о присвоении командиру; подлодки «Лембит» капитан-лейтенанту Матиясевицу звания Героя Советского Союза.

Командир бригады ПЛ КБФ капитан 1-го ранга Стеценко 22.10.1942 г.».

В заключение представления вывод, что военный совет флота ходатайствует об этом. Вывод подписан командующим КБФ вице-адмиралом В.Трибуцем и членом военного совета КБФ корпусным комиссаром Н.Смирновым.

Из представления кажется все ясно, оно написано профессионалами и нет объективных причин для его отклонения. Однако потребовалось более полувека и настойчивость многих неравнодушных людей для того, чтобы представление было реализовано!

Но ведь такова судьба не только этих трех героев, подобных случаев с необоснованными задержками присвоения наград и очередных воинских званий — тысячи. Офицеры знали некоторых высоких военачальников, которые любили «выдерживать» присвоение очередных воинских званий и, возможно, считали, что экономят этим государственные средства. И не надо выискивать причины каждого отдельного случая, причина одна — система, сформировавшаяся в условиях диктатуры пролетариата. Она позволяла произвольно и безнаказанно задерживать или даже вообще не присваивать заслуженные награды и звания и, наоборот, присваивать незаслуженные. Она не терпела подлинно талантливых и честных людей, не «штатных», а подлинных патриотов своей страны.

Я уже упоминал в связи с приказом о назначении Рокоссовского командиром полка о системе, существовавшей в Российской Императорской армии, напомним еще раз. Вот выдержка из личного

дела моего отца. Приказ от 18 декабря 1915 года: «Высочайшим приказом за отличия в делах против неприятя произвести в подполковники со старшинством с 25 октября 1915 года»

Вот эта фраза «со старшинством» всегда присутствовала в приказах. Представлен своими непосредственными начальниками в октябре, но шла война, а приказ подписывался императором, и поэтому был подписан почти на два месяца позже, однако это не должно было влиять на сроки прохождения службы офицера.

Такая практика — свидетельство высокого доверия и уважения военачальников, представляющих своих подчиненных к наградам и званиям, она обеспечивала строгое соблюдение установленных сроков прохождения воинской службы, способствовала оперативности подготовки соответствующих приказов и исключала какой-либо произвол со стороны лиц, обязанных их подписывать.

В послевоенные годы мы довольно часто встречались с Алёшей. Мне приходилось наблюдать, как встречавшиеся с ним офицеры, знавшие о представлении его к званию Героя, думали, что оно состоялось, и обращались к нему как к Герою Советского Союза. Думаю, это не могло его не огорчать, но он никогда не подымал эту тему, не высказывал своего огорчения, тем более своего возмущения...

На этом закончим рассказ об истории боевого похода «Лембита» в 1942 году и обсуждение связанных с ним последующих событий.

За годы Великой Отечественной войны «Лембит» совершил 7 боевых походов. Под командованием Матиясевича было выполнено 5 минных постановок (установлено 100 мин), 8 торпедных атак (выпущено 14 торпед); потоплено 6 транспортов, 7 боевых кораблей общим водоизмещением 13 981 тонна. Лодка была награждена орденом Красного Знамени.

До 1946 года Алёша командовал «Лембитом». Потом, недолго, гвардейской лодкой Щ-303, затем — дивизионом строящихся и ремонтируемых лодок, а в 1948- 1950 годах командовал экспериментальной лодкой с двигателем единого хода М-401. В октябре 1949 года на лодке произошел пожар, в результате грамотных действий командира и экипажа возгорание было быстро ликвидировано.

Командир и комиссар с экипажем

Алёше нравилась эта, по существу экспериментальная, работа. Он испытывал на полигонах оружие лодок, летал на самолете, чтобы изучить возможность обнаружения лодки при разных режимах ее подводного хода. Успешно и с интересом решал многие другие задачи. Думаю, продолжи Алёша эту работу, он бы принес большую пользу нашему флоту. Но не по его желанию в 1950 году он был назначен старшим преподавателем КУОПП имени С.М.Кирова, которые сам когда-то окончил.

Конечно, Алёша имел большой боевой опыт применения подводных лодок. По отзывам

слушателей курсов, ставших впоследствии командирами лодок, адмиралами, его занятия всегда были интересными и содержательными.

Проработав на курсах до 1955 года, когда Алёша ушел в запас, он внес свой вклад в подготовку нового поколения офицеров подводного флота. Но все же переход с командной ответственной работы на преподавательскую для него был определенным понижением. Не буду вдаваться в подробности. Но, к сожалению, в общем, это был достаточно типичный для эпохи «диктатуры пролетариата» случай «зигзагов» в прохождении как военной, так и гражданской службы, не обусловленных интересами дела.

После окончания войны Алёша поддерживал постоянную связь со всеми членами экипажа «Лембита». А раз в году они собирались все вместе.

Но Алёша помнил не только о людях, но и о лодке, которая в суровые годы войны стала их общим домом. Он хорошо изучил ее, и в минуты смертельной опасности она не подвела его и экипаж, сохранила им жизнь.

В 1946 году «Лембит» был выведен из боевого состава флота, преобразован в учебную подводную лодку и передан краснознаменному отряду подводного плавания имени С.М.Кирова. Учебная лодка называлась уже не «Лембитом», а имела условный шифр.

Традиционные послевоенные встречи боевых товарищей — лембитовцев

В 1955 году лодка была разоружена и переведена в категорию учебно-тренировочных станций. А в 1957 году была исключена из состава Военно-Морского Флота.

Алёша провожает «Лембит» — прощание с боевым знаменем

Дальнейшая судьба лодки длительное время оставалась неопределенной. Алёша затратил много сил для того, чтобы ее перевели в Таллин и произвели восстановительный ремонт, после чего в августе 1985 года она была установлена в качестве мемориала и филиала музея КБФ.

Алёша, будучи действующим офицером и ветераном, постоянно вел большую общественную работу. По заданию Политуправления Флота в группе из двух-трех ветеранов-подводников, обычно героев Советского Союза, выезжал в военно-морские части, для того чтобы делиться боевым опытом с экипажами атомных подводных лодок, уходящих в длительные подводные плавания; участвовать в церемонии спуска на воду новых подводных кораблей.

Встреча с молодыми моряками

«Мне наша подводная лодка до сих пор снится»

Он часто встречался с молодежными коллективами школьников, курсантов морских и военных училищ, делился своим богатым военно-морским и жизненным опытом, выступал на радио и телевидении. Его воспоминания о боевой деятельности подводников и освоении Арктики публиковались во многих СМИ. Этому посвящена и его книга «По морским дорогам».

Встреча с пионерами

На Ленинградском ТВ. Встреча ветеранов, посвященная 50-летию снятия блокады

Посмотрел на эту фотографию — 50 лет снятию блокады. А сегодня уже 70 лет этому историческому событию, и вдруг голоса: «А не лучше ли было сдать Ленинград...» На разграбление немцам?!

Блокада Ленинграда — сегодня это уже история. Это величайший подвиг ленинградцев — свидетельство высоких духовных сил нашего народа. И перед их памятью мы должны низко склонить головы. Сегодня не надо фантазировать, что было бы, если бы да кабы. Надо ответить на вопрос: кто виноват в том, что Ленинград был окружен? Кто виноват в том, что Таллин был окружен и значительная часть войск, эвакуированных морем, погибла? И таких «кто виноват» — бесчисленное множество. На них пора отвечать, если мы не хотим, чтобы подобное повторилось в будущем.

Дочь Алёши Донара и сын Валерий — блокадные дети.

Дома, за рабочим столом

Донара закончила кораблестроительный институт, работала инженером-конструктором судостроительного предприятия. Валерий уже пенсионер, но работает - старший электрик Городской клинической больницы.

Дети Алексея Михайловича — Донара и Валерий, 1940 г.

В Санкт-Петербурге живут внуки и правнуки Алёши. Внучка Наташа тоже окончила кораблестроительный и сегодня работает на знаменитом «Рубине», разрабатывающем подводные лодки. А самому младшему правнуку Герману уже исполнилось 8 лет, он с интересом учится в школе, увлекается техникой, занимается в спортивной школе плаванием. Жизнь продолжается!

Получилось невольно некоторое отступление от темы — о послевоенной судьбе Алёши. Остается добавить: после ухода в запас Алёша снова на капитанском мостике. В частности, совершает рейс из Балтийского бассейна во Владивосток. Суэцкий канал не действует, путь вокруг Африки с заходом в пакистанские и индийские порты.

Потом была лоцманская служба Ленинградского морского порта. И последние годы работы на гидрографическом предприятии Министерства Морского флота.

За большие личные заслуги, безупречную 45-летнюю службу на судах и в организациях морского транспорта Алексей Михайлович был объявлен почетным работником Морского транспорта Советского Союза. Также был действительным членом Географического общества СССР, почетным полярником.

Похоронен Алёша на Серафимовском кладбище, там же похоронен наш старший брат Володя и

наша мама Екатерина Алексеевна.

На похоронах ко мне подошел незнакомый капитан первого ранга, сказал: «Я только что вернулся из Москвы, ездил по поводу присвоения Алексею Михайловичу звания Героя — теперь уже это должно решиться.

Друзья и соратники и просто равнодушные люди до последнего момента продолжали бороться за решение этой затянувшейся проблемы.

В заключение приведу несколько отзывов об Алексее Михайловиче некоторых его боевых друзей, членов экипажа подводной лодки «Лембит».

Митрофанов М.М., бывший командир БЧ 1-4 подводной лодки «Лембит»: «В характере и командирских качествах Алексея Михайловича больше всего ценю его умение владеть собой в любых обстоятельствах. Я брал с него пример в течение всей службы, что помогло мне стать командиром подводной лодки, и капитаном дальнего плавания...»

Ошерович Яков Шлёмович, бывший командир БЧ 2-3 подводной лодки «Лембит»: «Уроки, полученные у Матиясевича, оченьгодились мне, когда сам был командиром подводных лодок типа «М» и «Л», дивизиона подводных лодок».

Шеханин Николай Иванович, моторист, командир отделения мотористов подводной лодки «Лембит»: «Я пронес через всю жизнь огромное уважение и преклоняюсь перед Алексеем Михайловичем, перед его исключительным талантом командира. Уметь бить врага и сохранить при этом людей не каждому дано...»

На Серафимовском кладбище было сказано много теплых слов об Алёше и было прочитано два стихотворения, посвященных ему.

*Смоленский рыцарь
Первозванный,
Герой, не признанный
страной,
«Лембит» балтийский
легендарный
Всегда жил с гордой
головой.*

*Шел не сгибаясь, многого
хотел,
Хотя завещан всем
предел,
И времени сухой
закон,
Пробил свой колокольный
звон.*

Капранг А.А. 28.01.1995.

*Прощай, Алёша -
сын Нептуна.
Окончен путь земной.*

*Рыдают, плачут
сердца струны
И стонет чайка над волной.*

*Нет голоса,
слова застыли
Лишь где-то в призрачной дали
Флаг на флажке приспустили
Все боевые корабли.*

*Прощай, Алёша,
взор твой ясный
Почти как небо
голубой.*

*Там отдохнет
в раю прекрасном,
А здесь продлится
вечный бой!*

**Поэтесса Надежда Федоровская.
28 января 1995 г.**

Права поэтесса — «А здесь продлится вечный бой!»

5.9. От Сталинграда до Вены

Воздушная разведка

Действиям наземной войсковой и стратегической разведки посвящено много мемуарных, исторических и художественных произведений. Героические, романтические стороны разведки, подвиги разведчиков получили широкую известность, общенародное признание.

Гораздо менее известна роль, которую играла в годы Великой Отечественной войны воздушная разведка и ее основной способ — аэрофоторазведка. Вот как в 1942 году писал о сущности воздушной разведки подполковник Ю.Макаров: «Группа разведчиков, вооруженная автоматами и ручными гранатами, пробирается в тыл противника. Продвигаясь ночью, днем отсиживаясь в лесу и оврагах, она обследует небольшой маршрут 20-25 километров, обнаружит движение отдельных машин на каком-нибудь участке дороги, месторасположение двух-трех батарей, трех- четырех дзотов, штаб войскового подразделения. Вернувшись через несколько дней в свою часть, она доложит все эти сведения командованию.

Воздушный разведчик быстро проникает в глубокий тыл противника и в короткий срок обследует обширные районы. Результаты воздушной разведки, передаваемые по радио, немедленно становятся известными командованию. Данные, полученные воздушным фотографированием, обладают большой точностью и объективностью. Доставленные командованию через несколько часов после фотографирования, они могут быть измерены, подсчитаны, нанесены на карту».

Такие сборники статей, обобщающих опыт боевых действий, выпускались во время войны

Неслучайно в разгар Отечественной войны появилась эта статья.

Начавшееся в годы Первой мировой войны широкое и успешное применение воздушной разведки в русской армии не получило дальнейшего развития в Красной армии. Войска не обучались должным образом способам применения материалов аэрофоторазведки, не готовились экипажи разведывательных самолетов, высококвалифицированные специалисты аэрофотослужбы и инженеры по фотооборудованию самолетов. В итоге летный состав вынужден был обучаться ведению разведки в ходе выполнения боевых заданий, но для обучения инженеров требовались годы. Выход был один — срочно подготовить военных инженеров из студентов старших курсов Московского института инженеров геодезии, аэросъемки и картографии (МИИГАиК), имевших хорошую теоретическую подготовку и практические навыки выполнения аэрофотосъемки в гражданских целях.

Академия

Я, студент пятого курса Аэрофотогеодезического факультета МИИГАиК, мечтал стать летчиком. Но, как уже рассказано в параграфе «Прерванный полет», вместо авиаучилища был зачислен в Военно-Воздушную Академию имени Н.Е.Жуковского³³.

Сегодня это уже история, а направление в академию определило мою военную судьбу на всю

жизнь.

³³ С августа 1946 г. — Военно-воздушная инженерная академия (ВВИА).

31 октября 1941 года группа студентов МИИГАиК (57 человек) выехала из Москвы в Свердловск, куда была эвакуирована академия. Так появился 1-й курс «А» (курс фотovoоружения факультета электро-спецоборудования — ФЭСО).

Жили в здании пехотного училища. Койки в два этажа. Подъем в 7:00. При температуре наружного воздуха не ниже -30° зарядка во дворе без гимнастеров. После утреннего туалета и завтрака—учеба. Занимались в аудиториях Свердловского Индустриального института. Затем — самоподготовка. Отбой в 24:00. Из здания в здание ходили строем, с песнями, переделывая их часто на свой лад («Дорогой неба голубой летит воздушная разведка, она решит наземный бой, и будут бомбы падать метко...») На улицах останавливались женщины, говорили: «Смотри, оказывается, у нас еще мужики есть».

Л.М.Матиясевич — слушатель ВВА им. Н.Е. Жуковского. Ноябрь 1941 г.

Главным в обучении было детальное, до последнего винтика, изучение аэрофотоаппаратов всех типов. В программу входило и знакомство с производством, сборкой и испытаниями аппаратов на заводе. Детально изучался самолет Пе-2, который имелся в академии.

Изучали военное дешифрирование аэроснимков, конструкцию и электротехническое оборудование самолетов, радиотехнику, авиавооружение — разбирали и собирали все авиационные пушки и пулеметы. Работали напряженно, как правило, до отбоя.

Выпускники первого курса «А» ФЭСО в годы Великой Отечественной войны сыграли важную роль в развитии и применении аэрофоторазведки. Они работали инженерами по фотооборудованию отдельных разведывательных авиаполков (ОРАП) и воздушных армий, научными сотрудниками Государственного научно-испытательного института ВВС КА, преподавателями авиаучилища разведчиков, военными представителями на заводах оборонной промышленности.

Л.М.Матиясевич — командир 11 отделения курса фотовооружения.
Свердловск, 1942 г.

На фронт

В ноябре 1942 года, еще до присвоения мне офицерского звания, я был назначен на должность старшего инженера-инспектора 17-й воздушной армии и выехал из Свердловска к месту службы. Ожидая скорое присвоение офицерского звания, я не прикрепил к петлицам шинели треугольники — знаки сержантского звания.

Найдя управление армии, находившееся в станице Глазуновской, явился в отдел кадров и немало шокировал кадровиков: должность полковника, а тут мальчишка, да еще сержант. Для остротки мне сделали замечание: почему на шинели нет знаков воинского звания...

Вскоре пришел приказ о присвоении мне звания «техник-лейтенант». Так началась моя первая офицерская служба. Впереди были два с половиной года работы в этой должности, сперва в составе войск Юго-Западного, затем, вплоть до окончания войны, — третьего Украинского фронта.

Не случайно, говоря о своей фронтовой службе, я использовал слово «работа». Действительно, для офицеров инженерно-авиационной службы (ИАС), равно как и для офицеров других технических родов войск и служб, и на фронте, главное — это работа. Работа, требующая высоких профессиональных знаний, хороших организаторских способностей и творческой инициативы. Работа, выполняющаяся в экстремальных условиях воздействия противника, природных и климатических условий, жесткого лимита времени. Работа, которая при любых обстоятельствах должна быть выполнена. Работа, редко требующая от офицеров непосредственного участия в боевых действиях, но работа, без которой невозможна Победа.

Во время войны в инженерно-авиационной службе (ИАС) Воздушной армии существовала должность старшего инженера-инспектора по фотооборудованию. Работа инженера по фотооборудованию во многом отличалась от работы инженеров-инспекторов других специальностей (по самолетам, двигателям, авиавооружению и т.д.).

Инженер по фотооборудованию, будучи подчиненным Главного инженера ВА, заместителя командующего ВА по ИАС, работал в тесном контакте с разведотделом (прежде всего с начальником аэрофотослужбы армии), а также непосредственно взаимодействовал с начальником аэрофотослужбы ВВС КА. Получал от последнего методические и информационные материалы и представлял ему ежемесячные отчеты. В отчетах отражалось: число оборудованных аэрофотоустановками самолетов в ВА по родам авиации; количество аэрофотоаппаратов в ВА по типам; количество вылетов на фоторазведку; число снятых кадров; число отказов фотоаппаратов; типичные отказы; вновь разработанные фотоустановки; примененные новые способы фоторазведки; боевые потери фотоаппаратов.

Кроме главной обязанности любого инженера-инспектора — обеспечения постоянной боеготовности и безотказной работы технических средств, за которые он отвечает, важнейшей задачей инженера по фотооборудованию была разработка фотоустановок и оборудование ими самолетов-бомбардировщиков, истребителей и штурмовиков. Известно, сколько необходимо в мирное время собрать подписей, исписать бумаг для того, чтобы внести хотя бы самое невинное изменение в конструкцию или оборудование самолета. А тут надо было, скажем, у только что полученных авиаполком новеньких самолетов-истребителей Ла-5 в деревянном фюзеляже прорезать люки, просверлить отверстия для крепления фотоустановки, разместить в кабине летчика командный прибор, проложить и отбортовать электропроводку, подключить АФА к бортовой электросети. При этом, естественно, необходимо было не нарушить прочность и центровку самолета, нормальную работу бортовой электросети, а все работы выполнить в считанные дни, а то и часы.

В целом работа существовавшего в годы Великой Отечественной войны института инженеров-инспекторов воздушных армий во многом поучительна.

Инспекторы не выполняли каких-либо фискальных функций. От них не требовались бумажные отчеты или акты о результатах проверок с длинным перечнем выявленных упущений и недостатков. Инспектор должен был знать фактическое состояние дел в каждой авиачасти и с учетом этого своевременно принимать необходимые меры для практического решения всех возникавших трудностей и проблем. Работа его оценивалась не по числу исписанных бумаг, а по боеготовности курируемых им технических средств и числу обеспеченных боевых вылетов.

Каждый инспектор обязательно планировал свою работу с учетом характера боевых действий на фронте, задач, решаемых воздушной армией и конкретными авиачастями, состояния их технических средств.

Большую часть времени он находится в авиачастьях.

Введение в штат инженерно-авиационной службы воздушной армии должности старшего инженера-инспектора по фотооборудованию было мудрым решением. Оно сыграло важную роль в развитии средств и способов разведки и фотоконтроля результатов боевых действий авиации, в обучении летного и технического состава, в обеспечении боевых вылетов на аэрофоторазведку. Во многих воздушных армиях эту высокую должность занимали в годы войны выпускники курса фотооружия Военно-воздушной академии им. Жуковского.

Это сегодня я могу без труда рассказать об основных чертах работы инженера-инспектора. А в декабре 1942 года, имея хорошую теоретическую подготовку и необходимый минимум военных знаний, я не представлял всего содержания и организации предстоящей работы: действовал на основе здравого смысла и интуиции. Шел, можно сказать, на ощупь, приобретая опыт и уверенность.

В профессиональном отношении я мог рассчитывать только на свои знания. Ни в инженерной службе, ни в разведке воздушной армии не было более подготовленного специалиста, чем я.

В инженерной службе наиболее подготовленными были инженеры полков и дивизий по спецоборудованию самолетов. Они руководили работами механиков и техников по фотооборудованию и имели практические знания в этом деле. Однако фотооборудование для них было лишь одной частью спецоборудования и для них не самой главной в деле обеспечения постоянной боеготовности самолетов — основной задачи инженеров. Тем не менее инженеры по спецоборудованию самолетов были моей главной опорой в авиачастьях, а я, в свою очередь, проводил с ними занятия по изучению средств и способов аэрофоторазведки.

Среди разведчиков воздушной армии высшую профессиональную подготовку Должен иметь начальник аэрофотослужбы — заместитель начальника разведки.

Занятия с инженерами по спецоборудованию 244 БАД

Однако в начальный период моей работы в 17 ВА эту должность занимал летчик-наблюдатель, не имевший достаточных знаний и опыта в области аэрофоторазведки.

Лишь в 1944 году начальником аэрофотослужбы армии стал профессионал — подполковник Светлов. Он окончил в двадцатые годы Высшее фотограмметрическое училище Красной армии, а перед назначением в нашу армию был начальником учебной части Давлекановского авиаучилища разведчиков.

Светлов был не только профессионалом, но и образцовым офицером, прекрасным человеком. Он по-отечески относился к многочисленным, в основном молодым, специалистам аэрофотослужбы армии, многие из которых были воспитанниками Давлекановского авиаучилища. Мы с ним очень хорошо проработали вплоть до окончания войны.

Начальствующий и преподавательский состав

Давлекановского авиаучилища разведчиков, 1941 г.

Сидят: первый слева — начальник учебной части училища А.Н.Светлов (с 1944 г. начальник АФС 17 ВА), в центре — начальник училища Н.К.Карпович, оба — выпускники Высшего Фотограмметрического Училища Красной Армии в 1923 г.

Такова была ситуация в области профессиональной деятельности. В организационном же отношении служба инженеров-инспекторов в армии была хорошо организована: все инспекторы, кроме меня, имели большой практический опыт работы в авиачастях. Подсказывали, помогали в решении возникавших у меня проблем. Особенно я подружился с очень активным, веселым,

любившим и умевшим пошутить инспектором, курировавшим штурмовую авиацию — Токмачевым, прозвавшим меня «Смоленским рожком».

В целом в инженерно-авиационной службе армии ценилась и поощрялась самостоятельность, творческая инициатива каждого, утвердились деловые, демократические взаимоотношения.

Очевидно, это определялось в значительной степени личностью главного инженера армии Алексея Лаврентьевича Шепелева. В начале тридцатых годов прошлого века по комсомольской путевке он поступил в Вольское авиаучилище, мечтая стать летчиком. Но судьба распорядилась иначе — летную специальность в училище закрыли, Алексея Лаврентьевича выпустили из училища авиационным техником и направили в колыбель русской авиации — Гатчину под Ленинградом. В ВВС Ленинградского военного округа Шепелев прошел все ступени инженерно-авиационной службы, в том числе и должность инженера-инспектора, встретил Великую Отечественную войну в блокадном Ленинграде, был ранен и остался в Ленинграде. Но в июле 1942 года его вызвали в Москву и назначили главным инженером 1-й бомбардировочной армии резерва Главного командования, преобразованной позже в 1-й бомбардировочный корпус.

На глазах Шепелева и его руками и талантом создавались технические средства нашей авиации, с которыми мы встретили ВОВ. Обладая огромным практическим опытом, хорошими организаторскими способностями и высокими человеческими качествами, он стал выдающимся офицером и генералом инженерно-авиационной службы.

Обычная рабочая обстановка в инженерной службе. На столе — «ящик» полевого телефона; над ним стоит наш нештатный начальник штаба М.А.Бейдер; кто-то только что вернулся из части; задумался главный инженер А.Л.Шепелев

Обстановка в НАС и в целом в управлении армии определялась, конечно, и стилем работы командующего — генерала, впоследствии маршала авиации Владимира Александровича Судца.

Интересно, что он, как и некоторые другие выдающиеся летчики нашей страны, стал летчиком, начав службу в авиации с должности авиационного техника. Владимир Александрович придавал большое значение аэрофоторазведке, требовал подтверждения данных визуальной разведки материалами фотографирования, поддерживал внедрение в авиачастях способов фотоконтроля результатов боевых действий.

Появление в армии инженера-инспектора комсомольского возраста не прошло незаметно для политработников управления. Меня ввели в состав бюро комсомольской организации, а в 1943 году приняли в члены партии. Рекомендацию мне дали комсомольская организация и инженер-инспектор по авиавооружению — полковник А.И.Платонов; он любил повторять: «Самолет — это лафет для пушки». И действительно, организовал работы по установке на самолет 37-мм пушки...

Таков был общий фон обстановки, в которой мне предстояло работать.

Первые шаги

Моими первыми шагами было знакомство с людьми и положением дел в области аэрофоторазведки в частях армии, а также со специалистами фотоотделений, призванных обрабатывать и дешифровать материалы съемки. Последнее необходимо потому, что качество аэрофильмов зависит как от работы механика — техника по фотооборудованию, так и от фотохимической обработки фильмов, а в случае ночной фотосъемки — и от работы летчика и штурмана. Поэтому инженер по фотооборудованию должен знать, кроме устройства и эксплуатации фотоаппаратов, также аэрофотографию и уметь дешифровать аэроснимки.

Из событий начального этапа моей работы запомнились два эпизода.

Шел завершающий этап Сталинградской битвы. Обстановка очень быстро менялась, начальник аэрофотослужбы не успевал передвигать флажки, показывавшие на карте линию фронта. Непрерывно требовались данные разведки. И вот в эти дни меня вызывает начальник разведки — полковник Абалакин. Разведотдел поставил задачу на аэрофоторазведку одному из авиаполков. Оттуда пришел ответ: «Низкая сплошная облачность, с такой высоты фотосъемку производить нельзя».

Я по молодости сразу сказал: не может быть. Однако тут же подсчитал и убедился — они правы, будет недопустимый смаз изображения. Дело в том, что всех нас учили: допустимый смаз изображения равен 0,1 мм. Считалось, что такой смаз незаметен глазу и не мешает дешифрированию снимков. Я все же интуитивно решил — фотографировать и с этой высоты можно.

Действительно, смаз становится заметен, но и масштаб снимков при малой высоте съемки возрастает, в итоге объекты изображаются с нерезкими границами, но все же дешифрируются. В дальнейшем в ходе войны проблемы съемки с малых высот не существовало.

Второй запомнившийся мне эпизод был совсем другого типа. В декабре 1942 года в районе станции Глазуновской, где базировалось управление 17-й армии, стояли морозы минус 40°, по колено сыпучий снег. Я вылетел на самолете У-2 (впоследствии его называли По-2, в честь конструктора Поликарпова), в бомбардировочную дивизию, которой командовал Герой Советского Союза

И.Д.Антошкин.

Иван Диомидович Антошкин — генерал-майор авиации,
командир бомбардировочной авиадивизии

Сели на лыжах, пилот подрулил к командному пункту, я вылез из кабины, а самолет улетел.

На командном пункте находилось все руководство дивизии во главе с Антошкиным. Я был в меховых рукавицах, не снимая их, приложил руку к шлему и представился: товарищ полковник, старший инженер-инспектор и т.д. На что Антошкин ответил: «А почему вы рукавицы не снимаете, когда докладываете?..» (соблюдение правил армейского этикета должно быть в любой обстановке).

Оказалось, дивизия срочно перебазировалась на другой аэродром. Ждут только летной погоды. Там же стоит метеоролог — младший лейтенант, с одним кубиком в петлице, и уверяет: погода сейчас будет. А что делать с инженером из армии? (Т.е. со мной). Мест в самолетах нет, и командир отдает свою легковую автомашину М-1, которая следует к новому месту базирования дивизии с батальоном аэродромного обслуживания. Небо, как по волшебству, вдруг проясняется, и дивизия улетает...

Снег не идет, но ветер гонит у земли снежные вихри. Дорога не видна, ее отмечают только высокие шесты с метелками из прутьев вверху. Иногда машину берет на буксир гусеничный трактор, и она буквально плывет на своем брюхе по снегу. Вот тут я вспомнил слова из известной песни: «...В той степи глухой замерзал ямщик».

Это был один из первых моих выездов в часть. Потом их было бесконечное множество. Далеко не всегда инспекторы летали, чаще добирались попутным наземным транспортом. В планшете всегда были листы топографической карты на всю территорию базирования авиации фронта; помогали регулировщики — неизменные спутники фронтовых дорог.

Но летать все же пришлось много, по разным поводам и при разных обстоятельствах, на обычных связных, грузовых, санитарных и даже вдвоем во второй кабине самолета По-2. Говорили, что за сбитый По-2 фашистские летчики получали железный крест. Но у нас все обходилось благополучно. Лишь однажды, уже в самом конце войны, когда мы были на территории Австрии, вылетел в часть начальник нашего отдела эксплуатации полковник Фролов. Вообще-то он, по сравнению с инспекторами, выезжал в части редко. Пилотом нашего связного По-2 в это время был боевой летчик, на гимнастерке — три ордена Боевого Красного Знамени, «списанный» на По-2 по здоровью. И вот их атаковал «мессершмит». С первого захода промахнулся. Пока разворачивался на второй заход, летчик успел посадить самолет. Они выбрались из кабины самолета и побежали в разные стороны. «Мессершмит» со второго захода поджег По-2 и ранил в бедро летчика, к счастью, пуля не задела кость. Фролов отделался испугом и синяками. Судьба!

Год 1943

Это был год тяжелых боев и сражений, великих побед; переломный год, когда стало окончательно ясно: фашистская Германия будет разгромлена. А для меня, да и для всей только что созданной 17-й воздушной, это был первый фронтовой год.

«Бостон»

Завершающий этап битвы под Сталинградом. По еще заснеженным дорогам потянулись колонны пленных. Вид жалкий: кутались во что только могли, поддерживали друг друга, ослабевшие падали, и никто их не подымал. Охрана наша немногочисленна — бежать пленным было некуда, и сил для этого не было...

Весною войска Юго-Западного фронта (ЮЗФ), в том числе и наша армия, вышли на рубеж Северного Донца. Позади — тяжелые бои, и на обширной территории осталось много подбитых в бою и совершивших вынужденную посадку самолетов нашей армии. Весенняя распутица затрудняла их эвакуацию. У некоторых самолетов дежурили оторванные от своих частей авиамеханики.

У 17-й ВА еще нет собственной ремонтной базы. А время не ждет, и авиаремонтные подразделения НАС под руководством Шепелева, не дожидаясь централизованного получения авиаремонтных средств, начали действовать. Развернулся поиск и восстановительный ремонт трофейных автомобилей, станков и другого оборудования, необходимого для выполнения ремонтных работ. Инженеры нашей службы выезжали в госпитали и находили среди раненых солдат необходимых нам токарей, слесарей и других специалистов, которые после выздоровления направлялись для дальнейшей службы в нашу армию.

В сжатые сроки были созданы и укомплектованы необходимыми специалистами подвижные авиаремонтные мастерские: ПАРМ-1, придававшиеся авиаполкам, более мощные ПАРМ-3 для дивизий и были получены из центра самолеторемонтные и мотороремонтные ПАРМ-10 и ПАРМ-8.

Создание собственных ремонтных средств позволило оперативно восстанавливать поврежденные самолеты, ведь ИАС армии каждое утро представляло командующему доклад о количестве исправных самолетов во всех частях армии.

О возможностях созданной авиаремонтной базы и высоком профессиональном уровне знаний инженеров авиационной службы армии свидетельствует выполненная в полевых условиях серьезная модернизация состоявшего на вооружении 244-й бомбардировочной авиадивизии (БАД) американского самолета «Бостон», выпускавшегося как штурмовик — в носовой части четыре крупнокалиберных пулемета с боеприпасом к ним. Вместо пулеметов в носовой части было оборудовано прекрасное рабочее место штурмана; сзади-вверху установлена башня с крупнокалиберным пулеметом и оборудовано рабочее места стрелка-радиста. Американское бомбардировочное оборудование было заменено на отечественное, что позволило увеличить бомбардировочную нагрузку до 1000 килограммов при взлете с грунта и 1200 килограммов при взлете с бетонки. Получился прекрасный фронтовой бомбардировщик и разведчик. Облетанный в армии, он был представлен в Москву, получил там одобрение, и было рекомендовано всем авиачастям ВВС, имевшим на вооружении «Бостоны», произвести такую модернизацию.

Фронтовой бомбардировщик и разведчик 244 БАД (модернизация штурмовика США).
Аэродром Тузлы, 1944 г.

Так ИАС воздушной армии оперативно решила задачу первостепенной важности — создала собственную авиаремонтную базу.

Мои задачи

Для меня главным в 1943 году было:

- ✓ освоение эксплуатации аэрофотоаппаратов вообще, и особенно при съемке с больших высот и зимой;
- ✓ разработка аэрофотоустановок для самолетов истребительной, штурмовой и бомбардировочной авиации;
- ✓ освоение ночной аэрофотосъемки.

Непосредственными исполнителями работ по эксплуатации аэрофотоаппаратов были механики и техники по фотооборудованию. Все работы, в том числе зарядка-разрядка фотопленки, обычно выполнялись в землянках, непосредственно на полевых аэродромах, редко — в автофотолабораториях.

На больших высотах вследствие низкой температуры воздуха снижалась эластичность аэрофотопленки — увеличивалась механическая нагрузка рабочего электродвигателя, возрастала вероятность отказа аппарата.

Немало неприятностей возникало и в связи с тем, что при попадании находившегося некоторое время при низкой температуре аппарата в более теплую среду на светофильтре, объективе и выравнивающем стекле (а иногда и на аэропленке) конденсировалась влага, которая при отрицательных температурах замерзала. Соответственно, портилось изображение. В боевых условиях самолетам-разведчикам нередко приходилось резко изменять высоту полета, так что оптика фотоаппарата запотевала, влага в процессе дальнейшего полета успевала замерзнуть, и после посадки иногда, даже в теплый летний день на объективе еще сохранялись льдинки.

Зимой запотевание происходило, если с мороза внести фотоаппарат в теплое помещение. Чтобы избежать запотевания, надо было обеспечивать такой режим хранения и перемещения аппаратов, чтобы охлажденный аппарат не попадал в теплую среду. Если же запотевание произошло, то до нового вылета на разведку аппарат следовало высушить, что в полевых условиях, особенно зимой, сделать непросто.

В результате анализа и обобщения опыта работы была выпущена инструкция по эксплуатации аэрофотоаппаратов в зимних условиях.

Механики и техники по фотооборудованию — малозаметные труженики фронта, редко отмечавшиеся высокими наградами, проявляли удивительную изобретательность и мастерство в преодолении всех возникавших трудностей, обеспечили в годы войны многие тысячи боевых вылетов на разведку и внесли свой достойный вклад в нашу победу.

При разработке конструкции и размещении в самолете аэрофотоустановки необходимо было выполнить следующие основные работы:

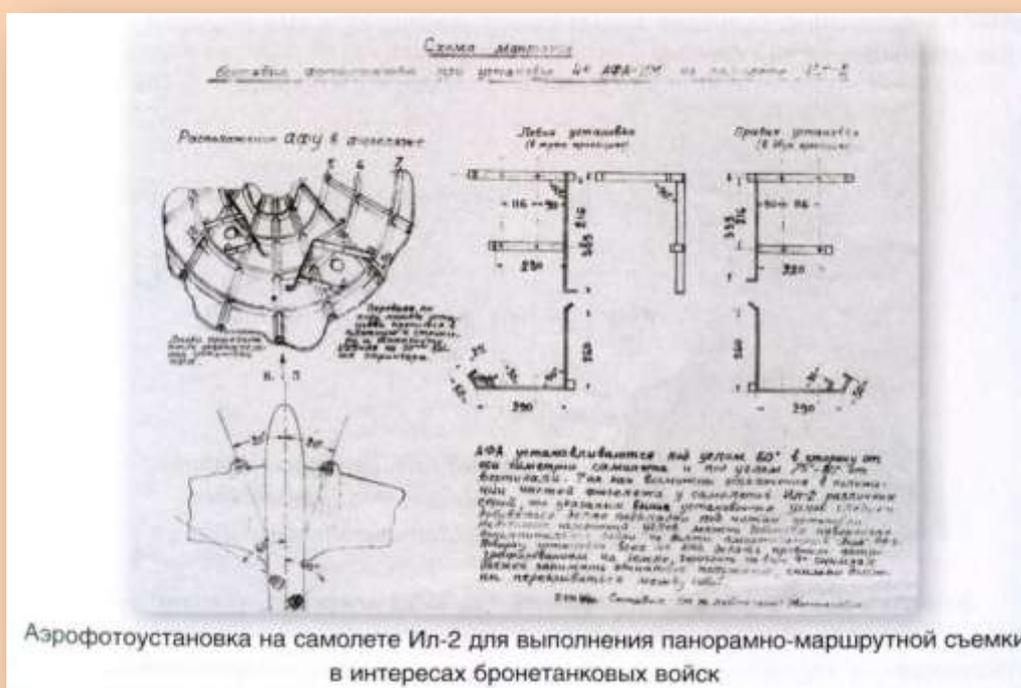

- ✓ рассчитать углы отклонения оптической оси фотоаппарата от вертикали, обеспечивающие выполнение планируемого вида съемки с данного типа самолета (плановой, перспективной,

- панорамной, ночной, для фотоконтроля боевых действий);
- ✓ определить место размещения установки и элементов конструкции самолета, к которым она может крепиться;
- ✓ рассчитать местоположение фотолюка в фюзеляже самолета;
- ✓ выбрать удобное местоположение командного прибора фотоаппарата в кабине летчика;
- ✓ наметить маршрут прокладки электрокабелей, связывающих камерную часть фотоаппарата с командным прибором и источником электропитания самолета.

При этом не должна быть нарушена прочность и центровка самолета. А основным инструментом у инженера была логарифмическая линейка, с которой я не расставался всю войну, да была у меня еще студенческая записная книжечка с основными формулами тригонометрии и теории ошибок.

Много часов пришлось провести в фюзеляжах самолетов — Яковлевых, Лавочкиных и Ильюшиных, обдумывая и измеряя. В результате рождался чертеж АФУ, и в ПАРМ-1 или ПАРМ-3 они изготовлялись и монтировались на самолетах. При этом все работы планировались так, чтобы не препятствовать полетам самолетов на боевые задания.

Запомнился разговор с командиром 5-го гвардейского ИАП, дважды героем Советского союза В.А.Зайцевым³⁴.

В полк пришли новые Ла-5. Думаю, ему, летчику, было больно смотреть, как в этих прекрасных, красивых самолетах в деревянном фюзеляже вырезались «дырки»-фотолюки. Он сказал мне: «Инженер, вы тут режете самолеты, а нам воевать на них надо». Я ответил: «И воевать, и разведку вести, а резать мы будем так, чтобы не мешать боевым вылетам».

В дальнейшем у нас с ним были нормальные деловые отношения. К несчастью, в конце 1943 года при перелете на прифронтовой аэродром на самолете У-2 при выполнении вынужденной посадки Зайцев получил травмы. После лечения в госпиталях в свой полк не вернулся.

К сожалению, это был не единственный случай. Я хорошо знал инспектора по технике пилотирования армии майора Свирина. Мы не раз с ним выезжали в одну и ту же часть. Однажды он прилетел в истребительный полк на самолете УТ-1. Это маленький, красивый деревянный «ястребок». Но очень строгий в пилотировании. Улетая, Свирина сделал крутую горку, на вершине ее

³⁴ Зайцев В.А. за годы ВОВ совершил в общей сложности 427 боевых вылетов, проведя 163 воздушных боя и сбив лично 34 самолета, в составе группы 19 самолетов и принудив к посадке на свой аэродром 2 самолета противника.

свалился в штопор и погиб...

Из данных, приведенных в книге «Гриф секретности снят» (М.: Воениздат, 1993 г.) известно: за годы войны (22 июня 1941 г. — 9 мая 1945 г.) небоевые потери авиации составили 51,2%. То есть больше половины наших самолетов уничтожил не враг, а мы сами. Среди многих причин этого феномена (ускоренная подготовка летчиков в годы войны, освоение новых типов самолетов и др.) определенную роль играл психологический фактор.

Василий Александрович Зайцев,
командир 5-го гвардейского
истребительного авиаполка

До войны в авиации формировались два типа летчиков, условно — «чкаловский» и «громовский». «Чкаловский» можно определить так: «мастерство и удаля молодецкая», а «громовский» — «мастерство и высокая самодисциплина». Когда В.Чкалов пролетал под мостом через Неву в Ленинграде, за что потом сидел на гауптвахте, то это воспринималось как нечто героическое, образец летного искусства и храбрости, которые и нужны настоящему летчику на войне. Думаю, что большинство молодых летчиков стремились быть похожими на Чкалова. Правда, при этом не все из них обладали такими природными данными, как он. Во всяком случае, громовский образ был гораздо менее привлекателен для молодого человека и меньше пропагандировался. Однажды М.Громов сказал, что никогда не разобьется на самолете. Такое заявление летчика-испытателя звучит просто дерзко, верх самоуверенности и ноль суеверия. Но он действительно прожил большую жизнь и не разбился. Основанием такой самоуверенности, возможно, были отличная физическая подготовка (Громов был мастером спорта) и глубокие разносторонние знания, в том числе и инженерно-технические. Доверяя механикам, техникам и инженерам, готовившим его самолет, он никогда не взлетал, не проверив все лично.

Ночное фотографирование

Ночное фотографирование намного сложнее дневного. Не вдаваясь в подробности, приведу для общего представления схему его выполнения.

Съемка производилась фотоаппаратом НАФА-19 при освещении местности от взрыва специальной фотобомбы ФТАБ-35. Особенностью ночного фотоаппарата НАФА-19 было то, что перед съемкой его фотозатвор был открыт, а закрывался он тогда, когда вспыхивали фотобомбы. Считалось — ночь, темно, пленка не будет засвечиваться. Однако на войне пожары, трассы снарядов и пуль при полете к району съемки фиксировались и портили изображение объекта съемки. Позже, сначала в авиаполках, а потом и промышленностью ночные фотоаппараты дорабатывались, и фотозатвор открывался и закрывался только в момент вспышки фотобомбы.

Для получения хорошего ночного аэроснимка необходимо добиться оптимального взаимного расположения объекта разведки, точки взрыва фотобомбы и поля зрения аппарата. Это достигается путем расчета угла отклонения оптической оси фотоаппарата от вертикали, времени замедления взрыва фотобомбы и угла прицеливания на объект.

Взрыв ФОТАБ в поле зрения фотоаппарата НАФА-13

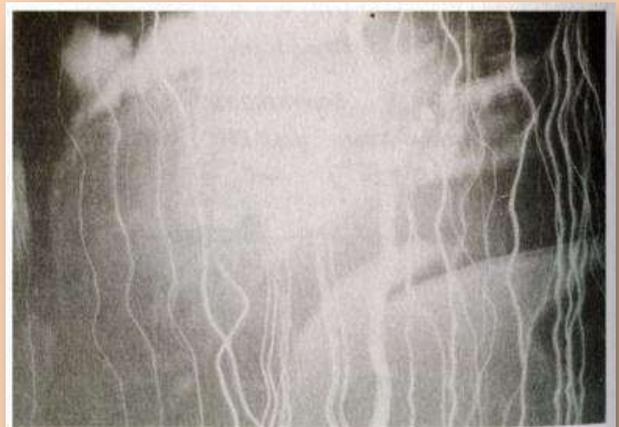

Следы трассирующих пуль и снарядов

Ночные фотоснимки

Взрыв ФОТАБ на краю поля зрения фотоаппарата НАФА-19

Бои за Днепр, следы пожаров

а)

б)

а) Ночной фотоснимок железнодорожной станции

б) Отпечаток с того же негатива с сильной передержкой. 1, 2, 3 — батареи зенитных орудий. Отличие в расстояниях между вспышками обусловлено степенью синхронности стрельбы

Ночное фотографирование было освоено экипажами 449-го ночного бомбардировочного полка 244 БАД, летавшего на модернизированных «Бостонах», и одним из полков 262-й ночной бомбардировочной авиадивизии, летавшей на самолетах По-2.

«Бостоны» чаще летали со стационарных аэродромов. Провожая экипажи на съемку, я не раз встречался с начальником парашютно-десантной службы армии, готовившим небольшие группы парашютистов к полету в тыл врага.

Ночные же бомбардировщики По-2 базировались обычно поближе к линии Фронта на малозаметных полевых аэродромах. Там вместе с молодым, под стать мне, инженером полка по авиавооружению Николаем Гавриловым мы готовили самолет и экипаж к первым ночным съемкам и из отрытой на аэродроме щели наблюдали за вспышками разрывов фотобомб. После этого вместе с экипажем изучали получение фотоснимки.

Все расчеты, применительно к скоростям и высотам полета самолета, готовились заранее и сводились в таблицы. По выполнению ночной фоторазведки была выпущена специальная инструкция для летчика и штурмана. Летчик должен был точно вести самолет. Опустил нос самолета — вспышка фотобомбы попадет в поле зрения аппарата, задрал нос — поле зрения уйдет от освещенного участка местности.

Главным итогом выполнения моих первоочередных задач в 1943 году было обеспечение непрерывного ведения днем и ночью аэрофоторазведки не только разведывательной авиации, но и экипажами истребительных, штурмовых и бомбардировочных авиачастей армии, а также освоение различных способов фотоконтроля боевых действий штурмовой и бомбардировочной авиации.

Перед Белгородско-Курской битвой главный инженер Шепелев информировал нас о роли, которая отводилась 17 ВА в предстоящей битве, уточнил наши задачи, и мы разъехались в части. Я — в один из истребительных авиаполков. Предстояло познакомить летный состав с новым командным прибором аппарата - АФА-ИМ.

На рассвете 5 июля наши бомбардировщики и штурмовики нанесли мощный удар по аэродромам противника. В воздухе развернулись ожесточенные схватки с вражескими истребителями.

Первая группа самолетов вернулась с задания, летчики, мысленно еще в воздухе, оживленно вспоминают смертельную карусель, развернувшуюся над вражеским аэродромом... Сев в кружок на зеленую травку, мы начали знакомиться с новым командным прибором.

Задачей нашей армии была поддержка действий наземных войск Воронежского фронта (командующий — Вату́тин) и блокирование фашистской авиации на аэродромах в зоне действия нашей армии.

Днепр

Войска нашего фронта стремительно приближались к берегам Днепра, где у многих тысяч бойцов и офицеров остались родные хаты и близкие люди. И у меня в Киеве — мама с моей двоюродной сестрой Галей и ее дочкой Машей, родившейся в июле 1941 года.

Мост через р. Днепр в районе Запорожья. Сентябрь 1943 г.

И вот однажды в Старобельске я услышал прекрасную по содержанию и музыке песню, которая теперь редко звучит, «Ой, Днипро, Днипро». Она для участников битвы за Днепр стала путеводной звездой на этом трудном пути.

На рассвете 10 октября в войсковые части поступила листовка Военного совета ЮЗФ с призывом: «Освободим Запорожье и Днепрогэс». Начались тяжелые бои.

Командующему воздушной армии Судцу принесли еще не просохшие аэроснимки Запорожья; его реакция: «Здорово немцы окопались. Днепрогэс опоясан тремя линиями оборонительных сооружений. А сколько укреплений на подступах к городу и внутри его. Нелегко будет его взять, но надо».

Немцы ожесточенно оборонялись, и Малиновский решил атаковать город ночью. 14 октября Запорожье было взято штурмом. Фашисты взорвали заводы Запорожья, машинный зал и основные сооружения Днепрогэса, заминировали его плотину. К счастью, взрыв ее удалось предотвратить.

Плотина Днепрогэса. 14 октября 1943 г.

25 октября были освобождены Днепропетровск и Днепродзержинск.

После взятия Запорожья и Днепропетровска ЮЗФ был переименован в 3-й Украинский фронт, Р.Я.Малиновский остался его командующим.

Инженерно-авиационная служба разместилась в заводском благоустроенном поселке имени

Н.К.Крупской под Днепропетровском. Меня поселили вместе с молодым летчиком нашего связного По-2 в трехкомнатном доме. У хозяйки дома была молодая дочка, звали ее Лена. В день приезда я был дежурным по нашей службе, поэтому оставил в доме вещи и не ночевал. Утром вернулся с дежурства, а мой коллега говорит: «Знаешь, у нас сегодня ночью забрали немца обер-лейтенанта Августа и Лену!» Я спросил хозяйку: «Как же так?» «Он ночью постучался, мороз...» — «Почему же не разбудили квартиранта?» — «Я хотела утром...» — «А зачем же в подпол его спрятали?..» Лена в 1941 году окончила школу, знала неплохо немецкий. Познакомилась и стала жить с обер-лейтенантом. В то время как ее родной брат воевал на фронте и бил фашистов. Мы еще не уехали из поселка, от него пришло письмо матери.

Невольно вспомнил Тараса Бульбу Гоголя, его сыновей — Остапа и Андрея. Очевидно, в жизни довольно часты такие ситуации, если и Гоголь более ста лет тому назад описал подобную...

В конце 1943 года на правом берегу Днепра был создан плацдарм протяженностью порядка 400 км и на 100 км в глубину.

Впереди была Правобережная Украина.

Год 1944

Этот год — год освобождения городов Правобережной Украины: Никополя и Кривого Рога, Николаева, Херсона и Одессы. Год Яско-Кишиневской операции и выхода наших войск на Балканы; он запомнился мне поездкой в Москву на сборы инженеров по фотооборудованию воздушных армий и разведывательных авиаполов, разработкой нового способа аэрофоторазведки — панорамно-маршрутного, Яско-Кишиневской операцией и первыми впечатлениями о Румынии и Болгарии.

В начале 1944 года с участием 4-го УФ была проведена Никопольско-Криворожская операция: 6 февраля был освобожден Никополь, а 22-го — Кривой Рог.

В образовавшийся прорыв была введена конно-механизированная группа генерала И.А.Плиева; она проникла глубоко в тыл немецких войск, оторвалась от своих тылов, и 17 ВА осуществляла доставку группе по воздуху боеприпасов и продовольствия.

Сергей Семенович Бирюзов
начальник штаба 3-го Украинского
Фронта

Фёдор Иванович Толбухин
командующий 3-м Украинским
Фронтом

10 мая была освобождена Одесса, а в конце мая произошли изменения в командовании фронтом. Генерал армии Фёдор Иванович Толбухин был назначен командующим 3-м УФ. Начальником штаба фронта стал генерал-полковник Бирюзов. Малиновский возглавил 2-й УФ.

Началась оперативная пауза, использовавшаяся для подготовки Яско-Кишиневской операции.

Это было время особо интенсивной аэрофоторазведки. Она выполнялась не только экипажами

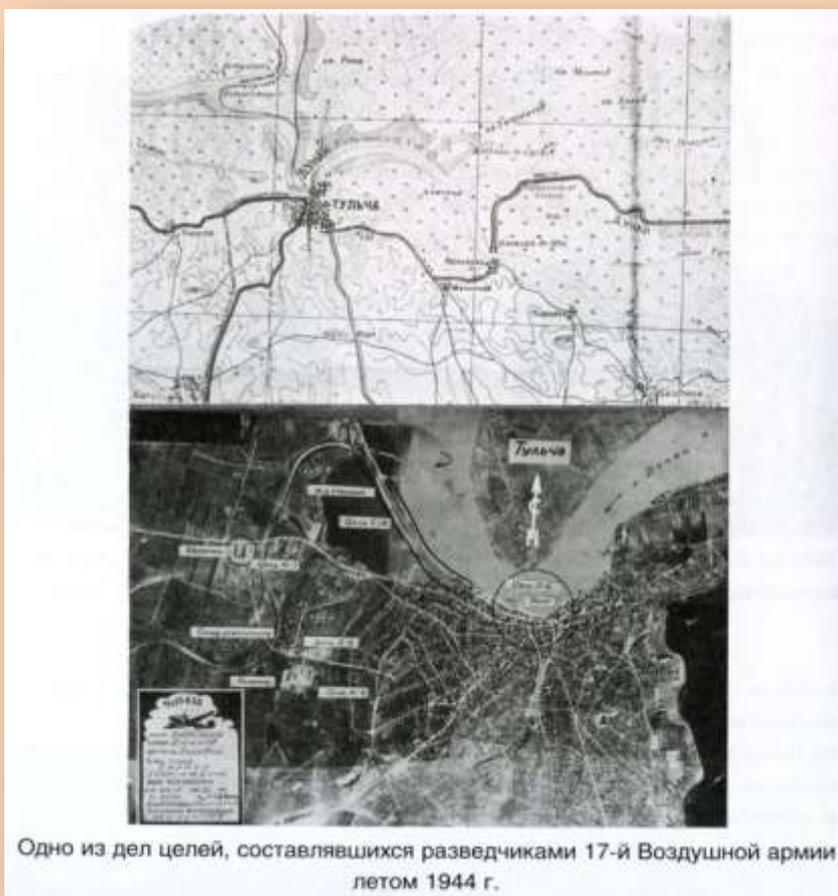
разведполка, но и всеми разведчиками бомбардировочной, штурмовой и истребительной авиации.

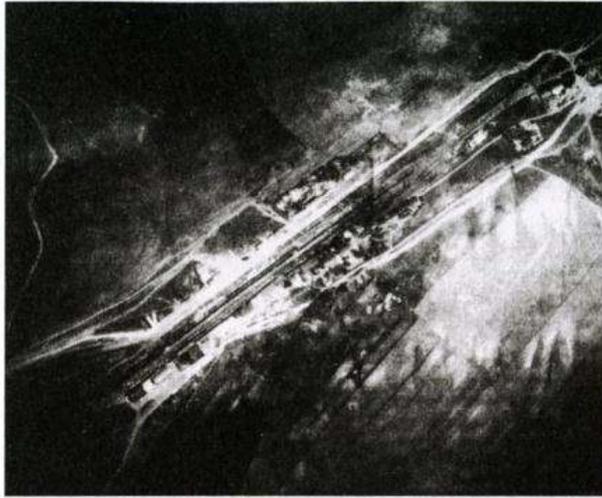
Офицер разведотдела 17-й воздушной армии Казаков докладывает материалы аэрофоторазведки начальнику аэрофотослужбы армии А.Н.Светлову

Велось непрерывное наблюдение за работами противника по строительству оборонительных сооружений. Особое внимание уделялось маскировке своих войск. Аэрофоторазведка контролировала ее. Выявленные малейшие недостатки в маскировке немедленно устранялись.

В апреле 1944 года я вылетел из Кривого Рога в Москву на сборы инженеров по фотооборудованию.

Одно из дел целей, составлявшихся разведчиками 17-й Воздушной армии летом 1944 г.

Ночной снимок железнодорожной станции Кайнари.
13 июля 1944 г. 24 часа 55 мин.

В Академии им. Жуковского, где мы и жили, нас познакомили с результатами анализа опыта работы различных воздушных армий, последними отечественными и зарубежными достижениями в области аэрофоторазведки. Мы выезжали в ГосНИИ ВВС, где познакомились с образцами новых аэрофотоаппаратов и наземных фотосредств, а также с работами, которые велись по применению киносъёмки для целей аэрофоторазведки.

Обратно летел через Киев, впервые за три с лишним года увидел похудевшую, осунувшуюся маму, сестру Галю и уже почти трехлетнюю ее дочку Машу. Выжили они благодаря активности, присущей Гале, которая с риском попасть в какую-либо облаву ездила по деревням и селам, обменивала все, что только было у нас — пошли в ход и мои вещи, оставшиеся в Киеве, — на продовольствие.

Участники сборов инженеров по фотооборудованию, бывшие студенты МИИГАиК, прошедшие подготовку в ВВА им. Н.Е.Жуковского.

Сидят в первом ряду: А.Романча, Я.Затульский;

Сидят во втором ряду: Ю.Разумовский, А.Черный, Б.Лускин, комиссар факультета электроспецоборудования Гассоян, начальник факультета С.П.Фролов, ст. преподаватель Шапошников;

Стоят: Л.Матиясевич, П.Викторов, В.Зуйков, А.Гладков, А.Рютин, Б.Крюков, И.Корнюшин, Б.Кудряшев

Прошел по Крещатику — узкая тропинка среди подымавшихся слева и справа гор кирпича. Говорили: взорвали наши, заминировав перед оставлением Киева и дождавшись, когда в зданиях разместятся немцы.

Из Киева добрался до Днепропетровска, где еще базировалась одна из ПАРМ нашей армии. Оттуда перелетел на По-2 к месту нашего нового базирования в Гетманцы. Запомнились обширные участки степной местности, расписанные многочисленными виражами следов, оставленных гусеницами танков, кое-где стояли еще не убранные подбитые танки (была весна).

В Гетманцах мы базировались вплоть до начала Яско-Кишиневской операции. Я в этот период длительное время работал на аэродроме одного из полков штурмовой авиации, разрабатывая аэрофотоустановку для принципиально нового способа аэрофоторазведки — съемки маршрутов в интересах бронетанковых войск. Обучал летный состав работе с ней и наблюдал за результатами ее боевого применения. Это была непростая задача.

Самолет Ил-2 — фоторазведчик с крутого планирования выходил на маршрут съемки на высоте 25-50 метров. Для подавления зенитных средств противника над ним на высоте 600-800 метров шла пара или четверка «илов». Иногда всю группу прикрывали истребители. И все-таки самолет-фотограф возвращался с задания с многочисленными пробоинами от пуль и осколков снарядов. К счастью, потерь мы не имели.

Замечательный штурмовик Ил-2, гроза фашистов, успешно вел аэрофоторазведку

Репродукция одной из панорам маршрута, выполненного счетверенной установкой аппаратов АФА-ИМ с самолета Ил-2. Талмаз, август, 1944 г. 17 ВА

Такие маршруты позволяли экипажам танков изучить характер местности, естественные и искусственные препятствия, расположение огневых средств и других элементов обороны противника на пути предстоящего движения.

Другая, необычная для аэрофоторазведки, работа - площадная аэрофотосъемка с целью составления (обновления) топографических карт выполнялась 39 ОРАП.

Для съемки использовался аэрофотоаппарат ВВС США типа К-176. Он имел хорошие измерительные свойства и обеспечивал за один заход самолета фотографирование маршрута шириной в полторы высоты полета.

Л.М.Матиясевич, старший инженер-инспектор 17 ВА по фотооборудованию, 1944 г.

Надо было установить на самолет аэрофотоаппарат, научить экипаж им пользоваться и объяснить особенности аэрофотосъемки для картографических целей.

Была произведена съемка ряда районов Бессарабии и Румынии. Иногда приходилось выполнять задания на предельной дальности полета самолета. Аэрофотослужба армии производила фотохимическую обработку фильмов, и они отправлялись в топографический отдел штаба фронта.

Яско-Кишиневская операция

В Яско-Кишиневской операции участвовали 2-й и 3-й Украинские фронты. Однако далее речь пойдет только о действиях 3-го Украинского фронта. Войска этого фронта продолжили путь «от Сталинграда до Вены», которому посвящен этот раздел книги. Но главное даже не в этом. Перед 3-м УФ была создана глубоко эшелонированная полевая оборона, размещавшаяся за мощной водной преградой — Днестровский лиман и река Днестр. На Западном берегу Днестра наши войска имели лишь небольшой плацдарм. Так вот, при подготовке и проведении наступательных операций, связанных с преодолением полевой обороны противника, чрезвычайно важное значение имели данные аэрофоторазведки. Умелое их использование сохраняло жизни тысячам солдат и офицеров. Так было еще в Первую мировую войну (Брусиловский прорыв), так было и при прорыве Линии Маннергейма в советско-финскую войну, так действовали подлинно талантливые военачальники в годы Великой Отечественной войны.

Фрагменты полевой обороны перед 3 УФ

Ходы сообщения, стрелковые ячейки и минометные окопы

Вот как писал об этом в 1944 году один из командующих фронтом: «Аэрофоторазведка для нас — это все. Без аэрофоторазведки мы слепы. То, что мне дает войсковое наблюдение, это меня как командующего не удовлетворяет, лишь по фотосхемам, и не только по переднему краю, но и в глубине (сочетая их с другими данными) я могу принять решение на операцию».

Противотанковые рвы, огневые позиции артиллерии,
ходы сообщения, стрелковые ячейки

Однако, к сожалению, не все командующие так думали и так действовали...

Именно поэтому необходимо рассказать о действиях 3-го УФ, действиях его командующего — Ф.М.Толбухина, являющихся ярким примером умелого, талантливое использования возможностей аэрофоторазведки при подготовке и проведении операций.

Ночью 20 августа в войсковые части была спущена листовка с приказом командующего фронтом о переходе в наступление.

Митрофан Иванович Неделин, командующий артиллерией 3-го Украинского Фронта

Операция началась в 8 часов утра 20 августа артиллерийской и авиационной подготовкой, длившейся 1 час 43 минуты. Артиллерией командовал генерал М.И.Неделин, будущий командующий ракетными войсками стратегического назначения Советского Союза.

Авиацией командовал генерал В.А.Судец, впоследствии маршал авиации и начальник Главного штаба ВВС.

Основной задачей 17-й воздушной армии было обеспечить продвижение наземных войск на направлении главного удара.

Судец, наблюдал с выносного пункта управления, как бомбардировщики и штурмовики волна за волной обрабатывали передний край обороны.

После артиллерийской и авиационной подготовки передовые батальоны, поддержанные танками, перешли в атаку и прорвали первую линию обороны; в прорыв двинулись основные силы.

На направлении главного удара непрерывно действовали штурмовики, группами по 12-24

Разгром фашистских войск в Яско-Кишиневской операции

самолета наносили удары по артиллерийским и минометным позициям, командным и наблюдательным пунктам, узлам связи, уничтожали живую силу противника.

Бомбардировочная авиация в это время наносила удары по штабам, уничтожала подходящие резервы противника; эффективность действий авиации определялась надежными данными разведки.

Наши истребители господствовали в воздухе.

К вечеру 20 августа войска продвинулись в глубину обороны на 11-12 километров.

Командир немецкого батальона капитан Ганс Либша, взятый в плен 20 августа, на допросе не

переставал удивляться тому, что «русские совершенно точно узнали расположение всех огневых точек, огневых позиций, командных и наблюдательных пунктов и очень точно наносили по ним удары». Это — свидетельство не только качества разведки, но и умения эффективно использовать ее данные.

Блестящий успех 3-го и 2-го УФ в Яско-Кишиневской операции: убито и взято в плен 300000 вражеских солдат и офицеров, уничтожено и захвачено около 400 самолетов, 350 танков, 4000 артиллерийских орудий, более 33000 автомобилей; освобождена Молдавия, выведена из войны Румыния, открыт путь нашим войскам на Балканы, в Венгрию и Австрию. Конечно, этот успех — результат колоссальной работы, выполненной в период подготовки и проведения операции командующими, командирами и штабами всех степеней, мастерства и героизма наших войск, но в нем, безусловно, была и доля труда аэрофоторазведчиков.

Берлинская операция

Прежде чем перейти к рассказу о своих первых впечатлениях о встрече с Румынией и Болгарией, хочу еще раз подчеркнуть, как велико значение аэрофоторазведки и важно умение, способность военачальников использовать ее данные при проведении наступательных операций, связанных с преодолением полевой обороны противника. Для этого приведу один пример, хотя и не относящийся к повествованию о пути 17-й воздушной армии «от Сталинграда до Вены», но ярко показывающий, сколь дорого в годы войны мы платили за неумелое использование чанных, полученных аэрофоторазведкой и игнорирование их в процессе планирования и проведения стратегических операций.

Для этого кратко расскажу о Берлинской операции 1945 года, «...обобщившей многообразный боевой опыт, накопленный и творчески освоенный советскими войсками в ходе Великой Отечественной войны... и являющийся... наивысшим образцом сталинского военного искусства» (БСЭ, 2-е изд., том 5, с. 35).

В 1945 году интенсивность ведения аэрофоторазведки достигала своего максимума — 7,5% всех боевых вылетов авиации выполнялось на фоторазведку. Для обеспечения Берлинской операции в период с 20 марта по 16 апреля 1945 года было выполнено 2588 самолето-вылетов на разведку, оборона противника на всю глубину была сфотографирована восемь раз. Маршал Советского Союза Г.К.Жуков в своих воспоминаниях (Г.К.Жуков. Воспоминания и размышления. 8-е изд., том 3) пишет: «По результатам съемок, трофейным документам и опросам пленных составлялись подробные схемы, планы, карты, которыми снабжались все войска и командно-штабные инстанции до рот включительно» (стр. 218).

Операция началась 16 апреля в 5 часов утра. «В течение 30-минутного мощного артиллерийского огня противник не сделал ни единого выстрела. Поэтому было решено сократить время артподготовки и немедленно начать общую атаку» (Там же, стр. 231). «Утром 16 апреля на всех участках фронта советские войска успешно продвигались вперед. Однако противник, придя в себя, начал оказывать противодействие со стороны Зееловских высот своей артиллерией, минометами... Зееловские высоты... закрывали глубину обороны противника, делали невозможным наблюдение ее с земли... Артиллеристам приходилось... зачастую стрелять по площадям» (стр. 232). «К 13 часам я отчетливо понял, что огневая система обороны противника здесь в основном уцелела... Для того чтобы прорвать оборону, мы решили... ввести в дело дополнительно обе танковых армии...» (стр. 233).

Оборона была прорвана через двое суток, утром 18 апреля. Размышляя в дальнейшем над ходом сражений 16 и 17 апреля и причиной задержки в прорыве тактической зоны обороны, Г.К.Жуков отмечает: «При подготовке операции мы несколько недооценили сложность характера местности в районе Зееловских высот, где противник имел возможность организовать труднопреодолимую оборону» (стр. 235).

Если отдешифрованные фотосхемы обороны противника были использованы, как это уже практиковалось в других наступательных операциях, для распределения целей между артиллерией и авиацией, подготовки исходных данных для артиллерийской стрельбы на всю глубину обороны противника и целей авиации, то причин того, что после артиллерийской и авиационной подготовки «...огневая система обороны противника ... в основном уцелела...» могло быть только две: неполнота вскрытия системы обороны при дешифрировании или непрофессиональные действия нашей

артиллерии и авиации.

Проводившиеся специальными фронтовыми комиссиями проверки результатов дешифрирования материалов аэрофотосъемки полевой обороны после занятия последней нашими войсками показали высокую надежность вскрытия всех важнейших элементов обороны (выявляются 80-90% оборонительных сооружений и огневых средств). Нет также оснований сомневаться в уровне мастерства наших артиллеристов и авиаторов (ведь шел 1945 год), а количество сил артиллерии и авиации, участвовавших в Берлинской операции, было существенно больше, чем во многих других операциях.

Таким образом, остается только предположить, что при подготовке операции материалы аэрофоторазведки обороны противника не были должным образом использованы (действительно, с земли «глубину обороны противника не видно», но на отдешифрированных фотосхемах аэрофоторазведки она хорошо видна). Следствием же было: артиллерийская стрельба по площадям, атака обороны противника, в которой сохранились основные огневые средства, ввод танковых армий для прорыва обороны, и в итоге главное — неоправданная гибель тысяч наших солдат и офицеров...

После такого отступления вернемся на путь «от Сталинграда до Вены».

Окончилась Яско-Кишиневская операция, освобождена территория Молдавской Республики... Открыт путь на Балканы: Военный совет 3-го УФ издал директиву: «Красная армия вступает в Румынию как высокоорганизованная, культурная и дисциплинированная армия, армия советского

народа, несущего на своих знаменах освобождение народу от немецко-фашистского гнета. Красной армии чужд произвол в отношении мирного населения. Каждый солдат и офицер Красной армии должен высоко нести честь и достоинство армии советского народа».

В нашей, воздушной армии политотдел проводил беседы о румынском и болгарском народах, о нашей великой освободительной миссии. В армейской газете был опубликован краткий русско-румынский словарь.

Войска 3-го УФ были готовы к походу на Балканы.

Это был действительно освободительный поход, в результате которого две страны — Румыния и Болгария, — длительное время бывшие сателлитами фашистской Германии, за один месяц, сентябрь, стали нашими союзниками!

Такое невероятное событие произошло в результате сочетания ряда факторов.

Первое, самое главное, — это наши победы в Сталинградской битве, на Курской Дуге и в Яско-Кишиневской операции. Румынские войска в этих операциях получили жестокий урок и утратили свою мечту о Великой Румынии — до Южного Буга. В то время советское правительство еще в апреле 1944 года сделало заявление, что «...оно не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии и что вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника».

Какое-то воздействие на румынское руководство имел, очевидно, и массированный боевой удар по военно-морской базе Румынии в порту города Констанца, нанесенный 19 августа 1944 года авиацией Черноморского флота.

Советские войска вошли в Бухарест

Вероятно, все эти события явились главной причиной того, что 23 августа 1944 года, еще до завершения Яско-Кишиневской операции, король Румынии Михай опубликовал декларацию о прекращении военных действий против Объединенных Наций (Советский Союз, Англия, Франция и США). Фашистская Германия пыталась наказать Румынию за «богоотступничество», но Михай остался верен своей декларации, и наши войска беспрепятственно вошли в Румынию, а власти Румынии всемерно способствовали их продвижению.

Колонна советских войск в Бухаресте

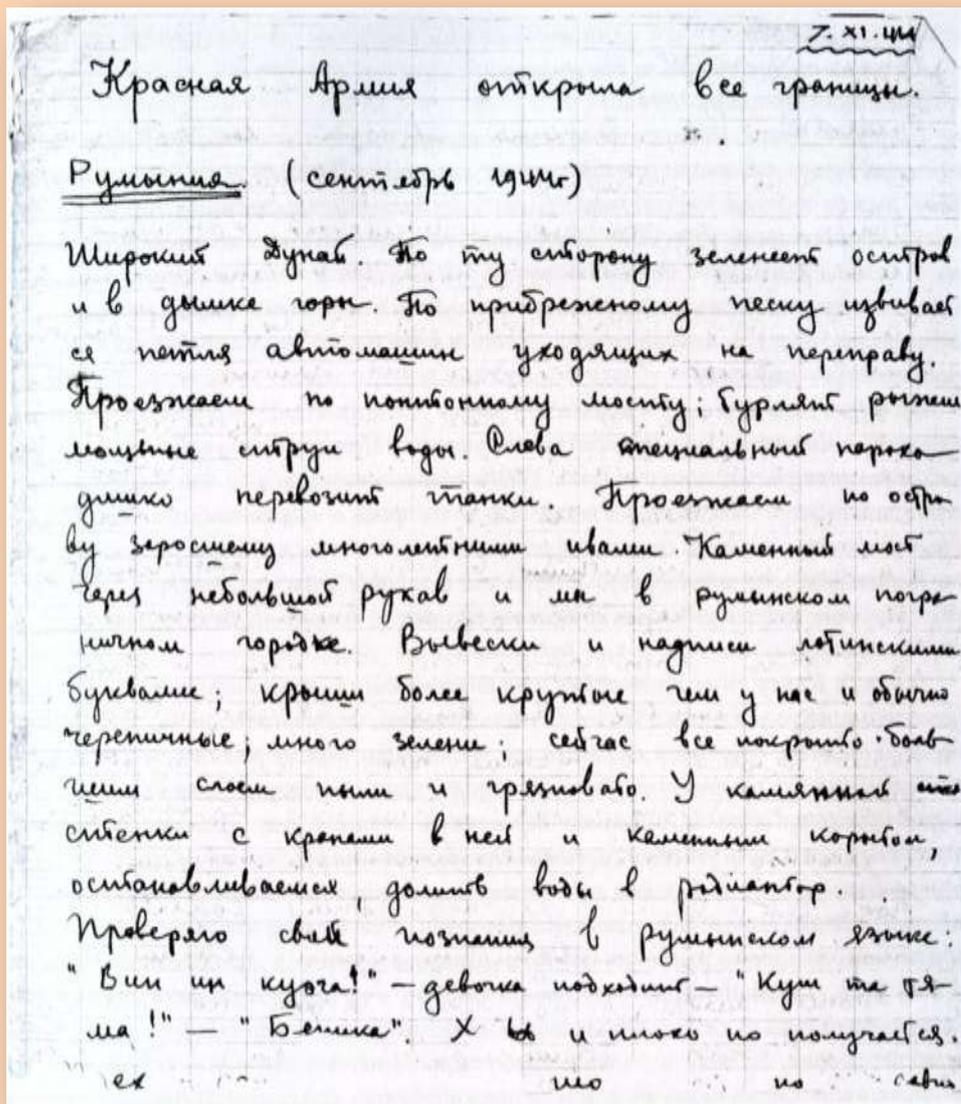
После окончания войны, в июле 1945 года король Михай был за это награжден орденом Победы, а так как он был летчиком, советское правительство подарило ему два самолета По-2.

Король Румынии Михай, награжденный советским правительством орденом «Победа».
Бухарест, 19 июля 1945 г.

Таков схематически был наш путь в Румынию. Какой я ее увидел? Ведь прошло уже 70 лет с тех пор! Я вспомнил, что единственный раз за всю войну, в конце 1944 года записал какие-то свои впечатления. Нашел в своем архиве пролежавшую без движения десятки лет тоненькую школьную тетрадку, которую купил в Софии. Мы всегда получали деньги той страны, в которой находились. Lei в Румынии, левы в Болгарии, динары в Югославии, пенго в Венгрии, шиллинги в Австрии, хотя редко могли что-либо на них купить.

Прочитал свои записки, вспомнились какие-то детали.

В целом — записки молодого человека, выросшего и воспитанного в Советском Союзе и попавшего в этот проклятый буржуазный мир, немного наивные, в значительной степени посвященные всяким бытовым мелочам. Но все же они дают какое-то представление, как тогда это было. Поэтому решил не переделывать, а привести фрагменты этих записей без изменения.

Итак, «7.XI.44

Красная армия открыла все границы

Румыния (сентябрь 1944 г.)

Широкий Дунай. По ту сторону зеленеет остров, и в дымке горы. По прибрежному песку извивается петля автомашин, уходящих на переправу. Проезжаем по понтонному мосту: бурлят рыжие мощные струи воды. Слева специальный паромоход перевозит танки. Проезжаем по острову, заросшему многолетними ивами. Каменный мост через небольшой рукав — и мы в румынском пограничном городке. Вывески и надписи латинскими буквами, крыши более крутые, чем у нас, и обычно черепичные, много зелени; сейчас все покрыто слоем пыли и грязновато. У каменной стенки с крапом в ней и каменным корытом останавливаемся долить воды в радиатор.

Проверяю свои познания в румынском языке: «Вин ин куэга!» — девочка подходит. «Куш та тьяма!» — «Беника». Хоть и плохо, но получается. Поехали дальше. Дорога шоссейная, но давно не ремонтируется: много выбоин. Едем в облаках пыли; за эти дни по дороге проходит столько машин, сколько наверняка не прошло за все время ее существования. Мелькают деревни, кое-где

вместе с нашими девушками-регулирующими стоят фигуры румынских полицейских. Коричневая неприятная форма, огромная фасонная фуражка, на груди металлическая бляха с номером, вместо флажков кружок на палочке со знаком «Проезд закрыт», козыряют нам тщательно.

Темно; в Констанцу приезжать ночью нет смысла, решаем ночевать в ближайшей деревне. На улице пустынно и тихо. Первая попытка договориться через закрытые двери о ночлеге неудачна, друг друга не понимаем, и открыть нам не решаются. Но вот появляется полицейский, говорит по-русски, квартиру нам отводят. В доме неважно: две деревянные кровати, стол и какой-то деревянный станок для производства материи. Подходят еще два полицейских солдата. Оба говорят по-русски. Один из русской деревни в районе Галаца, другой был два года полицейским где-то в районе Николаева. Ему там очень понравилось, хочет после войны снова туда. Это из тех, которые «организованно» грабили нас, а потом, когда наступала Красная армия, и вся Великая Румыния до Южного Буга, Транстристия - все летело к черту, они полностью дали волю своим мелким воровским душонкам и воровали коров, овец, гусей, взламывая двери и даже проламывая стены сараев. Ну что ж, потом разберемся. Пока же, очевидно, «предусмотрительные» румыны поставили его здесь как знатока русского языка для лучшего обслуживания проходящих частей Красной армии. Утром - в Констанцу.

Констанца уже изгладилась в памяти. В общем-то, впечатление серенькое. Несколько красивых, больших домов в центре города, в районе вокзала (вокзал дрянной), да маленький бульварчик. Брусчатка шоссе для входящих в город. Большой, но разрушенный порт. На нескольких центральных улицах непрерывный ряд магазинов, товаров много. От самого города обрывистый спуск к морю совершенно не благоустроен, тут же помойная свалка; для спуска - гнилая деревянная лестница. В воскресенье все магазины закрыты. В обычные дни в 1 час вся жизнь прекращается, магазины, рестораны - все закрывается до 5 часов.

Заходили в лавчонку, торгующую арбузами, хозяин читает в румынской газете итоги разгрома немцами Кишинева и пытается нам рассказать, и на румынском языке - не понимаем. Тогда: «Sprechen Sie deutsch?» - «Нет, по-английски немного» - «O! You speak English! Very good!» И мы немедленно получаем объяснение на английском языке, положение спасает только то, что материал нам уже знаком, и мы с грехом пополам соображаем, что он говорит. Второй раз, покупая бублики, когда мне их завязали на веревочке, по старой привычке я буркнул «Thank you», стоявший рядом старик сейчас же воскликнул: «Ah, you speak English!», я на ходу ответил «Yes» и умчался на машину. Отбросив небольшое число богачей, поселившихся в Италии, Франции и т.д. и знающих несколько европейских языков, надо сказать, что многие простые крестьяне, часто неграмотные, владеют тремя-четырьмя языками, обычно румынским, болгарским, турецким, русским.

В городе основным занятием является торговля всякого рода. В магазинах, так сказать, официальная; в толкучках бирж, в ресторанах, игорных домах идут различные темные сделки. Толстопузые «джентльмены» с утра до ночи болтаются в подобных местах, попивают вино, кофе, играя в карты, в кости - и крутится-вертится шар... темный.

На улицах много оборванных чистильщиков сапог, если не хотите, чтобы они вас преследовали на каждом углу, чистите сапоги. Мазь обычно немецкая. После смазки обычной сапожной мазью прямо руками втирается еще бесцветная паста, после чего сапоги как лакированные.

Рискнул я раз в Констанце побриться. Подцепили мне грязную салфетку, холодное мыло размазали по физиономии рукой, ободрали, как барана, а когда для дезинфекции решил одеколоном освежить лицо, то парикмахер налил немного одеколона себе в руку и размазал по моей физиономии; удовольствие ниже среднего.

Да, о Констанце осталось последнее. Воскресенье. На бульварчике играет сводный духовой оркестр румынских моряков. Гуляет публика. Вокруг оркестра - толпа слушающих. Выходит наш краснофлотец и, жестикулируя, оживленно о чем-то беседует с капельмейстером оркестра; я решаю, что, очевидно, он тоже военный музыкант, и тут идет профессиональный разговор. Но вот они, кажется, поняли друг друга. Моряк довольный отходит в сторону, а оркестр ударяет фокстрот, краснофлотцы подхватывают барышень, и в кругу начинаются танцы. Румыны сходятся со всей улицы посмотреть, на, очевидно, не вполне обычное для них зрелище. После первого танца - бурные аплодисменты зрителей. За фокстротом пошло танго и т.д.

Заходим в кино, билет стоит около 100 лей. Какой-то дрянной американский фильм,

бесконечные монологи действующих лиц, никакой жизни. Мы на сеанс опоздали немного, но нас пропустили в зал, контроль с карманным фонариком быстро находит нам места. Зрителей очень мало. К нашему удивлению, опоздали не мы одни. В течение 15-20 минут непрерывно входят все новые и новые посетители. Кино частное, и с каждого сеанса надо выколотить как можно большие деньги, поэтому, очевидно, зрители и впускаются в любое время киносеанса. Температура в зале подымается, хочется спать, и, не дождавшись конца, мы убегаем. Вот, пожалуй, все, что осталось в памяти от Констанцы.

А дальше Меджидия. Железнодорожная станция, мельница, церковь, мечеть, базар, ряд магазинов, кафе-ресторан. Характерно в Румынии, что булочная является и пекарней (или, точнее сказать, в пекарне продают хлеб, так как никакого особого магазина обычно нет). Таких небольших пекарен много. Город стоит в облаках пыли, днем и ночью непрерывным потоком движутся машины, танки, пушки. В течение нескольких дней не прерывается этот грохочущий поток - вот она, частица Красной армии, много раз уничтожавшейся геббельсами всех мастей. Румынские солдаты и офицеры старательно приветствуют нас. Одеты солдаты неважно, обмотки-ботинки, иногда чуть не босые.

В общем, население одевается серенько, как в Меджидии, так и в Констанце, хотя мануфактура и продается свободно в магазинах. Живу в небольшом доме, очень чисто. Хозяин - грек, хозяйка - русская из Галиции, еле-еле говорит по-русски, но все же договориться можно. Относятся ко мне очень хорошо. Заходил в дом к купцу (здесь будет жить полковник). Дом комнат на десять. У жены его еще есть дом в Меджидии же. Сын лет 30 окончил какой-то коммерческий институт в Риме, говорит по-итальянски и по-французски. Один наги капитан говорит по-испански. Оказывается, они - один по-испански, другой по-итальянски - с грехом пополам могут объясниться. Чаще встречаются учившиеся в разных коммерчески, и торговых учебных заведениях, дети богачей обычно учатся за границей: в Италии, Франции, Германии. Принято (в богатых домах) утром натоцак и вечером есть варенье, чаще из розы, и запивать обычной холодной водой. На стеклянном подносе приносят в маленьком блюдечке варенье, тут же стоит стакан чистой холодной воды. Вообще, подавать чистую воду принято везде: в кондитерской вместе с пирожными, к мороженому, в кафе и то подают в стакане или бокале чистой воду.

Ну вот, пожалуй, и все румынские впечатления. Мало и поверхностные. Дальше летом в Калараш. Места довольно красивые. Калараш - большой аэродром: одна бетонированная полоса, несколько больших ангаров. Отсюда - перелет в Болгарию. Границы, как ни всматривался, не заметил».

Таковы мимолетные впечатления о Румынии. Мы проехали ее очень быстро. Впереди — Болгария, которая была важным звеном в нашем дальнейшем, уже боевом движении в Югославию, Венгрию и Австрию.

Освобождение Болгарии

Обстоятельства превращения Болгарии в нашего союзника были сложнее, чем у Румынии. Братский народ Болгарии всегда помнил помощь России в освобождении Болгарии от турецкого ига. Он показался мне очень политизированным, хорошо знал нашу историю, следил за ходом войны, и его дружественное отношение еще больше укрепилось после наших побед в 1943-1944 годы.

Но реакционное монархистское руководство страны превратило ее в сателлита фашистской Германии.

Под руководством болгарской рабочей партии (коммунисты), возглавлявшейся Георгием Димитровым, находившимся в Москве, в стране ширилось движение за свержение профашистского правительства. Мой близкий друг Николай Щербань, с которым мы еще в 1933-1934 годах учились в Киевском авиационном рабфаке, перед войной был борттехником тяжелого гидросамолета «Каталина» в Севастополе. В начале войны они бомбили Плоешти, а однажды высаживали у Черноморского побережья Болгарии группу болгарских коммунистов (после окончания войны он был награжден за эту операцию болгарским орденом).

Быстро миновав Румынию, войска 3-го УФ подошли к границе Болгарии. Мы верили в дружественные чувства болгарского народа, но все же должны были быть готовы ко всему.

Утром 8 сентября все было готово к наступлению. Войскам был отдан приказ командующего фронтом: «Советские воины! Перед вами Болгария, правители которой продали свою страну немцам

и ввергли свой народ в чуждую для него войну. Наступил час расплаты с гитлеровскими разбойниками и их подлыми прислужниками. Приказываю: войскам 3-го Украинского фронта перейти румыно-болгарскую границу, стремительным ударом разгромить встречающегося врага, уничтожить гитлеровских захватчиков в Болгарии и освободить родственный нам болгарский народ от немецко-фашистского ига».

Торжественный марш колонны советских войск по улице Софии

Советские солдаты среди жителей освобожденной Софии

От экипажа связного самолета, совершившего посадку на болгарский аэродром и передовых подразделений сухопутных войск, перешедших границу, поступали сообщения: болгарский народ с нетерпением ждет прихода Красной армии: «Добре дошли, наши освободители!»

Ликующий народ на улицах Софии в день вступления Красной армии в город

В 11 часов 8 сентября без единого выстрела началась операция по освобождению Болгарии от монархо-фашистской диктатуры. Необходимо было в кратчайшие сроки создать группировку войск, обеспечивающую защиту границ Болгарии и надежно прикрывать ее столицу — Софию от воздушного нападения. Авиация Черноморского флота и торпедные катера высадили воздушный и морской десанты на Черноморское побережье Болгарии, ликвидировав таким образом опорные пункты фашистской Германии на Черном море. Были созданы две основные группировки сухопутных войск и авиации — на юго-востоке, для предотвращения возможного нападения со стороны Турции, сосредоточившей вблизи турецко-болгарской границы 20 дивизий, и на северо-западе Болгарии для ликвидации угрозы нападения немецких войск, отступавших из Греции вдоль железнодорожной магистрали Салоники — Ниш — Белград; прикрытия столицы Болгарии — Софии от воздушного нападения и создания плацдарма для последующего наступления с целью освобождения восточных районов Югославии и Белграда.

Присутствие советских войск создало благоприятную обстановку для вооруженного восстания против монархо-фашистского руководства страны; с гор спустились партизанские отряды. Населенные пункты один за другим при поддержке местных жителей переходили в руки комитетов Народного фронта, руководимого Болгарской рабочей партией. К вечеру 9 сентября в стране установилась народно-демократическая власть.

Созданное новое правительство Болгарии опубликовало декларацию, содержащую программу Отечественного фронта, заявление о немедленном разрыве отношений с фашистской Германией, призыв к скорейшей очистке территории страны от остатков гитлеровцев и монархо-фашистских деятелей и к вечной дружбе с Советским Союзом.

День 9 сентября стал национальным праздником Болгарии.

Согласно директиве Ставки Верховного Главнокомандования Советского Союза, генерал-полковник Бирюзов был направлен в Софию в качестве заместителя командующего фронтом для организации взаимодействия наших войск с болгарскими вооруженными силами.

Вскоре была создана 1-я Болгарская армия, которая совместно с войсками 3-го УФ приняла участие в последующих боевых действиях на территории Югославии, Венгрии и Австрии.

Посольство Германии вместе с некоторыми министрами бывшего правительства, захватив архивы и ценности, бежало из Софии на поезде в сторону болгарско-турецкой границы.

Командующий фронтом приказал Судцу найти и задержать поезд. Развернулась настоящая детективная операция с участием бомбардировщиков, истребителей, десантников и гонки на автомобилях. В итоге беглецы были задержаны, свыше двухсот гитлеровцев охраны — разоружены.

Все действия наших войск в Болгарии проходили на фоне неизменного проявления ее жителями искренних чувств дружбы, благодарности солдатам и офицерам, в целом Красной армии и советскому народу.

Сбылись слова одного из участников освобождения Болгарии от турецкого ига - генерала Гурко, написанные им в 1878 году в Софии: «Пройдут годы — и потомки наши, посетив эти дикие горы, с гордостью и торжеством скажут: «Здесь прошли русские войска и воскресили славу суворовских чудо-богатырей».

Иосиф Владимирович Гурко (1828–1901 гг.) — русский генерал-фельдмаршал, наиболее известный благодаря своим победам в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

И вот в исторические сентябрьские дни 1944 года у памятника героям Шипки была торжественно установлена мраморная доска с замечательными четверостишиями:

*Вдали от русской матери земли,
Здесь пали вы за честь отчизны милой.
Вы клятву верности России принесли
И сохранили верность до могилы.*

*Вас не сдержали грозные валы,
Без страха шли на бой святой и правый,
Спокойно спите, русские орлы,
Потомки чтут и множат вашу славу.*

*Отчизна нам безмерно дорога,
И мы прошли по дедовскому следу,
Чтобы уничтожить лютого врага
И утвердить достойную победу.*

Сентябрь 1944 г.

Этим уникальным свидетельством преемственности поколений в историческом масштабе времени закончу краткий рассказ об общих событиях сентября 1944 года в Болгарии.

Памятник Свободы. Шипка

Надо бы перейти к записанным тогда впечатлениям о встрече с этой страной, но не дают покоя мысли о дне сегодняшнем. Не могу поверить, что болгары, братушки, забыли все то, что сделали для их независимости русские солдаты, и сейчас активно обсуждают вопросы о сносе памятников советским воинам³⁵, в частности, знаменитого памятника «Алёша» в Пловдиве.

Памятник «Алёша»

Офицеры и генералы 3-го УФ, встав на колени, преклонили головы перед памятником

---

³⁵ В Софии — в начале 1990-х годов болгарские власти демонтировали памятник Толбухину. Он был увезен в Россию и установлен в городе Тутаеве Ярославской области.

героям Шипки, торжественным маршем прошло небольшое подразделение войск, грянул и повторился эхом залп...

Алёша

*Белеет ли в поле пороша,
Пороша, пороша,
Белеет ли в поле пороша
Иль гулкие ливни шумят,
Стоит над горою Алёша,
Алёша, Алёша,
Стоит над горою Алёша -
В Болгарии русский солдат.*

*Белеет ли в поле пороша,
Пороша, пороша,
Белеет ли в поле пороша
Иль гулкие ливни шумят,
Стоит над горою Алёша,
Алёша, Алёша,
Стоит над горою Алёша
В Болгарии русский солдат.*

*И сердцу по-прежнему горько,
По-прежнему горько,
И сердцу по-прежнему горько,
Что после свинцовой пурги.
Из камня его гимнастерка,
Его гимнастерка,
Из камня его гимнастерка,
Из камня его сапоги.*

*Немало под страшною ношей,
Под страшною ношей,
Немало под страшною ношей
Легло безымянных парней,
Но то, что вот этот - Алёша,
Алёша, Алёша,
Но то, что вот этот - Алёша,
Известно Болгарии всей.*

*К долинам, покоем объятим,
Покоем объятим,
К долинам, покоем объятим,
Ему не сойти с высоты.
Цветов он не дарит девочкам,
Девчатам, девочкам,
Цветов он не дарит девочкам,
Они ему дарят цветы.*

*Привычный, как солнце и ветер,
Как солнце и ветер,
Привычный, как солнце и ветер,
Как в небе вечернем звезда,
Стоит он над городом этим,
Над городом этим,
Как будто над городом этим
Вот так и стоял он всегда.*

Известная популярная военная песня.
Музыка: Э.Колмановского. Слова: К.Ванишенкина.

Вернемся к Болгарии сентября 1944 года

«Аэродром Добрыч. Прилетели 8 «Фокке-вульф-189» (рамы) - болгарские летчики перешли на нашу сторону. Мелькают фигуры в незнакомой серой форме - это болгарские летчики.

Добрыч - довольно красивый каменный город, улицы мощные, много пубрики, оживленно, работает кино, бегают чистильщики сапог: «Братушка! Братушка! Почистим! Гайда! Я мастер». В кино идут «Волочаевские дни» под заголовком «Наглый самурай» и американские картины. На окраине, в железнодорожном поселке домишки маленькие, невзрачные, мусор сваливается посредине улицы, кое у кого есть ишаки, изредка оглашающие воздух «скрипом ржавого железа».

Если говорят по-болгарски медленно, можно почти все разобрать, меня хозяин так же понимает. Вечером, когда прихожу, он с женой приходит, и начинается беседа. Их интересует все, что делается в Советском Союзе: как учатся, сколько получают зарплату,

как работают в колхозе. Чувствуется, что люди прицеливаются, примериваются, как бы это подошло им.

Тут есть и коммунисты. Хозяин мой не коммунист и не революционер, но он имеет солидный политический кругозор, о Советском Союзе он знает гораздо больше, чем этого можно было ожидать. Немцы выкачали из Болгарии кожу, и основная обувь в городе к деревне - башмаки, туфли на деревянной подметке, постолы, если настоящая кожаная обувь, то обычно старая (донашивают).

Армия одета хорошо, видно, что не воевала. Солдаты в кожаных сапогах, коричневая форма из грубого сукна, пуговицы коричневые же, пластмассовые. Пилотка со львом и сбоку со щитом из трех цветов национального флага: белый, зеленый, красный, фуражка с кокардой, погон уже нашего образца. Капитан носит 3 звезды. Оружия мало и старое, техники почти нет. Приветствуют все нас с энтузиазмом.

Да, «помылись» мы в Добруче подходяще. Баня частная: хочу - топлю, хочу - нет. Разделись, а воды нет и нет. Раздеваются каждый в отдельной кабинке (кушетка, столик, вешалки). Только когда сказали, что забираем деньги и уходим; да отдать стало, видно, жаль, и нас скоренько пустили. Под кранами с холодной и теплой водой - цементная ванночка, примурованная к стене, отверстия для спуска воды нет, мойся в этой лоханке, потом небольшой мисочкой вычерпывай грязную воду - веселенькое занятие.

На заборах надписи: «Да здравствуют пираны!» - это пока непонятно.

Едем по шоссе в Варну. Дорога красивая. Перед Варной вид замечательный, синеют горы, большой спуск в долину к морю. В Варне я был всего несколько часов. Город мне очень понравился. Каменный, чистый, крашеный, много зелени, бульвары, клумбы, аллеи, памятники, церкви, вокзал.

Морской берег разделан прекрасно. Небольшой парк, лестница к морю, вдоль - непрерывный ряд кресел, внизу прекрасная купальня: слева - мужская, половина справа - женская, посредине длинный мол, на конце его вышки метров до 12 высоты. Тут вы можете получить плавки, купальный костюм, халат, полотенце, простыню, принять горячую морскую ванну, лежать на песке. Время до отхода поезда очень мало, но я не могу удержаться, чтобы не погрузиться в замечательную изумрудную воду. Пара прыжков с вышки, и я бегу одеваться, предусмотрительно каждому дают тряпочку, чтобы стряхнуть с ног песок. Одевается какой-то болгарский солдат, нижнее белье у него шелковое - белые трусы и рубашка с короткими рукавами - удобно.

В городе много магазинов, виноград, яблоки, персики. В дорогу покупаем винограда и садимся в поезд. Путь до Софии почти через всю Болгарию. Мы как офицеры имеем право на II класс, старшие офицеры - на I. Вагон купированный, мягкий, но только сидячий. Дорога идет по узкому ущелью - очень красиво. Часто остановки. Местечки лепятся на склонах гор, отдельные дома иногда забираются очень высоко. Крыши черепичные.

Вот так я попытался запечатлеть типичный болгарский дом

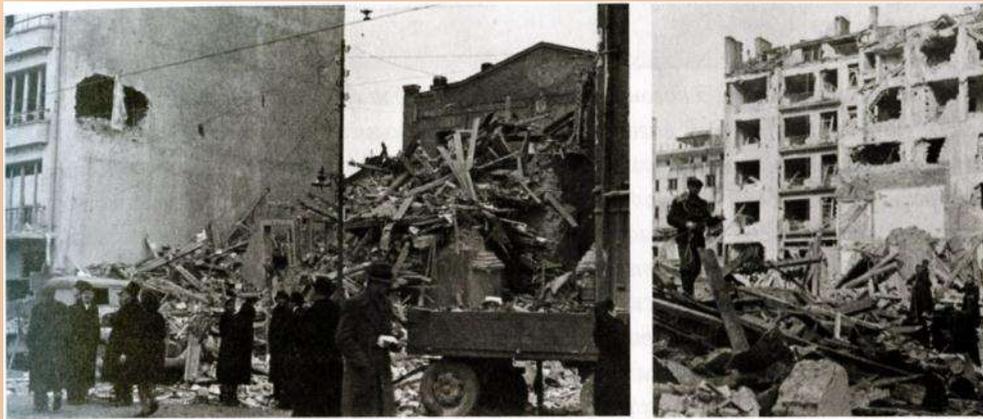
Дома обычно 2-этажные с верандой на втором этаже восточного типа. Стены домов завешены краснеющими связками перца (паприка). Дорога идет вместе с речкой, много раз ее пересекая мостами, то лепится под отвесными скалами, то отходит от них. Перед Софией 22 туннеля.

Пасутся овцы и черные буйволы с утиными ласковыми мордами и мощными завернутыми назад рогами. Ездят на коровах. На станции - советские флаги, лозунги «Да здравствует Красная армия!», «Да здравствует Советский Союз!». Цветы, пятиконечные звезды с серпом и молотом. Братушки нами очень интересуются. Обо всем спрашивают и, как правило, имеют незаурядные знания в области истории, географии, политики, знают Толстого, Пушкина, Горького, Лермонтова, Гоголя, русские песни, историю нашей партии, Маркса, Ленина, Сталина. Знают, конечно, не все, а кто знает, тот учил нелегально. Краткий курс истории ВКП(б), вышедший на болгарском языке, был немцами изъят. Русских писателей знают, так как целый ряд их произведений неоднократно издавался на болгарском языке. В гимназии учат 2 года русский язык (1 раз в неделю по 2 часа).

С нами в купе едет поручик-артиллерист. Идет беседа. Его интересуют разные вопросы. Например, какова роль и назначение комиссара в войсках (в Болгарии введен институт политических комиссаров). Я объясняю. Он доволен - теперь ему ясно. А то фашистская пропаганда распространяла самые невероятные вещи. Заходит разговор о роли артиллерии в современной войне. Привожу слова т. Сталина: «Артиллерия - бог войны», поручик подхватывает и говорит: «Да, еще из биографии Сталина видно, что он большой стратег. Это видно из того, как в 1919 году т. Сталин организовал взятие фортов «Красная горка» и «Серая лошадь», - и поручик начинает рассказывать подробности этой операции, где какая была поставлена батарея и т.д. Затем он приводит пример, как т. Сталин организовал захват Тбилисского банка, перечисляет все подробности и говорит, что это была целая военная операция...

Поезд, в зависимости от дороги, тянется то одним, то двумя паровозами. Каждый кусочек земли вдоль дороги, свободный от леса или скал, обрабатывается. Пашня иногда лепится на невероятном уклоне. Часто попадаются необычные пирамидальные дубы или просто голые стволы. Это заготавливают корм для скота. Ветки дуба срубают, оставляя на корню ствол, который потом обрастает. Ветки же сушатся и укладываются в развилке какого-либо дерева в виде стога, стоящего на одной ножке. Все без исключения солдаты, когда поезд проходит мимо, встают и отдают честь.

В Софию прибываем с опозданием на несколько часов 20.IX.

Разрушения в Софии на улице Христо Ботева после американской бомбардировки

Аэроснимок сделан с американского бомбардировщика. Налет в апреле 1944 г.

Вокзал разрушен. Город так же сильно разрушен: это работа американцев и англичан. Некоторые 5-6-этажные здания расколоты сверху донизу, в некоторых бомба разорвалась в середине, и они разбухли, как бочки; вот большое железобетонное здание, бомба шла с наклоном и попала только в первый этаж, отколола кусок его и разорвалась в бомбоубежище. Целые кварталы в центре разрушены. Американцы приходили по 100 бомбардировщиков и истребителей в один налет. В Софии было много тысяч убитых и раненых. Почти все население покинуло город.

Сейчас жители понемногу съезжаются. Магазины разрушены и поэтому торговля разворачивается прямо на тротуарах. Налетов болгары боятся; когда днем на аэродром упало несколько бомб, все болгары мгновенно вскочили в машины и уехали за несколько километров в сторону от аэродрома. Но город вечером не затемняется. Свет выключают после объявления тревоги.

В городе много винограда, яблок. Виноград весь одного сорта - очень крупный, довольно грубый и не ароматный, это американский сорт, он хорошо переносит транспортировку. Много вина, коньяка, ракии, мастики, водки, но закуски нет. Хлеб по карточкам,

мяса, сахара нет. Чаще всего в корчме подадут вареную фасоль. Вообще, и в ресторанах, и в кондитерских все не вкусно, подают, как правило, медленно. Официанта подзывают стуком по тарелке или столу. Много продают вареные яйца, крашенные в луке (коричневатые). Яйцами обычно закусывают в пивных.

Вообще, пожалуй, в Софии через каждые 100 метров. - или корчма, или пивница, или кафе, или ресторан. Да, кофе я раз пробовал пить, мне принесли на подносе чашечку черного кофе, густого (чашка в 3 наперстка) и стакан чистой воды; как его пить - черт его знает!

По-южному вообще пьют вино, закусывая яблоками, виноградом и грецкими орехами или

вообще не закусывая, причем пьют понемногу (т.е. не вообще мало, а просто не залпом, а по несколько глотков). Пьют из бутылочек соответствующего объема - 100-200 граммов. Литр по-болгарски килограмм.

Трамвай обычно в 2-3 вагона, местами 1 вагон, за городом - одна колея с разъездами. Вагоны по классам: первый вагон с обычными сиденьями, как у нас, есть вагон, где нет совершенно сидений, только стоят. Входят и выходят в основном где попало (т.е. и с передней, и с задней площадки), причем я не раз видел, как в дверях давились: одни выходят, другие входят, и трамвай отходил пустой в середине, оставляя пассажиров, не успевших сесть. Но ни разу не видел, чтобы кто-либо сходил или садился на ходу.

На улице, в трамвае можно встретить молодого человека или мужчину в хорошем пиджаке, при галстуке и в коротких штанишках выше колена с огромными волосатыми ногами. Одеваются средне, но обувь у всех плохая или в прошлом хорошая, но уже заношенная, или различные туфли, ботинки на деревянном и пробковом ходу. Офицеры одеваются хорошо. Иногда поручика можно по внешнему виду принять за генерала. Довольно шикарная у них офицерская накидка. Старших офицеров почти не видно. С грязными сапогами там ходить трудно - чистильщики непрерывно атакуют.

В полной мере судить о красоте города трудно. Так много разрушений! Есть места красивые, но большинство улиц узкие, планировка неправильная, город не «ровный», есть большие дома и тут же малые.

Кино хорошее, высокий зал, большой уклон пола, хорошие кресла.

Собор Александра Невского в Софии

Новая баня в Софии

Что мне понравилось - это баня. Есть в центре старая баня около мечети - красивое большое здание.

Внутри есть бассейн и номера, сейчас все запущено, грязновато. Баня новой постройки расположена за садиком, и я вначале, пройдя, никак не думал, что это баня. Внутри очень чисто, есть кабинки с душами, в общей под кранами кафельная ванночка со сливом воды, и против каждой ванночки - душ, в раздевалке нет никаких роскошных диванов, но зато чисто и светло, все выложено белым кафелем, большие окна.

В квартирах, как правило, электропроводка вся сделана в стенах и на потолке, снаружи нигде проводов нет.

Как в Болгарии, так и в Румынии, Югославии в кухне часто висит специальная, аккуратно сделанная полка, на которой расставлен целый сервиз специальных фарфоровых (стеклянных) ящичков-бутылок с надписями: соль, сахар, уксус, горчица, пишено и т.д.

В спальне обычно стоят рядом две огромные кровати. Плотность населения в городе много меньше, чем у нас. Окраины города не красивые, дрянные домишки, много грязи.

На улице можно услышать газетчика: «Свобода»! «Заря»! «Политика»! «Отечественный фронт»! «Рабочая правда»! Или вдруг: «Ври! Ври! Ври а-а-а!»). Оказывается, это продают печеную тыкву, ее покупают кусками и тут же на улице едят.

На больших трамвайных остановках продают билеты, кроме того, есть везде и кондукторы.

На дверях партизанской столовой висит лозунг: «За добросовестень другарь контроля е излишни». В беседе с одной комсомолкой она сказала: «Мы немного разочарованы в вас, у вас много буржуазных черт, против которых борются наши коммунисты».

Какие ж?» - «Например, эгоизм, несерьезное отношение к женщине и др.».

На этом заканчиваются мои записки о Болгарии.

В них три сюжета: Добрич, поезд Варна — София и сама София.

Добрич (ныне Толбухин) — это первый пункт на территории Болгарии, где базировались управление и штаб 17 ВА.

Моя поездка поездом в Софию была вызвана тем, что планировалось кем-то в Москве создать кинофильм о Балканах путем киносъемки с самолета, и меня послали в Софию. Познакомился с молодым кинооператором, проконсультировал по вопросам установки киноаппарата на самолете. На этом закончилась моя кинодеятельность, дальнейшую судьбу этого проекта я не знаю.

Упоминание в записках партизанской столовой возникло не случайно. Наше управление размещалось в здании, где находился штаб партизанского движения Болгарии. Запомнился вход в здание: мощная широкая дверь, над ней — окошко, в нем — пулемет, у двери — партизан, автомат наперевес, на ремне гранаты.

В основном мы встречали в штабе молодежь — парни и девушки, все в гражданском, но под одеждой — пистолет. Они нам говорили: «Иногда устраиваем облавы, задерживаем сохранившихся еще сторонников прошлого профашистского режима». Об общем духе, царившем в штабе, и взаимоотношениях партизан свидетельствует в какой-то степени приведенное в записи объявление на дверях столовой, по-русски это примерно так: «При добросовестных товарищах контроль не нужен».

И еще о штабе. Запомнилось: однажды нас пригласили на комсомольское собрание. Народу было много, о чем говорили — не помню, но запомнилось и удивило следующее: очевидно, у болгарского комсомола не было своей песни, тем более гимна. И вот, закончив собрание, весь зал встал и стоя как гимн запел появившийся у нас незадолго до Отечественной войны спортивный марш. Не помню уже его название, остались в памяти только слова: «...вдоль солнечных парков скользим на байдарках на синий весенний (?) простор...»

Почти ничего не сказано в записках о Софийском аэродроме Враждебно. На аэродроме была прекрасно оборудованная немцами просторная, со стенами, облицованными кафельной плиткой, фотолаборатория.

Базировались немецкие самолеты, и сели наши. Экипажи 244 БАД летали на разведку отступавших из Греции фашистских войск.

Не знаю, по чьей инициативе однажды устроили поединок: болгарский летчик на «мессершмите» и русский на Як-3. Победил, условно, Як-3.

О реакции болгар на появление над аэродромом вражеских разведчиков в записках рассказано.

Мы к этому относились спокойно (кстати, не помню, чтобы на аэродроме были открыты щели) — обстрелянность и характер. И, как оказалось, к несчастью, напрасно. Редко прорывавшиеся через нашу противоздушную оборону Софии одиночные разведчики, летевшие на большой высоте, иногда сбрасывали одну-две бомбы. И вот однажды при этом погиб командир 449-го авиаполка 224-й дивизии. Полка, специализировавшегося на ночных полетах, первым освоившего ночное фотографирование.

Болгары очень переживали гибель нашего офицера — боевого летчика-командира, отдавшего свою жизнь за освобождение Болгарии от фашистского ига.

На этой грустной ноте закончим воспоминание об этом удивительном историческом походе войск Красной армии через Румынию и Болгарию.

Впереди вновь тяжелые бои, сражения, операции...

Освобождение Югославии

28 сентября 1944 года началось наступление войск 3-го УФ с целью освобождения восточных областей Югославии и ее столицы — Белграда. На левом фланге войск фронта наступали войсковые части Болгарской армии. 13 октября войска фронта и Народно-освободительной армии Югославии вышли на подступы к Белграду, а 20-го он был освобожден от гитлеровских войск.

После освобождения Белграда, без всякой паузы, наши войска устремились на север, к границам Венгрии.

События развивались очень быстро, вскоре мы были уже в южных — приграничных районах Венгрии. Поэтому немногочисленные впечатления о Югославии были получены не только в период прохождения через ее территорию, но и позже, когда бои шли в Венгрии, но наши самолеты еще базировались на аэродромах северной Югославии.

Фото сделано в разгар боев за Белград. На переднем плане пулеметчик

Первое, и самое краткое, впечатление — лаконичный дорожный знак у отрогов Восточно-Сербских гор — череп и две скрещенные кости, под ним надпись: «Проверь тормоза!»

Отношение к нам братского народа Югославии было столь же дружественным, как и болгарского. Только там мы были «братушками», а в Югославии «другорями». Иллюстрацией такого отношения может служить один эпизод.

Вспоминаю: в городе Новый Сад мне иногда приходилось ночью возвращаться с аэродрома в город. По пути встречались партизанские посты. Темно. «Сто-ой! Кто иде?» — Молчу, иду. — «Сто-ой! Пуцать³⁶ буду!» — «Русский капитан». — «На пред»³⁷.

³⁶ Стрелять.

³⁷ Проходи.

Но вот между народами Болгарии и Югославии существовала некоторая неприязнь. Понять югославов можно — они в тяжелых условиях насмерть бились с гитлеровской Германией, а Болгария в это время была ее сателлитом.

Приведу еще один пример, иллюстрирующий очень добрые отношения югославов к нам и некоторый «холодок» в отношениях к болгарам.

Уже после освобождения Белграда, когда наша инженерная служба базировалась в Венгрии, мне пришлось выехать в одну из наших дивизий, остававшуюся в юго-восточной части Болгарии, где сохранялась угроза со стороны Турции. На обратном пути в Венгрию мне пришлось ехать железнодорожным эшелонотом от Ниша до Белграда вместе с болгарским батальоном, спешившим на фронт в состав 1-й Болгарской армии. На одной из многочисленных остановок паровоз нашего эшелона отогнали в депо для какой-то профилактики. Командир батальона, вернувшись из депо, сказал мне с огорчением: «Раньше ночи не поедим». Он торопился на фронт. Я со станции позвонил по телефону в депо, представился «русский капитан» и спросил, нельзя ли ускорить отправку эшелона. Примерно через 40 минут эшелон был отправлен...

Был у меня еще один эпизод в этой поездке, но другого рода. Выйдя во время очередной остановки на платформу, я вдруг увидел лейтенанта из 244 БАД, помятый какой-то вид, рука на перевязи. Оказалось, летел на разведку отступающих из Греции немецких войск. Самолет сбили, его ранило в руку. Выпрыгнул с парашютом, попал в руки к «фрицам». Перевязку не сделали, погнали вместе с собой. В какой-то момент, уже в Югославии, налетели партизаны, разгромили фашистов, его довели до железнодорожной станции. О судьбе экипажа ничего не знает. Мы с ним доехали до Белграда, где я проводил его в госпиталь. О его дальнейшей судьбе ничего не знаю. В полк он не вернулся. На этом закончу югославскую тему.

Венгерский «клубок»

В южных приграничных районах Венгрии многие свободно говорили по-сербски. Отношение к нам было доброжелательное. Но вот не нравилось им: зачем вместе с войсками Красной армии к ним зашли и конные отряды югославских партизан.

Основное наступление войск фронта совместно с 1-й Болгарской и 3-й Югославской армиями, подчинявшимися маршалу Толбухину, развивалось в долине Дуная, ограниченной на западе озером Балатон, на востоке — Дунаем, который на территории Венгрии течет с севера на юг почти в меридиональном направлении.

Таким образом, Дунай разделяет территорию Венгрии на две части, условно на «западную» и «восточную».

На западной части развернулись боевые действия, на восточной размещались резервные войска и службы тыла. Поэтому особое значение имели переправы через Дунай. Защита их от воздушного нападения была одной из важнейших задач нашей истребительной авиации.

Бои носили исключительно ожесточенный характер. Прорвав мощную оборону немцев между озерами Балатон и Веленце, войска фронта совершили глубокий обходной маневр, обойдя Будапешт с запада. В ходе этих боев были взяты города Секешфехервар и Бичке.

В результате форсирования Дуная и взятия города Эстергом соединились войска 3-го и 2-го Украинских фронтов, и 188-тысячная будапештская группировка была окружена.

29 декабря два парламентаря были направлены к осажденным с довольно гуманными условиями ультиматума. Гитлеровцы, нарушив все общепринятые нормы, законы и обычаи, принятые в сухопутных войсках, их зверски убили...

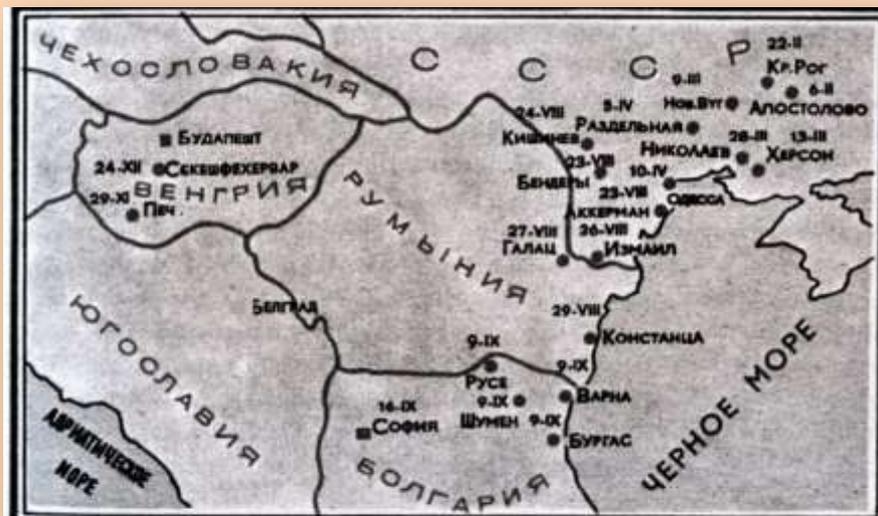
Исключительно интенсивно и нетрадиционно в тесном контакте с сухопутными войсками действовал летный и инженерный состав частей 17 ВА. Максимально приближались к противнику аэродромы, создавались временные посадочные площадки, чтобы повысить интенсивность авиаударов по войскам противника. Тому же служило приближение к фронту авиаремонтных средств, для скорейшего возвращения в строй поврежденных самолетов. Иногда возникали ситуации, когда всему личному составу аэродрома приходилось браться за оружие, чтобы защитить аэродром от противника.

Так заканчивался неповторимый 1944 год.

Политуправление фронта выпустило таблицу-календарь на 1945 год, в котором была карта-схема со всеми освобожденными (взятыми) в 1944 году городами и чатами их взятия. Внушительный итог и

по количеству городов, и по пространственным масштабам действий, и по военно-дипломатическим политическим результатам.

ДАТЫ ПОБЕД

Страница из выпущенного политуправлением фронта календаря на 1945 год

В нашей армейской газете «Защитник Отечества» было опубликовано стихогворение «Новогоднее послание друзьям».

*Далеко сегодня я
От тебя, мой друг.
Ночка новогодняя,
Только тьма вокруг...
Где вы, люстры яркие,
Скатерть на столе?..
Битвы злые, жаркие
Ходят по земле.*

*Всё огни, пожарища,
Да бои, бои...
Где же вы, товарищи,
Сверстники мои?*

*Где б сейчас вы ни были,
На земле ли, в небе ли,
Гряньте тост, да так,
Чтоб страна пометила
Этим днем приказ,
Чтоб Москва ответила
Эхом двадцать раз!*

Аэродром Модоче

Хорошо помню последнюю довоенную встречу нового, 1941 года. В институте, как всегда, был прекрасный концерт — выступали лучшие артисты Москвы. Играл наш замечательный джаз. Танцы, конфетти, серпантин, улыбки, шутки, смех.

Ничто не предвещало беды. Хотя все мы — студенты старших курсов — знали, будет война с фашизмом, и готовились к ней. Но в ту новогоднюю ночь мы об этом не думали.

Встречал ли, где и как, новый год в 1942, 1943, 1944 и 1945 году, я не помню. Но вот в своем архиве увидел давно забытую фотографию: она свидетельствует — я, очевидно, единственный раз за время войны встречал новый, 1945 год. Встречали на аэродроме Модоче в Венгрии, вместе с начальником аэрофотослужбы армии подполковником Светловым и личным составом одного из фотоотделений аэрофотослужбы армии. Правда, было это не 31 декабря 1944 года, а 7 января 1945 года. Но что поделаешь — сроки диктовала война. Так, в частности, ровно через десять дней, ночью 17 января мы «непланово» выехали с места своего базирования. Но об этом скажу позже.

Встречаем Новый год. Аэродром Модоче, Венгрия. 7 января 1945 г.
Справа у торца стола — подполковник Светлов и капитан Матиясевич.
В центре, второй от баяниста — командир фотоотделения.

Год 1945

В новом, 1945 году не только продолжалось яростное отражение нашего наступления, но немецко-венгерские войска сами стали проводить контрнаступательные операции.

К середине января штаб 17-й воздушной армии и наша инженерно-авиационная служба разместились в небольшом городке Цеце, находящемся примерно в геометрическом центре западной части Дунайской долины.

16 января меня посылали с каким-то документом в 4-ю гвардейскую армию, базировавшуюся на севере относительно Цеце, в районе озера Веленце. Я проехал на автомобиле туда и обратно по этой плоской, твердой местности, по которой свободно можно ехать в любую сторону на автомобиле, а уж на танке — тем более.

17-го утром начальник аэрофотослужбы армии сказал мне: «Немцы прорвали нашу оборону в районе озера Веленце, предупреди своих».

К ночи 17 января немцы подошли к северной окраине Цеце, где проходила глубокая оросительная канава. Комендантский взвод и весь личный состав штаба во главе с начальником штаба генералом Корсаковым взяли за оружие, и им удалось задержать немцев до подхода пехоты. В эти дни главный инженер Шепелев, выполняя задание командующего, находился в одной из наших частей. Старшим оставался наш нештатный начальник штаба М.А.Бейдер. Кадровый офицер, служивший перед войной в Киевском военном округе. Один из немногих, пробившихся в сентябре 1941 года из окружения вместе с будущим маршалом авиации Астаховым, о котором очень тепло отзывался. Бейдер вместе с двумя нашими инженерами погрузил сейф с документами инженерно-авиационной службы в машину и вывез из Цеце. Машин у нас больше не было, и остальные инженеры уехали попутным транспортом. Вещей с собой не брали. Жили мы в большом доме пожилого венгра, говорившего по-русски: в Первую мировую был в русском плену.

Утром собрались все у какого-то полевого аэродрома, никаких зданий не было, устроились прямо на земле.

Наступление немцев так и задержалось на северной окраине Цеце. Так как мы должны были перебазироваться в новое место на восточном берегу Дуная, решили забрать свои вещи из Цеце.

Поехал я. На северной окраине Цеце продолжался бой. Запомнились «илы», буквально висевшие над землей, одни уходили, отстрелявшись, другие сейчас же занимали их место. На въезде в Цеце пехотинцы закладывали мины в дорогу; меня пропустили: капитан авиации. Забрал наши немногочисленные вещички, попрощался с хозяином и благополучно вернулся к своим. Ждали транспортный Ли-2.

Когда пришел самолет, погрузились все, собравшиеся здесь, не только инженерная служба, взлетели. По радио с земли сообщают: горит правый мотор. Осмотрелись. Оказалось, лопнула камера правого колеса шасси. Поток воздуха ее вырвало из-под крышки, она красная и болтается — с земли ее приняли за пламя.

Вместо полета к пункту нового базирования полетели на аэродром транспортного авиаполка. Встали в круг, вырабатывали горючее. А на земле решали, как садиться — на фюзеляж или на одно колесо. Разрешили садиться на одно колесо.

Летчик блестяще выполнил посадку, прошел почти весь тормозной путь, поддерживая правое колесо в воздухе, в конце, когда скорость была уже невелика, опустился на оба колеса, самолет развернулся вокруг инвалидного колеса, слегка коснулся концом правого крыла земли и остановился. Никаких серьезных поломок.

Взять Цеце немцам так и не удалось, они повернули на восток и вышли к берегу Дуная, совершив таким образом сухопутное окружение штаба фронта располагавшегося недалеко от Цеце на берегу Дуная.

Узким местом оказалась переправа через Дунай у Дунафельдвара. С восточного берега спешили резервные части, чтобы вступить в бой, у западного скопилось большое количество автомашин с ранеными. Немецкие танки были уже в 8 километрах от переправы. В воздухе шли непрерывные бои наших истребителей с немецкими самолетами, пытавшимися разбомбить переправу.

В итоге контрнаступление немцев захлебнулось, и положение было восстановлено. Продолжилась плановая наступательная операция по освобождению Венгрии от гитлеровских войск.

Вспоминается еще один неприятный случай.

По заданию маршала Толбухина наш 39-й отдельный разведывательный авиаполк должен был выполнить площадную съемку полевой обороны противника. Применили новые, разработанные в ходе войны аэрофотоаппараты АФА-ЗС, начались отказы. Задание срочное, и командир полка позвонил в армию. Вообще, я большую часть времени проводил в бомбардировочных, штурмовых и истребительных полках; в разведывательном бывал реже — там был свой инженер по фотооборудованию. После звонка командира полка, конечно, сразу выехал в полк. При площадной съемке между снимками маршрута должно быть определенное перекрытие; при разведке обычно 20-процентное. А тут получался фильм, где снимок за снимком шли почти с 90-процентным перекрытием. Пришлось разбираться с циклом работы командного прибора. Оказалось, в связи с большой инерцией вращения электродвигателя командного прибора пусковые контакты включаются не через заданный промежуток времени, а вскоре после получения предыдущего снимка. Не помню, как тогда мы вышли из положения, но в своем очередном докладе начальнику аэрофотослужбы ВВС я написал об этом конструктивном недостатке, и в дальнейшем он был устранен промышленностью.

Полетели на съемку, но тут новый «боб» — сгорает предохранитель командного прибора (КП). Летел опытный штурман, он поставил новый предохранитель - эффект тот же. Вернулся. Пришлось вскрыть КП. Оказалось, внутри корпуса прибора — металлическая стружка. Перед вылетом аппарат опробовался, работал нормально. В полете от вибрации и эволюций самолета стружка перемещалась, попала на электроконтакт, получилось короткое замыкание, предохранитель сгорел.

Несмотря на все происшествия, полк выполнил задание вовремя и с высоким качеством.

Разведчики 39 ОРАП закончили обработку и дешифрирование материалов съемки полевой обороны противника между озерами Веленцы и Балатон. За ними прилетел из штаба фронта самолет По-2 и специалисты фотослужбы. Выйдя на свежий воздух сфотографировались на память у самолета.

После неудавшегося контрнаступления немцы стали еще более упорно сопротивляться. Делалось все для поддержания высокого духа сопротивления в окруженной будапештской группировке. Говорили: немцы с воздуха сбрасывали мешки с железными крестами для награждения отличившихся. 6-я немецкая армия предприняла попытку прорвать кольцо окружения группировки, но безуспешно.

Несмотря на все усилия немецкого командования, войска 2-го и 3-го Украинских фронтов 13 февраля 1945 года освободили Будапешт. 138 тысяч немецких и венгерских солдат, офицеров и генералов были взяты в плен.

4 апреля вся территория Венгрии была освобождена от гитлеровцев. Войска фронта начали готовиться к Венской операции...

Еще в феврале воздушная разведка обнаружила в районе озера Балатон крупную группировку танков противника. Появление их здесь было столь неожиданно, что разведчикам не поверили. Посчитали, что это ложные оборонительные районы с деревянными макетами танков. Однако вскоре наземная войсковая и агентурная разведка подтвердили данные воздушной разведки. Да, это настоящие танки, и среди них много тяжелых «Королевских тигров». И наконец захваченные «языки» рассказали: сюда перебазировалась из Италии 6-я танковая армия СС - танковые дивизии СС: «Адольф Гитлер», «Райх», «Гогенштауфен» и «Гитлерюгенд», а также 16 МД «Райхсфюрер».

Когда об этом доложили в Генеральный штаб, там тоже этому не поверили. Начальник штаба генерал армии А.И. Антонов, разговаривая с маршалом Толбухиным по ВЧ, сказал: «Кто вам поверит, что Гитлер, отозвав из Европы 6-ю танковую армию СС, пошлет ее против 3-го Украинского фронта, а не под Берлин...» Говорил Антонов, но чувствовалась прямолинейная логика товарища Сталина. Вспомним, как в 1940 году начальник Генерального штаба Шапошников, готовя план действий Красной армии на случай войны с Германией, исходил из того, что главный удар будет в западном и северо-западном направлениях. А товарищ Сталин логично обосновал, почему главный удар будет наноситься в южном направлении, и, соответственно, усилил Киевский военный округ за счет Белорусского. А когда началась война и всем стало ясно: главный удар наносится в западном направлении — решил исправить свою ошибку и расстрелял командующего Белорусским округом — виновники неудач на фронте должны быть найдены и наказаны.

Так и в случае с Венгрией — наша логика не совпадала с логикой Верховного командования Германии.

Они считали, что потеря Берлина — это еще не конец войны. А вот потеря Венгрии и неизбежная затем — Австрии и Южной Германии, где сосредоточена вся оборонная промышленность, эвакуированная из северных районов Германии вследствие налетов бомбардировщиков Англии и США, потеря нефтяных источников Венгрии и Австрии — это окончательная катастрофа. Поэтому, собрав лучшие силы Германской армии, они бросили их не на защиту Берлина, а против 3-го Украинского фронта. И если бы им удалось реализовать хотя бы первую часть своего плана — разбить войска Толбухина, выйти на западный берег Дуная и создать там оборонительный рубеж, то 9 мая 1945 года акт о безоговорочной капитуляции Германии не был бы подписан — продолжалась бы операция «Южная крепость»³⁸. Ведь не даром над нашими войсками сбрасывались листовки такого

³⁸ «Южная крепость» — территория Венгрии, Австрии и Южной Германии, окруженная гористой местностью.

содержания: «Жукова пуцу в Берлин, Толбухина утоплю в Дунае».

К нашему счастью, Ставка Верховного командования была далеко от Венгрии и увлечена подготовкой Берлинской операции. Войска 3-го Украинского фронта отставили временно планы проведения Венской операции и занялись подготовкой к отражению ожидавшегося контрнаступления немцев.

Ночью 6 марта немцы атаковали оборонительные рубежи 1-й Болгарской и 3-й Югославской армий на реке Драва, а утром 6-го из района между озерами Балатон и Веленце перешли в наступление главные силы 6-й танковой армии и других соединений.

Измотав и обескровив в десятидневных боях лучшие дивизии немцев, 16 марта войска Толбухина севернее Секешфехервара перешли в наступление. Мощная артиллерийская подготовка проложила путь нашей пехоте. Прорвав оборону немцев, наши войска двинулись на Веспрем, вышли в тыл и на коммуникации немецкой танковой группировки. Этот удар был совершенно неожиданным для немцев, они считали, что в том районе у нас уже нет никаких резервов.

Под угрозой полного окружения частей основной наступавшей группировки фашистские войска начали отходить. Местами отступление носило беспорядочный характер, возникала паника, особенно среди венгерских частей.

Разгром лучших танковых сил Германии завершился преследованием отступавших частей. 4 апреля наши войска вышли на территорию Австрии и без всякой паузы устремились к Вене.

Отступавшие немецкие войска не смогли закрепиться на окраине Вены. Но остатки танковых дивизий СС в центре города продолжали упорно сопротивляться. Фашистами были мобилизованы все имевшиеся в городе силы: оставшие от своих частей солдаты, подразделения тыловых организаций, фольксштурма, даже выпущенные из тюрьмы уголовники.

Фрагменты аэрофотоснимков района Вены, полученных в апреле 1945года разведкой 17-й воздушной армии.

Обращение Маршала Толбухина к жителям Вены

Жители города Вены!

Красная Армия, громя немецко-фашистские войска, пошла к Вене.

Красная Армия вступила в пределы Австрии не с целью захвата австрийской территории, а исключительно с целью разгрома вражеских немецко-фашистских войск и освобождения Австрии от немецкой зависимости.

Красная Армия стоит на точке зрения Московской декларации союзников о независимости Австрии и будет содействовать восстановлению порядка, существовавшего в Австрии до 1938 года, т. е. до вторжения немцев в Австрию.

Красная Армия воюет с немецкими оккупантами, а не с населением Австрии, которое может спокойно заниматься своим мирным трудом. Ложью являются распускаемые гитлеровцами слухи, якобы Красная Армия уничтожает всех членов национал-социалистской партии. Партия национал-социалистов будет распущена, но рядовые члены национал-социалистской партии не будут тронуты, если они проявят лояльность по отношению к советским войскам.

Час освобождения столицы Австрии — Вены от немецкого господства настал, но отступающие немецко-фашистские войска хотят превратить и Вену в поле боя, как это они сделали в Будапеште. Это грозит Вене и ее жителям такими же разрушениями и ужасами войны, которые были причинены немцами Будапешту и его населению.

Ради сохранения столицы Австрии, ее исторических памятников культуры и искусства предлагаю:

1. Всему населению, кому дорога Вена, из города не эвакуироваться, ибо с очищением Вены от немцев вы будете избавлены от ужасов войны, а тех, кто эвакуируется, немцы погонят на гибель.

2. Не давать немцам минировать Вену, взрывать ее мосты и превращать дома в укрепления.

3. Организовать борьбу против немцев в защиту от разрушения ее гитлеровцами.

4. Всем активно мешать вывозу немцами из Вены промышленного оборудования, товаров, продовольствия и не позволять грабить население Вены.

Граждане Вены!

Помогайте Красной Армии в освобождении столицы Австрии — Вены, вкладывайте свою долю в дело освобождения Австрии от немецко-фашистского ига!

**Командующий войсками 3 Украинского фронта
Маршал Советского Союза Ф. ТОЛБУХИН.**

6 апреля 1945 г.

В Вене

Только вчера здесь шли бои. Сегодня стрельба переместилась в соседние кварталы — там выбивают гитлеровцев из домов. А на перекрестке двух освобожденных от врага улиц уже стоит наша девушка - регулировщица, привычно направляя флажками ход машин.

НА СНИМКЕ: регулировщица комсомолка красноармеец А. Хворостянова на своем посту.

Фото
Ольги ЛАНДЕР.

Регулировщица комсомолка красноармеец А.Хворостянова на своем посту.
Заметка из фронтовой газеты

В освобожденных районах Вены жители выходили на улицы и приветствовали наших солдат

Наши войска, ведя боевые действия, старались сохранять исторические и культурные памятники города.

Здание Венской ратуши

Парламент Австрии. Вена

Надо было спешить, чтобы сохранить этот красивый город от разрушений, освободить его жителей от немецко-фашистских оккупантов.

13 апреля 1945 года войска фронта закончили разгром Венской группировки и полностью освободили город от немецко-фашистских оккупантов.

Для того чтобы представить масштаб победы войск фронта, можно напомнить хотя бы одну цифру: из 24 танковых дивизий Германии, находившихся на Советско-Германском фронте, одиннадцать, причем отборных, действовали против войск 3-го Украинского фронта.

За период с 16 марта по 13 апреля войсками фронта разгромлено 11 танковых дивизий, уничтожено 1345 танков и самоходных орудий, 2250 полевых орудий, взято в плен более 130 тысяч солдат и офицеров.

14 апреля 1945 года газета «Правда» писала:

В других районах города бои еще продолжались

«Гигантский размах этой битвы дает представление о военном значении нашей новой победы. Не случайно гитлеровское командование бросило свои войска в западную Венгрию и Австрию. Военные планы гитлеровцев предусматривали на заключительном этапе войны, в целях затяжки ее, длительную борьбу отборных немецко-фашистских дивизий в так называемой «южной крепости» и, в частности, на территории Австрии, окруженной гористыми районами Чехословакии, южной Баварии и отрогами Альп».

Бери шинель, пошли домой

А мы с тобой, брат, из пехоты,
А летом лучше, чем зимой.
С войной покончили мы счеты...
Бери шинель - пошли домой.

Война насгнула и косила.
Пришел конец и ей самой.
Четыре года мать без сына...
Бери шинель - пошли домой.

К золе и пеплу наших улиц
Опять, опять, товарищ мой,
Скворцы пропавшие вернулись...
Бери шинель - пошли домой.
войны.

А ты с закрытыми глазами
Спишь под фанерною звездой.
Вставай, вставай, однополчанин,
Бери шинель - пошли домой.

Что я скажу твоим домашним,
Как встану я перед вдовой?
Неужто клясться днем вчерашним?
Бери шинель - пошли домой.

Мы все - войны шальные дети,
И генерал, и рядовой

Опять весна на белом свете...
Бери шинель - пошли домой.

Музыка: В.Левашова. Слова: Б. Окуджавы.

Булат Окуджава в этом стихотворении очень точно выразил настроение воина, прошедшего войну и дожившего до ПОБЕДЫ.

Братья Матиясевичи

Владимир

Алексей

Леонтий

Отец наш - «из пехоты», и мы, три его сына - из инженерных войск, подводного флота и авиации, - всегда низко склоняем свои головы перед мужеством и доблестью солдат и офицеров пехоты - «царицы полей», несущей наибольшие тяготы

5.10. «Прошлое Вашего отца безупречно»

Этот параграф посвящен нашему с Алёшей старшему брату Володе. Но, обдумывая его, я понял, что не могу говорить о Володе, который был для меня отцом, точнее, заботился о нас с мамой, как родной отец, и не сказать о маме, которой я обязан не только появлением на свет, но и в значительной степени тем, что сегодня, в свои 96 лет, могу писать эту книгу. А раз так, то неизбежно придется что-то сказать и об Алёше, и о себе.

В общем, получается, первая глава книги посвящена далекому, дореволюционному прошлому нашей семьи, которого я практически не знал и по крупинкам попытался найти. А этот параграф, по существу, — фрагменты истории членов нашей семьи, живших в эпоху диктатуры пролетариата.

Название параграфа — слова высокопоставленного чекиста, обращенные к Володе. Об этом смотри в параграфе «Судьба командарма». Этот эпизод из жизни Володи хорошо отражает его характер, высокие морально-нравственные качества. Ведь из сына командарма Красной армии, начальника Высшего объединенного военного училища он, член коммунистической партии, в одночасье превратился в сына «врага народа». Володя не спасовал, не стал, как поступали некоторые, срочно отказываться от своего отца, а бросился доказывать его невиновность. Конечно, ему повезло. Ведь бывало так, в те тридцатые годы, что репрессии подвергались не только сами «враги народа», но и члены их семей.

Красноярск — Петроград

До 1920 года мама, Алёша и я жили в Смоленске. Об этом времени Алёша рассказал в своей книге «По морским дорогам».

Где был Володя в первые послереволюционные годы, я не знаю.

В 1921 году мама, Алёша и я приехали в Красноярск, ближе к отцу, штаб которого находился в Иркутске. Алёша там завербовался матросом, и дальнейший его путь также известен из его книги.

Где был в это время Володя, опять мне неизвестно. Но он тоже бывал в Красноярске. Об этом свидетельствуют сохранившийся у меня портрет Володи, нарисованный одной из сестер Кузнецовых, в квартире которых мы жили в Красноярске, а также то, что у Володи был близкий друг — Пётр Городний, один из первых комсомольцев Сибири.

Вот этот портрет

=====

Очевидно, Володя приезжал к отцу. Слышал, отец хотел, чтобы Володя стал военным. И как будто Володя некоторое время учился в Москве в каком-то автобронетанковом военном училище.

Мы — мама, Алёша и я — довольно долго пробыли в Красноярске. Смутно помню очень краткий приезд в Красноярск отца. Ему было не до нас. Возможно также, в это время у него уже назревало решение о разрыве с мамой. Во всяком случае, это была их последняя встреча.

Из Красноярска Алёша с командой моряков уехал в Архангельск, а мы с мамой — в Петроград. Не задумываясь раньше, почему поехали в Ленинград, а не в Смоленск, где был еще дом и рядом жили два брата мамы — дядя Алёша и дядя Платоша. Теперь понимаю, мама очень любила отца и до конца надеялась, что он вернется. Поехать в Смоленск, где все говорило о прошлом, ей было просто невыносимо тяжело. В Петрограде тоже были родственники и хорошие знакомые, но обстановка иная, легче отвлечься от своих тяжелых мыслей.

Мы снимали комнату в квартире кадрового рабочего-металлиста на Малой Посадской улице. Недалеко — мечеть с красочными куполами, дворец Кшесинской, с балкона которого выступал Ленин, мост через Неву, у которого стоял ботик Петра Великого...

Время было трудное; семья хозяина квартиры — не помню, как его звали — жила где-то в деревне. А маме надо было зарабатывать на хлеб насущный. Ее целыми днями не было дома. Я часто засыпал, не дождавшись ее, а утром просыпался — она рядом. У меня сформировалось какое-то внутреннее чувство уверенности: мама всегда возвращается. Но вот однажды в 1924 году она не вернулась домой: началось наводнение. Я в окно видел, как во дворе на какой-то деревянной лодке плыл, отталкиваясь от земли длинным шестом, человек. А маме пришлось заночевать у знакомых.

Рукоделие мамы

Работу в то время найти было трудно. Мама давала уроки математики детям школьного возраста. Печатала какие-то материалы на машинке. Не знаю, как научилась, но делала очень искусно

из различных лоскутов материи «живые» куклы: они надевались на кисть руки, один палец управлял головой, два других — руками. Одежда, лица, головные уборы кукол были самые разные — и их покупали.

Интересно, много лет спустя, когда я учился в адъюнктуре Академии имени Жуковского, в клубе Академии выступал организатор и руководитель Московского театра кукол — Образцов. Рассказывая об истории театра, он достал и продемонстрировал в действии куклу, точно такую же, как делала мама, и сказал: «Вот с этого в уже далеком Петрограде и начинался театр кукол».

За четыре с лишним года (конец 1921 — середина 1925), которые мы прожили в Петрограде, я умудрился три раза болеть воспалением легких. Думаю, это было не только следствием известного своей «промозглостью» климата, но и тем, что когда я немного подрос, немало времени проводил во дворе нашего большого дома. А там была «вольница» — человек двадцать мальчишек разного возраста, — которая активно действовала.

Иногда устраивали сражение с «ватагой» из соседнего дома. В дело шли снежки и льдинки, а такая мелюзга, как я, лепили снежки и подносили атакующим. Да было много и других выдумок, где можно было простудиться.

И вот мама списалась с нашей смоленской знакомой, учительницей музыки, которая жила в Новороссийске, и решила переехать туда.

В Новороссийске я окончил первый класс школы, после чего мы переехали в Геленджик, где жизнь была дешевле, и тоже были смоленские знакомые. Там в 1932 году я окончил семилетку — школу колхозной молодежи (ШКМ). Так вот, я думаю, семь лет на берегу Черного моря, солями которого я насквозь пропитался, — не единственное, но главное, что заложило фундамент моего здоровья.

Таким образом, в двадцатые годы двадцатого столетия — первые послереволюционные годы, годы расцвета НЭПа и начала коллективизации — мы с мамой жили в двух очень разных городах: в бывшей столице Российской Империи — центре революции, и в маленьком провинциальном городке, находившемся в тысячах километров от этого центра и в десятках километров от ближайшей железной дороги.

Конечно, интересно сравнить жизнь столицы с жизнью периферии в этот переломный период развития нашей страны.

Однако в Петрограде я был еще совсем несмышленный, остались в памяти только некоторые, особо яркие для меня картины. В Геленджике же я уже подросток, школьник, хорошо все помню и могу многое рассказать об этом замечательном городе и нашей жизни в нем, но это не тема настоящей книги, поэтому остановлюсь лишь на некоторых наиболее существенных, с моей точки зрения, событиях и фактах.

В Петрограде, не знаю уж откуда это у меня, наверное, слышал, читать я еще только начал учиться, в ходу было такое краткое выражение: «Во и боле ничего». А происходило оно, очевидно, из двух стихотворных фраз:

*«Мы пойдём к буржуям в гости,
поломаем все им кости.
Во - и боле ничего.
Ты вставай, буржуй, с постели,
Открывай нам шире двери.
Во - и боле ничего.»*

Примитивно, но, наверное, в какой-то степени это отражало продолжавшиеся еще в те годы процессы, вызванные революцией...

Запомнились яркие картины праздника, не знаю уж теперь какого, возможно, годовщина Октябрьской революции. По улицам вдруг скачет всадник в форме офицера Русской императорской армии. Едет грузовик с солдатами в такой же форме, а поп благословляет их крестом — провожает на фронт. А вот на грузовике огромный примус, на нем — сковородка, а на ней, как написано на борту, жарится бюрократ. На Марсовом поле — привязной аэростат, к нему очередь желающих подняться в воздух, цена — 10 копеек. Мне очень хочется подняться, но говорят: слишком мал, нельзя.

Но самое яркое воспоминание — это приезд в Петроград Алёши. Мы с ним ходили на ярмарку.

1924 год, НЭП. Ярмарка поражала изобилием продуктов, огромным количеством людей, а меня, конечно, множеством самых разнообразных игрушек. Всевозможные деревянные, подвижные: подвигаешь — клюют курочки зерно, пилят мужики бревно, машут крыльями ветряные мельницы... Бесчисленное количество свистулек и дудочек деревянных, металлических, глиняных. Красочные, ажурные изделия из бумаги, мячики на резинках и многое другое. У канала большая лодка - ладья, в соломе всевозможная посуда из глины — тарелки, горшки, миски, кружки. Много китайцев со своими товарами.

Закончилось короткое пребывание Алёши в Петрограде и мы, мама и я вместе с ним, поехали ненадолго в Смоленск. Жили в нашем деревянном доме на Спасской площади, в котором мы все родились. Это была наша последняя встреча со Смоленском; во время войны дом сгорел, и больше мы в Смоленске не бывали.

Алёша и я. Смоленск 1924 г.

Алёша вернулся в Киев, где учился в техникуме речного и озерного плавания. Мы с мамой ненадолго вернулись в Петроград и уже в мае 1925 года уехали в Новороссийск.

Новороссийск — Геленджик

В Новороссийске поселились в доме Гладковых, каких-то родственников Ф.Гладкова — автора известного в те годы романа «Цемент», который мы изучали в школе.

1925 год, НЭП. В городе много беспризорных. В горах еще где-то постреливают. Живший по соседству красноармеец (или командир, не знаю) однажды вечером вернулся с рукой на перевязи: пулевое ранение. На длинном молу, ограничивающем с востока Цемесскую бухту, — штабеля винтовочных патронов с английским порохом (не взрывается, а ярко горит). Ходит часовой, но мальчишки умудряются тащить целые патронташи.

По улице развозят мороженое, теплые бублики (бублик с маком — 2 копейки). Вездесущие мальчишки наперебой, особенно в людных местах заливаются: «Ирис- тянучка, по копейке штучка».

Базар ломится от товаров, особенно много фруктов и овощей, дынь, арбузов; все очень дешево, копейки — это эффективные деньги.

Иногда на улице можно увидеть отряд пионеров. Идут строем, синие короткие штанишки, белые рубашки, красные галстуки, впереди — барабанщик.

Таким мы увидели Новороссийск.

Шторм в Новороссийской бухте. 1911 г.

Геленджик

1 сентября я пошел в первый класс. Школа запомнилась больше всего двумя экскурсиями: на цементный завод и на большой портовый холодильник.

Мы прошли по всем цехам и службам завода, нам подробно рассказали о технологии изготовления цемента от добычи мергеля — основного исходного материала. Для приготовления цемента, до упаковки готового цемента.

Интересным было и посещение холодильника. Неожиданным и интересным. Для нас оказался большой слой земли на плоской крыше холодильника, поросший зеленой травой.

Вскоре после окончания занятий в школе весной 1926 года мы переехали (переплыли на небольшом пароходе «Дооб») в Геленджик.

Для меня Геленджик на всю жизнь остался земным раем. Чистейшая вода в бухте. Тысячные стаи уток, нырков и других водоплавающих птиц. Много рыбы, иногда заходят стаи дельфинов. Весной, идя в школу по тропинке, можно наткнуться на выводок желтеньких, еще с мягким панцирем черепашек, промелькнет змея - я их побаивался, - а уж взрослые особи черепах - за каждым кустом. В трудные годы их ели, говорят, вкусное мясо.

В горах изобилие кизила и ежевики. Много бесхозных больших деревьев грецкого ореха, черной и белой шелковицы. А в садах абрикосы, персики, яблоки, груши, миндаль, черешня. По-черкесски Геленджик - белая невеста; действительно, весной он весь бело-розовый от цветущих фруктовых деревьев.

Прошу прощения, это все эмоции. Конечно, о Геленджике и его окрестностях я мог бы многое рассказать, однако это не по теме книги. Но все же я должен буду сказать о школе того времени, находившейся, как и современная школа, в стадии поиска новых методов обучения.

А пока вернемся к главному сюжету. Жили мы в Геленджике скромно, даже, наверное, бедно, но счастливо. Я во всяком случае. Маму, всегда спокойную, добрую, общительную и жизнерадостную внешне, как понимаю теперь, никогда не оставляли мысли о муже, о прошлой жизни, но надо было заботиться и о дне сегодняшнем.

Была безработица; мама состояла на учете в «Комборбесе» (Комитете по борьбе с безработицей). По-прежнему занималась с детьми, шила, научилась делать летние парусиновые на веревочной подошве туфли. При отсутствии сахара, сливочного масла, мяса и многих круп умела приготовить вкусную еду. Регулярно нам помогал деньгами Володя, а летом в свой отпуск приезжал в Геленджик. Каждый год выписывал для меня журналы «Всемирный следопыт» и «Вокруг света». Алёша, когда пароход, на котором он плавал, заходил в Новороссийск, тоже приезжал к нам на один-два дня. Для нас это было праздником.

Осенью 1926 года я пошел во второй класс Геленджикской школы первой ступени, а начиная с 5-го класса учился в семилетней Школе колхозной молодежи.

Школа в те послереволюционные годы, как и сегодня, перестраивалась, искала новые пути обучения.

Какая она была, ШКМ?

Во-первых, школа в этом маленьком городке, не имевшем никаких значительных предприятий, кроме санаториев, была заметным государственным заведением и пользовалась большим авторитетом.

В те годы в Геленджике и населенных пунктах Геленджикского района жило много греков. В городе были греческая школа и церковь. Учились и в нашем классе несколько греков.

Из трех лет учебы в ШКМ в течение двух лет мы занимались по новым, опытным методам. Один год у нас был бригадный способ обучения. Весь класс делился на несколько бригад. В моей бригаде было пять человек. Мы вместе готовились к занятиям, выполняли лабораторные задания по химии и физике, вместе сдавали зачеты. И, что особенно запомнилось, вместе занимались общественной работой. Одной из них был сбор и сдача утильсырья. Все шло в ход: бумага, тряпки, кости, стекло, металл, особенно цветной. Мы рыскали по всем закоулкам, доступным чердакам и свалкам. Шло соревнование: какая бригада сдаст на большую сумму утильсырья. Считалось, все это идет на переработку, необходимо для нашей промышленности, народного хозяйства. Устраивались даже выставки вещей, изготовленных из утильсырья.

В следующем учебном году опробовался так называемый лабораторный метод организации учебного процесса. Этот метод скорее годился не для школы, а для университета.

Общих занятий в том году не было. Были организованы лаборатории, соответствующие изучавшимся в школе предметам — математики, физики, русского языка, литературы и т.д. В лабораториях дежурили учителя соответствующих дисциплин, и имелся перечень всех тем, подлежащих изучению в течение этого года.

Ученикам предоставлялось право посещать любые лаборатории по своему выбору. Можно было ходить хоть целый месяц в одну и ту же лабораторию, пока не сдашь зачеты по всем темам данного года. У каждого была тетрадь-дневник, где соответствующий преподаватель отмечал сдачу каждой темы и подписывался. Мы хорошо изучили подписи всех учителей...

Кроме классной учебы, каждую весну и осень мы выезжали в колхозы на посевные и уборочные работы. Жили обычно в школе поселка, спали на полу, на свежем Душистом сене. Иногда поля бывали далеко от поселка, в горах. Вечером возвращались усталые, но всегда звучали песни, часто украинские.

В школе были уроки рисования, пения, труда. Мы умели плести рыбацкие сети и гамаки, делать табуретки. Хорошо знали трехлинейную винтовку, свободно разбирали и собирали ее затвор. Выполняли разные общественные задания. Кроме сбора утильсырья, собирали и сдавали семена держидерева крепкого, очень колючего кустарника, который использовался для создания живых изгородей.

Бывало трудно, были нормы выполнения каждого вида работ, но, в конце концов, всегда оставались хорошие впечатления от работы на свежем воздухе в разных, часто незнакомых местах.

У меня, небольшого роста мальчишки, было общественное поручение — проводить занятия с великовозрастными, но неграмотными ребятами из коммуны. В те годы на окраине Геленджика существовала коммуна, не знаю, возможно, впоследствии ее преобразовали в колхоз. Вечерами зимой уже было темно, я довольно далеко ходил по шоссе в коммуны. Там собиралось восемь-десять восемнадцати-двадцатилетних парней и девушек. Я учил их читать, писать и считать. После занятий они пели, играли на балалайке и очень хорошо — на деревянных ложках. Сегодня мне это кажется сном.

В общем, главным в школе было воспитание общественно активных, трудолюбивых и имеющих уже трудовые навыки людей.

Учебный процесс в школе не был политизирован. Был предмет обществоведение. Преподавал его директор школы Пётр Александрович Страпко, коммунист, очевидно, пришедший в школу прямо с фронтов Гражданской войны, ходивший еще в военном френче, галифе и сапогах. Я не помню, чтобы на занятиях что-либо говорилось о Ленине, а о существовании человека с фамилией Сталин мы вообще ничего не слышали. В коридоре школы висели портреты Маркса и Энгельса.

А вот общественная жизнь школы и, очевидно, общественности всего города была очень политизирована.

Нам крупно повезло: русский язык и литературу преподавал Абрам Борисович Корш, родной брат организатора и руководителя известного в прошлом в Москве театра Корша. Абрам Борисович тоже был артистом, организовал и вел у нас драмкружок. Но что еще более важно, он писал для

кружка оратории, песни, мини пьесы, остро откликавшиеся на события нашей и международной жизни. К сожалению, у меня не сохранились эти интересные, а сегодня — исторические тексты; приведу лишь отрывки того, что сохранила память. Выступали не только в школе, но и в дни праздничных событий в городе, а также выезжали в колхозы.

Вот отрывки некоторых выступлений на разные темы, актуальные в те далекие годы.

Выходят на сцену четыре крупных парня в сапогах, просторных рубахах, подпоясанные разными кушаками, и, приплясывая под какой-то разухабистый мотивчик, распевают:

*Комсомольцы-бузотеры в школы нас зовут,
а за это щелкоперы с маслом шиши дают!
Наши деды не учились, так же как отцы.
Тунды-тунды-тунды
Проживем и мы, проживем и так.
Тунды-тунды-тунды
Был бы лишь пятак.*

Или хор распевает:

*Повидло в Пишаде варят -
Материал лишь гадят!
Авось как-нибудь,
Лишь бы дело с плеч стихнуть.*

А вот выходят на сцену четыре таких ухоженных, румяных пай-мальчика, на груди у каждого висит табличка с надписью «Бюрократ», и вдруг за сценой — грозный голос: «Бюрократы, повернитесь лицом к народу!». Мальчики дружно разворачиваются спиной к залу, а на задницах у них нарисованы лица.

Не проходили мимо и международных событий.

Выходит на сцену высокая девочка в шикарном длинном, до пола платье и, слегка приплясывая, распевает:

*Я Лига Наций,
Для деклараций,
Обмана наций...*

И здесь поворачивается, протягивает руку, указывая на большой завязанный мешок, на котором крупно написано «Капитал 100.000.000», и заканчивает песенку:

Им создана!

И т.п.

Вот такая была школа. Она давала знания по основным общеобразовательным предметам и воспитывала общественно активных граждан. Это, конечно, отражало общий дух, характер жизни в городе, взгляды его партийно-хозяйственных руководителей.

Киев

В двадцатые годы, когда отец стал начальником Киевского военного училища, Володя гоже обосновался в Киеве. Учился в Политехническом институте. В 1927 году был принят кандидатом в члены Коммунистической партии Украины. В 1929 году окончил Политехнический институт по специальности «строительство мостов».

Владимир Михайлович Матияевич

Двадцатые годы

Начало тридцатых годов

Знавшие нашу семью люди считали Володю самым способным из нас, трех братьев. Говорили, что известный в прошлом мост Патона через Днепр — дипломная работа Володи, а академик Патон был у него руководителем. (До наших дней мост не сохранился.)

Я уже рассказал в параграфе «Судьба командарма» о том, как Володя пытался убедить начальника управления НКВД Украины в невинности отца.

Как вот, эта поездка Володи в Харьков имела последствие. Вскоре его назначили начальником мобилизационного отдела Главного управления шоссейных дорог Украины. Эта должность не замещалась без согласования с госбезопасностью. Очевидно, разговор с ним убедил — это человек, которому можно верить.

Мост имени Е.О.Патона через Днепр. Построен в 1953 г.

Володя много ездил по всей Украине, проверяя состояние мостов и возможности их использования для переправы танков и другой тяжелой военной техники.

В Киеве Володя приобрел еще одного близкого друга — Андрея Корчагина, члена Коммунистической партии с 1919 года, учившегося, как и Володя, в Киевском политехническом институте.

Однажды райком партии отозвал Андрея с учебы в Институте и направил рабочим на Киевский кабельный завод. На второй день его там выбрали секретарем коммунистической ячейки завода. Позже он вернулся в институт, закончил его, стал работать в Академии наук Украины. На заводе осталась о нем добрая память, говорили: «Работать по-корчагински».

* * *

В 1932 году, когда я окончил семилетнюю школу, мы с мамой переехали в Киев к Володе. Вначале жили в его небольшой комнате. Потом Володя получил две комнаты в большой пятикомнатной квартире; в трех других жила семья Свиридова — начальника облсвязи города Киева. В годы Гражданской войны он служил в 1-й конной армии. Помню у них на стене большую

фотографию шести или семи человек, в центре — Буденный, рядом в орденах командиры, среди них Свиридов, у него, кажется, было два ордена Красного Знамени. Не знаю его военную судьбу, а семья Свиридова в начале войны, очевидно, эвакуировалась — когда в 1944 году я заезжал в Киев, в квартире их уже не было.

В конце 1932 года я поступил учеником в механический цех авторемонтных мастерских, которые ремонтировали автомобили и изготавливали запчасти для автомобилей и тракторов. Вскоре получил рабочий разряд и стал токарем по металлу.

Токарь по металлу. 1932–1935 гг., Киев

В 1933 году профком мастерских по собственной инициативе дал мне рекомендацию для поступления на вечернее отделение Киевского авиационного рабфака. Очевидно, решили: мальчишка работает неплохо, но законченного среднего образования не имеет, пусть идет учиться.

Рабфак был при Киевском авиационном институте. Вся жизнь рабфака и института регламентировалась уставом Гражданского Воздушного Флота, фактически повторявшим воинский устав внутренней службы.

Занятия начинались в 18:00 во дворе института с построения. Командиры взводов (соответствовали учебным группам) докладывали командиру роты, те — командиру батальона о присутствии курсантов. Опоздание на построение без справки с работы о том, что тебя задержали по производственной надобности, наказывалось. Дисциплина была строгая. После построения — строевая подготовка; ходили в строю по прилегающим к институту улицам с песнями — пели хорошо.

Каких только не было у нас мастеров со всех заводов Киева: высококлассные слесари-инструментальщики, токари, кузнецы. Был даже оружейно-пулеметный мастер. Его отпускали из воинской части, чтобы получил среднее образование. В петлицах четыре треугольника, ходил всегда с наганом...

Так вот 1 мая 1934 года сводная рота рабфака и сводный батальон института принимали участие в военном параде. Мне еще не исполнилось 17 лет, и я в первый и единственный раз за всю мою последующую военную службу участвовал в параде.

Войска были выстроены на площади Богдана Хмельницкого. В те годы молодые красноармейцы давали клятву хором в строю. Потом проходили торжественным маршем, в шеренге по 12 человек мимо небольшой деревянной трибуны. Парад принимал командарм 1-го ранга Якир, командующий войсками Украины.

* * *

В 1934 году Алёша вернулся из очередного плавания, и мы ненадолго собрались в Киеве все вместе.

Дальний Восток

В середине тридцатых годов в стране развернулось движение по переселению и поездке в

длительные командировки специалистов разных профессий и просто молодых людей, особенно девушек, из европейской части Советского Союза на Дальний Восток. Вот слова одной из песен, появившихся в те годы: «До свиданья девушки, напишите, девушки, как вас встретил там Дальний Восток...»

В 1935 году Володя уехал из Киева на три года работать на Дальнем Востоке. Мы с мамой и Володя не знали тогда, что расстанемся на многие годы и останется только почтовая и мысленная связь.

В 1938 году исполнилось три года, но Володе продлили командировку еще на три года. В начале 1941-го мама, жившая вместе со своей племянницей, моей двоюродной сестрой Галей в Киеве (я тогда уже учился в институте и жил в Москве), получила справку для сохранения Володиной брони на квартиру.

Согласно плану, в 1941 году намечалось возвращение Володи к месту его постоянной работы — в Киев.

Володя был начальником мостового отдела Дальневосточной конторы «Союздорпроекта» Главного Управления шоссейных дорог НКВД СССР. Он проводил изыскания на местности и проектировал мосты. За годы работы на Дальнем Востоке появились сотни мостов, построенных по его проектам. Но вот его возвращение в 1941 году в Киев вновь не состоялось: началась Великая Отечественная, и его не пустили в европейскую часть союза, на фронт.

В годы войны Володя не только проектировал, но и строил мосты. Строители — заключенные-уголовники. У них свои внутренние порядки, взаимоотношения, азартные игры. Неудачники, проигравшие все, что у них было ценного, играли на членов администрации или на начальника строительства — проигравший должен был убить того, на кого играл.

Начальник должен не только в срок и с высоким качеством построить мост, но и в ответе за все, что делается на стройке.

Володя рассказывал: перед сдачей моста в эксплуатацию для проверки его грузоподъемности на мост загонялось большое количество тяжелой техники и грузовых автомобилей...

В 1945 году Володя, как и в свое время наш отец, принял участие в войне с Японией.

Владимир Михайлович Матиясевич, Ленинградская область, 1946 г.

В составе инженерной службы фронта обеспечивал форсирование нашими поисками многочисленных водных преград. Был награжден орденом Красной Звезды. После окончания войны Володя вернулся в ГУШосДор, но по совету Алёши, который очень хотел собрать нас всех в Ленинграде, добился направления не на Украину, а в ленинградское отделение «Союздорпроекта», вновь на должность начальника мостового отдела.

Москва — Ленинград

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны 3-й Украинский фронт был преобразован в Южную группу войск (ЮГВ), штаб которой разместился в Румынии, недалеко от города Констанца.

Группа офицеров ИАС 17 ВА, ЮГВ.
Слева направо сидят: Бейдер, Фролов, Новожилов;
стоят: Матиясевич, Сидлер и мой старший товарищ и друг Токмачев.
Текиргиол, Румыния, 1945 г.

В октябре 1945 года я был назначен на такую же должность, как и в армии, в ВВС Московского военного округа и 6 ноября улетел в Москву.

Перед вылетом в Москву к новому месту службы.
25.10.1945. ЮГВ, Румыния

Мама с внуком Юрой

Жена Володи — Галя, маленький
Юра и Володя

В Москве жил сначала в гостинице Московского округа, но вскоре снял квартиру у семьи, уехавшей по контракту работать в Якутию, и сразу же поехал в Киев и забрал к себе маму.

МАМА

Когда в 1947 году у Володи родился долгожданный сын Юрий, в результате совместного обсуждения нас, братьев, решили: мама должна переехать к Володе, чтобы помочь в воспитании внука.

Однажды в мой приезд в Ленинград мы собрались — редкий случай — все вместе:
Леонтий, наша мама, Владимир, Алексей

Жена Володи Галя постоянно болела, и мама незаметно из бабушки, помощницы в воспитании внука превратилась в домработницу. Очень уставала. Никогда не жаловалась, но, как я потом понял, прочитав ее неотправленные мне письма, засыпала за письмом. А я тем временем дурью маялся, по глупости женился и вскоре развелся. Был погружен в свои дела и не почувствовал вовремя, что Юра уже подросток, и надо маму взять к себе.

Весной 1951 года у нее случился инсульт. Я получил отпуск на 10 дней по семейным обстоятельствам и провел их с мамой. Она грустно говорила: «Вот я тебе сказки рассказывала, когда ты болел, а теперь ты мне рассказываешь». Это был 1951 год, с тех пор медицина ушла далеко вперед, сегодня ее, наверное, могли бы спасти. А тогда, вскоре после моего отъезда, мамы не стало.

На всю жизнь это осталось темным пятном на моей совести.

Володя

Володя в моей «восьмиметровке» общежития Академии им. Н.Е.Жуковского, 1948 г.

В середине пятидесятых годов я работал в Управлении опытного строительства авиационной техники ВВС. Часто бывал в Ленинграде, там велись опытно-конструкторские работы, которые я курировал. Останавливался всегда у Володи, он жил на проспекте Майорова, недалеко от Ленсовета и Исаакиевского собора. А работа его находилась на Невском проспекте. На работу он обычно ходил пешком. В то время недалеко от Володи жил и Алёша.

Встречаясь, мы всегда, рассказывали друг другу о своих текущих делах, Володя мне кое-что рассказывал о прошлом нашей семьи. Юра уже был большим мальчиком, мне показалось, что Володя его слишком балует. Он согласился и сказал, что учтет это в дальнейшем.

Володя никогда не жаловался на свое здоровье, иногда в подтверждение своего хорошего самочувствия мог похлопать себя по могучей груди. Через десять дней после моего возвращения из командировки пришла телеграмма: «Умер Володя. Алёша» — это было как удар грома среди ясного неба.

Последний раз мы виделись в 1959 году. Как всегда, встречались все втроем, делились своими новостями, обсуждали текущие события. Начиналась «Хрущевская оттепель».

Последний раз три брата Матиясевича вместе. Через 10 дней Володи не стало.
Ленинград, 1959 г.

В тот роковой день Володя как всегда пошел на работу пешком. Днем он должен был поехать куда-то на совещание, но почувствовал себя плохо, сильная боль в животе — наверное, что-то съел плохое. Решил все же не ехать на совещание и вернулся пешком домой, стало совсем плохо, приехал Алёша, вызвал неотложку, но Володя умер на руках у Алёши. После этого Алёша сам чуть не целый год был в предынфарктном состоянии.

Володя умер в 57 лет — непростительно рано. Никогда не болел, не жаловался на свое здоровье и вдруг в течение нескольких часов — всё кончено?!

Володя. 1954 г.

Володя, конечно, гораздо больше нас с Алёшей знал диктатуру пролетариата, сам был каким-то ее винтиком, чувствовал ее постоянное воздействие на отдельно взятого человека.

* * *

Алёша подолгу бывал в дальнем плавании, дважды зимовал в Арктике. Море и полярная ночь диктовали свои правила жизни, далекие от политики. Правда, у него был однажды эпизод, о котором теперь можно вспомнить с улыбкой. А тогда был 1937 год, Алёша в Одессе, старший помощник капитана, готовит пароход к отходу в дальнее плавание. Приходит телеграмма из Москвы: «Сдать дела второму помощнику капитана, прибыть в Москву». В то время подобные телеграммы часто заканчивались трагедией. В данном случае Алёшу вызвали в связи с награждением моряков, участвовавших в 1936 году в проводке Северным морским путем двух миноносцев с запада на восток. «Всесоюзный староста» Михаил Иванович Калинин вручил Алёше орден «Знак Почета»

Я сначала был токарем по металлу, потом учился на рабфаке и в институте, занимался спортом. В общем, был далек от политики и каких-либо серьезных государственных работ.

Володя же — член партии с двадцатых годов, на ответственной работе, всегда в курсе и в гуще всех событий в жизни страны. Он часто общался с отцом. Поддерживал отца в трудные времена его жизни до и после ареста. Постоянно заботился о нас с мамой.

У Володи, кроме Петра Городнего и Андрея Корчагина, было еще два товарища. Один из них — военный, — Вишневский, жил в Киеве. Запомнился один связанный с ним эпизод. Киев, 1932-1933 годы. Голод. Всё по карточкам. В транспорте орудуют высокого класса карманники; ночью — разбой; расцвели разные «малины», притоны; в ходу воровские блатные песенки: «Здравствуй, моя Любка, ты моя голубка, здравствуй, дорогая и прощай. Ты зашухерила всю нашу малину, а теперь за это получай», «Позабыт, позаброшен с молодых юных лет, я остался сиротой, счастья больше мне нет», «Жил-был на Подоле Гоп-со-смыком, славился своим басистым криком» и т.п. Однажды Вишневский с женой был в гостях у Володи. Вечером, уходя домой, достал из кобуры наган и положил его в карман шинели — на всякий цыганский случай. На улице было небезопасно. Второго Володиного товарища — забыл фамилию — я не знал, он был чекистом, жил в Москве. Оба — этот товарищ и Вишневский — исчезли в 1937 году.

Иначе сложилась судьба Андрея Корчагина.

Андрей Корчагин

После отъезда Володи в 1935 году на Дальний Восток они постоянно переписывались. Когда началась Великая Отечественная война, Андрей Константинович как научный работник Академии наук Украины имел бронь, освобождавшую его от призыва в Красную армию.

Вот фрагменты сохранившегося у Володи письма Андрея от 23 августа 1941 года.

Письмо Андрея Корчагина долго ходило в поисках Володи

Он пишет, что предыдущее письмо Володи они получили еще все трое: он, его жена Ольга Геннадьевна и дочь Октябрина. А вот последнее письмо он получил уже один.

«Из-за частых воздушных тревог и налетов на наш район я отправил Олю и Инусю из Киева».

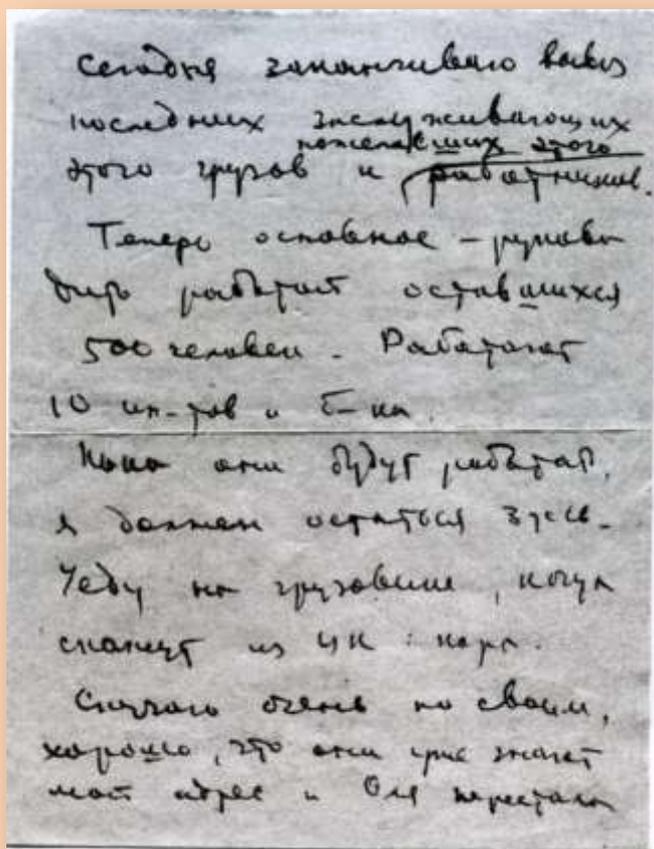
Пишет, что эшелон, которым эвакуировали киевлян, высадил их прямо в поле недалеко от станции Ново-Александровская Орджоникидзевского края, но уже удалось установить с ними связь.

О своих планах пишет, что собирался пойти в райвоенкомат, сдать свою броню и вступить в РККА, но «12 июля сбежала в Харьков верхушка аппарата АН, и ЦК КП(б)У меня посадил во главе Управления делами АН (академики выехали в Уфу еще 2.VII)... Сегодня заканчиваю вывоз последних заслуживающих этого грузов и пожелавших отъезда работников. Теперь основное — руководить работой оставшихся 500 человек. Работают 10 институтов и библиотека. Пока они будут работать, я должен оставаться в Киеве. Уеду на грузовике, когда скажут из ЦК. Пора».

Отправленные Андреем Константиновичем грузы обеспечили возможность Академии

выполнять научные исследования в течение всей войны.

Пишет, что скучает по уехавшим Оле и Ине. Навещает нашу маму и сестру Галю. Они не могли эвакуироваться в связи с малышкой Машей, которой еще не было двух месяцев.

Последнее письмо, написанное Андреем Константиновичем в середине сентября, чудом проскочило через фронтовые районы и дошло до Володи. В нем он пишет, что по-прежнему работают 10 институтов, он не живет уже дома, ночует в своем кабинете, в Президиуме АН. Машина под окном, когда Москва даст команду, уедет из Киева.

Москва дала команду 18 сентября, когда Киев уже был полностью окружен немецкими войсками.

Трехтысячная колонна автомобилей с советскими и партийными работниками учреждений Киева выехала из города на восток. В одном из районов, где шоссе проходит через болото (не съедешь с дороги ни вправо, ни влево), немцы расстреляли колонну из пушек. Погиб и Андрей Корчагин.

Когда в послевоенные годы мы беседовали с военкомом того района, он сказал: «Вся земля там пронизана человеческими останками, и идентифицировать их невозможно. Это были гражданские люди, не имевшие пеналов с их данными.

Такова судьба трех товарищей Володи. Почему-то не знаю военную судьбу Петра Городнего. Вероятнее всего, он был политработником. После войны занимался проблемой восстановления промышленности Украины, разрушенной в годы войны.

Неизвестно, как бы сложилась жизнь Володи, останься он в 1935 году в Киеве.

Жизнь продолжается

Как несправедлива бывает человеческая судьба. Володя долго ждал и очень любил своего сына. Но ему не пришлось обрести счастье, наблюдая за выдающимися успехами Юры.

Володя с сыном Юрой

Учась в обыкновенной средней школе, Юра начал посещать математический кружок Ленинградского Дворца пионеров.

Затем недолго учился в Ленинградской физико-математической школе и, наконец, в Московской физико-математической школе-интернате, где его, ученика 9-го класса, включили в состав сборной команды СССР на Международной математической олимпиаде. Остальные члены команды уже закончили 10-й класс. Команда победила. Министр образования СССР поздравил их с победой и с зачислением без экзаменов на первый курс Московского государственного университета. Но Юре в Университете сказали, что не могут его зачислить без аттестата об окончании средней школы. Он походил по коридорам Министерства образования, не знаю, может быть, там ему и сочувствовали, но никто, ни чиновники, ни сам министр ничего не сделали, и Юра, очень огорченный — можно понять его состояние, — уехал домой в Ленинград.

Вот так чиновничья рать запросто может искалечить жизнь молодому человеку и лишить страну выдающегося ученого. Для подобных решений вообще не нужен человек; простенький алгоритм — и автомат будет безошибочно решать, по каким признакам можно зачислять в Университет, а по каким нельзя.

Однако, к нашему счастью, в Ленинградском университете были не чиновники, а здравомыслящие люди, и Юру зачислили в университет, а он, учась в университете, подготовился и экстерном сдал экзамен за 10-й класс и получил аттестат о среднем образовании.

Другой молодой человек на месте Юры, возможно, не поехал бы в Ленинград, пытался бы поступить в Университет и, может быть, вообще отказался бы от математической карьеры. Но Юра к тому времени уже навсегда связал свое будущее с математикой. Он увлеченно рассказывал об очень интересных устных задачах, решение которых развивало логическое мышление. Однажды, приехав неожиданно к нам, когда собрались по какому-то праздничному событию мои коллеги-офицеры, ему предложили произнести тост, он твердо, не задумываясь, сказал: «За математику».

В 22 года Юра решил 10-ю задачу, сформулированную в 1900 году известным немецким математиком Гильбертом, над решением которой десятилетиями бились математики многих стран. И самое интересное — он доказал, что эта задача неразрешима!

В 25 лет Юра защитил докторскую диссертацию, так же как академик, бывший президент

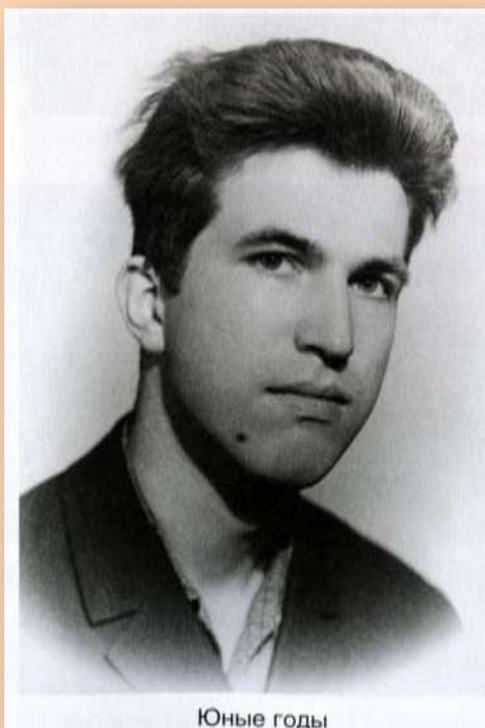

Академии наук СССР, внесший большой вклад в развитие отечественной космонавтики, Мстислав Всеволодович Келдыш.

Сегодня Юрий Владимирович — академик РАН, признанный во всем мире ученый в области математики, ведет большую общественную работу в отечественных и зарубежных математических обществах, учебных и научных организациях; много уделяет времени популяризации математики, воспитанию нового поколения отечественных математиков.

Володя мог бы по праву гордиться своим сыном.

Юрий Владимирович Матиясевич

Юные годы

5.11. Позвала их Россия, как бывало не раз

23 августа 2010 года. Час ночи. Лоджия. Не очень темное белесоватое небо, ограниченное черными силуэтами крон деревьев.

Красавица Венера далеко ушла от убывающего, но все еще яркого лика Луны. Недавно они еще были совсем рядом.

Тепло и не жарко. Абсолютный покой. Ни звука, и вдруг, в соседней лоджии громкий, трудно повторимый стон-всхлип. Это соседу вновь приснился «Афган».

Читает лекцию

За работой

Да, мы в Центре восстановительного лечения воинов-интернационалистов им. М.А.Лиходея.

Территория Центра имени М.А.Лиходея

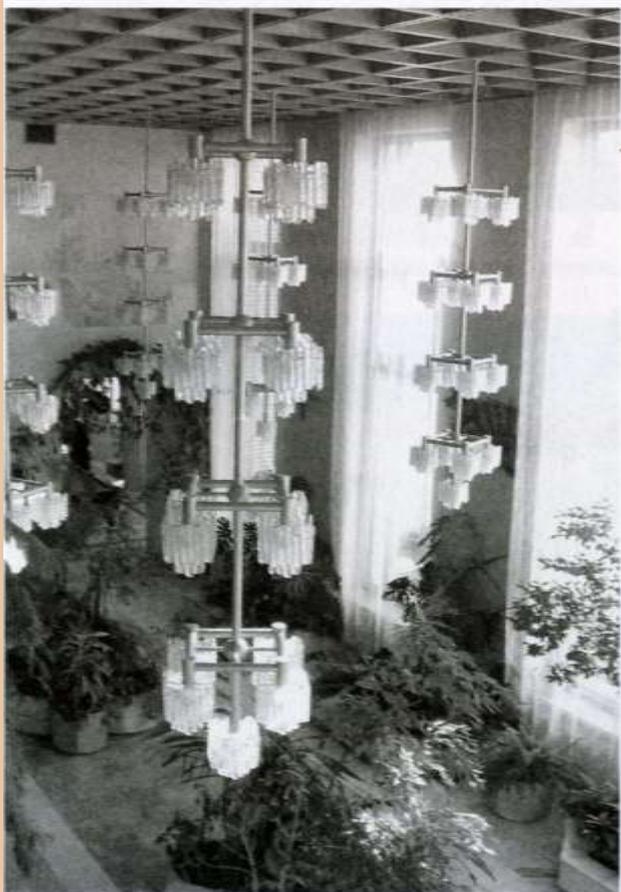
Территория Центра имени М.А.Лиходея. Бассейн и спальный корпус

Это бывший санаторий ЦК КПСС, на берегу водохранилища. Кругом гранит и мрамор, ценные породы дерева, ковры, зимний сад, многометровая набережная на берегу водохранилища, свой мини порт с лодками, яхтами и многое другое — чего не сделаешь для «себя любимого»!

Лечебный корпус оснащен современной аппаратурой, хорошо ухоженная территория, цветы, спортивный комплекс.

Интерьер Центра имени М.А.Лиходея

Афганцы отвоевали санаторий у ЦК КПСС и крепко держат его в своих руках. В Центре два небольших, но созданных со знанием дела и любовью музея: Музей войны в Афганистане и Музей Кавказских войн. Есть целая галерея картин, написанных участниками войны и тонко отражающих природу Афганистана, людей и отдельные эпизоды войны.

Экспозиции музеев

В отличие от нас, участников Великой Отечественной войны, чей возраст уже на пределе, здесь лечатся в основном молодые люди, но без ног, без рук, на протезах, колясках, с палочками — им еще жить да жить, работать, растить детей.

Дети отдыхали вместе с родителями

Наблюдая этих необычайно подвижных, улыбчивых малышей, только начинающих ходить или уже подростков, братишек и сестреноч, нельзя не радоваться — жизнь продолжается, будущее должно быть за ними.

Центр им. М.А.Лиходея, Общероссийская Общественная Организация инвалидов войны в Афганистане (ООО ИВА), газета «Побратим» и другие общественные организации воинов интернационалистов многое делают для того, чтобы помочь участникам этих войн и боевых действий занять в нашей повседневной жизни свое достойное место. И одним из ярких свидетельств этой работы являются отдыхающие и лечащиеся вместе с родителями их дети.

Михаил Александрович Лиходей — боевой офицер, подполковник, жизнь которого может служить для каждого примером беззаветного служения Родине.

Сын офицера — участника Великой Отечественной войны, полковника, он получил хорошее семейное воспитание. Родители привили ему любовь к Родине, трудолюбие, скромность и в то же время активность, настойчивость — не пасовать перед трудностями, а преодолевать их. С детства его увлек девиз из прекрасной книги Каверина «Два капитана»: «Бороться и искать, найти и не сдаваться».

Воспитанные родителями высокие нравственные принципы стали для него на всю жизнь путеводной звездой.

Михаил Александрович окончил Костромское военное командное училище химзащиты. Служил в Забайкалье, в Группе советских войск в Германии, в Белоруссии. Осенью 1985 года майор Лиходей направлен в Афганистан в распоряжение оперативной группы генерала армии В.М.Варенникова.

Так кто же этот человек — М.А.Лиходей, имя которого присвоено замечательному, уникальному Центру восстановительной терапии воинов-интернационалистов?

Участвует в боевых действиях, и при выполнении сложного задания 1 сентября 1986 года подорвался на mine — утрачены нога и глаз. За проявленные мужество и доблесть в боевых действиях награжден орденом Красной Звезды, медалями, в том числе медалью «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа». Долго лечился в госпиталях, признан инвалидом 1-й группы.

Но Лиходей не сдается, приказом Министра обороны оставлен в кадрах Вооруженных Сил и назначен начальником отдела Красногвардейского райвоенкомата Москвы.

Вот тут-то он в полной мере столкнулся с проблемами воинов, вернувшихся из Афганистана, особенно раненых и увечных, брошенных своим государством на произвол судьбы. Он стал свидетелем произвола и унижения их достоинства со стороны чиновников. Необходима срочная помощь этим людям, молодым, но нуждающимся в лечении, восстановлении своего физического и психического здоровья, в обучении гражданским профессиям. Михаил Александрович понял: решать эту проблему, вернуть этих людей в реальную трудовую жизнь можно только самоорганизовавшись, научившись зарабатывать необходимые для этого деньги.

Он начал действовать. В Красногвардейском районе Москвы был создан Клуб афганцев, занявшийся предпринимательской деятельностью, доходы от которой шли на помощь инвалидам войны в Афганистане. Первой победой был первый в России высотный жилой дом, в котором разместились 172 семьи афганцев. Эта победа вдохновила, и Лиходей выдвинул идею создания Общероссийской общественной организации инвалидов войны в Афганистане.

В результате большой организаторской работы в мае 1991 года на конференции афганцев, приехавших из всех уголков России, было принято решение об учреждении юридически самостоятельного Общероссийского общественного объединения — Российского фонда инвалидов войны в Афганистане (РФИВА), а подполковник Лиходей стал его первым руководителем.

В начале 1994 года в Фонд входило уже 40 региональных организаций. Совмещать руководство Фондом с работой в военкомате стало трудно. Министерство обороны разрешило Лиходею сосредоточиться на руководстве Фондом.

Работает напряженно, мотается по инстанциям. Но не пасует перед трудностями. Всегда уравновешен, доброжелателен. «Афганцы» тянутся к нему, а он всегда был готов помочь. Жена Елена

Ивановна Краснолуцкая — друг и соратник в делах.

С большим трудом удается получить небольшие льготы для инвалидов и госдотации для Фонда. Однако тут же он сталкивается с попытками высокопоставленных чиновников и теневых дельцов присосаться к афганским льготам. В общем, развернулась ожесточенная борьба с темными силами.

Особое место в этой борьбе занимает история создания Центра восстановительной терапии для воинов-интернационалистов. Исключительно важная роль в судьбе Центра принадлежит Лиходею. После передачи правительством России санатория «Русь» Фонду инвалидов войны в Афганистане без бюджетного финансирования его эксплуатации председатель Фонда Лиходей приложил невероятные усилия, для того чтобы изыскать средства, необходимые для оплаты лечения инвалидов, содержания имущества огромного комплекса, сохранения коллектива специалистов, работавших в санатории «Русь». При этом ему приходилось решительно противодействовать попыткам дельцов рейдерским налетом захватить привлекательную недвижимость, а также стремлению определенных государственных ведомств обходными путями прибрать ее к рукам.

Непросто было сохранить трудовой коллектив Центра в таких условиях, но люди поверили Лиходею, перенесли все трудности и не допустили сбоев в работе Центра.

Продажная пресса и официальные средства массовой информации замалчивали, искажали и поливали грязью деятельность РФИВА. Лиходей мечтал создать свой печатный орган, но средств для этого в то время не было.

22 февраля 1994 года конференция РФИВА утвердила разработанный Лиходеем Устав Фонда. В нем были определены задачи, структура, система выборности, обязанности и сменяемость руководства, открытость и демократичность Фонда. Однако Министерство юстиции России категорически отказалось регистрировать Устав, поставив РФИВА в положение незаконно существующей организации.

Лиходей не сдался, от лица пяти тысяч членов объединения подал иск к Минюсту в Верховный суд РФ. Такого еще не было в истории России! Верховный суд признал неправомерными действия Минюста, а внутреннюю деятельность Фонда — не противоречащей закону.

Победа вдохновила Лиходея, и он с удвоенной энергией продолжил борьбу за выживание Фонда. Мотался по правительственным коридорам, стучался в двери министров и вице-премьеров. Несмотря на решение Верховного суда, прорвать созданную вокруг РФИВА блокаду союза коррумпированных столоначальников с темными дельцами было не по силам.

«Бескомпромиссно выступая против беззакония, чиновничьего произвола, добиваясь привлечения к ответственности расхитителей афганских миллионов, разоблачая интриги коррумпированных карьеристов, обогащавшихся за счет своих же товарищей-афганцев, он нажил немало врагов». Его шантажировали расправой. В сентябре 1993 года на Лиходея было совершено вооруженное нападение, едва не стоившее ему жизни. Но сломить волю неподкупного боевого офицера, запугать его никому не удалось. Он продолжал активно действовать.

10 ноября 1994 года Лиходей спешил на самолет, чтобы лететь в Благовещенск-на-Амуре, где предстояло открыть памятник погибшим в Афганистане воинам-интернационалистам. Забежал домой за дорожным чемоданчиком. Войдя в подъезд, дотронулся до кнопки лифта — раздался взрыв. Михаил Александрович погиб. Через час скончался шедший за ним водитель и друг Валерий Нурин.

Недочеловеки, организовавшие и выполнившие это преступление, сгниют в безвестности, а Лиходей навсегда останется великим сыном своего народа.

Сегодня Общероссийская общественная организация инвалидов войны в Афганистане (ООО ИВА), являющаяся дальнейшим развитием Фонда ИВА, созданного Лиходеем, — одна из самых мощных и авторитетных общественных организаций, имеющая 68 региональных отделений и выражающая интересы 120 тысяч инвалидов войны в Афганистане.

Ежегодно отмечается день памяти Михаила Александровича Лиходея. В его честь утверждены медаль «За верность Отчизне» и премия имени М.А.Лиходея, которыми награждаются люди, внесшие наибольший вклад в общее дело претворения в жизнь идей Лиходея.

Такова героическая и трагическая жизнь — судьба офицера М.А.Лиходея. Таково отношения нашего общества и государства к своим защитникам...

Однажды, в день Победы, я ехал в метро в парадной форме. Ко мне подошел молодой человек, поздравил с праздником, крепко пожал руку и сказал: «Вот Вы защищали Родину, а что мы делали в Афганистане?» Действительно Великая Отечественная и Афганская войны несопоставимы ни по их

значению для страны, ни по масштабам — у них разная история. Но для участников Афганской и других «малых войн» — это настоящие войны, они выполняли свой высокий гражданский долг — они сражались за Родину. Чего нельзя сказать о политиках и государственных деятелях, развязывающих эти войны далеко не всегда для защиты Отечества.

*Я не знаю, зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть недрожавшей рукой,
Только так беспощадно, так зло и ненужно
Опустили их в вечный покой.*

Слова из песни Александра Вертинского, актера и поэта, который в 1914 году отправился добровольцем на фронт.

Действительно, множество микровойн и боевых действий являлись следствием химеры «мировой революции», других политических амбиций и безответственности. Но в то же время неизбежно возникают ситуации, когда действительно необходимо защищать Родину или прийти на помощь братскому народу. Совсем недавно (в историческом масштабе времени) мы были свидетелями подобной ситуации.

Восьмого августа 2008 года большая группировка войск Грузии внезапно (к сожалению, наша разведка оказалась не на высоте) атаковала с применением артиллерии и бронетанковых средств наше малочисленное воинское подразделение миротворцев, базировавшееся в Южной Осетии, мирные города и населенные пункты Осетии, неся смерть и разрушения. Эти события широко освещались нашими средствами массовой информации, и я не буду их повторять, остановлюсь только на некоторых моментах.

Первое: в сложившейся ситуации мы были обязаны немедленно оказать помощь нашим солдатам и офицерам, мужественно сражавшимся с многократно превосходящим их по численности противником, и защитить от геноцида народ Южной Осетии. В Северной и Южной Осетии живет один и тот же народ — осетины, исповедующие одну и ту же православную религию. Названия Северная и Южная отражают лишь тот факт, что одни живут на северном склоне Кавказского хребта, другие — на южном. Северная Осетия — составная часть России. Южная когда-то, когда границы республик рисовались в Кремле, искусственно была присоединена к Грузии.

Второе: срочность оказания помощи и защиты определялась не только скоротечностью боевых действий, несших большие жертвы и разрушения, но и тем, что путь от северного склона к южному проходил через большой туннель. Если бы противнику удалось захватить или взорвать туннель, оказание помощи превратилось бы в трудно решаемую проблему.

И последнее: во время этих событий Верховным главнокомандующим был молодой человек и еще более молодой президент Дмитрий Медведев. Несмотря на отсутствие опыта в решении подобных проблем, он со своей задачей справился, и наши войска выполнили свой долг — остановили агрессора...

Конечно, в идеале разведка должна исключить случаи «внезапного» нападения, но никто от этого не застрахован. Поэтому крайне важны постоянная готовность руководства страны к встрече с подобной ситуацией и наличие четкой системы действий в этом случае.

Не менее важна и высокая боеготовность войск приграничных округов, высокая ответственность командующих округами, способность в критической ситуации, не дожидаясь одобрения сверху, осуществлять необходимые решительные действия. В связи с этим хочу напомнить события 1969 года в районе острова Даманский. Они существенно отличались от событий 8 августа 2008 года. Здесь не было временной внезапности — они начались 2 марта и к 15 марта, постепенно развиваясь, достигли критической точки. Так что внезапными их можно назвать разве что в историческом масштабе времени. Ведь Советский Союз десятилетиями оказывал братскому китайскому народу всестороннюю хозяйственную и военную помощь. Тысячи командиров Китайской Красной армии учились в наших военных училищах и академиях. Помню, как мы дружелюбно приветствовали китайскую делегацию во главе с Мао Цзэдуном, как он стоял на трибуне рядом с товарищем Сталиным, и мы считали его великим теоретиком марксизма-ленинизма.

Но вот зигзаг жизни! В шестидесятые годы в Китае начались свои внутренние трудности, развернулась борьба за присоединение острова Тайвань, произошла Культурная революция, возникли идеологические разногласия с руководством Компартии Советского Союза, в средствах массовой

информации развернулась широкая кампания обвинений Советского Союза в идеологическом перерождении, в ревизионизме, социал-империализме и других идеологических грехах.

От словесных атак перешли к действиям: 2 марта начались вооруженные нарушения границы с Советским Союзом. События пограничного конфликта у острова Даманский хорошо известны, и пересказ их не входит в нашу задачу, коснемся только заключительного этапа.

15 марта развернулись ожесточенные бои. Объединенные силы нескольких погранотрядов не могли противостоять многократно превосходящим их по численности китайским регулярным войскам и, понеся потери, были вынуждены оставить остров Даманский. Общая обстановка и конкретные действия в ходе конфликта свидетельствовали: цель конфликта — не захват острова Даманский, а лишь повод для решения более широкой задачи — наказать Советский Союз, пошедший по неверному пути.

В 17:00, в нарушение указания Политбюро ЦК КПСС, командующим Дальневосточным военным округом генерал-полковник О.А.Лосик принял решение нанести удар по наступающим войскам с помощью ракетных систем «Град». На этом наступление закончилось, китайские подразделения отошли на свой берег; начались длительные переговоры об урегулировании конфликта вокруг острова Даманский.

Но это официальная версия. В действительности командующий округом своевременно доложил Верховному Главнокомандующему об обстановке на границе, на что Леонид Ильич Брежнев ответил: «Да-а, это серьезно, но мы тут подумаем». Пока думали, ситуация подошла к критической точке.

Хорошо известно, что значило послушаться указаний Политбюро, да еще в такой сложной идеологической и дипломатической ситуации, но боевой офицер, участник советско-финской и Великой Отечественной войн, Герой Советского Союза Олег Александрович Лосик не убоился этого.

Он, талантливый военачальник, глубоко анализировал всю обстановку, следил за развитием конфликта и понимал: не прекрати его решительными мерами сейчас — и он будет тянуться, приведет к новым жертвам, вовлечению в боевые действия армии и, в конечном счете, может закончиться полномасштабной войной. Лосик взял на себя всю ответственность за дальнейшее развитие событий, поступил, как подлинно государственный человек, каким и должен быть каждый командующий округом и вообще каждый офицер.

5.12. Когда дули ветры холодной войны

Закончилась Великая Отечественная война. Победа. Горе о безвременно утраченных близких. Тяжелое экономическое положение страны. Но Красная армия, самая мощная вооруженная сила в мире. Пленные фашистские генералы, оказавшиеся в США, пугают: русские в течение двух недель могут сбросить в Атлантический океан все войска бывших союзников.

Уже в 1945 году, во время Потсдамской конференции, президент США Г.Трумэн попытался

шантажировать И.Сталина сообщением о создании атомного оружия. А сброшенные на японские города атомные бомбы нужны были не столько для победы над Японией, сколько для устрашения Советского Союза.

Советский народ сделал чрезвычайные усилия и создал атомное оружие. Однако американские бомбардировщики с атомным оружием на борту летают вдоль наших границ, а у нас не было средств доставки этого оружия до территории США. Но вот легендарная межконтинентальная «семерка» Сергея Павловича Королева решила и эту проблему.

Для более эффективного применения нового мощного оружия необходимы точные данные разведки. США активно действуют.

В пятидесятые годы прошлого века ими создается разведывательная система дрейфующих аэростатов. Оснащенные высокоинформативной фотоаппаратурой они, несомненно мощным воздушным потоком на больших высотах (20-40 км³⁹) пролетали над европейской частью Советского Союза и приземлялись на территории Ирана, где подбирались офицерами американской разведки⁴⁰.

Создается высотный самолет — аэрофоторазведчик U-2. В 1960 году я уже не работаю в УОСАТ ВВС, но еще состою в цепочке оповещения личного состава Управления при чрезвычайных обстоятельствах. И вот, утром 1 мая получаю команду для передачи начальнику отдела, которого я оповещал: «Прибыть на работу». Позже узнал: он срочно вылетел в Свердловск для изучения американского разведывательного самолета U-2, который на высоте 20 км пролетел более 1000 км над территорией Советского Союза и был сбит нашей зенитной ракетой.

Уже в 1959 году в США Комитет по космонавтике и исследованию космического пространства (NASA) представил в первой сессии 86 Конгресса доклад, содержащий описание основных черт космической системы и возможных вариантов разведывательных спутников, предназначенных для наблюдения за поверхностью Земли и разведки военных целей.

К сожалению, иначе обстояли дела с воздушной и космической разведкой у нас.

Сергей Павлович Королев хорошо понимал важность космической разведки для обороны страны и действовал. Не дожидаясь никаких команд свыше, он организовал разработку образцов экспериментальной разведывательной аппаратуры; поручил начальнику проектного отдела — Евгению Фёдоровичу Рязанову спроектировать размещение ее на космическом корабле «Восток». Но время шло, а никаких заданий от Министерства Обороны не поступало.

Сложившееся положение в стране вокруг космической разведки в определенной степени иллюстрирует такой случай.

Однажды, в конце 1959 года, к нам приехали представители ракетных войск и предложили взять на себя курирование вопросов разработки фотосредств для съемки из космоса. Мы без колебаний согласились, но при условии увеличения численности нашей группы. Ракетчики заверили нас: в соответствующем постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР это будет предусмотрено, и мы вместе пошли к начальнику нашего управления генерал-лейтенанту авиации С.Д.Данилину, в прошлом — штурману экипажа М.М.Громова при перелете через Северный полюс в США, Герою Советского Союза. Он выслушал нас и полностью поддержал. Сразу же снял трубку и позвонил Главкому ВВС. Главком ответил примерно так: «Знаем мы их (имеются в виду ракетчики — Прим. авт.), работ навешают, а людей не дадут. Нам это не надо».

Тогда мы огорчились, что не удалось приобщиться к космонавтике. Но вспоминая сегодня этот эпизод, понимаю реакцию Главкома: в те годы — всеобщей эйфории, вызванной созданием баллистических ракет, Военно-Воздушные Силы и Военно-Морской Флот переживали не лучшие времена...

В декабре 1959 года в Главном разведывательном управлении (ГРУ) Генерального штаба было создано маленькое подразделение, призванное исследовать возможности и пути создания средств и методов космической разведки (КР.). Возможно, это решение было обусловлено тем, что генерал армии А.И.Серов (в то время начальник ГРУ) в 1945-1946 годах обеспечивал работу специалистов, изучавших немецкую ракетную технику в Германии, был в курсе наших последующих исследований в этой области, а по долгу службы должен был знать об аналогичных работах в США. Так или иначе, но это решение дало старт созданию КР в нашей стране.

³⁹ Самолеты ВВС и средства ПВО, имеющиеся в то время на вооружении Советской армии, не всегда уверенно могли уничтожать воздушные цели на такой высоте.

⁴⁰ Подробнее смотри книгу автора «Аэрофоторазведка. На земле и в воздухе» М., 2000.

Мне лишь дважды пришлось непосредственно встречаться с Серовым. Однажды он решил познакомиться с Центром управления полетами (ЦУП). Мне поручили организовать это знакомство. Ехали в Подлипки вместе, в его машине. ЦУП в то время еще только формировался; объяснения о его функционировании давал начальник командно-измерительного комплекса генерал А.Г.Карась. В другой раз, при посещении Серовым нашего подразделения я знакомил его с материалами космической съемки и результатами их дешифрирования.

От этих мимолетных встреч осталось впечатление о нем как о человеке разумном, демократичном, которому чужда была всякая фальшь, показуха. Интересный эпизод, в определенной степени характеризующий Серова, приводит в своей книге «Ракеты и люди» Б.Е.Черток, в прошлом один из заместителей С.П.Королева. В феврале 1956 года в НИИ-88, в недрах которого сформировалось легендарное Королевское ОКБ-1, состоялся партийно-хозяйственный актив, посвященный итогам работы XX съезда КПСС. Доклад, по поручению ЦК, делал Серов. Вот что пишет об этом Черток:

«Когда Серов кончил доклад, в притихшем зале раздался громкий, срывающийся на крик, женский голос:

Александр Иванович! Объясните, вы-то, где были? Вы кем были? Что делали? Наверно, громче всех кричали «Слава Сталину!» Какое право имеете говорить о зверствах Берии, если были его заместителем?

Серов долго молчал. Зал ждал и тоже молчал. Наконец, Серов встал и ответил:

Я во многом виноват. Но виноваты и вы, все здесь сидящие. Вы разве не славили Сталина на всех своих собраниях? А сколько раз каждый из вас вставал и до усталости аплодировал, когда упоминали имя Сталина на всех своих собраниях? Теперь партия хочет освободиться от этого культа. Всем нам трудно, и не будем предъявлять счет друг другу».

Начальником нового подразделения ГРУ был назначен полковник Александр Никитич Щепотин.

Создание организации — всегда сложная задача. Создание организации, призванной решать совершенно новые задачи, быть первопроходцем в области, которая еще совсем недавно воспринималась как научная фантастика, во много раз сложнее.

Неизвестно, какие потребуются специалисты и где их найти; как правильно проложить курс, чтобы с наименьшими издержками, в кратчайшие сроки прийти к намеченной цели; наконец, нужно создать человеческий коллектив, в котором бы, Несмотря на все различия характеров индивидуумов, утвердились бы деловитость и товарищество.

Александр Никитич по образованию и опыту предшествующей работы был связистом, окончил Электротехническую академию связи. Но при этом был широко эрудированным человеком, обладал острым умом, легко схватывал сущность возникающих вопросов, далеких от его узкой специальности. В делах и отношениях с людьми ему были чужды односторонность, необъективность, он всегда стремился решать возникавшие проблемы, исходя из реальной обстановки и здравого смысла. Ко всему этому он обладал хорошими организаторскими способностями.

Не менее важны для дела были чисто человеческие черты характера Александра Никитича. У него совершенно отсутствовала какая-либо рисовка, фальшь в поведении, он был прост в отношениях с людьми, всегда доступен для подчиненных, независимо от того, какое место они занимали в служебной иерархии. Он был человеком решительным, не боялся брать на себя ответственность, умел быстро принимать решения.

Александр Никитич был по-настоящему воспитанным человеком, за многие годы совместной работы я никогда не слышал, чтобы он кричал или допускал брань в адрес подчиненных. Он был веселым человеком, понимал и ценил хорошую шутку, умел сам пошутить. Был страстным болельщиком за футбольную команду киевского «Динамо», в прошлом и сам играл в футбол.

С Александром Никитичем было легко работать. Он пользовался большим уважением в нашем коллективе. Под его руководством удалось в сжатые сроки решить ключевые проблемы создания нашей службы, заложить фундамент, на котором выросло здание космической разведки, в этом его огромная заслуга.

Александр Никитич Щепотин (1914–1975 гг.)

Одной из главных проблем, без решения которой невозможно было осуществить фотосъемку из космоса, являлась проблема возвращения на Землю экспонированной фотопленки. В то время приоритетной задачей нашей космонавтики был полет человека. Для ее решения еще в 1960 году был создан космический корабль (КК) и началась отработка и проверка систем, обеспечивающих запуск, полет и возвращение корабля на Землю.

Мы внимательно следили за всеми пусками КК и с нетерпением ждали времени, когда эта задача будет решена.

Запуск первого КК состоялся 15 мая 1960 года. Все системы корабля функционировали нормально, однако вследствие отказа одного из приборов системы ориентации изменилось направление тормозного импульса, и вместо снижения корабль перешел на более высокую орбиту.

Второй космический корабль с собачками Белкой и Стрелкой, запущенный 19 августа 1960 года, успешно приземлился.

Первого декабря 1960 года был запущен третий КК с собачками Пчелкой и Мушкой. Полет проходил успешно, но вследствие нерасчетной траектории снижения корабль сгорел в верхних слоях атмосферы.

На четвертом КК, кроме собачки Чернушки и других биологических объектов, по инициативе Евгения Фёдоровича Рязанова был установлен аэрофотоаппарат АФА-39. Зарядку фотопленкой и подготовку к съемке фотоаппарата выполнил Александр Алексеевич Елисеев. Корабль был запущен 9 марта 1961 года и в тот же день успешно приземлился в заданном районе.

Мы радовались и немножко волновались, когда к нам привезли фотоаппарат с экспонированной фотопленкой. Ведь предстояло обработать впервые в нашей истории уникальный фильм, увидеть Землю, снятую из космоса. Сначала для надежности предполагали разрезать фильм на небольшие куски и проявлять их в кювете. Но решили все же проявить фильм целиком в спиральном проявительном приборе. Борис Семенович Самохвалов выполнил эту работу отлично. Вопреки всем сомнениям, фильм был хорошего качества и, несмотря на необычайно мелкий масштаб (около 1:2 000 000), содержал обширную информацию о поверхности Земли. В начале фильма хорошо различались горные массивы Африки, потом Средиземное море, остров Крит, озеро Туз в Турции...

Так как стабилизация корабля производилась только во время работы тормозной двигательной установки, в дальнейшем он стал вращаться, и в объектив иногда заглядывало Солнце, а на фильме появлялись изображения «неопознанных летающих объектов» — блики от линз объектива.

Были отпечатаны, дешифрированы и описаны наиболее характерные снимки, составлено краткое заключение. Главный результат — подтверждена принципиальная возможность получения из космоса высокоинформативных снимков. Закончили работу около 12 часов ночи. В КБ Королева нас ждали Бушуев и Рязанов. Быстро промелькнул хорошо известный нам путь в Подлипки по уже

пустынным улицам Москвы и шоссе. Разговор в кабинете Бушуева⁴¹. Больше никаких сомнений нет — космическая фоторазведка возможна. Курс на запуск специально предназначенного для этой цели космического корабля, оснащенного экспериментальной разведывательной аппаратурой⁴².

Под руководством Сергея Павловича Королева в невиданно короткие сроки были созданы первые разведывательные космические корабли — «Зенит-2» и «Зенит-4».

Жизнь Сергея Павловича является удивительным примером целеустремленности, постоянства, воли в достижении поставленной цели, которая на протяжении многих лет для других оставалась просто фантазией. Убежденность, глубокое знание дела, которому он служил, стремление и умение пропагандировать его, привлекали к Королеву по-настоящему талантливых людей: от маститых ученых, инженеров, конструкторов до молодых выпускников вузов.

Наиболее яркую, краткую и точную характеристику Сергея Павловича дал его заместитель П.В.Мишин, проработавший с Королевым многие годы. Вот как это было. Однажды, уже после гибели Сергея Павловича, когда Мишин стал руководителем ОКБ-1, где-то в высоких инстанциях, критикуя за упущения, ему сказали с упреком: «Вы же были заместителем Королева!», на что он ответил: «У гениев заместителей не бывает».

Мне посчастливилось в 1960 году познакомиться с Сергеем Павловичем и потом не раз встречаться. Все встречи были связаны с определенными рубежами в развитии космической разведки, но помимо деловой части общения они оставили глубокий след в моей памяти о чисто человеческих, личностных особенностях этого удивительного человека. Остановлюсь только на одной, но очень важной для руководителя любого масштаба и, к сожалению, нечасто встречающейся черте его характера.

Кадры фильма, полученного 9 марта 1961 г. с КК «Восток»

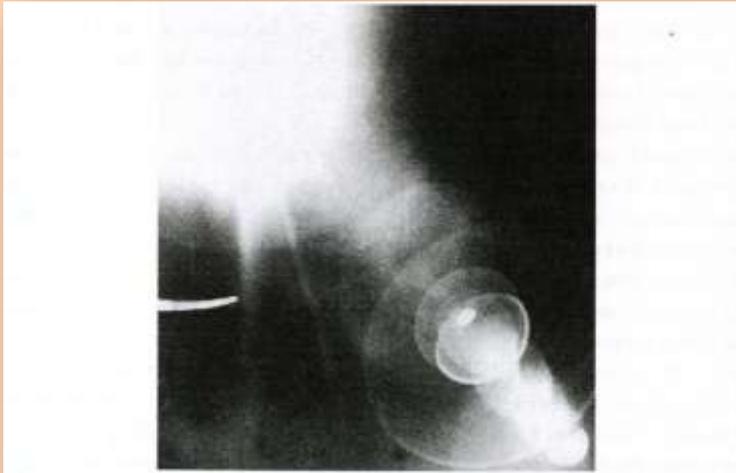

Средиземное море, Турция, залив Анталья; слева вверху остров Родос

Королев обладал большой властью, руководил тысячными коллективами, пользовался большим авторитетом в правительстве и ЦК КПСС, и при этом с ним можно было спорить, не подбирая дипломатических выражений, но самое главное — в интересах дела он мог соглашаться с оппонентом, даже если это противоречило его собственным планам.

⁴¹ Константин Давидович Бушуев — заместитель С.П.Королева.

⁴² О создании экспериментального разведывательного космического корабля «Зенит» и первых двух серийных разведчиков — «Зенит-2» и «Зенит-4» смотри книгу автора «Аэрофоторазведка. Прошлое - настоящее - будущее» М.: Полигон-Пресс. 2011.

В объектив заглянуло Солнце — появились блики от линз объектива

Сергей Павлович Королев (1907–1966 гг.) — главный конструктор первого в мире спутника Земли и обитаемых космических кораблей

В последний раз мне пришлось встретиться с Сергеем Павловичем 23 декабря 1965 года. В этот день в КБ Королева отмечалось шестидесятилетие его заместителя — Павла Владимировича Цыбина.

Это был красочный праздничный парад ярких личностей, представлявших различные промышленные и военные коллективы, работавшие в области космонавтики и авиации. Ораторы сменяли друг друга, состязаясь в красноречии и остроумии; шутки, каламбуры, экзотические сувениры на память юбиляру — все вращалось вокруг его личности и различных космических программ, проектов, разработок.

Памятник С.П.Королёву в городе Королёве

Памятник С.П.Королёву в Байконуре

Полный сил и энергии, веселый и раскованный дирижировал всем этим праздничным действием Сергей Павлович. Наблюдая за этой феерией, мы вспомнили: ведь через год Сергею Павловичу тоже исполнится шестьдесят — как будет отмечаться этот юбилей? Но менее чем через месяц — 14 января

1966 года Сергея Павловича не стало. Придя самостоятельно в больницу для несложной операции с целью уточнения диагноза, он не поднялся с операционного стола...

Мне пришлось провожать Сергея Павловича в последний путь.

От Колонного зала Дома союзов до кремлевских стен медленно двигалась небольшая группа людей — близкие Сергея Павловича, его ближайшие сподвижники, члены правительства и Центрального Комитета во главе с Л.И.Брежневым. Короткий митинг, залп — и все кончено, блестящий коллектив в Подлипках, полный творческих сил, осиротел.

5.13. Последнее слово Адмирала

Закончился рассказ об эпизодах жизни простых людей — рядовых эпохи диктатуры пролетариата. Конечно, это лишь отдельные песчинки из безбрежной и многообразной жизни людей в уникальное время, история которого изучается во всем мире и будет еще долго изучаться. Это дело профессионалов историков и тысяч граждан, равнодушных к прошлому своих предков и думающих о будущем своих детей.

С каждым годом все меньше живых свидетелей той эпохи, но не мелеют океаны лжи о ней. Идет борьба за поиск Правды. Не опоздать бы, без нее нет будущего страны!

Думая о прошлом, рассказанном, и многом мрачном, трагическом, не рассказанном здесь, не могу избавиться от мыслей: как это все могло случиться с нами — нашим великим народом? И невольно прокручиваю все с начала вновь и вновь.

Старт Февральской революции дал Манифест Николая II об отречении от престола. Да, отсчет дней Февральской революции начался со дня опубликования Манифеста, но само появление Манифеста было вызвано тем, что затянувшаяся война и другие внутренние проблемы уже создали революционную обстановку, и она подошла к критической точке.

Что побудило Николая Второго, людей, советовавших это ему, и Государственную Думу, согласившуюся с этим, принять такое беспрецедентное решение Императора?..

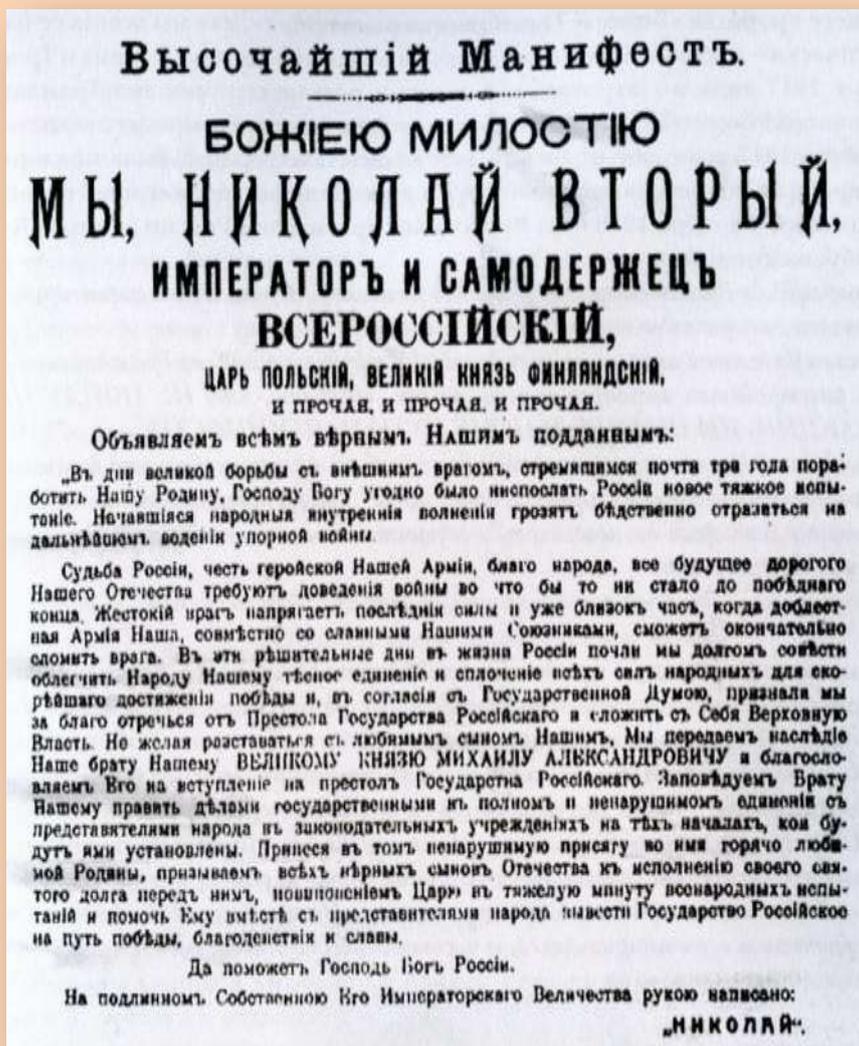
Россия не была инициатором развязывания Первой мировой войны, ее развязала Германия, стремившаяся поработить всю европейскую часть России, вплоть до Урала. Николай Второй считал: *«Судьба России, честь героической нашей армии, благо народа, всё будущее нашего Отечества требуют доведения войны, во что бы то ни стало, до победного конца».*

Он понимал: дальнейшее развитие революционного процесса приведет к внутренней междоусобице и неизбежно к поражению в войне. И полагал, правильно или не правильно, что отречение его от власти откроет мирный путь дальнейшего развития революционного процесса и позволит достичь победы над врагом.

«В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для окончательного достижения победы».

Отрекаясь от престола, Николай не изменял монархическую систему управления государством — передавал власть своему брату Михаилу, но при этом написал: *«Заповедуем Брату Нашему*

править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу во имя горячо любимой Родины».

Таким образом, не затрагивая вопроса о будущем устройстве государственного управления страны, Манифест открывал мирный путь дальнейшего развития революционного процесса. И этот процесс пошел. Помните, уже в марте 1917 года созванный Исполнительным комитетом рабочих и солдатских депутатов съезд крестьян Коломенского уезда спокойно, без всяких инцидентов, но с чувством собственного достоинства и власти свою резолюцию закончил словами: «Собрание высказывает уверенность, что Временное Правительство примет все меры к тому, чтобы было созвано в ближайшее время Учредительное собрание и что наиболее совершенной формой правления для России является демократическая республика».

Началась практическая, деловая работа по подготовке к выборам в Учредительное собрание и решению неотложных текущих задач, вплоть до немедленного запрета покупок и продаж земли, и в то же время использования всех пустующих земель, кому бы они ни принадлежали, для посева, чтобы не допустить недобора урожая...

Процесс прервала «Великая Октябрьская революция», как мы всегда ее называли, а фактически — захват власти большевиками под руководством Ленина и Троцкого 25 октября 1917 года в Петрограде, а затем в результате трех лет Гражданской войны — во всей России. Но и в ходе Гражданской войны, когда процесс захвата власти, начатый в 1917 году, еще не был решен в масштабе страны, была предпринята попытка продолжить революционный путь в духе Манифеста Николая Второго.

Избранный в ноябре 1918 года Верховным правителем России адмирал Колчак в своем

Обращении писал:

«Всероссийское Временное правительство распалось, Совет Министров принял всю полноту власти и передал ее мне, адмиралу Александру Колчаку.

Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях Гражданской войны и полного расстройств государственной жизни, объявляю, что НЕ ПОЙДУ НИ ПО ПУТИ РЕАКЦИИ, НИ ПО ГИБЕЛЬНОМУ ПУТИ ПАРТИЙНОСТИ.

Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевиками и установление законности и порядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру.

Призываю вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, к труду и жертвам!»

Обращение Колчака – прямое продолжение Манифеста Николая Второго в части признания необходимости осуществления революционных преобразований в жизни России. Только Николай II главной задачей при этом считал победу в Мировой войне, а Колчаку уже пришлось главной задачей считать победу над большевиками.

Этот разносторонне одаренный, волевой человек, преданный чехословаками и союзниками России в годы Мировой войны, подло расстрелянный по личному указанию Ленина, незадолго до своей гибели написал стихи:

Выдающиеся военные и научные заслуги Колчака перед Россией как офицера и адмирала, и его трагический путь в годы Гражданской войны как Верховного правителя сегодня достаточно хорошо известны. А вот какую характеристику его, как человека, дал один из членов Омского правительства: *«Не хитрец, не дипломат, желающий всем угодить и всем понравиться, а честный русский патриот и человек долга».*

Чужое неприкаянное племя

*Чужое неприкаянное племя,
Так нагло лезущее к нам в учителя,
Кичась прогнившей древностью своею,
Свой путь монетой грязною стеля,*

*Что принесло ты русскому народу,
Чтобы решать, как нам сегодня жить?
Ты паразитствующее сроду,
Теперь желаешь нам законом быть!*

Мы для тебя - безродная скотина,

*Презренная, как мухи на стекле,
Тебе России прошлое противно,
Но вспомни, ты, на чьей живёшь земле?*

*Скажите, где вы были,
Когда чужие кони поднимали пыль,
Когда кривые сабли головы рубили
И на крови сквозь кости рос ковыль?*

*Где были вы, когда на Поле Куликовом
За Русь сражался инок Пересеет,
Где каждый третий пал в бою суровом...
Где были вы, скажите, где ваш след?*

*Или на Бородинском поле,
Где смерть за честь была для нас, славян,
Где русский дух сломил чужую волю, -
Вас в прошлом нет, не клевеците нам.*

*Что ж, упивайся, власть талмудной пыли,
Заняв на время наши храмы и места,
Но помни! Мы не позабыли
Позорного предательства Христа...*

Стихи были адресованы прежде всего вождям Октябрьской революции — Ленину и Троцкому, приехавшим в 1917 году в Россию, — один из Швейцарии на немецкие марки, другой — из США на американские доллары.

Но и сегодня стихи актуальны и могут быть адресованы многим, назовем их условно «нефтегазо-долларовым патриотам». Тем, кто без усталости добывает руками русских рабочих полезные ископаемые из земли российской, получает сверхприбыли, а доллары хранит в зарубежных банках, скупает за рубежом недвижимость, учит там детей, лечится и отдыхает сам...

Словами стиха можно задать им вопрос: «Что принесли вы русскому народу» за прошедшие двадцать лет?

Наше благополучие до сих пор полностью зависит от мировых цен на нефть и газ. Едим, одеваемся, пользуемся всевозможной техникой — всё в основном импортное. Фактически потеряли экономическую независимость. Что ни купишь, даже самую простую бытовую мелочь: «Made in China». Восхищаемся успехами Китая. Но почему-то не следуем их примеру. Не хотим потратить получаемые за наши, всенародные природные богатства миллиарды долларов на закупку современных технологий, обучение им людей, создание современного производства, подъема жизни в тысячах городах и сел России, в которых нет работы, и люди мечутся в поисках ее в более благополучных городах, или живут в основном за счет натурального хозяйства.

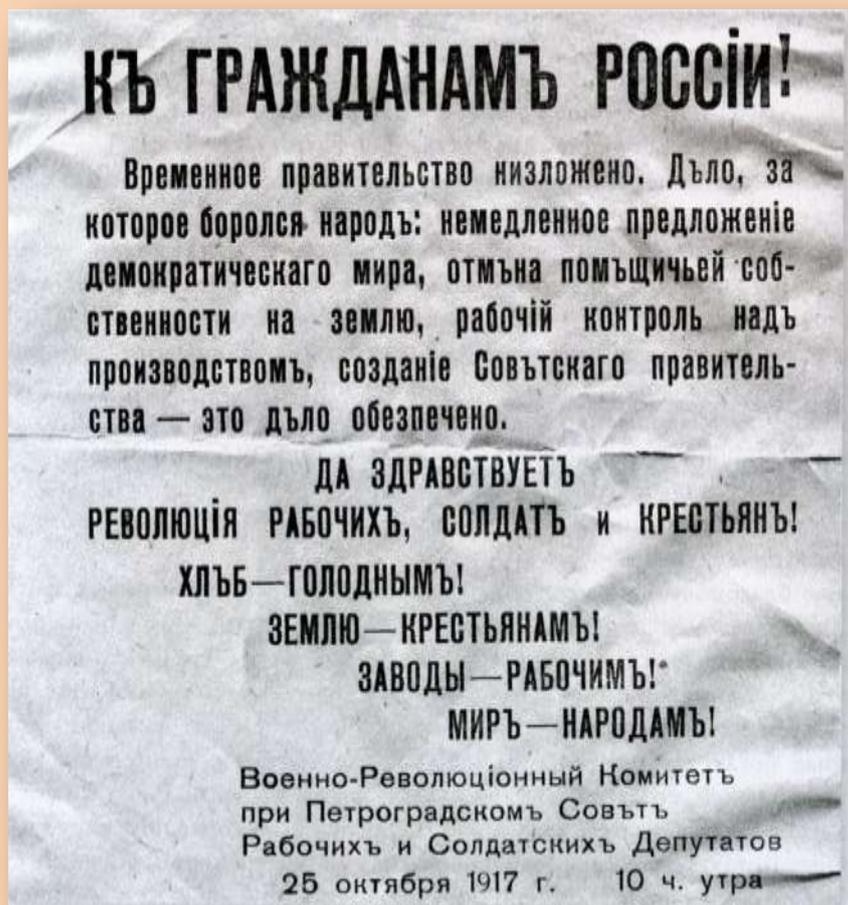
«Не выгодно», «нельзя быстро получить сверхприбыль», да и вообще, знающие люди говорят: на закупках импорта можно хорошо «заработать» в свой карман...

В общем, все это — отступление от темы, но что поделать, такова наша действительность, это наша страна, которую армия, мы, офицеры, при всех обстоятельствах должны защищать от внешних врагов...

Вернемся к теме: как все-таки большевикам удалось захватить власть? Это все многократно описывалось, исследовалось и будет еще исследоваться. Коснемся только одного, но главного и не утратившего сегодня своего значения фактора, обеспечившего победу большевиков.

В революцию 1904-1905 годов оружием пролетариата был бульжник. В революцию 1917 года большевики применили и в дальнейшем использовали в течение всей эпохи диктатуры пролетариата самое страшное, ядовитое оружие «ЛЮЖЬ». Примеров тому многие тысячи. Начиная с лозунгов, под которыми пришли к победе в 1917 году. Заранее подготовленное и брошенное в массы обращение к

гражданам России заканчивалось призывами: «Хлеб — голодным! Землю — крестьянам! Заводы — рабочим! Мир — народам!»

Насчет земли крестьянам и заводов рабочим все ясно. А «мир — народам» закончился сначала Брестским миром, в соответствии с которым Россия выплачивала Германии огромную контрибуцию, теряла огромные территории — Прибалтийские государства и Украину; и неизвестно еще, как бы закончились дальнейшие взаимоотношения потерпевшей поражение Советской России с Германией, если бы бывшие союзники России в войне не завершили ее полной победой над Германией. Таков был первый итог лозунга: «Мир — народам!». Фактически это была реализация кощунственного призыва Ленина к поражению в войне собственной страны. Другим итогом лозунга о мире народам явилась реализация другого, не менее преступного призыва Ленина: «Превратим империалистическую войну в гражданскую». В Первой мировой мы потеряли 2,5 миллиона человек, а в Гражданской за три года — 11 миллионов.

Все лозунги были обманом, но они соответствовали порожденным Февральской революцией чаяниям миллионов людей, и люди поверили, что именно большевики претворят их в жизнь. Так было в 1917 году, в годы Гражданской войны и даже в двадцатые годы.

Первыми почувствовали несоответствие лозунгов и дел балтийские моряки, внесшие большой вклад в победу большевиков в 1917 году. Более политически образованные, сплоченные, они попытались исправить дело: «Кронштадтский мятеж», выступления мощных фортов Балтийского флота...

Затем почувствовали это несоответствие слов и дел крестьяне, начались известные крестьянские восстания...

Чем все кончилось, известно. Диктатура набирала силу...

Основоположником этого мощного, подлого оружия был Ленин. Он считал: дворянская, буржуазная мораль, верность слову, честь, достоинство и т.п. моральные условности являются предрассудками, чуждыми пролетарской революции — «цель оправдывает средства».

В этом отношении характерно содержание открытого письма В.И.Ульянову-Ленину видного

политического и общественного деятеля России, одного из основателей партии эсеров, председателя Учредительного собрания В.М.Чернова. (Копия его хранится в бывшем Центральном государственном архиве Октябрьской революции.)

Ленин и Чернов давно и хорошо знали друг друга, были политическими противниками, а иногда союзниками.

Вот несколько фрагментов этого письма, характеризующих (само письмо очень длинное) моральный облик Ленина:

«Милостивый государь Владимир Ильич.

...

Ваши социально-психологические черты... наиболее ярко проявились... в двух делах, которые Вам пришлось совершить, чтобы расчистить себе путь к власти. Эти два темных и грязных дела - расстрел 5 января 1918 года мирной уличной манифестации петроградских рабочих⁴³ и разгон Учредительного собрания.

...

Эта впервые пролитая Вами рабочая кровь должна жечь Ваши руки. Ничем никогда Вы ее не смоете, потому что убийство, связанное с обманом и предательством, смешивает кровь с грязью, и эта ужасная смесь немислима.

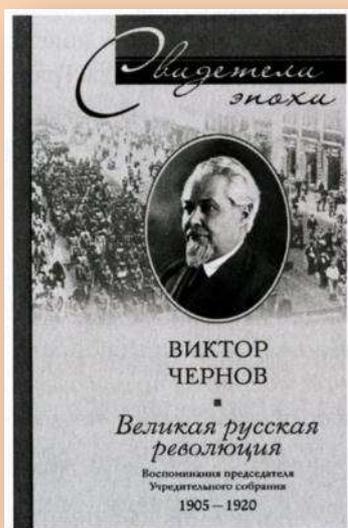
...

Ваша власть возшла как на дрожжах на явно обдуманном и злобном обмане... Но, когда власть в своем происхождении основывается на глубочайшей лжи, на нравственной фальши, то эта зараза пропитывает ее насквозь и тяготеет на ней до конца.

...

Моральное вырождение личного состава коммунистической партии - это логическое последствие того метода, которым добывали ей власть и упрочивали ее.

Виктор Чернов».

Вообще, Ленин и Троцкий никогда не думали о благе русского народа. В узком кругу своих единомышленников они считали: русский народ — это дрова для костра, на котором должна разгореться мировая революция.

Можно было не вспоминать все это, но, к сожалению, и сегодня мы на каждом шагу встречаемся с ЛОЖЬЮ — она мешает нам жить. А в армии, в офицерской среде, ее развитие смерти подобно.

⁴³ 5 января 1918 года по приказу большевиков расстреляна мирная демонстрация в защиту Учредительного Собрания, прошедшая в Петрограде.

6. Господа офицеры

6.1. «У России только два верных союзника — Армия и Флот»

Всем нам надо понять и помнить: офицеры всегда были — и в царской России, и в Советском Союзе, и сегодня — особым социальным слоем общества. Офицеры не имеют права и не могут заниматься какой-либо деятельностью с целью приобретения богатства, каких-то особых материальных благ и житейских удобств. По существу, офицеры — «пролетарии», они живут только на свою зарплату, а после выхода в отставку — на пенсию. Офицеры всецело зависят от государства, которое призваны защищать. В силу своего профессионального долга и социального положения в обществе офицеры всегда являлись и являются сегодня наиболее патриотической частью этого общества, подлинно государственными людьми.

Война — это суровый экзамен деятельности офицеров в мирное время. Бытует обывательское мнение, что в мирное время офицерам делать нечего, они ведут «сладкую жизнь». Но, во-первых, офицер всегда в ответе за своих подчиненных и поэтому фактически 24 часа в сутки он на службе. Во-вторых, от качества, интенсивности профессиональной работы офицера в мирное время зависит жизнь его подчиненных, его самого и, в конечном счете, победа.

Из всего сказанного следует: руководители государства, беспокоясь о его безопасности и благополучии народа, должны при всех обстоятельствах сохранять высокий социальный статус офицерской службы и обеспечивать достойное материальное положение офицеров. И никому не следует завидовать «высоким» зарплатам и пенсиям офицеров, красивой форме, каким-то небольшим привилегиям, связанным с особенностями воинской службы, если тебе это нравится — иди и служи Отечеству.

6.2. «Лейся, песня, на просторе...»

Когда-то Юрий Олеся сказал примерно так: «Писатели — это инженеры человеческих душ».

Так вот, основой профессии офицера, независимо от того, какими специальными знаниями он должен обладать, является психология, закономерности движения человеческих душ.

Как бы ни изменялись средства и способы борьбы, основой всех действий и достижения победы остается живой, реальный со всеми его особенностями человек. Познать человека не менее сложно, чем изучить самую современную сложную боевую военную технику.

Одна из главных постоянных задач офицера — обучение своих подчиненных. А подлинное обучение возможно только в том случае, когда сам командир, военачальник является живым примером того поведения, которое он хочет воспитать у подчиненных.

Отсюда важная, сложная особенность офицерской службы — всегда, и в мирное время, в повседневной жизни и службе, и в самых критических обстоятельствах боевых действий оставаться для подчиненных образцом высокоморального, достойного человеческого поведения.

Не бывает успешных командиров, военачальников, не обладающих высокими морально-нравственными устоями.

Оскорбление человеческого достоинства подчиненных, брань, угрозы, ссылки на объективные обстоятельства боевой обстановки — все это свидетельство несоответствия человека высоким требованиям офицерской службы.

Уж очень много требует от человека военная профессия. Воспитание такого идеального офицера — сложная системная задача — начинается с раннего детства и продолжается всю жизнь...

Кроме системного воспитания немалое значение для воспитания офицеров имеет и пример подлинно достойных талантливых командиров, военачальников, полководцев. Поэтому крайне важен правдивый объективный яркий рассказ о их жизненном пути. И чрезвычайно вредно восхваление в угоду «политической целесообразности» и конъюнктуры недостойных офицеров и военачальников. Это не только наносит вред делу воспитания личного состава, но и в целом вредит уровню профессиональной подготовки, поддержанию боеготовности войск армии и флота.

После этих высоких, но известных истин, вернемся к прозе повседневной жизни.

Недавно я обнаружил в своем архиве небольшую карманную тетрадку с записями понравившихся мне песен, стихов, изречений. На первой странице дата: 1943 год.

Удивительно, ведь шла война, и совершенно непонятно, откуда я мог это взять. Первая запись

— сказка Пушкина: «У Лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том. И днем, и ночью кот ученый все ходит по цепи кругом...»

Но вот следующая запись понятна: «Песня о Днепре» (музыка: М.Фрадкин. Слова: Е.Долматовский). Хорошо помню, летом 1943 года в Старобельске я впервые услышал эту суровую, по моему мнению, одну из лучших песен Великой Отечественной войны, ставшую путеводной звездой для многих тысяч бойцов и офицеров, пробивавшихся с боями к берегам Днепра.

Песня о Днепре

У прибрежных лоз, у высоких круч
И любили мы и росли.
Ой, Днепро, Днепро, ты широк, могуч,
Над тобой летят журавли.

Ты увидел бой, Днепр-отец река,
Мы в атаку шли под горой.
Кто погиб за Днепр, будет жить века,
Коль сражался он как герой.

Враг напал на нас, мы с Днепра ушли.
Смертный бой гремел, как гроза.
Ой, Днепро, Днепро, ты течёшь вдали,
И волна твоя как слеза.

Из твоих стремнин враг воду пьёт,
Захлебнётся он той водой.
Славный день настал, мы идём вперёд
И увидимся вновь с тобой.

Так вот, песня — важная составляющая духовного мира человека, всегда была и должна быть постоянным спутником армейской жизни.

В дореволюционной Русской армии было много прекрасных маршевых — походных, лирических, многоголосых и с присвистом, лихих песен. После революции мотивы многих из них использовались с другим текстом. Немало появилось хороших советских песен. Особенно много — в годы Великой Отечественной.

Приведу еще одну, лирическую, понравившуюся мне и записанную в 1945 году, когда уже веяли весенние ветры Победы, но впереди еще было много тяжелых боев — «В лесу прифронтовом» (Автор текста: М.Исаковский. Композитор: М. Блантер).

В лесу прифронтовом

*С берёз неслышен, невесом
Слетает жёлтый лист,
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.
Вздыхают, жалуясь, басы,
И, словно в забыты,
Сидят и слушают бойцы,
Товарищи мои.*

Под этот вальс весенним днём

*Ходили мы на круг,
Под этот вальс в краю родном
Любили мы подруг,
Под этот вальс ловили мы
Очей любимых свет,
Под этот вальс грустили мы,
Когда подруги нет.*

*И вот он снова прозвучал
В лесу прифронтовом,
И каждый слушал и молчал
О чём-то дорогом.
И каждый думал о своей,
Припомнив ту весну,
И каждый знал - дорога к ней
Ведёт через войну.*

*Пусть свет и радость прежних встреч
Нам светят в трудный час,
А коль придётся в землю лечь,
Так это ж только раз.
Но пусть и смерть в огне, в дыму
Бойца не утрашит,
И что положено кому
Пусть каждый совершит.*

*Так что ж, друзья, коль наш черёд,
Да будет сталь крепка!
Пусть наше сердце не замрёт,
Не задрожит рука.
Настал черёд, пришла пора,
Идём, друзья, идём!
За всё, чем жили мы вчера,
За всё, что завтра ждём.*

Многообразен духовный мир человека и многообразно воздействие на него песни. Она может и в бой повести, и поддержать в трудную минуту жизни, и развеселить, когда взгрустнулось, а хоровая, строевая песня сплачивает, сближает людей.

В связи с сказанным о многогранности человеческой души приведу еще одну запись из своей тетрадки.

Однажды мы заночевали в каком-то сербском доме, и на полке я увидел много книг русских классиков на русском языке. Гоголь, Пушкин, Лермонтов, даже Суворов — «Наука побеждать». Последняя меня заинтересовала, и я выписал два понравившихся мне фрагмента. Вот первый:

«...Упомянутый герой весьма отважен, но без запальчивости; расторопен с рассуждением; подчинённый, без унижения, начальник без излишней на себя надежды, победитель без тщеславия, любочестия без надменности, благороден без гордости, во всё гибок без лукавства, твёрд без упрямства, скромн без притворства, основателен без педантизма, приятен без легкомыслия, всегда одинаков и на всё способен без ухищрения; проникателен без проницательства, откровенен без оплошности, услужлив без всяких для себя выгод; решителен, убегая неизвестности; основательное рассуждение предпочитает он остроумию; враг зависти, ненависти и мщения; противников своих низлагает он своим снисхождением и владычествует над друзьями по своей непоколебимой верности. Он утомляет тело своё, дабы укрепить его больше...

Он не допускает никогда руководствоваться стечением различных обстоятельств, напротив, покоряет себе все случаи, действуя всегда по правилам своей прозорливости, готовой на всякую минуту».

Этот фрагмент — яркое свидетельство того, насколько глубоко наш великий полководец знал человеческую душу, насколько она многообразна и как тонко великий русский язык позволяет характеризовать ее грани.

Второй фрагмент:

«Учись заблаговременно прощать погрешности ближнему и никогда не прощай их самому себе. Упражняй тщательно своих подчинённых и во всём собою подавай пример!»

Этот фрагмент из работ Суворова, как молитва «Отче наш» для верующего человека, должен всегда быть в уме и сердце каждого офицера.

Армии современной России хорошие песни нужны, как воздух. К сожалению, иногда, когда по радио идет передача для солдат, раздается вместо песни такая «бормотуха», что становится стыдно за солдат, которых пытаются воспитывать на этих низкопробных поделках.

Надежда умирает последней, будем верить — появятся у нас хорошие и разные военные песни.

А закончим книгу нашей современной песней Олега Газманова

Господа офицеры

*Господа офицеры, по натянутым нервам
Я аккордами веры эту песню пою.
Тем, кто, бросив карьеру, живота не жалея,
Свою грудь подставляет за Россию свою.*

*Тем, кто выжил в Афгане, свою честь не изгадив,
Кто карьеры не делал от солдатских кровей.
Я пою офицерам, матерей пожалевшим,
Возвратив им обратно живых сыновей.*

Припев:

*Офицеры, офицеры, ваше сердце под прицелом,
За Россию и свободу - до конца!
Офицеры, россияне, пусть свобода воссияет,
Заставляя в унисон звучать сердца.*

*Господа офицеры, как сберечь вашу веру?
На разрытых могилах ваши души хрипят.
Что ж мы, братцы, наделали, не смогли уберечь их.
И теперь они вечно в глаза нам глядят.*

*Вновь уходят ребята, растворяясь в закатах,
Позвала их Россия, как бывало не раз.
И опять вы уходите, может, прямо на небо,
И откуда-то сверху прощаете нас.*

*Так куда ж вы уходите? Может, прямо на небо,
И откуда-то сверху прощаете нас.*

Припев:

*Офицеры, офицеры, ваше сердце под прицелом.
За Россию и свободу - до конца!*

*Офицеры, россияне, пусть свобода воссияет,
Заставляя в унисон звучать сердца.*

Приложение

Послесловие

Матияевич А.С.

В Испань и обратно

(Путевые заметки)

Шагай, Малыш! Вперед — к звездам
и к достойной жизни на планете Земля.

Рисунок лётчика-космонавта СССР, дважды Героя Советского Союза генерал-майора
авиации Владимира Александровича Джанибекова